

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 0130-3864

В НОМЕРЕ:

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ТИПОГРАФИЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО
ИСКУССТВА И ПРОСВЕЩЕНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII века.
К 300-летию Российской академии наук

ЭДВАРД БЕНЕШ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКЕ США,
1945–1948 годы

МЕДИАНАРРАТИВЫ В СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ
(на примере Хабаровского процесса 1949 года)

СУДЬБА ПРОЕКТА ОБЪЕДИНЕННОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ:
ДОЛГОЖДАННОЕ ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ЗАКОНОМЕРНОЕ
РАЗРУШЕНИЕ ПАНАРАБСКОГО ГОСУДАРСТВА

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЫБОР СТРАН ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ:
ОЖИДАНИЯ МОСКВЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

«ЧЕЛОВЕК ИЗ МОСКВЫ»: КЕННЕТ КОМА И ОТНОШЕНИЯ СССР
С БОТСВАНОЙ В 1960-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1970-х годов

«ФРАНСАФРИК» В ДЕРЖАВНОЙ ПОЛИТИКЕ ФРАНЦИИ:
СТАНОВЛЕНИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ, КРИЗИС (1960–2023)

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ О ПОЗИЦИИ АФРИКАНСКИХ СТРАН В ОТНОШЕНИИ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В НИГЕРИИ (1967–1970)
И О МИРОТВОРЧЕСТВЕ ОАЕ

ХАЛИФАТ И «МЕЧТА-ВОСПОМИНАНИЕ»
ОБ ИСЛАМСКОМ ГОСУДАРСТВЕ-ЦИВИЛИЗАЦИИ

2
2024

УДК 94(100)"15/21"(082)
ББК 63.3(0)5я43+63.3(0)6я43

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК**

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

**№ 2
МАРТ–АПРЕЛЬ**

2024

**ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД**

**УЧРЕДИТЕЛИ:
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ
ИСТОРИИ РАН**

Главный редактор В.С. Мирзеханов

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**Одд Арне Вестаг (США), А.Б. Давидсон (Россия), Штефан Карнер (Австрия),
Николаус Катцер (Германия), Доминик Ливен (Великобритания), Г.Ф. Матвеев (Россия),
В.С. Мясников (Россия), В.В. Наумкин (Россия),
Рольф Тоштендаль (Швеция), А.О. Чубарьян (Россия)**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Йорг Баберовски (Германия), Л.С. Белоусов (Россия), Д.М. Бондаренко (Россия),
В.И. Журавлева (Россия), Владислав Зубок (Великобритания), Суви Кансикас (Финляндия),
С.Я. Карп (Россия), М.А. Липкин (Россия), Леонид Люкс (Германия),
А.Г. Матвеева, зам. главного редактора (Россия),
В.С. Мирзеханов, главный редактор (Россия), Мари-Пьер Рей (Франция),
Дональд Рейли (США), Л.П. Репина (Россия), И.М. Савельева (Россия),
Е.Ю. Сергеев (Россия), В.В. Согрин (Россия), Грегори Фриз (США), Б.Л. Хавкин (Россия),
П.П. Черкасов (Россия), Франтишек Штелльнер (Чехия)**

Ответственный секретарь И.А. Фадеев

*Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32А
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru*

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

№ 2
MARCH – APRIL
2024

ESTABLISHED IN MAY, 1957
PUBLISHED SIX TIMES A YEAR

ESTABLISHED BY
THE RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES

Editor-in-Chief **Velikhan Mirzekhanov**

EDITORIAL OF EDITORS

Aleksander Chubaryan (Russia), **Apollon Davidson** (Russia), **Stefan Karner** (Austria),
Nikolaus Katzer (Germany), **Dominic Lieven** (United Kingdom),
Gennadiy Matveev (Russia), **Vladimir Myasnikov** (Russia), **Vitaliy Naumkin** (Russia),
Rolf Torstendahl (Sweden), **Odd Arne Westad** (USA)

EDITORIAL BOARD

Jörg Baberowski (Germany), **Lev Belousov** (Russia), **Dmitriy Bondarenko** (Russia),
Petr Cherkasov (Russia), **Gregory Freeze** (USA), **Suvi Kansikas** (Finland), **Sergey Karp** (Russia),
Boris Khavkin (Russia), **Michail Lipkin** (Russia), **Leonid Luks** (Germany),
Anna Matveeva, Deputy Editor-in-Chief (Russia), **Velikhan Mirzekhanov**, Editor-in-Chief (Russia),
Donald Raleigh (USA), **Lorina Repina** (Russia), **Marie-Pierre Rey** (France), **Irina Saveleva** (Russia),
Yevgeny Sergeyev (Russia), **Vladimir Sogrin** (Russia), **František Stellner** (Czech Republic),
Victoria Zhuravleva (Russia), **Vladislav Zubok** (United Kingdom)

Secretary **Ivan Fadeyev**

Editorial Office Address: 119334, Moscow, Leninskiy Prospekt, 32A
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Нагорных О.С., Шок Н.П. Медианарративы в социальной истории медицины (на примере Хабаровского процесса 1949 года)	5
Чернега В.Н. «Франсафрик» в державной политике Франции: становление, эволюция, кризис (1960–2023)	19

НОВОЕ ВРЕМЯ

Федосеенков Н.Н. Академическая типография в истории русского искусства и просвещения первой половины XVIII века. К 300-летию Российской академии наук	32
Аксенова М.Д. Кредитная история Н.П. Панина (1770–1837)	40

XX ВЕК

Зорин А.В. Эдвард Бенеш в дипломатической переписке США, 1945–1948 годы	54
Орлов И.А. Судьба проекта Объединенной Арабской Республики: долгожданное возникновение и закономерное разрушение панарабского государства	69
Балезин А.С. Социалистический выбор стран Восточной Африки: ожидания Москвы и реальность	86
Воеводский А.В. «Человек из Москвы»: Кеннет Кома и отношения СССР с Ботсваной в 1960-х – первой половине 1970-х годов	101
Мазов С.В. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации о позиции африканских стран в отношении гражданской войны в Нигерии (1967–1970) и о миротворчестве ОАЕ	114
Боркунов Н.В. Дискуссии на страницах журнала Cheche и модернизация в Танзании (1967–1970)	132

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ

Наумкин В.В., Кузнецов В.А. Халифат и «мечта-воспоминание» об исламском государстве-цивилизации	144
Шалом В.В. Вспоминая апартхейд: южноафриканское студенческое движение #FeesMustFall в середине 2010-х годов	159

ПУБЛИКАЦИИ

Фадеев И.А., Паламарчук А.А. Литургия как инструмент конфессиональной идентификации: Уильям Лод и проблема «иностранных церквей» в Англии	174
---	-----

СООБЩЕНИЯ

Соколов М.М. Российские историки: структура профессионального сообщества	196
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Орлов А.А. Становление консервативной идеологии в Англии в начальный период «ганно-веррианского века» (М.А. Ковалёв. У истоков консерватизма в Англии. Общественно-политические взгляды ранних тори (1714–1760 гг.). СПб., 2024)	215
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Богдашкин А.А., Теплухин В.В. Конференция по проблемам фашизма и милитаризма в Воронеже	219
Памяти ушедших Памяти А.И. Попова (1953–2022)	222

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY OF HISTORY

- Nagornykh O.S., Shok N.P.** Media Narratives in the Social History of Medicine: the Case Study of the 1949 Khabarovsk Trial 5
- Chernega V.N.** “Françafrika” in French Power Politics: Formation, Evolution, Crisis (1960–2023)..... 19

MODERN HISTORY

- Fedoseenkov N.N.** Academic Typography in the History of Russian Art and Enlightenment in the First Half of the Eighteenth Century. In honour of the 300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences 32
- Aksenova M.D.** Credit History of Nikita Panin (1770–1837) 40

TWENTIETH CENTURY

- Zorin A.V.** Edvard Beneš in American Diplomatic Correspondence, 1945–1948 54
- Orlov I.A.** The Fate of the United Arab Republic Project: Long-Awaited Emergence and Natural Destruction of the Pan-Arab State 69
- Balezin A.S.** The Socialist Choice of East African Countries: Moscow’s Expectations and Reality..... 86
- Voevodskiy A.V.** “The Man from Moscow”: Kenneth Koma and the USSR’s relations with Botswana in the 1960s – the first half of the 1970s 101
- Mazov S.V.** Documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation on the Position of African Countries Towards the Nigerian Civil War (1967–1970) and on the OAU’s Peacemaking 114
- Borkunov N.V.** Discussions in “Cheche” Magazine and Modernisation in Tanzania (1967–1970) 132

CONTEMPORARY HISTORY

- Naumkin V.V., Kuznetsov V.A.** Caliphate and the “Dream-Memory” of the Islamic State-Civilization.. 144
- Shalom V.V.** Remembering the Apartheid Past: The South African Student-led Protest Movement #FeesMustFall in the Middle of the 2010s 159

ANALYSING ORIGINAL DOCUMENTS

- Fadeyev I.A., Palamarchuk A.A.** Liturgy as an Instrument of Confessional Identification: William Laud and the Challenge of ‘Foreign Churches’ in England 174

MESSAGES

- Sokolov M.M.** Historians in Russia: The Structure of a Professional Community..... 196

REVIEWS

- Orlov A.A.** The Formation of Conservative Ideology in England in the Early Period of the “Hannoverian Age” (M.A. Kovalev. At the Origins of Conservatism in England. Social and Political Views of the Early Tories (1714–1760). Saint-Petersburg, 2024) 215

ACADEMIC LIFE

- Bogdashkin A.A., Teplukhin V.V.** Conference on Fascism and Militarism in Voronezh 219
- In Memoriam*
- In memory of A.I. Popov (1953–2022)..... 222

DOI: 10.31857/S0130386424010017

© 2024 г. О.С. НАГОРНЫХ, Н.П. ШОК

МЕДИАНАРРАТИВЫ В СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ (на примере Хабаровского процесса 1949 года)

Нагорных Ольга Станиславовна — кандидат исторических наук, доцент Приволжского исследовательского медицинского университета (Нижний Новгород, Россия).

E-mail: aldan12@yandex.ru

Scopus Author ID: 57202028493; ORCID: 0000-0003-1520-1502; Researcher ID: AAO-4811-2021

Шок Наталия Петровна — доктор исторических наук, профессор Приволжского исследовательского медицинского университета (Нижний Новгород, Россия).

E-mail: Shok.nataliya@gmail.com

Scopus Author ID: 57193203383; ORCID: 0000-0002-0713-7507; Researcher ID: K-6360-2016

Аннотация. Статья посвящена исследованию медианарративов прошедшего в декабре 1949 г. в Хабаровске трибунала над японскими врачами, признанными военными преступниками, причастными к разработке и применению бактериологического оружия, а также проведению на людях медицинских экспериментов, несовместимых с нормами морали и этики медицины. Цель статьи — исследовать Хабаровский процесс в широком контексте социальной истории науки с использованием отечественных архивных материалов, опубликованных воспоминаний очевидцев и участников процесса, а также периодических изданий (преимущественно региональных) как основных исторических источников. Комплексное изучение данного сюжета позволило посредством анализа медианарративов дополнить историографию материалами дальневосточного региона, позволившими отобразить не только исторический контекст, но и восстановить малоисследованные аспекты информирования советского общества о Хабаровском процессе, выявить международный резонанс на это событие. Данный анализ не только позволяет значительно расширить исследования в области социальной истории медицины, но и представляет важный ресурс для развития исследований по истории памяти, связанных с историей науки и технологий.

Ключевые слова: медицина, Вторая мировая война, социальная история, военные преступления, врачи, военные преступники, военные трибуналы, периодическая печать, история памяти, Дальний Восток, Япония, Хабаровский процесс, СССР, бактериологическое оружие.

O.S. Nagornykh, N.P. Shok

Media Narratives in the Social History of Medicine: the Case Study of the 1949 Khabarovsk Trial

Olga Nagornykh, Privolzhsky Research Medical University (Nizhny Novgorod, Russia).

E-mail: aldan12@yandex.ru

Scopus Author ID: 57202028493; ORCID: 0000-0003-1520-1502; Researcher ID: AAO-4811-2021

Nataliya Shok, Privolzhsky Research Medical University (Nizhny Novgorod, Russia).

E-mail: Shok.nataliya@gmail.com

Scopus Author ID: 57193203383; ORCID: 0000-0002-0713-7507; Researcher ID: K-6360-2016

Abstract. In the article, the authors explore media narratives of the tribunal held in December 1949 in Khabarovsk over Japanese doctors recognized as war criminals involved in the development and use of bacteriological weapons, as well as conducting medical experiments on humans that are incompatible with the norms of morality and ethics of medicine. The purpose of the article is to explore the Khabarovsk process in the broad context of the social history of science using domestic archival materials, published memoirs of eyewitnesses and participants in the process, as well as periodic publications (mainly regional) as the main historical sources. A comprehensive study of this plot made it possible, through the analysis of media narratives, to supplement historiography with materials from the Far Eastern region, which allowed us to select not only the historical context, but also to restore little-studied aspects of informing Soviet society about the Khabarovsk process, to identify international resonance for this event.

Keywords: medicine, the Second World War, social history, war crimes, physicians, war criminals, military tribunals, periodicals, history of memory, the Far East, Japan, Khabarovsk trial, USSR, bacteriological weapons.

Устойчивый интерес к истории науки обуславливает актуальность обращения ко многим сюжетам с точки зрения их социального, культурного и политического измерения. История войн и послевоенных судебных процессов над врачами, отнесенными к военным преступникам, составляет значительную часть социальной истории медицины и обладает эвристическим потенциалом для развития исследований в этой области. В свою очередь, медицина как наука и как область социальной деятельности человека в XX в. наполнена потрясениями и изобилует этическими вызовами. К числу подобных можно отнести Хабаровский судебный процесс 1949 г., организованный по делу бывших японских военнослужащих-врачей, являвшихся сотрудниками секретных подразделений Квантунской армии, проводивших научно-медицинские эксперименты с участием человека.

Реконструкция деятельности отрядов № 731, 100, 516, 526, 1644 и подобных подразделений, созданных в составе Императорской армии Японии с целью проведения экспериментов в области оружия массового уничтожения, прежде всего бактериологического, может интерпретироваться и с точки зрения их роли в формировании этики медицины и профессионального статуса врача и врача-исследователя. В судебной практике того времени крайне мало свидетельств столь масштабных нарушений, связанных с биомедициной и нравственными установками медицинского работника.

Нельзя игнорировать исторический контекст и идеологическую сторону действий СССР при осложнении отношений с бывшими союзниками по Антигитлеровской коалиции и ориентации на сотрудничество и поддержку коммунистического Китая. В. Полунина в работе, посвященной анализу роли СССР и процедуре организации Токийского и Хабаровского процессов, рассматривает этот исторический сюжет с позиции истории пропаганды периода холодной войны, что характерно для западной историографии. Она утверждает, что «наиболее важные пропагандистские цели Советов — убедить международное сообщество в том, что Советский Союз был единственной державой, заинтересованной в восстановлении справедливости по отношению к жертвам японской оккупации, в предотвращении распространения «американского империализма» и ремилитаризации Японии, а также защите своих союзников от нападений и новой колонизации»¹.

Несмотря на то что в отношении немецких врачей в ходе Нюрнбергского международного трибунала 1945–1946 гг. уже проводилось расследование, участие СССР в нем было минимальным. Это было дело «США против Карла Брандта»², или процесс против 23 врачей и ученых, обвиняемых в том, что они приняли участие в заговоре и осуществляли преступления против человечества. По мнению СССР, такой формат не позволил придать процессу необходимой

¹ Polunina V. From Tokyo to Khabarovsk: Soviet War Crimes Trials in Asia as Cold War Battlefields // War Crimes Trials in the Wake of Decolonization and Cold War in Asia, 1945–1956. Justice in Time of Turmoil / ed. K. von Lingen. Cham, 2016. P. 241.

² Лейб-медик А. Гитлера, имперский комиссар здравоохранения, член Имперского научно-исследовательского совета.

международной огласки. Он проводился американской администрацией и, как отмечалось на заседании 9 декабря 1946 г., «обвинение подсудимым предоставляется от имени Соединенных Штатов Америки»³. У советских лидеров сложилось двойственное отношение и к Токийскому процессу⁴: в целом, одобрив его результаты, советская сторона осталась неудовлетворенной, не говоря уже о масштабах критики в адрес западных союзников и США, которые осуществляли тотальный контроль над трибуналом, а японские врачи так и не получили должного наказания.

Организация и проведение 25–30 декабря 1949 г. в здании Дома офицеров в Хабаровске трибунала над японскими военными преступниками (военными и врачами) неоднократно привлекало исследовательское внимание историков⁵. Нюрнбергский процесс⁶ и Токийский трибунал⁷, несмотря на поднятые вопросы о преступлениях врачей, в отличие от Хабаровского процесса, не столь явно акцентировали внимание на медицинском содержании обвинений.

Судебное разбирательство в Хабаровске — единственный судебный процесс, который был полностью посвящен японской программе создания биологического оружия военного времени и имел явно выраженную региональную специфику. Выбор приграничного Хабаровска для проведения масштабного процесса был обусловлен несколькими факторами. Во-первых, согласно плану «Кантокуэн», именно Хабаровск должен был одним из первых подвергнуться бактериологической атаке⁸. Во-вторых, территориальная отдаленность затруднила допуск большого числа иностранных наблюдателей и репортеров. В-третьих, место проведения судебного процесса находилось рядом с крупнейшей лабораторией по исследованию человека в непосредственной близости от советско-китайской границы, в частности к Харбину, что имело символическое значение для китайских жертв биологического оружия. Отметим, что непосредственные организаторы (переводчики, юристы, аккредитованные журналисты) преимущественно набирались именно с Дальнего Востока.

Значимые тренды отечественной и зарубежной историографии, раскрывающие различные подходы к освещению процесса, позволяют извлечь наиболее репрезентативные сюжеты.

Фонды Государственного архива Хабаровского края (ГАХК) содержат уникальные документы по смежным темам: о нахождении и положении на территории СССР, в том числе на Дальнем Востоке, японских военнопленных, особенности их пребывания, медицинской помощи в условиях лагерного содержания, организации лечения в условиях острой нехватки медицинского персонала и пр.⁹.

В историографии проблемы можно выделить четыре направления освещения данного исторического события. Во-первых, уже в 1950 г. Государственным политическим издательством (тираж 50 тыс. экземпляров) были опубликованы официальные материалы Хабаровского процесса, документы предварительного следствия, самого судебного разбирательства, речи

³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 8009. Оп. 1. Д. 646 а. Л. 9.

⁴ Международный военный трибунал для Дальнего Востока, проходивший с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г. над японскими военными преступниками. В ходе процесса советской стороной были выявлены факты создания и применения Японией бактериологического оружия, подготовки специальных воинских команд для заражения бактериями населения.

⁵ См., например: Богач В.В., Иванов Л.И., Иванов Н.А. Работа комиссии экспертов-медиков на судебном процессе по делу бывших военнопленных японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия // Дальневосточный медицинский журнал. 2004. № 4. С. 106–110; Рудаков Д.П., Степанова Е.А. Японская военно-биологическая программа в 1932–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2015. № 10. С. 47–52; Тупицын А.В. Хабаровский процесс 1949 года // Научный альманах. 2018. № 11–3 (49). С. 183–186; Аленко А.В. Хабаровский процесс 1949 года и нечеловеческие эксперименты над людьми в бактериологическом отряде № 731 японской Квантунской армии // Культура и наука Дальнего Востока. 2019. № 1 (26). С. 63–70.

⁶ См., например: Александров Г.Н. Нюрнберг вчера и сегодня. М., 1971; Звягинцев А.Г. Без срока давности... к 70-летию Нюрнбергского военного трибунала. М., 2016.

⁷ См., например: Дубровский Д. Токийский процесс // Дальний Восток. 1949. № 1. С. 108–114; Звягинцев А.Г. Ветер возмездия. Уроки Токийского международного военного трибунала. М., 2019.

⁸ Богач В.В., Беседнова Н.Н. Биотерроризм: мифы и реальность. Хабаровск, 2003. С. 191.

⁹ Государственный архив Хабаровского края (далее — ГАХК). Ф. П. 35. Оп. 1. Д. 1865; Оп. 3. Д. 236, 237.

государственного обвинителя и защиты, документальные доказательства, протоколы и пр.¹⁰. Почти сразу Государственным издательством иностранной литературы («Иноиздат») материалы Хабаровского процесса были опубликованы также на английском¹¹, французском¹², немецком¹³, китайском¹⁴, японском¹⁵, корейском¹⁶ и других языках. Быстрый перевод и публикация материалов придавали публичность процессу и были призваны ознакомить мировую общественность с его результатами. Именно эта активность истолковывалась зарубежной историографией как часть советской пропаганды. Центральным же посылом советской стороны было привлечение внимания к ведущей роли Советского Союза в разгроме Японии и к угрозе бактериологической войны. К данному направлению можно отнести и проект Российского исторического общества «Без срока давности. Преступления нацистов и их пособников против мирного населения в период Второй мировой войны», целью которого является создание электронной библиотеки исторических документов, посвященных в том числе и Хабаровскому процессу.

Во-вторых, интересны переведенные мемуарные источники и опубликованные позднее фрагменты воспоминаний участников процесса с советской стороны. Отдельное внимание заслуживает личность старшего переводчика Хабаровского процесса, автора ряда книг о Японии и Китае Г.Г. Пермякова, назначенного на должность старшего переводчика УМВД в лагерь высокопоставленных японских военнопленных («Спецобъект-45»), где содержались в том числе последний главнокомандующий Квантунской армией генерал Ямадо Отодзоо, три генерала-микробиолога Кадзицука, Кавасима, Такахаси, позднее ставшие подсудимыми на процессе. Интересны авторские заметки «Ямада и другие» известного дальневосточного писателя, аккредитованного на процессе журналиста Д. Нагишкина (в ГАХК хранится фонд личного происхождения журналиста¹⁷). Эти заметки публиковались, как правило, в газете «Суворовский натиск» в разделе «Из зала суда». Главный редактор журнала «Дальний Восток» Н. Рогаль уже в 1950 г. опубликовал статью, где постарался раскрыть всю тяжесть и последствия преступлений против человечества, используя истории очевидцев¹⁸.

Среди опубликованных и переведенных на русский язык иностранных источников можно выделить книги Х. Акиямы¹⁹ и С. Моримур²⁰, рассказывающие об опытах в бактериологических отрядах.

В-третьих, речь идет о периодических изданиях. Центральные, и особенно местные, средства массовой информации предоставляли подробные отчеты из зала суда с обширными комментариями: «Известия», «Правда», «Тихоокеанская звезда», «Суворовский натиск», «Красное знамя», «Амурская правда» и др. Периодика, преимущественно газеты, относятся к числу наиболее эффективных институций, интерпретирующих события процесса²¹. В советских газетах публи-

¹⁰ Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950.

¹¹ Materials on the Trial of Former Servicemen of the Japanese Army Charged with Manufacturing and Employing Bacteriological Weapons. Moscow, 1950.

¹² Documents relatifs au proces des anciens Militaires de l'armee Japonaise accuses d'avoir prepare et employe l'Arme Bacteriologique. Moscou, 1950.

¹³ Prozessmaterialien in der Strafsache gegen ehemalige Angehörige der Japanischen Armee wegen Vorbereitung und Anwendung der Bakterienwaffe. Moskau, 1950.

¹⁴ См.: 前日本陸軍軍人因准备和使用細菌武器被控案审判材料. 莫斯科, 1950.

¹⁵ 細菌戦用兵器ノ準備及ビ使用ノ廉デ起訴サレタ元日本軍軍人ノ事件ニ関スル公判書. 外国語図書出版所, 1950.

¹⁶ 세균 무기를 준비하고 사용한다고 비난받은 일본 육군의 전 군인의 재판 자료. 모스크바, 1950.

¹⁷ ГАХК. Ф. Р-1745. Оп. 1. Д. 55.

¹⁸ Рогаль Н. Японские военные преступники и их американские покровители // Дальний Восток. 1950. № 2. С. 115–123.

¹⁹ Акияма Х. Особый отряд 731 / пер. с япон. М.А. Гусева, В.А. Зломанова и др. М., 1958. Фамилия автора — псевдоним участника бактериологического отряда в Маньчжурии.

²⁰ Моримура С. Кухня дьявола. М., 1983.

²¹ Брукс Д. «Людей, которые не читают газет, надо морально убивать на месте» // Советская власть и медиа / под ред. Х. Гюнтера, С. Хэнсен. СПб., 2006. С. 228.

ковались также репринты заметок иностранных газет, что свидетельствует и о международном резонансе.

В-четвертых, визуальный контент также является важным и актуальным в восприятии данного события. Интеграция большой массы повествовательного текста в визуальное пространство приводит к существенному сдвигу в понимании самого текста²². Не случайно после окончания процесса выходили книги с большим количеством иллюстративного фотографического материала²³. Огромное значение имеют действующие в настоящее время на территории КНР музейные комплексы. Научный обзор экспонатов этих музеев с представлением фотоматериала был проведен в работе хабаровского профессора А.В. Алепо²⁴.

Есть немало работ отечественных исследователей, занимавшихся данной проблематикой²⁵. Интересны работы В.В. Романовой²⁶, которая на основании отечественных архивов исследовала вопросы организации и проведения Хабаровского процесса, а также попытки организации нового трибунала на Дальнем Востоке. Дальневосточный историк Д.В. Кузнецов опубликовал монографию по истории Хабаровского процесса²⁷, проведя историческую реконструкцию деятельности бактериологического отряда № 731 на основе отечественных и китайских²⁸ материалов.

Есть и зарубежные исследования о Хабаровском процессе²⁹. Следует выделить работы профессора Университета штата Калифорния Ш.Х. Харриса, давшего подробную характеристику программы по созданию бактериологического оружия, которую стремилась реализовать Япония. Особенно раскрывается роль, которую сыграли американские военные и гражданские чиновники в деле защиты наиболее значимых японских ученых, имевших причастность к реализации данной программы³⁰.

Отдельным направлением медианарративов данного исторического события можно считать роль и значение СМИ: местная периодика публиковала, во-первых, официальную информацию, во-вторых, репринты заметок иностранных газет, а также пропагандистские карикатуры и выдержки, в первую очередь из газеты «Жэньминь жибао». Китайская пресса оценивала

²² Гройс Б. Фотография в контексте текста // Там же. С. 225.

²³ Например: Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985.

²⁴ Алепо А.В. Указ. соч.

²⁵ Рогинский М.Ю., Розенблит С.Я., Смирнов Л.Н. Бактериологическая война — преступное оружие империалистической агрессии: Хабаровский процесс японских военных преступников. М., 1950; Рогинский М.Ю. Милитаристы на скамье подсудимых: по материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985; Бондаренко Е.Ю. Судьбы пленных. Токийский и Хабаровский международные процессы над японскими военными преступниками и последствия // Россия и АТР. 1993. № 1. С. 117–123; Супотницкий М.В. Чума от дьявола в Китае (1933–1945) // Очерки истории чумы: в 2-х кн. Кн. 1. Чума добактериологического периода. М., 2006.

²⁶ Романова В.В. От Токийского суда к Хабаровскому: из истории подготовки судебного процесса над японскими военными преступниками-бактериологами // История медицины. 2015. Т. 2. № 1. С. 72–82; Ее же. Отряд 731 // Родина. 2015. № 12. С. 116–120.

²⁷ Кузнецов Д.В. Оружие дьявола...; Его же. Хабаровский процесс 1949 г. // URL: kuznetsov.ucoz.org/publications/khabarovskij_process_1949_goda.doc (дата обращения: 20.07.2023).

²⁸ Chinese Central Archive. Selected Archival Materials of Japanese Imperialist Aggression against China: Biological Warfare and Poison Gas Warfare. Beijing, 1989.

²⁹ Tsuchiya T. The Imperial Japanese Experiments in China // The Oxford Textbook of Clinical Research Ethics / eds J. Ezekiel, E.J. Emmanuel et al. Oxford, 2008. P. 31–45; Nie J., Tsuchiya T., Li L. Japanese Doctors' Experimentation, 1932–1945, and Medical Ethics // The Cambridge World History of Medical Ethics / eds R.B. Baker, L.B. McCullough. Cambridge, 2009. P. 589–594; The Crimes of Unit 731 // URL: <https://www.nytimes.com/1995/03/18/opinion/thecrimes-of-unit-731.html> (дата обращения: 03.07.2023).

³⁰ Harris Sh.H. Japanese Biological Warfare Research on Humans: A Case Study of Microbiology and Ethics // Annals of the New York Academy of Sciences. Vol. 666. The Microbiologist and Biological Defense Research: Ethics, Politics and International Security. 1992. December. P. 21–52; Idem. Factories of Death: Japan's Secret Biological Warfare Projects in Manchuria and China 1932–45. London; New York, 1993; Idem. Factories of Death: Japanese Biological Warfare, 1932–45 and the American Cover-Up. New York, 1994; Idem. Japanese Biomedical Experimentation During the World-War-II Era // Military Medical Ethics. Vol. 2. Washington, 2003. P. 463–506.

Хабаровский судебный процесс как «проявление дружбы советского народа к китайскому народу» и «предупреждение англо-американским поджигателям войны», пытающимся использовать биологическое оружие, чтобы поставить под угрозу мир на Дальнем Востоке и во всем мире. «Женьминь жибао» указывала, что эпидемия чумы, начавшаяся после окончания войны с Японией, есть результат распространения микробов с баз на территории Маньчжурии. Отмечая справедливость инициированного Советским Союзом трибунала, редакция газеты информировала, что «японские захватчики создали огромную силу для ведения бактериологической войны против Китая... Много беззащитных китайских и советских людей погибло, когда эти преступники использовали их вместо морских свинок при производстве и испытании действий смертоносных микробов»³¹. Процесс, направленный не только на защиту Дальнего Востока, но и на обеспечение стабильности и мира не мог не вызывать у китайского населения одобрения: «Мы, китайский народ, проживший восемь тяжелых лет войны с японцами, одобряем этот справедливый акт со стороны нашего великого дружественного соседа — Советского Союза!»³². При этом оговаривалось, что стремление к сотрудничеству выражал именно коммунистический Китай. Заместитель министра иностранных дел КНР Ли Кэ-нун направил поверенному в делах СССР в Китае П.А. Шибаеву ноту одобрения и поддержки действий Военного трибунала Приморского военного округа, где было сказано, что в ближайшее время в Китае будет сформирован специальный Военный суд, который проведет процесс над пятью главными преступниками бактериологической войны во главе с императором Японии Хирохито.

Инициатива Советского Союза не нашла одобрения у западных союзников. Как известно, нота советского правительства от 3 февраля 1950 г. правительствам США, Великобритании и Китая³³ с инициативой создать Международный военный трибунал с целью наказания японских военных преступников, причастных к разработке бактериологического оружия, была поддержана исключительно китайским правительством. Как писала китайская пресса: «Только империалистическое правительство, которое стремится восстановить японский империализм... может отвергнуть этот справедливый призыв... и продолжать укрывать военного преступника императора Японии»³⁴. Более того, на страницах дальневосточной периодики были сделаны репринты выдержек из китайских газет «Гуанмин жибао», «Дачжун жибао», «Дунбей жибао», приводящих авторитетные мнения относительно предложения СССР: председателя подготовительного комитета по созданию пекинского совета профсоюзов Сяо Мин, заместителя председателя подготовительного комитета по пекинской ассоциации демократической молодежи Ян Бочень, председателя подготовительного комитета по созданию пекинской торгово-промышленной ассоциации Фу Нью-Дин, исполняющего обязанности ректора Яньцзинского университета Линь Ха-Да, председателя Тяньцзиньской ассоциации женщин Ло Юнь и др.

Любопытными являются упоминания событий Хабаровского процесса в японских газетах (в частности, «Акахата»). Так, по данным агентства Синхуа, во всех японских газетах 25 декабря 1949 г. была опубликована информация о судебном процессе против бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. При этом китайская пресса, со ссылкой на агентство Юнайтед пресс, приводит заявление главнокомандующего оккупационными войсками союзников генерала Д. Макартура, что «химический отдел штаба провел полное расследование и не смог обнаружить каких-либо данных, свидетельствующих о применении Японией бактериологического оружия»³⁵. На излете холодной войны

³¹ Китайская газета о судебном процессе по делу бывших военнослужащих японской армии // Тихоокеанская звезда. 3.I.1950. С. 4.

³² Китайская печать о Хабаровском процессе японских военных преступников // Тихоокеанская звезда. 8.I.1950. С. 4.

³³ Нота правительства СССР правительствам США, Великобритании и Китая // Правда. 3.II.1950. С. 4.

³⁴ Там же.

³⁵ Отклики в Японии на судебный процесс над бывшими военнослужащими японской армии // Тихоокеанская звезда. 3.I.1950. С. 4.

зарубежная историография все-таки стала публиковать материалы, посвященные японским военным преступлениям с использованием бактериологического оружия³⁶.

Китайская общественность расценила данное заявление как явное покровительство американского правительства японским военным, на что и было обращено внимание Советского Союза. В первой половине февраля 1950 г. в японских газетах появились сведения, что австралийское правительство решило освободить большое число японских военных преступников, которых должен был судить австралийский трибунал. Токийский корреспондент сиднейской газеты «Санди Сан» и мельбурнской газеты «Геральд» Р. Хьюз передал, что «20 февраля 1950 г. в Токио будут освобождены по меньшей мере 90 японских военных преступников, обвиняемых в убийствах, пытках, казнях и других зверствах на островах Новая Гвинея и Новая Британия»³⁷. Указывалось, что австралийские следователи имели обширную доказательную базу, по свидетельствам многих международных наблюдателей, достаточную для проведения и вынесения справедливого вердикта, однако организация процесса была приостановлена, что решение федерального правительства не передавать суду японцев (несмотря на явные доказательства их преступлений против военных, мирных жителей, туземцев, миссионеров) принято под сильным давлением американцев. Осуждая решение правительства, прогрессивная австралийская пресса в редакционных статьях открыто говорила, что японские преступники освобождены по приказу генерала Макартура, «который хочет, чтобы японские военные преступники стали союзниками Австралии в войне против СССР»³⁸.

Фактическими доказательствами причастности японских правительственных кругов к разветвлению бактериологической диверсии, по данным прессы, можно считать публикацию в газете «Акахата» о том, что после капитуляции Японии один из главных обвиняемых на процессе генерал-лейтенант Сиро Исии заявил: «В специальных бактериологических частях японской армии служили также принцы Микаса и Такеда (под именем Спадумята)». Здесь же была опубликована беседа с бывшими сотрудниками «японской специальной строительной компании» Фуруя, которая занималась строительством в Маньчжурии объектов для организации бактериологических опытов³⁹.

По сообщениям из Токио, во всех японских газетах 25 декабря 1949 г. была опубликована информация о судебном процессе. После его завершения на страницах газеты «Акахата» появился комментарий: «Показанные на процессе ужасы войны требуют от нас усиления борьбы за мир. Поджигатели войны снова начали пропаганду... Задача рабочего класса... добиться заключения общего мирного договора, который обеспечит мир и безопасность странам Азии»⁴⁰.

Анализ корпуса материалов — воспоминания участников событий, публикации в газетах, аналитические материалы советских врачей, работавших в ходе процесса, — показал, что история разработки и применения бактериологического оружия милитаристской Японией не была локализована периодом Второй мировой войны. Хотя основная доказательная база во время заседаний строилась прежде всего на свидетельствах 1940-х годов с акцентом на применение бактериологического оружия в войне с Китаем.

Г.Г. Пермяков, основываясь на полученных сведениях при предварительных допросах военнопленных, отметил примеры использования искусственных заражений китайской территории еще до начала войны: «Японцы захватили Харбин в 1932 г., когда город был деморализован вспышками холеры. Но японцев она не брала, так как была создана прививка именно от этой болезни. Прошло 8 лет, когда на Харбин спустился азиатский тиф... На этот раз удалось определить, откуда произошла эпидемия. Она началась в Пинфане, что в 30 км юго-западнее Харбина в окрестностях фабрики, которую строили японцы. ...За невинной вывеской на самом

³⁶ Brackman A. C. The other Nuremberg: the untold story of the Tokyo war crimes trials. New York, 1987; Williams P., Wallace D. Unit 731: Japan's secret biological warfare in World War II. New York, 1989.

³⁷ Тихоокеанская звезда. 16.II.1950. С. 4.

³⁸ Там же.

³⁹ Газета «Акахата» о судебном процессе в Хабаровске по делу бывших военнослужащих японской армии // Суворовский натиск. 3.I.1950. С. 4.

⁴⁰ Там же.

деле находилась фабрика по производству бактериологического оружия — фабрика смерти»⁴¹. Летом 1940 г. специальная бактериологическая экспедиция была направлена в район боевых действия в Центральный Китай: «Самолеты отряда... произвели заражение территории противника чумой с помощью чумных блох, в результате чего вспыхнула эпидемия... В 1941 г. в районе города Чандэ... самолеты произвели заражение местности... В 1942 г. в момент отступления японских войск была организована еще одна экспедиция с участием сотрудников бактериологического отряда “Эй”»⁴². Н. Рогаль приводит слова очевидца данного события: «Начальник китайского госпиталя Хуадэ в городе Чандэ доктор Тан Сюэ Хуа исследовал зерна, зараженные бациллами чумы»⁴³. Также на допросе врач-бактериолог Кавасима Киюси показал, что численность отряда № 731, созданного в 1936 г. по указу императора Японии Хирохито, к 1940 г. достигла 3 тыс. человек⁴⁴.

Участник военных действий с Японией доцент Хабаровского медицинского института М.К. Захаров вспоминал, что в феврале 1946 г. в составе эпидемической группы, на базе которой был сформирован инфекционный госпиталь для японских военнопленных, он был экстренно отправлен в Маньчжурию в район города Муданьцзян. В ходе работы появилась информация о природе возникших на территории вспышек сыпного тифа, оспы, чумы: «Наши специалисты подчеркивали ее инспирированный характер, хотя и не подозревали вначале обо всем объеме готовящейся против нас бактериологической войны»⁴⁵. Эти свидетельства стали дополнительным доказательством необходимости противоэпидемической зачистки районов, где на протяжении десятилетия была развернута экспериментальная работа по разработке бактериологического оружия.

После войны в Хабаровске был создан лагерь для военнопленных старших японских офицеров, где содержалось около 300 бывших диверсантов и разведчиков, с Курил, Южного Сахалина, Северной Кореи, Внутренней Монголии, Маньчжурии и севера Китая. Уникальная информация о лагерях с японскими военнопленными есть в архивных материалах ГАХК. Эти документы позволяют раскрыть некоторые особенности, связанные с подготовкой процесса, чего нет в центральных архивах, но является важным иллюстративным дополнением. Этому же посвящен ряд работ⁴⁶. Согласно докладной записке начальника управления НКВД по Хабаровскому краю И.И. Долгих о состоянии лагерей на 1 января 1946 г., направленной секретарю Хабаровского краевого комитета ВКП(б) Р.К. Назарову, всего в хабаровских лагерях содержалось 161 294 японских военнопленных⁴⁷, при этом отбирали в них физически здоровых, годных к труду в условиях Дальнего Востока людей. Отмечался ряд проблем, связанных с нехваткой кадров медицинских работников для заключенных⁴⁸, распространением инфекционных заболеваний, недостаточной обеспеченностью лазаретами, спецгоспиталями, несмотря на «осознанность развертывания лечебных и санитарно-профилактических мероприятий»⁴⁹. Учитывая, что среди военнопленных японцев были врачи, пытались использовать их опыт, но отмечалось «допущение прямых ошибок в диагностике вследствие передоверия вопросов лечебной практики военнопленным японским врачам, результатом чего было несвоевременная диагностика заболеваний паразитарным тифом»⁵⁰. Старались учитывать специфику национальности и менталитета, к примеру, составляя пищевой рацион, предпочтение отдавали супу

⁴¹ Из архива Г. Пермякова «Зона смерти» // Тихоокеанская звезда. 11.II.2000. С. 6.

⁴² Обвинительное заключение // Красное знамя. 25.XII.1949. С. 4.

⁴³ Рогаль Н. Указ. соч. С. 120.

⁴⁴ Судебный процесс по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия // Красное знамя. 27.XII.1949. С. 5.

⁴⁵ Цит. по: Богач В.В., Беседнова Н.Н. Указ. соч. С. 188.

⁴⁶ Японские военнопленные в СССР. 1945–1956 / сост. В.А. Гаврилов, Е.Л. Катасонова. М., 2013; «Дальневосточный Нюрнберг». Документальная летопись Хабаровского процесса / отв. ред. А.В. Васильев. М., 2021.

⁴⁷ ГАХК. Ф. П. 35. Оп. 3. Д. 236. Л. 1.

⁴⁸ Там же. Л. 3.

⁴⁹ Там же. Л. 14.

⁵⁰ Там же. Л. 17.

мисо, рису, салатам из овощей⁵¹. Отношение к военнопленным, согласно архивным материалам, было удовлетворительным. То, что японские военные и некоторые врачи-бактериологи все еще находились в плену в Советском Союзе на территории Дальнего Востока, благоприятствовало организации процесса.

Согласно воспоминаниям Г.Г. Пермякова, уже в январе 1946 г. из Москвы пришло указание И.И. Долгих собрать следственную группу. Следовало допросить японских военнопленных (30 генералов, 36 старших офицеров, 11 штатских японцев⁵²) и взять у них письменные показания о бактериологическом оружии для формирования советского обвинения в Токио. Таким образом, было установлено, что в Хабаровском лагере для военнопленных офицеров находятся три генерала, которые руководили разработкой бактериологического оружия, что создало документальный фундамент неоспоримых доказательств военных преступлений японских врачей для процесса в Хабаровске⁵³. У Пермякова есть описание некоторых из них: «Японский разведчик генерал-лейтенант Хата, большой, тяжелый, большоголовый, с огромными ушами, за что мы называли его “генерал уши”... Хата любил выпить, но пил только японское сакэ 18 градусов... Если с Хата шла беседа, ему всегда ставили чарочку... Ямада, среднего для японца роста, стриженный под машинку и высоколобый, знал все секреты Квантунской армии... Жемчужина лагеря экс-император Китая Айсингеро Пуи, образованный, умный, знавший английский язык и изучавший русский... привез с собой... массу драгоценностей»⁵⁴.

Для проведения процесса нужны были квалифицированные переводчики с японского и китайского языков, которых отбирали в условиях строгой секретности из числа дальневосточных специалистов. Как докладывал И.И. Долгих в записке секретарю Хабаровского краевого комитета ВКП(б) от 27 марта 1946 г., «что касается обеспеченности лагеря переводчиками, то все имевшиеся в распоряжении Управления Министерства внутренних дел Хабаровского края переводчики были пропорционально распределены между подведомственными лагерями»⁵⁵.

Пермяков в воспоминаниях отмечал: «Совещание вел полковник Л.А. Карлин... В интересах его личной безопасности он был надолго засекречен... Был засекречен и я — главный переводчик этого процесса»⁵⁶. По политическим причинам его воспоминания не могли быть опубликованы вплоть до начала 2000-х годов. Автору удалось передать атмосферу самого процесса и внутренние непротые обстоятельства, которые могли быть известны лишь непосредственному участнику событий. В.В. Богач и Н.Н. Беседнова цитируют воспоминания Г.Г. Пермякова о полузакрытом характере процесса, на котором все же присутствовали и иностранные корреспонденты: «В первом ряду партера сидели иностранные корреспонденты, причем Н.Н. Жуков-Вережников⁵⁷ предупредил нас, что если иностранные корреспонденты будут слишком назойливо приставать к кому-либо из нас с расспросами, то лучше переадресовывать их к нему — председателю комиссии»⁵⁸. «В переполненном зале суда, — вспоминал Пермяков, — присутствуют рабочие хабаровских заводов и фабрик, служащие, ученые, представители Советской Армии»⁵⁹. Как пишет Пермяков, обвинительное заключение читалось два часа: «Русский текст занимал 32 страницы... Мы заранее перевели его на японский язык и дали ознакомиться заключенным»⁶⁰.

Авторы газетных публикаций не скупались на эпитеты: «матерый империалистический разбойник генерал Ямадо Отозоо», «бандитский сговор самураев с гитлеровцами», «как чудовищно

⁵¹ Там же. Л. 9, 11.

⁵² Пермяков Г.Г. Токийский процесс и Хабаровск: воспоминания переводчика и участника судебного процесса над военными преступниками Японии в Токио в 1946 г. // Дальневосточный ученый. 2005. № 17. С. 6.

⁵³ Там же. С. 7.

⁵⁴ Пермяков Г.Г. 170 генералов // Тихоокеанская звезда. 15.II.2000. С. 7.

⁵⁵ ГАХК. Ф. П. 35. Оп. 3. Д. 236. Л. 71.

⁵⁶ Цит. по: Богач В.В., Беседнова Н.Н. Указ. соч. С. 193.

⁵⁷ Советский иммунолог и микробиолог, руководитель экспертной комиссии, действительный член Академии медицинских наук СССР.

⁵⁸ Цит. по: Богач В.В., Беседнова Н.Н. Указ. соч. С. 193.

⁵⁹ Красное знамя. 27.XII.1949. С. 4.

⁶⁰ Из архива Г. Пермякова «Зона смерти»...

отвратительны эти доктора медицинских наук», «убийцы с научными степенями», «обряженные в белые врачебные халаты с хладнокровием мясников», «шеф чумы генерал Исии Сиро... в столовой в кругу своих подручных как заправский атаман разбойничьей шайки, похваляющийся во время пирушки планом нового бандитского налета, открыто говорил, что приближается момент бактериологического нападения на Советский Союз», «идя ва-банк японская военщина впрягала в свою потрепанную скрипящую колесницу чумных блох, чтобы скакать все дальше навстречу своей гибели»⁶¹. В книге, подготовленной непосредственными участниками процесса, констатировалось, что «все люди, доставляемые в отряд путем “особых отправок”, были обречены на смерть... Жизнь некоторых жертв обрывалась через несколько дней, мучительное существование других тянулось месяцы... С кошунственным глумлением было придумано для них условное наименование — “бревна”»⁶². Особое возмущение вызывал тот факт, что японские подсудимые были медиками: «Среди них — врачи!... Врачи на фашистский манер, врачи, забывшие, что врач — представитель гуманнейшей в мире профессии, чьим святым долгом является избавление человека от страданий, избавление человека от болезней... Лаборатории этих “научных работников” были камерами пыток для несчастных»⁶³. Д. Нагишкин описал некоторых подсудимых: «Ямада — подлинный властитель Маньчжурии, хозяин жизни и смерти каждого из сорока миллионов населения Трех Восточных Провинций»; старший унтер-офицер Митомо Кадзуо сидел рядом с Ямадой: «они сели рядом, потому что служебное различие уже не разделяло их... генерал и унтер»; Ямада являлся идеологом японского империализма, а Митомо — человеком, «кого превратили в послушное орудие». Именно Нагишкин начал использовать имя Ямада как нарицательное: «Они — ямады, большие и маленькие, хотели... обрушить тонны смертоносных бактерий на наши города... чтобы истребить наших людей... реки, пруды, колодцы, воздух»⁶⁴.

«Красное знамя» так описывает первое заседание с допросами обвиняемых: «Квасима⁶⁵ с циничным спокойствием воспроизводит омерзительнейшую картину, как над живыми людьми на полигоне испытывали бомбы, начиненные чумными блохами». Военный прокурор Приморского военного округа полковник юстиции А. Березовский отмечал, что «руководитель отряда № 100, начальник ветеринарной службы Квантунской армии Такахаси Такаацу постоянно пропагандировал идею бактериологического оружия как одного из наиболее эффективных средств войны»⁶⁶.

Пермяков возмущался поведением Исии: «Интересно, что этот вдохновленный сторонник массового уничтожения людей сам был весьма жизнелюбив. Иногда, переодевшись в штатское, он кутил в дорогих ресторанах Маньчжурии... Понимал ли это человек, что творит беззаконие? Понимал. Недаром все фабрики по производству болезнетворных бактерий были заранее на всякий случай заминированы... Рытвины от Харбина до Пинфана превратились в прекрасную дорогу и по ночам по этой дороге на фабрику ездят автомобили с людьми, которые стучат в стенки машин. Что мальчишки-китайцы, которые подползают к ограде на фабрике и наблюдают за японцами, бесследно исчезают. Позже было доказано, что японские военные бактериологи ставили бесчеловечные опыты над живыми людьми — китайцами, русскими и другими. Ежегодно отряд убивал более 600 подопытных людей. Впрочем, кто их считал людьми?»⁶⁷. Н. Рогаль отмечал, что лагерь — «запретная зона... Японцы убивали всякого, кто к ней приближался... В целях сохранения тайны, они злодейски умертвили рабочих, строивших объект»⁶⁸. Он приводит

⁶¹ Тихоокеанская звезда. 4.I.1950. С. 2.

⁶² *Розинский М.Ю., Розенблит С.Я., Смирнов Л.Н.* Указ. соч. С. 35.

⁶³ *Нагишкин Д.* Ямада и другие // Суворовский натиск. 29.XII.1949. С. 4.

⁶⁴ Там же. С. 5.

⁶⁵ Один из организаторов подготовки специальных экспедиций в Центральный Китай для боевого применения бактериологического оружия.

⁶⁶ Красное знамя. 27.XII.1949. С. 4.

⁶⁷ Из архива Г. Пермякова «Зона смерти»...

⁶⁸ *Рогаль Н.* Указ. соч. С. 117.

свидетельства очевидцев преступлений: «Крестьянин Фу Чин-Цзи... помнит тошнотворный желтый дым, извергаемый постоянно из печи крематория»⁶⁹.

* * *

Комплексное изучение данного исторического сюжета нашло отражение в разных его измерениях — устной истории, истории медиа, в социальной истории науки и позволило:

во-первых, исследовать уровни медиатизации Хабаровского процесса в контексте выявления основных сюжетных линий и личностного восприятия очевидцев посредством анализа историографии и материалов региональной периодики, что позволило глубже понять исторический контекст;

во-вторых, на основании имеющегося материала периодики проследить международную реакцию на Хабаровский процесс. Прежде всего речь идет о китайской общественности и позиции китайского правительства, понимающего важность и перспективность шага СССР в поддержку китайских граждан, оказавшихся в эпицентре событий. И СССР, и коммунистический Китай использовали судебный процесс, чтобы подчеркнуть тесные и дружественные отношения между двумя коммунистическими державами;

в-третьих, показать роль Хабаровского процесса и раскрытия преступлений японской армии по разработке и испытанию бактериологического оружия и проследить, каким образом в региональной периодической печати были представлены эти действия, как формировался социальный резонанс и отношение общественности к медицинским экспериментам на людях.

Анализ источников показал, что измерение такого исторического сюжета, как Хабаровский процесс, все же выходит за рамки исключительно судебного разбирательства с целью восстановления справедливости в отношении этических действий японских военных врачей.

Таким образом, данная проблема, реконструированная, с одной стороны, с помощью анализа медианарративов дальневосточного региона, в котором сосредоточен максимальный объем информации вокруг сюжетов, составляющих сегодня важную страницу истории медицины как науки, позволила восстановить исторически достоверную картину, проследить информационный и социальный резонанс. С другой стороны, анализ зарубежной историографии и воспоминаний советских участников и современников события становятся важной платформой для сюжетов истории науки.

На Хабаровском процессе не возникал вопрос о возможности освобождения подсудимых от наказания, что существенно отличало его от Нюрнбергского и Токийского и доказывало необходимость его организации. Трибунал в Хабаровске не получил статус международного, а в последующий год и инициативы СССР по созданию Международной комиссии не нашли откликов у союзников. Обвинения, выдвинутые против подсудимых в Хабаровске, оказались мощным политико-информационным оружием и были успешно использованы позже руководителями Северной Кореи и КНР.

Библиография

«Дальневосточный Нюрнберг». Документальная летопись Хабаровского процесса / отв. ред. А.В. Васильев. М., 2021.

Акияма Х. Особый отряд 731 / пер. с япон. М.А. Гусева, В.А. Зломанова и др. М., 1958.

Александров Г.Н. Нюрнберг вчера и сегодня. М., 1971.

Аленко А.В. Хабаровский процесс 1949 года и нечеловеческие эксперименты над людьми в бактериологическом отряде № 731 японской Квантунской армии // Культура и наука Дальнего Востока. 2019. № 1 (26). С. 63—70.

Богач В.В., Беседнова Н.Н. Биотерроризм: мифы и реальность. Хабаровск, 2003.

Богач В.В., Иванов Л.И., Иванов Н.А. Работа комиссии экспертов-медиков на судебном процессе по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия // Дальневосточный медицинский журнал. 2004. № 4. С. 106—110.

⁶⁹ Там же. С. 120.

- Бондаренко Е.Ю. Судьбы пленных. Токийский и Хабаровский международные процессы над японскими военными преступниками и последствия // Россия и АТР. 1993. № 1. С. 117–123.
- Брукс Д. «Людей, которые не читают газет, надо морально убивать на месте» // Советская власть и медиа / под ред. Х. Гюнтера, С. Хэнсен. СПб., 2006. С. 228–242.
- Гройс Б. Фотография в контексте текста // Советская власть и медиа / под ред. Х. Гюнтера, С. Хэнсен. СПб., 2006. С. 217–228.
- Дубровский Д. Токийский процесс // Дальний Восток. 1949. № 1. С. 108–114.
- Звягинцев А.Г. Без срока давности...: к 70-летию Нюрнбергского военного трибунала. М., 2016.
- Звягинцев А.Г. Ветер возмездия. Уроки Токийского международного военного трибунала. М., 2019.
- Кузнецов Д.В. Оружие дьявола: разработка и применение оружия массового уничтожения во время агрессии Японии против Китая (1931–1945 гг.). Благовещенск, 2019.
- Кузнецов Д.В. Хабаровский процесс 1949 г. // URL: kuznetsov.ucoz.org/publications/khabarovskij_process_1949_goda.doc (дата обращения: 20.07.2023).
- Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950.
- Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985.
- Моримура С. Кухня дьявола. М., 1983.
- Пермяков Г.Г. Токийский процесс и Хабаровск: воспоминания переводчика и участника судебного процесса над военными преступниками Японии в Токио в 1946 г. // Дальневосточный ученый. 2005. № 17. С. 6–7.
- Рогаль Н. Японские военные преступники и их американские покровители // Дальний Восток. 1950. № 2. С. 115–123.
- Рогинский М.Ю. Милитаристы на скамье подсудимых: по материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985.
- Рогинский М.Ю., Розенблит С.Я., Смирнов Л.Н. Бактериологическая война — преступное орудие империалистической агрессии: Хабаровский процесс японских военных преступников. М., 1950.
- Романова В.В. От Токийского суда к Хабаровскому: из истории подготовки судебного процесса над японскими военными преступниками-бактериологами // История медицины. 2015. Т. 2. № 1. С. 72–82.
- Романова В.В. Отряд 731 // Родина. 2015. № 12. С. 116–120.
- Рудаков Д.П., Степанова Е.А. Японская военно-биологическая программа в 1932–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2015. № 10. С. 47–52.
- Супотницкий М.В. Чума от дьявола в Китае (1933–1945) // Очерки истории чумы: в 2-х кн. Кн. 1. Чума добактериологического периода. М., 2006.
- Тупицын А.В. Хабаровский процесс 1949 года // Научный альманах. 2018. № 11–3 (49). С. 183–186.
- Японские военнопленные в СССР. 1945–1956 / сост. В.А. Гаврилов, Е.Л. Катасонова. М., 2013.
- Brackman A.C. The other Nuremberg: the untold story of the Tokyo war crimes trials. New York, 1987.
- Chinese Central Archive. Selected Archival Materials of Japanese Imperialist Aggression against China: Biological Warfare and Poison Gas Warfare. Beijing, 1989.
- Documents relatifs au proces des anciens Militaires e l'armee Japonaise accuses d'avoir prepare et employ l'Arme Bacteriologique. Moscou, 1950.
- Harris Sh.H. Factories of Death: Japanese Biological Warfare, 1932–45 and the American Cover-Up. New York, 1994.
- Harris Sh.H. Factories of Death: Japan's Secret Biological Warfare Projects in Manchuria and China 1932–45. London; New York, 1993.
- Harris Sh.H. Japanese Biological Warfare Research on Humans: A Case Study of Microbiology and Ethics // Annals of the New York Academy of Sciences. Vol. 666. The Microbiologist and Biological Defense Research: Ethics, Politics and International Security. 1992 December. P. 21–52.
- Harris Sh.H. Japanese Biomedical Experimentation During the World-War-II Era // Military Medical Ethics. Vol. 2. Washington, 2003. P. 463–506.
- Materials on the Trial of Former Servicemen of the Japanese Army Charged with Manufacturing and Employing Bacteriological Weapons. Moscow, 1950.
- Nie J., Tsuchiya T., Li L. Japanese Doctors' Experimentation, 1932–1945, and Medical Ethics // The Cambridge World History of Medical Ethics / eds R.B. Baker, L.B. McCullough. Cambridge, 2009. P. 589–594.
- Polunina V. From Tokyo to Khabarovsk: Soviet War Crimes Trials in Asia as Cold War Battlefields // War Crimes Trials in the Wake of Decolonization and Cold War in Asia, 1945–1956. Justice in Time of Turmoil / ed. K. von Lingen. Cham, 2016. P. 241.
- Prozessmaterialien in der Strafsache gegen ehemalige Angehörige der Japanischen Armee wegen Vorbereitung und Anwendung de Bakterienwaffe. Moskau, 1950.

The Crimes of Unit 731 // URL: <https://www.nytimes.com/1995/03/18/opinion/thecrimes-of-unit-731.html> (дата обращения: 20.07.2023).

Tsuchiya T. The Imperial Japanese Experiments in China // The Oxford Textbook of Clinical Research Ethics / eds J. Ezekiel, E.J. Emmanuel et al. Oxford, 2008. P. 31–45.

Williams P., Wallace D. Unit 731: Japan's secret biological warfare in World War II. New York, 1989.

前日本陸軍軍人因準備和使用細菌武器被控案审判材料. 莫斯科, 1950.

細菌戦用兵器ノ準備及び使用ノ廉デ起訴サレタ元日本軍軍人ノ事件ニ関スル公判書. 外国語図書出版所, 1950.

세균 무기를 준비하고 사용한다고 비난받은 일본 육군의 전 군인의 재판 자료. 모스크바, 1950.

References

“Dal’nevostochnyj Nyurnberg”. Dokumental’naya letopis’ Habarovskogo processa [“Far Eastern Nuremberg”. Documentary chronicle of the Khabarovsk trial] / otv. red. A.V. Vasil’ev. Moskva, 2021. (In Russ.)

Akiyama H. Osobyj otryad 731 [Special Detachment 731] / per. s yapon. M.A. Guseva, V.A. Zlomanova i dr. Moskva, 1958. (In Russ.)

Aleksandrov G.N. Nyurnberg vchera i segodnya. Moskva, 1971. (In Russ.)

Alepko A.V. Habarovskij process 1949 goda i nechelovecheskie eksperimenty nad lyud’mi v bakterio-logicheskom otryade № 731 yaponskoj Kvantunskoj armii [Khabarovsk trial of 1949 and inhuman experiments on people in the bacteriological detachment № 731 of the Japanese Kwantung army] // Kul’tura i nauka Dal’nego Vostoka [Culture and Science of the Far East]. 2019. № 1 (26). S. 63–70. (In Russ.)

Bogach V.V., Besednova N.N. Bioterrorizm: mify i real’nost’ [Bioterrorism: myths and reality]. Habarovsk, 2003. (In Russ.)

Bogach V.V., Ivanov L.I., Ivanov N.A. Rabota komissii ekspertov-medikov na sudebnom processe po delu byvshih voennosluzhashchih yaponskoj armii, obvinyayemyh v podgotovke i primenenii bakterio-logicheskogo oruzhiya [The work of the commission of medical experts at the trial of former servicemen of the Japanese army accused of preparing and using bacteriological weapons] // Dal’nevostochnyj medicinskij zhurnal [Far Eastern Medical Journal]. 2004. № 4. S. 106–110. (In Russ.)

Bondarenko E. Yu. Sud’by plennyh. Tokijskij i Habarovskij mezhdunarodnye processy nad yaponskimi voennymi prestupnikami i posledstviya [The fate of prisoners. Tokyo and Khabarovsk international trials of Japanese war criminals and their consequences] // Rossiya i ATR [Russia and the Asia-Pacific region]. 1993. № 1. S. 117–123. (In Russ.)

Bruks D. “Lyudej, kotorye ne chitayut gazet, nado moral’no ubivat’ na meste” [“People who don’t read newspapers should be morally killed on the spot”] // Sovetskaya vlast’ i media. Sbornik statej pod obshej redakciej Hansa Gyuntera i Sabiny Hensgen [Soviet power and the media] / pod red. H. Gyuntera, S. Hensgen. Sankt-Peterburg, 2006. S. 228–242. (In Russ.)

Dubrovskij D. Tokijskij process [Tokyo process] // Dal’nij Vostok [Far East]. 1949. № 1. S. 108–114. (In Russ.)

Grojs B. Fotografija v kontekste teksta. Photography in the context of the text // Sovetskaya vlast’ i media [The Soviet government and the media] / pod red. H. Gyuntera, S. Hensgen. Sankt-Peterburg, 2006. S. 217–228. (In Russ.)

Kuznecov D.V. Habarovskij process [Khabarovsk trial] 1949 g. // URL: kuznetsov.ucoz.org/publications/khabarovskij_process_1949_goda.doc (access date: 20.07.2023). (In Russ.)

Kuznecov D.V. Oruzhie d’yavola: razrabotka i primenenie oruzhiya massovogo unichtozheniya vo vremya agressii Yaponii protiv Kitaya [The Devil’s Weapon: Development and use of Weapons of Mass destruction during Japan’s Aggression against China] (1931–1945 gg.). Blagoveshchensk, 2019. (In Russ.)

Materialy sudebnogo processa po delu byvshih voennosluzhashchih yaponskoj armii, obvinyayemyh v podgotovke i primenenii bakterio-logicheskogo oruzhiya [Materials of the trial in the case of former servicemen of the Japanese army accused of preparing and using bacteriological weapons]. Moskva, 1950. (In Russ.)

Militaristy na skam’e podsudimyh. Po materialam Tokijskogo i Habarovskogo processov [Military in the dock. Based on the materials of the Tokyo and Khabarovsk processes]. Moskva, 1985. (In Russ.)

Morimura S. Kuhnya d’yavola [The Devil’s Kitchen]. Moskva, 1983. (In Russ.)

Permyakov G.G. Tokijskij process i Habarovsk: vospominaniya perevodchika i uchastnika sudebnogo processa nad voennymi prestupnikami Yaponii v Tokio v 1946 g. [Tokyo trial and Khabarovsk: memoirs of a translator and participant in the trial of Japanese war criminals in Tokyo in 1946] // Dal’nevostochnyj uchyonyj [Far Eastern Scientist]. 2005. № 17. S. 6–7. (In Russ.)

Rogal’ N. Yaponskie voennye prestupniki i ih amerikanskije pokroviteli [Japanese war criminals and their American patrons] // Dal’nij Vostok [Far East]. 1950. № 2. S. 115–123. (In Russ.)

Roginskij M. Yu. Militaristy na skam’e podsudimyh: po materialam Tokijskogo i Habarovskogo processov [Military in the dock: based on the materials of the Tokyo and Khabarovsk trials]. Moskva, 1985. (In Russ.)

Roginskij M. Yu., Rozenblit S. YA., Smirnov L. N. Bakteriologicheskaya vojna — prestupnoe orudie imperialisticheskoy agressii: Habarovskij process yaponskih voennyh prestupnikov [Bacteriological war — a pre-stage instrument of imperialist aggression: Khabarovsk trial of Japanese war criminals]. Moskva, 1950. (In Russ.)

Romanova V. V. Ot Tokijskogo suda k Habarovskomu: iz istorii podgotovki sudebnogo processa nad yaponskimi voennymi prestupnikami-bakteriologami [From the Tokyo court to Khabarovsk: from the history of the preparation of the trial of Japanese war criminals-bacteriologists] // *Istoriya mediciny* [History of Medicine]. 2015. T. 2. № 1. S. 72–82. (In Russ.)

Romanova V. V. Otryad 731 [Detachment 731] // *Rodina* [Rodina]. 2015. № 12. S. 116–120. (In Russ.)

Rudakov D. P., Stepanova E. A. Yaponskaya voenno-biologicheskaya programma v 1932–1945 gg. [The Japanese military biological program in 1932–1945] // *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military Historical Journal]. 2015. № 10. S. 47–52. (In Russ.)

Supotnickij M. V. Chuma ot d'yavola v Kitae [The plague from the devil in China] (1933–1945) // *Ocherki istorii chumy: v 2-h kn. Kn. 1. Chuma dobakteriologicheskogo perioda* [Essays on the history of the plague: in 2 vols. Vol. 1. The plague of the pre-bacterial period]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Tipicyn A. V. Habarovskij process 1949 goda [Khabarovsk trial of 1949] // *Nauchnyj al'manah* [Scientific almanac]. 2018. № 11–3 (49). S. 183–186. (In Russ.)

Yaponskie voennoplennyye v SSSR. 1945–1956. Sbornik dokumentov [Japanese prisoners of war in the USSR] / sost. V. A. Gavrilov, E. L. Katasonova. Moskva, 2013. (In Russ.)

Zvyagincev A. G. Bez sroka davnosti...: k 70-letiyu Nyurnbergskogo voennogo tribunala [No statute of limitations...: on the 70th anniversary of the Nuremberg Military Tribunal]. Moskva, 2016. (In Russ.)

Zvyagincev A. G. Veter vozmezdya. Uroki Tokijskogo mezhdunarodnogo voennogo tribunala [The Wind of Retribution. Lessons of the Tokyo International Military Tribunal]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Brackman A. C. The other Nuremberg: the untold story of the Tokyo war crimes trials. New York, 1987.

Chinese Central Archive. Selected Archival Materials of Japanese Imperialist Aggression against China: Biological Warfare and Poison Gas Warfare. Beijing, 1989.

Documents relatifs au proces des anciens Militaires e l'armee Japonaise accuses d'avoir prepare et employer l'Arme Bacteriologique. Moscou, 1950.

Harris Sh. H. Factories of Death: Japanese Biological Warfare, 1932–45 and the American Cover-Up. New York, 1994.

Harris Sh. H. Factories of Death: Japan's Secret Biological Warfare Projects in Manchuria and China 1932–45. London; New York, 1993.

Harris Sh. H. Japanese Biological Warfare Research on Humans: A Case Study of Microbiology and Ethics // *Annals of the New York Academy of Sciences*. Vol. 666. The Microbiologist and Biological Defense Research: Ethics, Politics and International Security. 1992 December. P. 21–52.

Harris Sh. H. Japanese Biomedical Experimentation During the World-War-II Era // *Military Medical Ethics*. Vol. 2. Washington, 2003. P. 463–506.

Materials on the Trial of Former Servicemen of the Japanese Army Charged with Manufacturing and Employing Bacteriological Weapons. Moscow, 1950.

Nie J., Tsuchiya T., Li L. Japanese Doctors' Experimentation, 1932–1945, and Medical Ethics // *The Cambridge World History of Medical Ethics* / eds R. B. Baker, L. B. McCullough. Cambridge, 2009. P. 589–594.

Polunina V. From Tokyo to Khabarovsk: Soviet War Crimes Trials in Asia as Cold War Battlefields // *War Crimes Trials in the Wake of Decolonization and Cold War in Asia, 1945–1956. Justice in Time of Turmoil* / ed. K. von Lingen. Cham, 2016.

Prozessmaterialien in der Strafsache gegen ehemalige Angehörige der Japanischen Armee wegen Vorbereitung und Anwendung der Bakterienwaffe. Moskau, 1950.

The Crimes of Unit 731 // URL: <https://www.nytimes.com/1995/03/18/opinion/thecrimes-of-unit-731.html> (access date: 20.07.2023).

Tsuchiya T. The Imperial Japanese Experiments in China // *The Oxford Textbook of Clinical Research Ethics* / eds J. Ezekiel, E. J. Emmanuel et al. Oxford, 2008. P. 31–45.

Williams P., Wallace P. Unit 731: Japan's secret biological warfare in World War II. New York, 1989.

前日本陆军军人因准备和使用细菌武器被控案审判材料. 莫斯科, 1950.

細菌戦用兵器ノ準備及ビ使用ノ廉デ起訴サレタ元日本軍軍人ノ事件ニ関スル公判書. 外国語図書出版所, 1950.

세균 무기를 준비하고 사용한다고 비난받은 일본 육군의 전 군인의 재판 자료. 모스크바, 1950.

© 2024 г. В.Н. ЧЕРНЕГА

«ФРАНСАФРИК» В ДЕРЖАВНОЙ ПОЛИТИКЕ ФРАНЦИИ: СТАНОВЛЕНИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ, КРИЗИС (1960–2023)

Чернега Владимир Николаевич — доктор юридических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посланник, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: v.n. tchernega@gmail.com

ORCID: 000–002–3031–0187; Researcher ID: AAD-3569–2022

Аннотация. Тема «Франсафрик», под которой автор вслед за многими французскими и африканскими специалистами понимает специфическую неокOLONиальную систему отношений, сложившуюся в начале 1960-х годов, приобрела особую актуальность после резкого ослабления позиций Франции в последние годы в ряде африканских стран, в частности в регионе Сахеля. Эти изменения, несомненно, свидетельствуют о кризисе данной системы. В настоящей статье анализируются ее становление при президенте Ш. де Голле, эволюция после ухода последнего от власти, в том числе в результате попыток его преемников подстроиться под новые тенденции на континенте, в частности растущее стремление африканцев к большей самостоятельности. В статье показывается медленный и противоречивый процесс отхода от коррупционных и силовых методов «Франсафрик», придавших одиозность самому этому термину и связываемых с Ж. Фоккаром, близким сотрудником Ш. де Голля. В конечном счете президент Э. Макрон, афишировавший «новаторский подход» к франко-африканским отношениям, не рискнул применить вооруженные силы после военного переворота в Нигере в 2023 г. Однако полностью отказаться от неокOLONиальной модели он не смог. Франция сохраняет ряд факторов влияния на континенте, вопрос в том, будет ли этого достаточно в условиях растущей конкуренции со стороны других держав.

Ключевые слова: «Франсафрик», неокOLONиальная модель, становление, эволюция, кризис, попытки адаптации, африканские перспективы Франции.

V.N. Chernega

“Françafrique” in French Power Politics: Formation, Evolution, Crisis (1960–2023)

Vladimir Chernega, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: v.n. tchernega@gmail.com

ORCID: 000–002–3031–0187; Researcher ID: AAD-3569–2022

Abstract. The theme of “Françafrique”, by which the author, following many French and African experts, understands the specific neo-colonial system of relations that emerged in the early 60s, has acquired particular relevance after the sharp weakening of France’s position in recent years in a number of African countries, in particularly in the Sahel region. These changes undoubtedly indicate a crisis in this system. The author analyses its formation under President Charles de Gaulle, its evolution after the latter left office, including as a result of the attempts of his successors to adapt to new trends on the continent, in particular, the growing desire of Africans for greater independence.

The author shows the slow and contradictory process of moving away from the corrupt and forceful methods of “*Françafrique*”, which gave odiousness to this very term and is associated with Jacques Foccart, a close collaborator of Charles de Gaulle. Finally, the President Emmanuel Macron, who advertised an “innovative approach” to Franco-African relations, did not risk using military force after the military coup in Niger in 2023. However, he could not completely abandon the neo-colonial model. France still has a number of factors of influence on the continent; the question is whether this will be enough in the face of growing competition from other powers.

Keywords: “*Françafrique*”, neo-colonial model, formation, evolution, crisis, attempts of adaptation, African prospects of France.

В ноябре 2017 г. Э. Макрон, избранный в мае того же года президентом Франции, совершил первое официальное турне по ряду африканских стран. Знаковым событием этого турне должно было стать его выступление в Университете Уагадугу, столицы Буркина-Фасо, в котором он, как давала понять президентская администрация, намеревался изложить новаторский подход к отношениям с бывшими африканскими колониями. Действительно, в выступлении было, например, такое утверждение: «Африка наложила глубокий отпечаток на французскую коллективную память, культуру, историю, идентичность»¹. Иными словами, Э. Макрон подвел черту под тезисом о «цивилизаторской миссии белого человека», которым долго прикрывали угнетение и ограбление африканцев колонизаторы. Отныне речь должна была идти о взаимобогащении хотя бы в культурном плане.

Президент пошел дальше и осудил «преступления колониализма», что также должно было продемонстрировать его желание учитывать африканское общественное мнение. О том же говорило и его заявление, что у Парижа больше нет единой африканской политики, поскольку он с уважением относится к каждому из 54 государств континента, «в которых есть как наши друзья, так и те, кто с нами не согласен»². Вместе с тем Э. Макрон подчеркнул, что для африканских стран жизненно необходимо совместно с Францией противостоять вызовам современности — экономическим, технологическим, климатическим, в сфере безопасности.

Выступление вызвало скептические отклики в африканских СМИ. В частности, ежемесячник *Jeune Afrique* («Молодая Африка») отмечал, что за «новаторским подходом» на деле скрывалось стремление сохранить влияние Франции в ее бывших колониях. Вместе с тем делался вывод: Макрон, несомненно, хотел уверить африканскую общественность, что он отвергает практику «Франсафрик», являвшуюся стержнем политики Парижа в отношении африканских государств в течение десятилетий после провозглашения ими независимости³. Однако спустя более чем шесть лет после речи в Уагадугу вопрос, смог ли нынешний президент Франции на самом деле полностью отказаться от этой практики, все еще дебатруется в СМИ и в научных публикациях.

В какой-то степени это объясняется различным толкованием феномена «Франсафрик» теми, кто пишет или говорит на данную тему. Самое распространенное определение ставит на первый план систему неформальных связей между представителями властной верхушки Франции, начиная с президентов, и руководителями африканских государств и их близкими сотрудниками, которая позволяла обеим сторонам решать свои задачи, зачастую в обход официальных институтов, законов и процедур. Для африканских лидеров речь шла об обеспечении поддержки Парижа в деле сохранения ими власти, для Парижа — об удержании соответствующих государств в сфере своего влияния в целях реализации

¹ Discours d’Emmanuel Macron à l’université de Ouagadougou, 28 novembre 2017 // URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/11/28/discours-demanuel-macron-a-luniversite-de-ouagadougou> (дата обращения: 01.11.2023).

² Ibidem.

³ Burkina Faso: ce qu’il faut retenir du discours d’Emmanuel Macron // *Jeune Afrique*. 28.XI.2017. URL: <https://www.jeuneafrique.com/497414/politique/burkina-faso-ce-quil-faut-retenirdu-discours-demmanuel-macron/> (дата обращения: 02.11.2023).

геополитических, стратегических и экономических интересов (в последнем случае речь идет о сохранении неокOLONиальной модели экономических обменов, позволяющей бывшей метрополии получать значительно больше, чем вкладывать)⁴.

Характерной чертой «Франсафрик» был прямой подкуп политиков и чиновников (в том числе французских африканскими лидерами), а также коррупционные схемы, связанные с контрактами по добыче природных ресурсов и строительству различных объектов в африканских странах, с французскими программами помощи развитию. В обоих случаях обычной практикой были «откаты», которые делили между собой французские и местные партнеры. В число последних, как правило, входили высшие лица государства, включая президентов. Вместе с тем методы «Франсафрик» со стороны Парижа включали тайные операции спецслужб по организации государственных переворотов, иногда даже физическому устранению неугодных правителей или деятелей оппозиции, а «в случае необходимости» — открытое военное вмешательство в поддержку одних или других⁵.

Забегая вперед, следует указать, что с течением временем такая практика сокращалась. Однако, по мнению многих французских и африканских исследователей, «Франсафрик» никогда ею не ограничивался. Она изначально включала и действия французской дипломатии, продвигавшиеся Парижем соглашения об экономической кооперации и помощи развитию, «африканский франк», но особенно соглашения о сотрудничестве в сферах обороны и безопасности и сеть французских военных баз на территориях африканских стран. Обе части составляли единую неокOLONиальную систему, направленную на достижение указанных выше целей⁶.

В настоящей статье исследуются, конечно, довольно схематично, становление и эволюция «Франсафрик» именно в этом широком смысле. Рассматриваются проблемы, с которыми система начала сталкиваться на определенном этапе, и попытки Парижа решить их. В статье не затрагиваются отношения Франции с Алжиром, Марокко, Тунисом, поскольку по историческим причинам они развивались по-другому, чем с ее бывшими колониями в Западной и Центральной Африке, Мадагаскаром, Коморскими островами.

* * *

Корни «Франсафрик» уходят в историю колониальной империи Франции. Французские колонизаторы в Африке в первые десятилетия XX в. в отношении местного населения придерживались либо «ассимиляционной», либо «ассоциационной» политики. Представители первого течения, в основном плантаторы, считали, что Франция сможет удержать за собой колонии лишь в том случае, если заставит их население принять ее язык, культуру, нравы, традиции, отказавшись от своих. Не случайно именно в это время в метрополии утвердилось понятие «франкофония», выдвинутое в конце XIX в. географом О. Реклю и подразумевавшее не просто владение французским языком, но принадлежность к французской цивилизации с ее ценностями и правилами⁷. Второе течение, отражавшее взгляды части чиновников колониальной администрации, журналистов, преподавателей, не отвергало важности продвижения французского языка и культуры, но предлагало прежде всего ассоциацию местных элит с Францией через образование, экономику и политику, в последнем случае — через участие в выборах на местах и в метрополии.

На практике же применялись оба подхода. Можно говорить о росте не только формальных, но и личных связей между представителями колонизаторской прослойки и сотрудничавшими с ней выходцами из местного населения, обычно занимавшими высокую социальную позицию и достаточно «офранцузенные».

⁴ Une histoire de la Françafrique. L'empire qui ne veut pas mourir / sous la direction de T. Borrel, A. Boukari-Yabara, B. Collombat, T. Deltombe. Paris, 2023. P. 12–14.

⁵ Verschave F.-X. La Françafrique. Le plus long scandale de la République. Paris, 1998. P. 119–121.

⁶ Une histoire de la Françafrique. P. 16.

⁷ Turpin A. La France et la francophonie politique: Histoire d'un ralliement difficile. Paris, 2018. P. 8.

Потребность в сотрудничестве резко возросла после поражения Франции в войне с нацистской Германией в 1940 г. и создания генералом Ш. де Голлем движения «Свободная Франция» (с 1942 г. — «Сражающаяся Франция»), вошедшего в антигитлеровскую коалицию. Если раньше колониальные территории в Африке были важнейшим фактором державного статуса Франции, то теперь они стали опорой для борьбы за ее независимость. Без поддержки по меньшей мере части колониального аппарата, без человеческих и материальных ресурсов данных территорий де Голлю вряд ли удалось бы утвердиться в роли лидера этой борьбы и в конечном счете национального лидера Франции.

Частые визиты де Голля в африканские колонии позволили ему почувствовать рост настроений в пользу их независимости. Он попытался противопоставить этой тенденции комбинированную политику: с одной стороны, национально-освободительные восстания в ряде колоний подавлялись (к примеру, в Сенегале в 1944 г., в Гвинее и Камеруне в 1945 г.)⁸, а с другой — им предоставлялась определенная автономия. В январе — феврале 1944 г. Комитетом национального освобождения Франции была организована конференция в Браззавиле, где генерал нарисовал представителям колоний перспективу их «участия в управлении собственными делами»⁹.

До Второй мировой войны во французском парламенте был только один депутат от Африки — от Сенегала. В 1945 г. в выборах в Учредительное собрание Франции, которое должно было выработать новую конституцию страны, впервые смогли участвовать и другие территории. Однако избирательная система была устроена таким образом, что при населении в 25 млн человек (в метрополии тогда насчитывалось 40 млн жителей) они смогли избрать лишь 22 депутата из 586, причем только 8 из них представляли коренное население¹⁰. В Национальном собрании Франции 1946 г. их уже было 21¹¹. В их число вошли Ф. Уфует-Буаньи (Берег Слоновой Кости — ныне Кот-д'Ивуар) и Л. Сенгор (Сенегал), которые позже работали во французском правительстве (Ф. Уфует-Буаньи был даже вице-премьером). Позже они стали «столпами Франсафрик» с африканской стороны.

В январе 1946 г. де Голль ушел с поста председателя правительства, но заданная им установка на автономизацию колониальных территорий сохранялась. Конституция Четвертой республики 1946 г. учредила Французский союз, в рамках которого жители колоний избирали местные ассамблеи с консультативными полномочиями, одновременно были расширены избирательные права коренного населения. В том же году был принят закон о предоставлении жителям колоний французского гражданства («Закон Ламин-Гея» — по имени депутата от Сенегала А. Ламин-Гея, официально выдвинувшего соответствующий проект)¹². Однако квота для африканцев в Национальном собрании Франции составила в 1948 г. всего 33 мандата¹³.

В целом Французский союз оказался фикцией, так как он был задуман Ш. де Голлем для удержания колоний в ограниченном автономном статусе «в лоне Франции», в то время как они стремились к созданию собственных государств. Осознание неизбежности этого побудило президента В. Ориоля (1948–1954) наметить линию, которая позже стала установкой для «Франсафрик». Сославшись на пример Великобритании с ее Содружеством наций, он заявил: «Главное — сохранить наши экономические интересы, наше культурное влияние, наши военные базы и узы дружбы»¹⁴. В русле этой установки в 1956 г. был принят «закон

⁸ Une histoire de la Françafrique. P. 53

⁹ *Gaullé Ch. de. Discours et messages. Pendant la guerre 1940–1946.* Paris, 1946. P. 343.

¹⁰ Une histoire de la Françafrique. P. 54

¹¹ *Guillemin Ph. Les élus d'Afrique noire à l'Assemblée nationale sous la Quatrième République // Revue de science politique.* 1958. Vol. VIII. № 4. P. 861. URL: https://www.persee.fr/doc/rfsp_0035-2950_1958_num_8_4_392489 (дата обращения: 06.11.2023).

¹² *Grandes lois de la République. Loi N46–940 du 7 mai 1946, tendant à proclamer citoyens tous les ressortissants des territoires d'outre-mer // URL: https://www.mjp.iniv-perp.fr: France/loi1946-940.html* (дата обращения: 07.11.2023).

¹³ *Guillemin Ph. Op. cit.* P. 862.

¹⁴ Une histoire de la Françafrique. P. 69.

Деффера» (по имени министра внутренних дел Г. Деффера), который значительно расширил права колониальных территорий. Закон предусматривал, в частности, создание в них правительственных органов и наделение местных ассамблей законодательными полномочиями¹⁵.

Власти Четвертой республики видели в этих реформах возможность привести колонии к ограниченному суверенитету, когда, став государствами, они на деле остались бы под тесным контролем метрополии. Такая ситуация была бы оптимальной для Парижа с точки зрения нейтрализации движений за независимость и растущей угрозы внешнего влияния на эти территории. Если раньше французский истеблишмент опасался Великобритании, то после Второй мировой войны главную опасность он усматривал в СССР и США, которые по разным причинам поддерживали деколонизацию.

Вновь придя к власти в 1958 г., де Голль установил Пятую республику, продолжив курс на предоставление колониям ограниченного суверенитета. В новой конституции уже отсутствовал Французский союз, но вместо него предлагалось Французское сообщество, объединившее метрополию с 11 африканскими территориями¹⁶. Они признавались государствами, но должны были согласиться на общую с Францией внешнюю политику, оборону, финансы. Однако сообщество постигла та же судьба, что и Французский союз. В марте 1961 г. его африканские члены провозгласили независимость, и сообщество прекратило существование.

В конечном счете де Голль увидел в этом определенную выгоду для Франции: не нужно было прямо отвечать за проблемы колоний и нести огромные расходы на содержание колониального аппарата. Но, безусловно, для де Голля, проводившего политику восстановления державного величия страны, не могло быть и речи, чтобы позволить новым государствам сойти с французской орбиты. Они должны были оставаться для Франции источником природных и человеческих ресурсов, рынком сбыта для ее товаров, важнейшим фактором ее геополитического влияния в мире, в ООН. Соответственно, деколонизация должна была проходить под ее контролем¹⁷.

Де Голль, восхищавшийся Людовиком XIV, так высказывался о его внешней политике: «Для каждой проблемы старались найти не идеальное, а практическое решение. Исполняя его, не очень стеснялись в средствах, заботясь прежде всего о том, чтобы преследуемая цель точно отвечала возможностям государства»¹⁸.

Принцип «цель оправдывает средства» наиболее точно отражает суть системы «Франсафрик», которая и была создана при Ш. де Голле. Сам этот термин был впервые озвучен главным редактором газеты Аугре Ж. Риотом еще в 1945 г., таким образом он хотел подчеркнуть значение Французского союза для интересов Парижа¹⁹. Вскоре он был забыт, но в начале 1960-х годов. не только появился вновь, но и наполнился другим содержанием.

Ключевую роль в формировании «Франсафрик» сыграл Ж. Фоккар, возглавлявший генеральный секретариат по африканским и мальгашским делам в составе президентской администрации. О нем много писали, причем самая мягкая характеристика, которую можно найти — «серый кардинал». Многие авторы, особенно африканские, рисуют образ паука, связавшего в тени гигантскую паутину, в которую попали целые страны, его одолевала жажда власти. Но есть и другие мнения. К примеру, Ж.-П. Ба, сотрудник Национального архива Франции, отвечавший за «Фонд Фоккара» (т.е. служебный архив), не отрицая честолюбия Фоккара, видит в нем «слугу государства» деголлевского образца,

¹⁵ Grandes lois de la république. Loi N56—19 du 23 juin 1956 autorisant le Gouvernement à mettre en œuvre les ré et à prendre les mesures propres à assurer l'évolution des territoires relevant du Ministère de la France d'outre-mer // URL: <https://mjp.iniv-perp.fr/France/loi1956—619.html> (дата обращения: 06.11.2023).

¹⁶ Габон, Верхняя Вольта (Буркина-Фасо), Дагомея (Бенин), Конго (Браззавиль), Кот-д'Ивуар, Мавритания, Мадагаскар, Федерация Мали (Мали-Сенегал), Нигер, Чад, Центральная Африканская Республика (ЦАР).

¹⁷ Foccart parle. Entretiens avec Philippe Gaillard. T. 1—2. Paris, 1995—1997. T. 1. P. 216.

¹⁸ *Gaulle Ch. de. Le Fil de l'Épée*. Boulogne-Billancourt, 1969. P. 57.

¹⁹ Une histoire de la Franceafricaine. P. 27—28

вдохновлявшегося национальными интересами Франции, как он их понимал. А понимал он их точно так же, как де Голль. Совпадали и их взгляды на методы, коими их следовало защищать. Отсюда беспрецедентное доверие, которое первый президент Пятой республики оказывал своему подчиненному²⁰.

Фоккар, наладивший связи со многими профранцузски настроенными представителями элит колониальных территорий еще когда был членом сенатской группы по африканским делам от голлистской партии Объединение французского народа (RPF), существовавшей в 1947–1955 гг., энергично взялся за дело. Бывший предприниматель, ставший в годы Второй мировой войны участником Сопротивления и работавший на спецслужбу «Сражающейся Франции» — Центральное бюро разведки и действий, он обладал искусством проведения закулисных переговоров, хорошо разбирался в финансово-экономических вопросах и специфике тайных операций. «Господин Африка», как его вскоре стали называть, сыграл ключевую роль в навязывании новым государствам договоров о взаимной обороне, позволивших Парижу не только сохранить на их территориях военные базы, но и внедрить в их вновь создаваемые армии французских советников и технических консультантов, занимавшихся закупками вооружений (естественно, французских). Обычно французские военные становились адъютантами при президентах и премьер-министрах. Тесно опекались также спецслужбы, полиция, жандармерия молодых государств. Зачастую прикомандированные от аналогичных французских структур, они занимали в них руководящие посты.

Для продвижения и претворения в жизнь выгодных для Франции соглашений экономического характера, усиления позиций французского капитала в 1959 г. было образовано министерство кооперации, официально призванное координировать оказание помощи развивающимся странам. Под эгидой Фоккара оно прибрало к рукам африканскую политику в целом, оттеснив МИД Франции. Послы, старшие дипломаты во вновь создаваемых посольствах были ставленниками «Господина Африка», обычно ранее они были чиновниками колониальной администрации. Стоит указать, что Фоккар курировал также африканский отдел Службы внешней документации и контрразведки Франции (SDECE) — основной французской спецслужбы.

В финансово-экономической области Фоккар уделял большое внимание сохранению «африканского франка». Он был запущен в оборот в 1945 г. в трех видах в зоне Западной Африки²¹, в зоне Центральной Африки²², на Мадагаскаре и Коморских островах. Каждую зону обслуживал специально созданный банк. Привязанный к франку французскому и контролировавшийся через ряд механизмов казначейством и Банком Франции, «африканский франк» в колониальную эпоху был одним из главных инструментов перекачивания ресурсов из территорий в метрополию. После деколонизации он стал еще и важнейшим инструментом французского контроля за экономиками новых государств²³.

Для достижения поставленных целей Фоккар использовал различные методы, в том числе подкуп политиков и чиновников, коррупционные схемы, тайные операции, открытое военное вмешательство. Однако предпочтение отдавалось использованию личных связей с африканскими деятелями, которые устанавливались и поддерживались на основе принципа «рука руку моет». Это способствовало той одиозности, которую приобрел со временем термин «Франсафрик». Де Голль не любил встречаться с африканскими лидерами и ни разу не посетил бывшие колонии в качестве президента. Но он практически ежедневно обсуждал с Фоккаром ситуацию в них и его предложения по решению возникающих проблем, хотя предпочитал «не вникать в конкретные детали, которые требовали сложных и, возможно, неприятных разъяснений»²⁴. В целом он закрывал глаза на то, что подавляющее боль-

²⁰ Bat J.-P. Le syndrome Foccart. La politique française en Afrique de 1959 à nos jours. Paris, 2012. P. 56–82.

²¹ Сегодня в эту зону входят: Бенин, Буркина-Фасо, Гвинея-Биссау, Кот-д'Ивуар, Мали, Нигер, Сенегал, Того.

²² Габон, Камерун, Конго (Браззавиль), ЦАР, Чад, Экваториальная Гвинея.

²³ Une histoire de la Françafrique. P. 488–490.

²⁴ Foccart parle. T. 1. P. 149.

шинство ладящих с Парижем африканских лидеров устанавливали диктаторские режимы и жестоко подавляли оппозицию. В ответ на лояльность Франции они обычно получали ее поддержку, вплоть до военной. К примеру, в 1964 г. по приказу Ш. де Голля французские парашютисты подавили военный переворот в Габоне, вернув на пост президента Л. Мба.

Среди «столпов Франсафрик» был и президент Кот-д'Ивуара Ф. Уфует-Буаны (1960–2001). Он не ограничивался лояльностью Франции у себя дома, но активно поддерживал ее политику экспансии, вдохновлявшуюся Ж. Фоккаром, в отношении государств, не являвшихся бывшими французскими колониями. В этой связи можно, например, упомянуть попытку оторвать с помощью наемников в 1961 г. от бывшего бельгийского Конго (с 1971 г. — Заир, с 1997 г. — Демократическая республика Конго) провинцию Катангу, богатую залежами медной и кобальтовой руд. Операция не удалась, и в дальнейшем Париж переориентировался на поддержку президента страны С. Мобуту, несмотря на его коррумпированность и репрессивный режим. Отчасти данную политику можно объяснить тем, что в этой стране было наибольшее в Африке число жителей, владеющих французским языком. Однако попытка отделения от англоязычной Нигерии нефтедобывающего региона, объявившего себя в 1967 г. при поддержке Парижа независимым государством Биафра, явно не вписывалась в стратегию «франкофонии». Речь шла уже о стремлении потеснить англосаксов, в частности Великобританию. Однако Нигерия получила поддержку и от Англии, и от США, которые в разгар холодной войны признавали за Францией роль «африканского жандарма», но не за счет своего британского союзника. Оказал помощь Нигерии по своим причинам и СССР. В результате операция, в которой были задействованы SDECE, государственная нефтяная кампания Elf, наемники, подставные фирмы, поставлявшие в регион оружие, с треском провалилась. Не помогла кампания во французских СМИ по поводу «геноцида» населения Биафры со стороны правительственной армии, инспирированная SDECE. Через год после ухода де Голля от власти, в 1970 г., Биафра прекратила существование. Последствия гражданской войны были ужасающими, число жертв, военных и гражданских, исчислялось сотнями тысяч²⁵.

Фиаско в Нигерии не привело к падению Ж. Фоккара. Президент Ж. Помпиду (1969–1974) считал систему отношений «Франсафрик» необходимой для интересов Франции и поэтому не стал менять ни ее, ни ее вдохновителя. Но в отличие от де Голля, новый глава государства нанес визиты в ряд из них, а в 1973 г. инициировал саммит с африканскими лидерами в Париже. Воспитанник Банка Ротшильда, он придавал меньшее значение тайным операциям и большее сохранению «африканского франка» и соглашениям экономического характера. Он вначале поддерживал инициативу госсекретаря по делам кооперации П. Билькока по сокращению расходов на «кооперантов», т.е. технических консультантов и преподавателей, направляемых в страны Африки. Они исчислялись тысячами и стоили очень дорого, при этом расходы проводились по графе «помощь развитию». Как пишет французский журналист-африканист А. Глазер, французские преподаватели в школах и университетах не только получали зарплаты в разы больше, чем их африканские коллеги, но проживали в красивых виллах в богатых кварталах городов, прежде всего столиц²⁶. Конечно, подобная «помощь развитию» раздражала африканцев. Однако Фоккар, посчитавший, что отмеченная инициатива ведет ко «второй деколонизации Африки», пресек ее и добился отставки Билькока²⁷.

В это время в ряде бывших колоний стало нарастать недовольство «африканским франком». В 1973 г. из него вышли Мадагаскар и Мавритания. Ж. Помпиду пришлось пойти на перемещение центральных офисов двух специальных банков из Парижа в Яунде, столицу Камеруна, и Дакар, столицу Сенегала, а также на уменьшение объемов их обязательных валютных резервов во французском казначействе. В целом, однако, неоколониальная модель экономических и финансовых обменов с африканскими партнерами сохранилась.

²⁵ Verschave F.-X. Op. cit. P. 140–151.

²⁶ Glaser A. Arrogant comme un français en Afrique. Paris, 2016. P. 83.

²⁷ Foccart parle. T. 2. P. 82.

В то же время Помпиду стал единственным французским президентом, который не применял в Африке военную силу.

Парадоксальным образом президент В. Жискара д'Эстен (1974–1981), принадлежавший к так называемым либеральным правым и стремившийся утвердить новый стиль в политике, внутренней и внешней, возродил силовые методы «Франсафрик» на Африканском континенте. С его приходом к власти Ж. Фоккар покинул президентскую администрацию и был вынужден ограничиться работой по африканским вопросам в голлистской партии²⁸, которую возглавлял Ж. Ширак, затем в качестве советника последнего в бытность его премьер-министром (1974–1976; 1986–1988) и мэром Парижа (1977–2005). Но Жискара д'Эстен продолжил практику «Франсафрик» без него. Он, с одной стороны, регулярно проводил саммиты с африканскими лидерами, укреплял с ними личные связи, с другой — прибегал к тайным операциям и военным акциям, когда считал, что они в интересах Парижа.

Речь шла не только о бывших французских колониях. Стоит упомянуть, например, продолжившуюся поддержку режима Мобуту в Заире. В 1979 г. он, однако, был свергнут и бежал из страны. Франция при Жискара д'Эстене втайне поставляла в ЮАР, осуждаемую международным сообществом за апартеид, вооружения, вопреки санкциям ООН, которые официально поддерживала²⁹.

В качестве примера действий Франции в этот период на своих бывших колониальных территориях можно отметить отстранение от власти в ЦАР Ж.-Б. Бокасса, возглавившего страну в результате военного переворота в 1966 г. и объявившего себя в 1976 г. императором. Его жестокость по отношению к собственному народу, подавление оппозиции, беспрецедентное разворовывание государственных средств, эксцентричность мало волновали Париж до тех пор, пока он не начал сближаться с Югославией, Румынией, но особенно с Ливией во главе с полковником М. Каддафи. Поползновения последнего на территории в регионе Сахеля, в частности в Чаде, воспринимались Парижем крайне болезненно. В 1979 г. Ж.-Б. Бокасса был свергнут подразделением французских парашютистов (операция «Барракуда») и заменен Д. Дако, который был президентом ЦАР в 1960–1966 гг. Но изгнание Бокасса дорого обошлось Жискара д'Эстену. Накануне президентских выборов во Франции в 1981 г. разразился «бриллиантовый скандал», спровоцированный бывшим «императором». По словам последнего, Жискара д'Эстен, будучи министром финансов в 1969–1974 гг., получал от него «в подарок» бриллианты, которые не были сданы государству, как того требовал французский закон. Скандал сыграл не последнюю роль в том, что В. Жискара д'Эстен проиграл выборы лидеру социалистической партии Ф. Миттерану.

Новый президент (1981–1995) объявил «разрыв» с прежними методами африканской политики. В мае 1982 г. он совершил первое турне по Африке, в ходе которого провозгласил лозунг: «Присутствие, но не вмешательство»³⁰. В дальнейшем на франко-африканских саммитах он акцентировал внимание на необходимости демократических преобразований на континенте, особенно после разрушения в 1989 г. Берлинской стены, «бархатных революций» в Восточной Европе, исчезновения СССР. Однако, как отмечает Ж.-П. Ба, продекларированный Ф. Миттераном «разрыв с прошлым», т.е. с «Франсафрик», так и не состоялся. При новом президенте не только сохранилось «африканское подразделение» Елисейского дворца, но его вновь укрепили прежними кадрами Ж. Фокара. Новинкой стало участие в нем сына президента Ж.-К. Миттерана. Подразделение тесно сотрудничало со вновь образованным в 1982 г. Главным департаментом внешней безопасности, которому

²⁸ После роспуска RPF в 1955 г. был создан Союз за новую республику. В 1967 г. переименован в Союз демократов за республику, в 1976 — в Объединение в поддержку республики (RPR). В 2002 г. вместе с партией, основанной Жискара д'Эстеном, — Союз за французскую демократию — вошло в Союз за народное движение.

²⁹ *Bat J.-P.* Op. cit. P. 392.

³⁰ Discours de M. François Mitterrand, Président de la République, au palais des congrès, Niamey, jeudi, 20 mai 1982 // URL: <https://www.elysee.fr/francois-mitterrand/1982/05/20/discours-de-francois-mitterrand-au-palais-des-congres-niamay-jeudi-20-mai-1982> (дата обращения: 16.11.2023).

были преданы большая часть функций и кадров SDECE³¹. О реальной африканской политике Миттеррана говорит тот факт, что в 1981–1995 гг. Франция осуществила на континенте вдвое больше военных вмешательств, чем в 1958–1981 гг.³²

Но именно при Миттерране произошли два события, которые нанесли сильнейший удар по позициям Франции на континенте и рикошетом по «Франсафрик». В марте 1993 г. голлистская RPR выиграла парламентские выборы и премьер-министром до мая 1995 г. стал ее представитель Э. Балладюр (так называемое сожительство социалистов и голлистов). С ведома Миттеррана, в 1994 г. он навязал девальвацию в два раза «африканского франка» тем государствам, где он имел хождение. Уменьшение в два раза его покупательной способности повлекло за собой резкое обеднение населения в этих государствах и увеличение их внешнего долга. Понятно, что это не могло не вызвать всплеска антифранцузских настроений.

Второе событие носило значительно более трагический характер. Речь идет о геноциде народности тутси в Руанде со стороны этнического большинства хуту в 1994 г. Французские подразделения, имевшиеся там и в соседнем Заире, бездействовали. Однако, когда ополчение тутси одержало победу в гражданской войне, они провели операцию «Бирюза», фактически спасшую авторов геноцида. В марте 2021 г. специальная комиссия, созданная ранее по поручению президента Э. Макрона, вручила ему доклад, в котором указывалось на ответственность Ф. Миттеррана, поддерживавшего власть хуту, за эту «ошибочную» политику³³. Но к аналогичному выводу сразу после событий пришли многие африканцы, что, естественно, весьма негативно повлияло на репутацию Франции на континенте. Стоит добавить, что Руанда, добивавшаяся от Франции признания своей вины, разорвала в 2003 г. дипломатические отношения с ней (восстановлены в 2006 г.). В том же году она перевела с французского на английский язык государственный аппарат, а в 2010 г. — школьное образование.

События в Руанде повлияли и на французскую общественность, которая ранее мало интересовалась африканскими делами. Публиковавшиеся в стране разоблачения практики «Франсафрик» волновали в основном африканскую диаспору. Но появившаяся в 1998 г. книга Ф.-К. Вершава «Франсафрик. Самый долгий скандал республики» произвела эффект разорвавшейся бомбы. Вершав, руководитель неправительственной организации «Выживание», занимавшейся проблемами Африки, подробно описал методы «фоккартизма» и пояснил, что они полностью противоречат тенденции к эмансипации стран континента и рано или поздно обернутся подрывом французских позиций в них³⁴. Несоизмеримо больший эффект книга произвела на африканцев, среди которых и ранее зрело недовольство политикой Франции. Многие из них полагали, что «помощь» Франции лишь усугубляла их проблемы, в частности низкий уровень экономического развития, недостаточную грамотность и бедность.

Ж. Ширак, став президентом (1995–2007), ввел Ж. Фоккара в свою администрацию, но проработал он там недолго (Фоккар умер в 1997 г.). Однако его методами в целом продолжали руководствоваться. Новому главе государства они не смущали, он применял их еще на посту премьер-министра. Но нужно было реагировать на реакцию после выхода книги в Африке и критику внутри Франции. За эту задачу взялся премьер-министр социалист Л. Жоспен (1997–2002) в рамках очередного «сожительства» Французской социалистической партии и голлистов. В 1999 г. министерство кооперации было упразднено, а его функции переданы МИД Франции. Ранее, в 1998 г., на базе Французского фонда развития было образовано Французское агентство развития с более широкими полномочиями и финансированием, призванное оказывать помощь бедным странам, прежде всего африканским. В 2000 г. была

³¹ Bat J.-P. Op. cit. P. 144.

³² Une histoire de la Françafrique. P. 609.

³³ La France, le Rwanda et le génocide des Tutsi (1990–1994) — Rapport remis au Président de la République § 26 mars 2021 // URL: <https://www.vie-publique.fr/rapport/279186-rapport-duclert-la-France-et-le-rwanda-et-le-genocide-des-tutsi-1990-1994> (дата обращения: 17.11.2023).

³⁴ Verschave F.-X. Op. cit. P. 187.

ликвидирована нефтяная кампания Elf, прославившая филиалом французских спецслужб. Ее активы были переданы компании Total. В оборонной области превалировало содействие африканским государствам в укреплении собственных армий, хотя французские базы на их территории оставались.

Но подобные меры вряд ли были достаточными, чтобы купировать возраставшее недовольство африканцев политикой Франции. Они не могли быть более масштабными, поскольку властные круги страны были по-прежнему привержены неокOLONиальной модели отношений, включающей элементы «Франсафрик». Однако на словах они были вынуждены теперь осуждать последнюю. Отдал дань этой моде и Н. Саркози, руководивший в 2005–2007 гг. министерством внутренних дел. В ходе визита в Бенин в 2006 г., например, он говорил не только о необходимости продвижения демократии в африканских странах, но и строительстве с ними «транспарентных отношений, опирающихся на нормальные политико-дипломатические институты... отказе от связей из другой эпохи, полуофициальных эмиссаров, подношений, тайной деятельности и двойных стандартов»³⁵. Тем не менее, став главой государства (2007–2012), он уже подчеркивал: «Франция не должна ссориться со своими историческими друзьями»³⁶. Н. Саркози быстро нашел взаимопонимание с последними, к примеру с президентом Габона О. Бонго, правившим страной с 1967 г. После его кончины в 2009 г. Париж поддержал передачу власти его сыну А. Бонго, несмотря на протесты оппозиции. В то же время в 2011 г. по приказу Н. Саркози французские парашютисты сыграли главную роль в свержении президента Кот-д’Ивуара Л. Гбагбо, отказавшегося признать свое поражение на выборах 2010 г. Теоретически Франция действовала в соответствии с решением ООН, признавшим победителем его соперника А. Каттару. Но мандат ООН не предусматривал низложение Гбагбо с помощью военной силы. В экономической области сохранялся курс на преимущественную эксплуатацию африканских природных ресурсов и обеспечение выгодных контрактов французским компаниям. Особо стоит отметить активное содействие Парижа укреплению позиций в Африке миллиардера В. Боллоре, владеющего там крупными объектами транспортной инфраструктуры, в частности портами, и связанного с Н. Саркози узами личной дружбы³⁷. На этом фоне переименование в 2010 г. саммитов «Франция — Африка» в «Африка — Франция» прошло малозамеченным.

В 2011 г., как известно, по приказу Саркози, Франция совместно с Великобританией и при поддержке НАТО осуществила вооруженную интервенцию в Ливии, повлекшую плачевные последствия для влияния Франции в Сахеле. В результате разгрома ливийского государства в регион хлынул поток оружия, а позже туда переместились и возникшие в ходе начавшейся гражданской войны формирования джихадистов. Будет нелишним добавить, что на Н. Саркози во Франции после его ухода от власти было заведено уголовное дело по обвинению в незаконном получении денег от М. Каддафи на финансирование своей избирательной кампании 2007 г.

Победивший на выборах президента Франции в 2012 г. социалист Ф. Олланд начал с заявлений, что время «Франсафрик» прошло и нужно строить с африканскими странами отношения партнерства. Он, видимо, хотел отойти от патерналистского, покровительственного тона, которым грешили его предшественники на посту главы государства, и заверял африканцев, что он не намерен «навязывать им какую бы то ни было модель общества... и поучать их»³⁸. На практике Ф. Олланд, с одной стороны, декларировал продвижение в Аф-

³⁵ Ministère de l’Intérieur. Déplacement de M. Nicolas Sarkozy au Bénin. 19.05.2006 // URL: <https://www.mobile.interieur.gouv.fr/Arcives/Archives/ministres-de-l-Interieur/Archives-de-Nicolas-Sarkozy-2005-2007/Interventions/19.05.2006-Deplacement-de-M-Nicolas-Sarkozy-au-Benin> (дата обращения: 18.11.2023).

³⁶ Une histoire de la Françafrique. P. 816.

³⁷ La croisière de Nicolas Sarkozy à bord d’un yacht luxueux suscite de vive critiques à gauche // Le Monde. 9.V.2012. URL: https://www.lemonde.fr/societe/article/2007/05/09/l-escapade-de-m-sarkozy-sucite-de-vives-critiques_907619_3224.html (дата обращения: 19.11.2023).

³⁸ Déclaration de M. François Hollande, Président de la République, sur ses relations entre la France et l’Afrique, à Dakar le 12 octobre 2012 // URL: <https://www.vie-publique.fr/>

рике демократии, представляя ее панацеей от всех бед континента, с другой — вполне уживался с некоторыми дружественными Франции правителями, обвиняемыми оппозицией в фальсификации выборов, к примеру А. Бонго в Габоне. В этом смысле он мало отличался от Миттерана или Саркози. Но ему пришлось действовать в другом африканском контексте. Как указывается в коллективном труде «История Франсафрик. Империя, которая не хотела умирать», нынешняя африканская молодежь, составляющая большинство населения, придает меньшее значение форме правления и большее — способности власти обеспечивать реальную национальную независимость, которая рассматривается как главное условие успешного развития³⁹. Растущему самоутверждению африканцев способствует то, что они могут сегодня обратиться за поддержкой к новым активным игрокам на континенте — Китаю, России, Индии, Турции, Ирану. Стоит указать, что по размеру финансовой помощи, предоставляемой африканским странам, Францию превзошли США, Германия и Япония⁴⁰.

Олланд, естественно, не мог ответить на запрос африканцев на все большую самостоятельность, поскольку его целью, как и других французских президентов, было удержать африканские страны на орбите Парижа, сохранить их экономическую и военную зависимость от Франции. Он попытался укрепить французское влияние, противодействуя джихадистским движениям в регионе Сахеля, где они усилились в результате свержения режима Каддафи. В 2013 г. Франция начала военную операцию «Сервал» в Мали, переросшую в 2014 г. в операцию «Бархан», затронувшую пять стран — Буркина-Фасо, Мавританию, Мали, Нигер, Чад. Первоначально эти операции развивались успешно, но затем застопорились, несмотря на поддержку ЕС и ООН. К моменту прихода к власти Макрона во Франции в 2017 г. их перспективы были уже неясны. Джихадисты оказались ближе к конкретным нуждам местного населения, его ментальности, им удавалось «растворяться» в нем в случае опасности. Французские военные жаловались на недостаточность человеческих и материальных ресурсов, которые смог им предоставить Париж. Местные армии, полицейские структуры, спецслужбы оказались ненадежными, прежде всего из-за повсеместной коррупции.

Макрон, который неоднократно называл Африку «континентом будущего», где, по прогнозам, к 2050 г. должны проживать 700 млн франкоязычных жителей⁴¹, тоже включил ее в число главных приоритетов внешней политики Парижа. Специальным указом он образовал Президентский совет по делам Африки, попытался убедить африканцев, что придерживается новаторского подхода в отношениях с ними, исключая практику «Франсафрик». В ноябре 2020 г. в интервью журналу *Jeune Afrique* («Молодая Африка») он не просто повторил призыв совместно бороться с вызовами современности, но добавил в него лирическую нотку: «Между Францией и Африкой должна быть история любви»⁴².

Увы, конкретных шагов, призванных улучшить качество франко-африканских отношений, оказалось немного. К ним можно отнести, например, создание Инвестиционного фонда при Французском банке развития, который должен поддерживать мелкий и средний бизнес на континенте или договоренность с государствами Юго-Западной Африки о введении вместо «африканского франка» новой валюты ЭКО, больше учитывающей их интересы⁴³. Но запуск в оборот ЭКО был отнесен на 2027 г. Трудно сказать, подняли ли престиж Франции или, наоборот, понизили выводы специальной комиссии об ответственности Миттерана за «ошибочную» политику в Руанде в 1994 г. или передача властям

discours/186104-declaration-de-m-francois-holland-president-de-la-republique-sur-les-relations-entre-la-france-et-l-afrique (дата обращения: 19.11.2023).

³⁹ Une histoire de la Françafrique. P. 22, 1172.

⁴⁰ Rieker P. Politique africaine et méditerranéenne de la France // La France dans le monde / sous la direction de F. Charillon. Paris, 2021. P. 124.

⁴¹ Turpin A. Op. cit. P. 7.

⁴² Roger B., Yahmed M. Exclusif-Emmanuel Macron: «Entre la France et l'Afrique, ce doit être une histoire d'amour» // *Jeune Afrique*. 20.XI.2020. URL: <https://www.jeuneafrique.com/1076943/politique/exclusif-emmanuel-macron-entre-la-france-et-lafrique-ce-doit-etre-une-histoire-d-amour/> (дата обращения: 01.11.2023).

⁴³ Rieker P. Op. cit. P. 120.

Буркина-Фасо 2020 г., по приказу Макрона, французских материалов об убийстве в 1987 г. при невыясненных обстоятельствах президента этой страны Т. Санкары.

Будет нелишним упомянуть, что по окончании выступления президента в Университете Уагадугу в ноябре 2017 г. африканская студентка спросила его, почему бы Франции не тратить меньше на военные базы в странах континента и больше на помощь системе образования в них. Макрон ответил, что французские военные в Африке «делают очень важное, очень нужное дело»⁴⁴. Сразу после избрания на пост главы государства в мае 2017 г. он посетил французские части в Мали, чтобы показать, какое большое значение Париж придает их присутствию на африканской земле. Но по иронии судьбы, именно в правление Макрона операция «Бархан» завершилась полным провалом. Французские войска были вынуждены, по требованию местных властей, покинуть сначала ЦАР, а после военных переворотов в Буркина-Фасо, Мали, Нигере и эти страны. В Мали и Нигере дошло до разрыва дипломатических отношений с Парижем. Особенно чувствительным для Макрона оказался уход из Нигера, который является основным поставщиком руды для производства французского оружейного урана⁴⁵. Стоит отметить, что Макрон не признал новую нигерийскую власть, однако не рискнул употребить военную силу, бывшую ранее важнейшим инструментом «Франсафрик». Мобилизация же на ее свержение Экономического сообщества государств Западной Африки забуксовала.

Многие французские политики и журналисты, объясняя ослабление влияния страны в Африке, отмечают «нелояльную конкуренцию» других внешних игроков, особенно Китая и России. В докладе об отношениях между Францией и Африкой, подготовленном группой депутатов Национального собрания в 2023 г., данный тезис тоже присутствует. Все же главной причиной кризиса французского влияния они называют «устарелость» политики Парижа, не учитывающей изменения, происшедшие на континенте в последние десятилетия, в частности укрепление предпринимательской прослойки, появление среднего класса, осознание экономических и климатических вызовов, усиление национального самосознания и стремления к самостоятельности. Быстрое распространение информационных технологий способствует утверждению африканской идентичности, росту интереса к собственной истории и культуре. В докладе указывается на необходимость предложить африканским странам «подлинное партнерство», существенно увеличить французские инвестиции в их экономику, образование, здравоохранение, проекты культурного характера. Авторы выражают также уверенность, что у Франции остается много козырей на континенте, к примеру исторически сложившиеся связи в различных сферах, в том числе военной, совместные или принадлежащие французскому капиталу предприятия, высококвалифицированные специалисты-африканисты, «франкофония», но нужно более умело ими пользоваться. Особые надежды в докладе возлагаются на широкомасштабное вовлечение в африканские дела Евросоюза и строительство своего рода «Евроафрик», что, по мнению авторов, будет в интересах Франции⁴⁶. Сможет ли она изменить нынешнюю ситуацию в свою пользу, опираясь на эти козыри, вопрос остается открытым.

Библиография / References

Высоцкая Н.И. Африканская политика Франции. М., 2006.

Зверева Т.В. Внешняя политика современной Франции. М., 2014.

Зуева К.П. Внешняя политика Франции в эпоху неоголлизма // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 1. С. 70–79.

⁴⁴ Burkina Faso: ce qu'il faut retenir du discours d'Emmanuel Macron.

⁴⁵ Machecourt C. La France dépend-elle vraiment de l'uranium du Niger? // Le Point. 1.VIII.2023. URL: https://www.lepoint.fr/afrique/la-France-depend-elle-vraiment-de-l-uranium-du-Niger-01-08-2023-25302229_3826.php (дата обращения: 25.11.2023).

⁴⁶ Assemblée nationale. Rapport d'information № 1841 sur les relations entre la France et l'Afrique, déposé le 8 novembre 2023 // URL: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/rapport/cion_afetr/116b1841_rapport-information# (дата обращения: 22.11.2023).

- Оби́чкина Е.О. Внешняя политика Эммануэля Макрона: поиски геополитической стратегии в разлажившейся мировой иерархии // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 3. С. 235–274.
- Рубинский Ю.И. Франция: время Саркози. М., 2011.
- Трунов О.Ф. Постколониальный французский Сахель: стратегическое проникновение ФРГ // Политическая наука. 2022. № 1. С. 205–223.
- Филиппова В.Р. «Франсафрик» и этика в международных отношениях // Вестник РУДН. 2017. Т. 17. № 2. С. 402–415.
- Filippova V.R. “Fransafrik” i etika v mezhdunarodnykh otnosheniyah [“Francafric” and ethics in international relations] // Vestnik RUDN [Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia]. 2017. T. 17. № 2. S. 402–415. (In Russ.)
- Obichkina E.O. Vneshnyaya politika Emmanuelya Makrona: poiski geopoliticheskoi strategii v razladvivsheysya mirivoi ierarhii [Foreign policy of Emmanuel Macron: the search for a geopolitical strategy in a disordered world hierarchy] // Aktualnie problemi Evropi [Current problems of Europe]. 2021. № 3. S. 235–274. (In Russ.)
- Rubinsky Yu.I. Frantsiya: vremya Sarkozy [France: the time of Sarkozy]. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Trunov O.F. Postkolonialniy frantsuzskiy Sahel: strategicheskoye proniknoveniye FRG [Post-colonial French Sahel: the strategic penetration of the Federal Republic of Germany] // Politicheskaya nauka [Political Science]. 2022. № 1. S. 205–223. (In Russ.)
- Visotskaya N.I. Afrikanskaya politika Frantsii [African policy of France]. Moskva, 2006. (In Russ.)
- Zueva K.P. Vneshniya politika Frantsii v epohu neogollisma [Foreign policy of France in the era of neogaullism] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodniye otnosheniya [World economy and international relations]. 2004. № 1. S. 70–79. (In Russ.)
- Zvereva T.V. Vneshniya politika sovremennoi Frantsii [Foreign policy of the contemporary France]. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Arel F., Laske K. Avec les compliments du Guide. Sarkozy-Kadhafi, l’histoire secrète. Paris, 2017.
- Bat J.-P. Le syndrome Foccart. La politique française en Afrique de 1959 à nos jours. Paris, 2012.
- Bozo F. La politique étrangère de la France depuis 1945. Paris, 2019.
- Carpentier J., Lebrun F. Histoire de France. Paris, 1987.
- Duby G. Histoire de France. Paris, 1970.
- Foccart parle. Entretiens avec Philippe Gaillard. T. 1–2. Paris, 1995–1997.
- Gaulle Ch. de. Discours et messages. Pendant la guerre 1940–1946. Paris, 1946.
- Gaulle Ch. de. Le Fil de l’Épée. Boulogne-Billancourt, 1969.
- Glaser A. Arrogant comme un français en Afrique. Paris, 2016.
- Guillemin Ph. Les élus d’Afrique noire à l’Assemblée nationale sous la Quatrième République // Revue de science politique. 1958. Vol. VIII. № 4. P. 861. URL: https://www.persee.fr/doc/rfsp_0035-2950_1958_num_8_4_392489 (access date: 06.11.2023).
- Lefebvre M. La politique étrangère de la France. Paris, 2019.
- Machecourt C. La France dépend-elle vraiment de l’uranium du Niger? // Le Point. 1.VIII.2023. URL: https://www.lepoint.fr/afrique/la-France-depend-elle-vraiment-de-l-uranium-du-Niger-01-08-2023-25302229_3826.php (access date: 25.11.2023).
- Rieker P. Politique africaine et méditerranéenne de la France // La France dans le monde / sous la direction de F. Charillon. Paris, 2021.
- Roger B., Yahmed M. Exclusif- Emmanuel Macron: “Entre la France et l’Afrique, ce doit être une histoire d’amour” // Jeune Afrique. 20.XI.2020. URL: <https://www.jeuneafrique.com/1076943/politique/exclusif-emmanuel-macron-entre-la-France-et-lafrique-ce-doit-etre-une-histoire-d-amour/> (access date: 01.11.2023).
- Turpin A. La France et la francophonie politique: Histoire d’un ralliement difficile. Paris, 2018.
- Une histoire de la Françafrique. L’empire qui ne veut pas mourir / sous la direction de T. Borrel, A. Boukari-Yabara, B. Collombat, T. Deltombe. Paris, 2023.
- Verschave F.-X. La Françafrique. Le plus long scandale de la République. Paris, 1998.

DOI: 10.31857/S0130386424010036

© 2024 г. Н.Н. ФЕДОСЕЕНКОВ

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ТИПОГРАФИЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО ИСКУССТВА И ПРОСВЕЩЕНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII века К 300-летию Российской академии наук

*Федосеенков Николай Николаевич — директор Федерального государственного бюджетного учреждения «Издательство “Наука”», член Российского исторического общества (Москва, Россия).
E-mail: nf@naukapublishers.ru
ORCID: 0009-0004-2101-7247*

Аннотация. В статье рассматривается время становления научной печати в России, когда в соответствии с планами Петра I в Санкт-Петербурге под эгидой только что образованной Академии наук и художеств заработала типография, которая является прямым предшественником современного Издательства «Наука». Академическая типография в первые же десятилетия своего существования стала не только одним из самых передовых предприятий того времени, но и важным образовательным центром. Ее мастера со временем налаживали работу в других типографиях как в столицах, так и по всей России. Типография была подразделением Академии наук и, выполняя свои прямые обязанности, участвовала также и в учебном процессе. Ввиду отсутствия в тогдашней России централизованного художественного образования типография и ее мастерские стали просветительским учреждением, в том числе учебным, и в этой области. В непосредственном контакте с нею работали художественные палаты, собравшие гравёров, рисовальщиков, мастеров типографского дела. До учреждения в 1757 г. Академии художеств типография и связанная с ней Рисовальная палата с Рисовальной школой были важнейшими центрами художественного образования в России. Выдающуюся просветительскую роль сыграли и книги, а также периодические издания, выходившие в типографии в первой половине XVIII в., когда она была единственным в Российской империи центром научной и научно-популярной печати. В статье прослежены этапы становления традиций типографии, представлены ее первые проекты. Автор приходит к выводу, что именно в Академической типографии и в тех начинаниях Академии наук, в которых типография принимала активное участие, закладывались основы отечественной системы светского просвещения.

Ключевые слова: Академическая типография, Академия наук, Рисовальная палата, Рисовальная школа, художественные палаты, просвещение, Петр I, учеба, образование, книгопечатание, научное книгопечатание, периодическая печать.

N.N. Fedoseenkov

Academic Typography in the History of Russian Art and Enlightenment in the First Half of the Eighteenth Century. In honour of the 300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences

*Nikolay Fedoseenkov, Federal State Budgetary Institution Publishing House “Nauka”, Russian Historical Society (Moscow, Russia).
E-mail: nf@naukapublishers.ru
ORCID: 0009-0004-2101-7247*

Abstract. In this article the author explores the formation of the Russian academic printing industry. In accordance with the plans of Peter the Great, a printing house was established in St. Petersburg under the auspices of the newly founded Academy of Sciences, which is the direct predecessor of the modern Publishing House “Nauka”. In the first decades of its existence, the Academic Printing House became not only one of the most advanced enterprises of the time, but also an important educational centre. Its printers were eventually employed by other printing houses both in the capitals and throughout Russia. The Printing House was a subdivision of the Academy of Sciences and, fulfilling its immediate duties, was also involved in the educational process. Due to the lack of centralised art education in Russia at that time, the Printing House and its workshops became an educational institution in this field as well. Working in direct contact with it were the Chambers of Fine Arts, which brought together engravers, draughtsmen, and masters of typography. Prior to the establishment of the Academy of Arts in 1757, the Printing House and the associated Chamber of Drawing and School of Drawing were the most important centres of art education in Russia. The books and periodicals published in the Printing House in the first half of the eighteenth century, when it was the only centre of academic and popular scholarly printing in the Russian Empire, also played an outstanding educational role. The author traces the stages of formation of the Printing House’s traditions and presents its first projects. The author concludes that it was in the Academic Printing House and in those endeavours of the Academy of Sciences, in which the Printing House took an active part, that the foundations of the Russian system of secular education were laid.

Keywords: Academic Printing House, Academy of Sciences, Chambers of Drawing, School of Drawing, Chambers of Fine Arts, Enlightenment, Peter the Great, study, education, book printing, academic book printing, periodicals.

История научной печати в России неразрывно связана со временем, когда была задумана, основана и начала работу в столице Российской империи Академия наук. Но острая необходимость развивать издательское дело в стране ощущалась с первого десятилетия XVIII в. Государство, осознавая это, способствовало становлению книжного дела. Даже в военные времена Петр I находил возможность заниматься книгопечатными проектами: в 1700 г. он заказал в Амстердаме издание «Краткого собрания Льва Миротворца Августейшего Греческого Кесаря»¹.

В 1705 г. была создана Гражданская типография — первое в России специализированное предприятие по выпуску светских книг и гравюр. Переоснащалась старейшая русская типография — Московский печатный двор. Начало книгопечатанию в России было положено еще в XVI в., государство и церковь всячески способствовали его развитию. Одновременно получило импульс искусство гравюры, качество исполнения которых уже в первых изданиях Ивана Федорова и его современников было очень высоким². Первым книгоиздателям удавалось не только воспроизводить традиционные рисунки и буквицы искусных рукописных книг, но и осваивать некоторые наработки европейских мастеров гравюры. Однако школу с системным обучением будущих граверов и живописцев в России еще только предстояло сформировать.

Идея создания Академии наук Петром I предполагала и широкий замысел Академической типографии, будущего центра научной и придворной печати. Академия должна была стать, если воспользоваться формулировкой из более позднего Регламента Императорской академии наук, «первым ученым обществом в империи»³. Это еще один довод в пользу развития типографии, в продукции которой нуждаются и ученые, и преподаватели, и студенты. Без совершенствования книгоиздания, без выпуска научных книг и периодических изданий решение обеих основных задач академии было невозможно.

¹ Лютов С.А. Военное книгоиздание в России при Петре I // Военно-исторический журнал. 2007. № 5. С. 63.

² См.: Сидоров А.А. Древнерусская гравюра. М., 1951.

³ Уставы Российской академии наук. 1724–2009 / авт.-сост. В.И. Васильев, Н.А. Гордеева и др. М., 2009. С. 57.

По «Проекту положения об учреждении Академии наук и художеств», который обсуждали на заседании Сената в первые дни 1724 г., предполагалось, что академия должна была стать «социететом наук и художеств», и подчеркивалось, что «ныне в России здание к возрождению художеств и наук учинено быть имеет»⁴. Это входило в перечень первоочередных задач учреждаемой академии. Тем не менее сенаторы оставили без точного определения место будущего обучения рисовальному искусству. В штат сотрудников академии приняли гравера и живописца, чьи обязанности в основном были связаны с издательской деятельностью, которая должна была развернуться в Академической типографии. В то же время в классах академической гимназии началось обучение рисованию. Известны имена учеников гимназии (их было немного), которые посещали эти занятия⁵.

Л.Л. Блюментрост, лейб-медик Петра Великого и первый (1725–1733) президент Петербургской академии наук и художеств, знавший устройство европейских академий и университетов, отмечал различие между задачами этих двух институтов, объединенных в России в единую систему: «Хотя Академия из тех же наук и тако из тех же членов состоит, из которых и университет, однакоже обоим сии здания в иных государствах для множества ученых людей, из которых разные собрания сочинить можно, никакого сообщения между собою не имеют»⁶. При этом он подчеркивал единые задачи научного сообщества и всего просвещенного общества. В российских условиях слабо развитой на тот период светской науки и отсутствия большого количества потенциальных студентов совмещения функций университета и академии виделось логичным. На создание и развитие такой концепции повлияло мнение немецкого ученого-энциклопедиста Хр. Вольфа, который в то время преподавал в Марбургском университете и вел переписку с российскими сановниками. Его приглашали в Петербург для создания академии, он же в ответ обосновывал необходимость создания в Санкт-Петербурге университета⁷. Словом, формировался просветительский комплекс, в котором издательский блок должен был сыграть важную роль.

20 января 1724 г. Петр I направил в Сенат записку об учреждении академии, а уже к 22 января был готов проект «Положения об учреждении Академии наук и художеств», составленный по поручению императора Блюментростом. По этому «Положению», отредактированному Петром, академия действовала вплоть до 1747 г., что говорит о его системной жизнеспособности.

Петровский проект был не просто декларацией, каждое понятие в нем продумано и взвешено. Что касается искусства, имели значение широкие планы первого российского императора, прежде всего связанные со строительством Санкт-Петербурга. Предполагалось возводить величественные храмы, дворцы, резиденции государственных учреждений, которые не уступали бы зарубежным аналогам, сильно впечатлившим царя во время Великого посольства. Для этого требовались художники, оформители, знающие западноевропейские традиции. Было ясно, что выполнить такой объем работ без помощи иностранных специалистов невозможно. А собственных следовало обучать по методикам, которые в тогдашней России еще не получили широкого распространения.

В 5-м пункте «Положения» указывалось: «Тако ж устанавливаем да Академия имеет свою собственную типографию, с такою привилегиею, да вся та, яже или ко умножению учений служащая, или к приращению, или славе империи прислуживающая быти Академии рассудит, в печать издаются и продаются»⁸. Таким образом, Академическая типография еще в проекте получила привилегию по продаже собственных изданий, что также можно расценивать как стремление к централизации, в которой Петр и его соратники видели залог эффективной работы. При этом типография несколько лет обходилась скромным штатом в семь человек; количество сотрудников возросло более чем вдвое только к 1728 г. В то же

⁴ История Академии наук СССР. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 429.

⁵ Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 1. СПб., 1885. С. 219–220.

⁶ Уставы Академии наук СССР. 1724–1974 / отв. ред. академик Г.К. Скрыбин. М., 1974. С. 31.

⁷ Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870. С. 59.

⁸ Академическая типография. 1728–1928. Л., 1928. С. 7–8.

время задачи перед типографией стояли серьезные: от публикации объявлений о решениях академии до выпуска газеты *St. Petersburgische Zeitung* на немецком языке (выходившей тиражом 500 экземпляров). Отметим, что это было важным государственным заданием. Таким образом, академия, университет, типография (и издательское дело в целом) и государственный аппарат существовали как тесно связанные институты, выполняя обязательства по развитию наук и искусств.

Петр сетовал на узость читательской аудитории в России и в пропаганде образования вовсе не исключал насильственные методы. В указе от 5 ноября 1723 г. он писал: «Что мало охотников, и то правда, понеже наш народ яко дети не учения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но, когда выучатся, потом благодарят, что явно из нынешних лет, не все ль неволею сделано, и уже за многое благодарение слышится, от чего уже плод произошел»⁹. Император осознавал, что учебная книга должна быть не только содержательной, но и привлекательно выглядеть, а создание академии, которая активно займется издательской деятельностью, считал делом чести для страны.

Секретарь академии И.Д. Шумахер вспоминал о такой реплике Петра в разговоре с соратниками: «Славные наши ученые люди будут писать книги о всяких науках, которые прикажу я переводить на наш язык; выберу и поручу им молодых людей, которых они должны будут учить наукам по своим книгам и приготавливать их к тому, чтобы они могли других учить тем наукам. Другими ж сочинениями о своих науках и новых открытиях, которые будут они издавать на латинском языке, принесут они нам честь и уважение в Европе. Иностранцы узнают, что и у нас есть науки и перестанут почитать нас презрительными наук и варварами»¹⁰. Приведенная в воспоминаниях Шумахера цитата не подтверждается документально, но, сопоставленная с действиями Петра I, вполне укладывается в предложенный им проект развития наук не только как утилитарного приложения к военно-политическим задачам, но и как важной части престижа страны, для которого необходимо и развитие искусств, связанных с печатью.

Создание Академии наук, не копировавшей ни одно из европейских учреждений того времени, — одно из последних деяний Петра, и символично, что это был просветительский проект, в котором совмещались бы научно-исследовательская и учебная деятельность.

Академическая типография и в планах, и в реальности представляла собой многофункциональное предприятие, которое занималось целым рядом профессиональных направлений типографского дела и решало разнообразные просветительские, а со временем и прикладные учебные задачи. В ранние послепетровские годы, когда развитие светской системы образования в России делало первые шаги, а научные институты под эгидой академии пребывали в стадии становления, Академическая типография совмещала сразу несколько ипостасей, оформившихся в дальнейшем в отдельные направления издательского дела и художественного искусства.

Устоявшиеся представления о кризисе в академии, который наступил после смерти Екатерины I в 1727 г. (последняя способствовала исполнению воли покойного императора в отношении его научного детища), нуждаются в некотором переосмыслении. Мы судим об этом в основном по одному источнику — записке А.К. Нартова, члена академии, приглашенного заведовать Инструментальной палатой, Правительствующему сенату, в которой недавний соратник Петра I обрисовал неприглядное, с его точки зрения, положение дел в академии во времена императрицы Елизаветы Петровны. Критикуя деятелей академии, прежде всего тех, с кем он конфликтовал, он добивался устранения Шумахера от руководства, предлагал ряд преобразований, требовавших денежных вложений. Однако, как показало время, критика его была тенденциозной, а преобразования не пошли на пользу академии. Для типографии этот период стал временем испытаний и почти неизбежных

⁹ Полное собрание законов Российской Империи. Первое собрание. Т. 7. 1723–1727. СПб., 1830. С. 150–151.

¹⁰ Цит. по: *Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской академии наук. Л., 1947. С. 64.

финансовых трудностей. Однако можно говорить и о развитии издательского дела, и о новых подходах к подготовке кадров.

Издательская деятельность, в особенности если к ней относиться с такой взыскательностью, которая была свойственна Академии наук и придворным заказчикам типографии, невозможна без художников, граверов, создававших эстетику первых российских научных изданий. Изобразительное искусство на Руси с древних времен развивалось, по мнению многих исследователей, с опережением других искусств и областей знания¹¹. Правда, оно было связано почти исключительно с церковной традицией. Но в конце XVII в. стало очевидно, что без системного образования при поддержке государства дальнейшее развитие невозможно. Это осознал Петр I, пригласивший еще в Оружейную палату Москвы голландских граверов для обучения русских мастеров. Так, выучились мастерству братья Алексей и Иван Зубовы — первые выдающиеся русские граверы¹², работавшие как в резцовой технике, так и в технике офорта. Но таких мастеров явно не хватало.

Задачи научной и периодической печати требовали глубокого изучения европейской светской традиции книгопечатания в приложении к уже существовавшим к тому времени наработкам русского искусства рукописной и печатной книги. Как отмечает Н.Ю. Дунаева, традиционно обучение «происходило в форме ученичества. Система подготовки основывалась на способе наглядного практического обучения, осуществлявшегося непосредственно в процессе работы. Традиционно усвоение художественных образов, формировавшихся из поколения в поколение, передача навыков мастерства происходили в семье, где учителем часто выступал отец, а учеником — сын. Обучение, как правило, происходило в форме наглядного показа отдельных процессов изготовления и объяснения, как пользоваться инструментами. Главным было практическое овладение технологией мастерства»¹³. По существу, в академии и типографии первоначально обучение будущих мастеров шло по той же старинной схеме, но с активным участием иностранных мэтров, которые должны были передавать ученикам основы и премудрости светского изобразительного искусства, в то время как в России были распространены церковный и фольклорный стили.

В петровские времена, да и на протяжении всего XVIII в., в ходу были еще рукописные книги, в том числе учебные. Но учебные и научные книги, выполненные типографским способом, в условиях расширения системы светского образования становились все более востребованными. Их не хватало, а образование (в особенности военное образование) признавалось делом государственной важности. Поэтому профессиональное развитие Академической типографии происходило быстро, несмотря на материальные проблемы и необходимость постоянно закупать технику за рубежом. Статус академии обязывал издавать книги на высоком полиграфическом и художественном уровне.

Это способствовало тому, что к 1730-м годам в одном комплексе с типографией в академии стал складываться блок художественных мастерских. Первыми заработали четыре палаты, наиболее необходимые для налаживания издательского процесса — Словолитная, Переплетная, Гравировальная и Инструментальная. Причем в последнюю были включены разные мастерские: оптическая, слесарная, токарная и собственно инструментальная. Важнейшее значение в соответствии с традициями как русского, так и европейского книгоиздания придавалось Гравировальной палате. С развитием издательского дела при академии открылись еще две мастерские — Фигурная («Типография гравированных фигур»), ее сотрудники создавали отпечатки с гравированных досок, и Ландкартная, в которой трудились граверы — мастера словорезного и ландкартного дела, работавшие над литерами, а также географическими планами и картами.

¹¹ См., например: *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 8.

¹² *Алексеева М.А.* Гравюра петровского времени. Л., 1990.

¹³ *Дунаева Н.Ю.* Из истории обучения рисунку художников декоративно-прикладного искусства в России // Традиционное прикладное искусство и образование. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-obucheniya-risunku-hudozhnikov-dekorativno-prikladnogo-iskusstva-v-rossii> (дата обращения: 15.11.2023).

При этом специалистов — граверов и рисовальщиков — не хватало. Руководство академии понимало, что необходимо создавать школу для обучения художников, граверов, оформителей книг. О необходимости налаживания учебной работы в академических мастерских стали задумываться уже в 1729 г. Самое простое решение этого вопроса напрашивалось само собой: обязать мастеров набирать учеников. В это время шла работа над «Атласом Российским», для которого требовались наилучшие граверы и картографы¹⁴. Шумахер, ведавший делами типографии и прочих учреждений по части искусств и ремесел, ввиду нехватки финансов не спешил организовывать учебный процесс. Но и игнорировать требование, которое касалось столь важного проекта, как атлас, он не мог. Так, в типографии и мастерских началась учеба. На следующий год у академических мастеров занималось уже более 10 учеников, большинство из которых были связаны с деятельностью типографии. Четверо учеников занимались у словолитного мастера, трое — у граверов, один — у литерного. Позднее ученики появились во всех мастерских. Системный учебный процесс, по-видимому, налажен не был: по мнению большинства исследователей, ученики в палатах и мастерских, сложившихся вокруг типографии, постигали секреты ремесла, помогая мастерам выполнять их работу, их заказы¹⁵. При типографии была основана небольшая, но постоянно действовавшая Рисовальная школа, которая не давала системного художественного образования, но воспитывала профессионалов, мастеров изобразительного искусства, граверов и рисовальщиков, которые были необходимы типографии и некоторым другим проектам Академии наук. Обучением занимались иностранные мастера — это входило в их обязанности¹⁶.

Нужно отметить, что еще до образования академии, в 1711 г., по инициативе Петра I при только что основанной Санкт-Петербургской типографии была организована светская школа рисования, которую иногда (конечно, условно) называли академией. Таким образом, связь между художественным образованием и книгоизданием в то время не вызывала сомнений. Для руководства учебным процессом использовалась книга И.Д. Прейслера «Основные правила, или Краткое руководство к рисовальному художеству». Позже эта книга была главным учебным пособием и в Рисовальной школе. Школу при Санкт-Петербургской типографии упразднили указом Верховного тайного совета 4 октября 1727 г., когда была учреждена типография Академии наук. В Академической типографии до 1917 г. ощущали преемственность с первой петербургской типографией. Например, на плакате, подготовленном к I Всероссийской выставке печатного дела, которая проводилась в Санкт-Петербурге в 1895 г., годом основания предприятия провозглашался 1711-й, когда начала работать первая Санкт-Петербургская типография и рисовальная школа при ней¹⁷. Ощущалась преемственность и по части поддержания традиций рисовального дела и обучения ему. Сама идея обустроить Рисовальную школу в одном здании с типографией, в непосредственной близости к типографским производственным процессам, была логична: ведь рисовальщики требовались в первую очередь для выполнения издательских заказов.

Такая Рисовальная палата была создана и при академической типографии в бывшем дворце царицы Прасковьи Федоровны, в которой трудились граверы и художники академии, оформлявшие книги, календари, адреса. В архивных документах наименование «Рисовальная палата» встречается с начала 1730-х годов¹⁸. В мастерских, связанных с типографией, наставники передавали свои навыки ученикам.

В конце 1738 г. уже при Академии наук открыли более основательную Рисовальную палату, при ней действовала школа, воспитанникам которой прежде всего преподавали

¹⁴ См. об этом: *Глуцева В.Ф.* Географический департамент Академии наук XVIII века. М.; Л., 1946. С. 20–24.

¹⁵ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПбФ АРАН). Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 260 об.; Д. 9. Л. 70.

¹⁶ *Миллер А.П.* Быт иностранных художников в России. Л., 1927.

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 49. Оп. 1. Д. 385. Л. 2.

¹⁸ *Стецевич Е.С.* Петербургская академия и становление художественного образования в России. (Рисовальная палата, 1724–1766 гг.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. С. 51.

рисунок, но обучение в ней велось нерегулярно, хотя и тщательно. В 1741 г. стараниями талантливого рисовального мастера Иоганна Элиаса Гриммеля (выдающийся гравёр Яков Штелин пригласил его в Россию на службу в Академии наук) занятия становятся ежедневными. Известно, что школу Гриммеля, преподававшего в академии около 20 лет, прошли многие русские мастера прикладного искусства. По мнению И.А. Прониной, «с возникновением в Академии наук Рисовальной палаты установился общепринятый порядок обучения художников. Он узаконил элементарную последовательность в овладении мастерством»¹⁹. В подготовке художников впервые утверждалась обязательная учебная программа. Это стало вехой в истории русского искусства.

Таким образом, Академическая типография сыграла значимую роль в становлении светского художественного образования в России и создании просветительских традиций в нашей стране. В 1757 г. по инициативе И.И. Шувалова была основана Академия трех знатнейших художеств (с 1763 г. — Императорская академия художеств). С этого времени значение художественного блока Академии наук и обучения рисованию под эгидой академии и ее типографии сошло на нет. Но опыт Рисовальной школы развивался в «шуваловской» академии, а выдающиеся художники по-прежнему работали над созданием книг в Академической типографии.

Преемственность этим традициями сохранилась до нашего времени в современной практике Издательства «Наука».

Библиография

- Академическая типография. 1728—1928. Л., 1928.
Алексеева М.А. Гравюра петровского времени. Л., 1990.
Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.; Л., 1946.
Дунаева Н.Ю. Из истории обучения рисунку художников декоративно-прикладного искусства в России // Традиционное прикладное искусство и образование. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-obucheniya-risunku-hudozhnikov-dekorativno-prikladnogo-iskusstva-v-rossii> (дата обращения: 15.11.2023).
История Академии наук СССР. Т. 1. М.; Л., 1958.
Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской академии наук. Л., 1947.
Люттов С.А. Военное книгоиздание в России при Петре I // Военно-исторический журнал. 2007. № 5. С. 63—66.
Миллер А.П. Быт иностранных художников в России. Л., 1927.
Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870.
Пронина И.А. Декоративное искусство в Академии художеств: из истории русской художественной школы XVIII — первой половины XIX века. М., 1983.
Сидоров А.А. Древнерусская гравюра. М., 1951.
Стецевич Е.С. Петербургская академия и становление художественного образования в России. (Рисовальная палата, 1724—1766 гг.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001.

References

- Akademicheskaya tipografiya [Academic printing house]. 1728—1928. Leningrad, 1928. (In Russ.)
Alekseeva M.A. Gravyura petrovskogo vremeni [Engraving of Peter's time]. Leningrad, 1990. (In Russ.)
Berdyayev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma [The origins and meaning of Russian Communism]. Moskva, 1990. (In Russ.)
Dunaeva N. Yu. Iz istorii obucheniya risunku hudozhnikov dekorativno-prikladnogo iskusstva v Rossii [From the history of teaching drawing to artists of decorative and applied art in Russia] // Tradicionnoe prikladnoe iskusstvo i obrazovanie [Traditional applied art and education]. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-obucheniya-risunku-hudozhnikov-dekorativno-prikladnogo-iskusstva-v-rossii> (access date: 15.11.2023). (In Russ.)

¹⁹ Пронина И.А. Декоративное искусство в Академии художеств: из истории русской художественной школы XVIII — первой половины XIX века. М., 1983. С. 32.

Gnucheva V.F. Geograficheskij departament Akademii nauk XVIII veka [Geographical Department of the Academy of Sciences of the 18th century]. Moskva; Leningrad, 1946. (In Russ.)

Istoriya Akademii nauk SSSR [History of the Academy of Sciences of the USSR]. T. 1. Moskva; Leningrad, 1958. (In Russ.)

Kopelevich Yu.H. Osnovanie Peterburgskoj akademii nauk [Foundation of the St. Petersburg Academy of Sciences]. Leningrad, 1947. (In Russ.)

Lyutov S.A. Voennoe knigoizdanie v Rossii pri Petre I [Military book publishing in Russia under Peter the Great] // Voenno-istoricheskij zhurnal [Military-Historical magazine]. 2007. № 5. S. 63–66. (In Russ.)

Miller A.P. Byt inostrannyh hudozhnikov v Rossii [The life of foreign artists in Russia]. Leningrad, 1927. (In Russ.)

Pekarskij P.P. Istoriya Imperatorskoj akademii nauk v Peterburge [History of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg]. T. 1. Sankt-Peterburg, 1870. (In Russ.)

Pronina I.A. Dekorativnoe iskusstvo v Akademii hudozhestv: Iz istorii russkoj hudozhestvennoj shkoly XVIII – pervoj poloviny XIX veka [Decorative art at the Academy of Arts: From the history of the Russian art school of the 18th – first half of the 19th century]. Moskva, 1983. (In Russ.)

Sidorov A.A. Drevnerusskaya gravюра [Ancient Russian engraving]. Moskva, 1951. (In Russ.)

КРЕДИТНАЯ ИСТОРИЯ Н.П. ПАНИНА (1770–1837)

Аксенова Мария Дмитриевна — преподаватель Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

E-mail: mariaaksenova1@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0583-6291

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2022 г.

Аннотация. Долговые отношения были неотъемлемой частью жизни российского дворянства. К середине XIX в. в государственных кредитных учреждениях было заложено около двух третей дворянских имений. Значительную закредитованность дворян ранее связывали с их нерациональным поведением, но в последнее время тенденция меняется. Причины закредитованности населения можно связать с разными факторами развития общества, в том числе с его уровнем жизни, благосостояния, степени неравенства в нем. Изучение этих тем в исторической перспективе в данный момент очень популярно среди исследователей, особенно зарубежных. Применительно к Российской империи данная тема частично разработана, однако до сих пор не совсем ясно, как взятые займы соотносились с доходами дворян, жили ли они «в долг», что могло побуждать богатых людей к кредитованию? Ответы на эти вопросы расширят наше понимание экономического положения дворянского сословия, причин и степени его закредитованности. В данной статье эти вопросы будут изучены на примере хозяйственной учетной документации графа Н.П. Панина за 1792–1820 гг., хранящейся в РГАДА, и его опубликованной переписки. Судя по изученным документам, со временем граф перестал активно кредитоваться у частных лиц и занимал преимущественно у государственного учреждения — в Опекунском совете, свои долги которому он исправно выплачивал и обслуживал в первую очередь. Важную роль в его долговых отношениях играли его родственники, при этом он возвращал им долги в последнюю очередь, после того, как выплатит долги всем остальным. Граф активно кредитовался, несмотря на значительные доходы с имений и недвижимости. Вызвано это было потребностью в наличных деньгах, высокой инфляцией, а также необходимостью поддержания достойного уровня жизни по меркам его сословия. Таким образом, его долги в основном обусловлены внешними экономическими и социальными факторами и особенностями функционирования дворянских имений.

Ключевые слова: российское дворянство, долговые отношения, Опекунский совет, Панины, Орловы.

M.D. Aksenova**Credit History of Nikita Panin (1770–1837)***Maria Aksenova, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia).**E-mail: mariaaksenova1@gmail.com**ORCID: 0000-0002-0583-6291**Work on this article has been supported by the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics in 2022.*

Abstract. Debt relations were an important part of the Russian nobility's life. About two-thirds of the noble estates were pledged in state credit institutions by the mid-nineteenth century. The significant nobles' debt burden was formerly connected with their irrational behaviour, but the narrative has changed recently. The reasons for the debt burden of the population can be associated with various factors of the development of society, including its standards of living, well-being, and the degree of inequality. The study of these topics from a historical perspective is currently very popular among researchers, especially international ones. The topic has been partially studied for the Russian Empire history. Yet, some questions are still not answered: how did loans correlate with the nobles' incomes? Did they go into debt, what could urge rich people to borrow money? By answering them one expands one's understanding of the nobility economic status and the causes and degree of its indebtedness. In this article the author studies these issues using the example of Count Nikita Panin's economic records for 1792–1820, kept in the Russian State Archive of Ancient Acts, and his published correspondence. According to the documents, as time passed, he began to borrow money mainly from the Board of Trustees, although previously he more actively used private lending. First of all, he regularly paid and serviced his debts to the state credit institution named Board of Trustees. The Count's relatives played an essential role in his debt relations, and at the same time they were the last in the queue when the Count repaid his debts. He paid his debts to them after he paid off his debts to those persons who were not his relatives. Despite of the Count's significant income from estate, he actively borrowed money. The reasons for this could be his need for cash, high inflation, and the necessity to maintain a nobility standard of living. Thus, his debts were mainly driven by external socio-economic factors and the features of the noble rural estates functioning.

Keywords: Russian nobility, debt relations, Board of Trustees, Panins, Orlovs.

Экономическое положение дворян в Российской империи XVIII в. было достаточно стабильным. Вторая половина XVIII в. характеризуется увеличением дворянских доходов в абсолютном выражении и расширением их возможных источников¹. Однако для проходившей в стране вестернизации, в том числе и усвоения определенного уровня и модели расходов, был необходим серьезный рост реальных доходов представителей дворянского сословия². Увеличение денежных средств отчасти могло быть достигнуто за счет занимаемых в долг денег.

Проникавшая в Россию потребительская революция, принесшая расширение ассортимента товаров, также подталкивала к большим тратам. Падение ВВП в конце XVIII в., последующая стагнация экономического развития³ и высокий уровень инфляции серьезно ухудшили

¹ Korchmina E. The practice of personal finance and the problem of debt among the noble elite in eighteenth-century Russia // The Europeanized elite in Russia, 1762–1825. Public role and subjective self / eds A. A. Schonle, A. Zorin, A. Evstratov. Northern Illinois, 2016. P. 117.

² Kahan A. The costs of "Westernization" in Russia: the gentry and the economy in the eighteenth century // Slavic review. 1966. Vol. 25. № 1. P. 45.

³ Broadberry S., Korchmina E. Catching-up and falling behind: Russian economic growth, 1690s–1880s // Oxford Economic and Social History Working Papers. 2022. № 197. P. 30.

положение населения, как и Отечественная война 1812 г.: во время пожара в Москве сгорело почти три четверти обывательских домов и около половины казенных⁴.

Насколько дворянство обеспечивало свои траты доходами с имений и другой недвижимости в этот период? Оброк с имений обычно выплачивался дважды в год, что ограничивало быстрый доступ к наличным деньгам, получаемым с имений. К концу XVIII в. минимум 10,6% помещичьих крестьян было заложено только во Вспомогательном банке для дворянства и Сохранных казнах, управляемых Опекунским советом Санкт-Петербургского и Московского воспитательных домов⁵, а к середине XIX в. уже примерно две трети дворянских имений были заложены в государственных кредитных учреждениях⁶. На основании этого можно утверждать, что большая часть дворян не справлялась с экономическими вызовами эпохи и вынуждена была привлекать кредитные средства. Ранее закредитованность российских дворян связывали с их нерациональными тратами⁷, однако недавно эта точка зрения начала пересматриваться. Е.С. Корчмина показала, что задолженность дворян росла потому, что они соотносили свои долги «с полной стоимостью имущества, которое, при необходимости, могло быть продано»⁸. В их представлении они были богаче, чем на самом деле могли получить денег от продажи имущества.

В российской историографической традиции изучение кредита и долгов в XVIII–XIX вв. представлено фрагментарно. В основном в подобных работах изучается функционирование банков⁹. Современные исследователи занимаются изучением кредитных отношений отдельных дворянских родов¹⁰, социальных связей в долговых отношениях. Так, С. Антонов, исследовавший кредитные отношения в Российской империи в XIX в. на основании судебных дел, художественной литературы и воспоминаний показал, что в основном при кредитовании использовались горизонтальные социальные связи¹¹.

В то же время эта тема частично разработана на примере кредитных отношений купцов. Так, Н.В. Середа, изучившая купечество и систему кредитования в XVIII–XIX вв. на примере тверского купечества, отмечает, что почти все местные купцы имели долги друг перед другом, а механизм возврата долгов часто приводил к разорению богатых представителей купечества¹².

Зарубежные исследователи чаще обращаются к вопросам кредитных отношений, и эта тема стала еще более популярной в последние несколько лет, что можно связать с широким распространением изучения уровня жизни и неравенства в исторической перспективе. Эти работы помогают понять особенности системы кредитования Российской империи в сравнении с зарубежным опытом других стран в Новое время. Э. Дерминёр изучала частные кредитные отношения во Франции с XVIII до начала XX в. и пришла к выводу, что французский рынок частного кредита во второй половине XVIII в. стал более строго регламентирован, чем

⁴ Болдина Е.Г. О деятельности комиссии для рассмотрения прошений обывателей московской столицы и губернии, потерпевших разорение от нашествия неприятельского // Москва в 1812 году. Материалы научной конференции, посвященной 180-летию Отечественной войны 1812 года. М., 1997. С. 47.

⁵ Kahan A. The plow, the hammer, and the knout: an economic history of eighteenth-century Russia. Chicago, 1985. P. 315.

⁶ Ключевский В.О. Русская История. Полный курс лекций в 3-х кн. М., 1993. Кн. 3. С. 454.

⁷ Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1885. С. 59; Корф С.А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов. СПб., 1906. С. 481.

⁸ Korchmina E. The practice of personal finance... P. 133.

⁹ Боровой С.Я. Кредит и банки России (середина XVII — 1861 г.). М., 1958; Морозан В.В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). СПб., 2004.

¹⁰ Созинов И.В. Отражение кредитных отношений дворян дореформенной России в «Сенатских объявлениях» (на примере имений Самсоновых) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 3 (39). С. 7–12.

¹¹ Antonov S. Bankrupts and usurers of Imperial Russia. Debt, property and the law in the age of Dostoevsky and Tolstoy. Cambridge, 2016. P. 89–91.

¹² Середа Н.В. Купечество и система кредитования в Российской империи // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сб. материалов Третьей международной научной конференции (г. Коломна, 24–26 сентября 2013 г.) / ред.-сост. А.И. Раздорский. Т. 2. XIX — начало XX в. М., 2015. С. 125.

было ранее¹³. Х. Линдгрэн, проанализировавший уровень задолженности домохозяйств в отдельных регионах Швеции на протяжении XIX в., пришел к выводу, что, несмотря на значительную (но не чрезмерную) задолженность, общее благосостояние домохозяйств увеличивалось¹⁴. А. Де Вик и К. Ван Бохове изучили функционирование, как они называли, «совместных кредитных учреждений» в Европе и Северной Америке в 1700–1960-х годах, которые предоставляли небольшие ссуды домохозяйствам и малым предприятиям под сравнительно низкие годовые процентные ставки — от 6 до 11,3% в Европе в XVIII–XIX вв.¹⁵ В то же время во Франции конца XVIII — первой половины XIX в. банков практически не существовало, а частное кредитование, осуществляемое нотариусами, было распространено очень широко¹⁶.

Ситуацию в России того времени можно назвать противоположной французской: зачастую кредиторами становились государственные учреждения, а не частные лица. Отчасти это можно объяснить более привлекательными процентными ставками, которое предлагало государство, а отчасти — недостатком наличных денег у населения и в экономике страны: выдавая кредиты, государство в том числе запускало в экономику больше наличных денег¹⁷.

Изучение рынка кредита поможет понять: как размер получаемых дворянами кредитов соотносился с получаемыми ими доходами, какие были стратегии по их выплате, насколько широк мог быть круг кредиторов? В то же время изучение этих тем поможет приблизиться к пониманию степени и причин закредитованности дворянского сословия. Рассуждая в более широком контексте, это позволит подробнее изучить их экономическое положение, уровень благосостояния и степень неравенства в обществе, высокое значение которой рассматривается как препятствие для экономического развития общества.

Исследование осуществлено на основе хозяйственной учетной документации графа Н.П. Панина, хранящейся в Российском государственном архиве древних актов, которая содержит записи о его долговых обязательствах за 1792–1800 гг. и 1807–1820 гг., исключая 1811–1813 гг.¹⁸; за 1807 и 1817–1820 гг. в источниках доступна информация лишь о его займах в государственных учреждениях. Также была привлечена публикация А. Брикнера, включающая переписку графа с разными лицами с комментариями составителя¹⁹. В статье изучены лишь те долговые обязательства, точные размеры которых мы можем найти в документах²⁰. Высокая степень достоверности данных обусловлена видом источника: документация составлялась для внутреннего учета доходов, расходов и долгов графа, смысла исказить эту информацию не было.

Н.П. Панин незаслуженно находится вне поля зрения исследователей, в тени своих родственников — дяди Никиты Ивановича, отца Петра Ивановича и сына Виктора²¹. При

¹³ *Dermineur E.M. Rethinking Debt: The Evolution of Private Credit Markets in Preindustrial France* // *Social Science History*. 2018. № 42. P. 339.

¹⁴ *Lindgren H. "Over-indebtedness" — or not? Household debt accumulation and risk exposure in nineteenth century Sweden* // *Scandinavian Economic History Review*. 2022. № 70 (1). P. 53.

¹⁵ *De Vicq A., Van Bochove C. Historical Diversity in Credit Intermediation: Cosignatory Lending Institutions in Europe and North America, 1700s–1960s* // *Social Science History*. 2023. № 47. P. 111–112.

¹⁶ *Hoffman Ph.T., Postel-Vinay G., Rosenthal J.-L. Dark matter credit. The development of peer-to-peer lending and banking in France*. Princeton, 2019. P. 218.

¹⁷ *Kahan A. The plow, the hammer...* P. 312.

¹⁸ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1274 (Панины — Блудовы). Оп. 1. Д. 1114, 1155, 1159.

¹⁹ Материалы для жизнеописания графа Никиты Петровича Панина / изд. и предис. А. Брикнер: в 7 т. СПб., 1888–1892.

²⁰ Случаи, в которых дата и сумма займа неизвестны, не рассматриваются. К таким относятся оплата Н.П. Паниным долгов сына, выкупленный графом долг Франца Гатенбергера и средства, полученные от «Ивана Маринина меньшого» «по обязательству и данным ему двум заломам на 2243 души, считая ежегодно по 10 руб. за душу» (РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1159. Л. 60 об.).

²¹ За исключением ряда работ, например: *Шляпникова Е.А. Н.П. Панин* // *Вопросы истории*. 2008. № 3. С. 56–72.

этом он служил при дворе, хоть и не так долго и плодотворно, как его родственники, большую часть своей жизни он, находясь в опале, проживал в имении Дугино в Смоленской губернии. Его случай дает уникальную возможность изучения кредитных отношений и финансового поведения человека, уже получившего определенный социальный опыт и набор норм поведения, присущий представителям его круга, но внезапно попавшего в «социальный вакуум». А сохранившаяся подробная документация позволяет исследовать его кредитную историю на протяжении практически 30 лет.

Граф Никита Петрович Панин (1770—1837) — представитель знатного рода. Его мать, урожденная М.Р. Вейдель, умерла в 1775 г. Отец, П.И. Панин (1721—1789), после смерти жены поручил его воспитание дяде Н.И. Панину (1718—1783). Потеряв отца, Никита и его сестра София (в замужестве Тутолмина) наследовали имения их семьи, а вместе с ними к графу перешли и долги его отца и дяди. В 1790 г. граф женился на Софье Орловой.

В конце XVIII в. граф начал свою государственную службу. После третьего раздела Речи Посполитой и связанной с этим реорганизацией системы административного управления он был направлен в Гродно, где пробыл около полутора лет с жалованьем в 3 тыс. руб.²² В 1797—1799 гг. граф был послом при прусском дворе. После возвращения он около года занимал при Павле I должность вице-канцлера и был отставлен с нее к концу 1800 г. Сразу после воцарения Александра I он был приглашен на должность министра иностранных дел, однако уже в сентябре 1801 г. был удален от дел, а в начале 1805 г. его окончательно уволили с государственной службы. Причину этого одни видят в разногласиях по поводу проводимой политики в области международных отношений, другие — в предполагаемом его участии в заговоре против Павла I, что не прибавляло доверия к нему со стороны властей. После этого ему было запрещено пребывать в обеих столицах, однако такое запрещение не было, видимо, безусловным: в 1812 г. Панин бывал в Санкт-Петербурге, а в 1812—1813 гг. — в Москве, где проживали его жена и дети.²³

По оценке отца, граф должен был получать 30 785 руб. в год с завещанных ему имений. Его отец считал, так отмечено в завещании, что после продажи части имений в счет уплаты долгов годовой доход с оставшихся будет составлять 23 785 руб.²⁴

В июне 1816 г. (за более ранний период информации о заплаченных им налогах в документах нет) граф заплатил подоходный налог в 2850 руб.²⁵ Существовавший в то время в Российской империи налог с дворянских доходов был прогрессивным, взималось от 1 до 10% в зависимости от размера доходов с имений, исключая из этой суммы заплаченные проценты по долгам.²⁶ Это дает возможность примерно оценить доход графа: получается, что только со своего имения в Смоленской губернии он получал ежегодно минимум около 42 тыс. руб.²⁷ Кроме того, в 1816 г. в качестве городских повинностей в Москве граф заплатил 360 руб. — 3% с отдаваемых в наем покоев, т.е. около 12 тыс. руб. он получал за московскую недвижимость. Следовательно, можно говорить, что в 1816 г. доход графа составил минимум 54 тыс. руб.²⁸

В таблице 1 показано, как менялось соотношение взятых займов в структуре получаемых средств за разные годы, из которого следует, что заемные средства не составляли больше половины от всех приходных статей²⁹ за год, т.е. граф не жил «в долг». Для большего понимания указанных ниже сумм следует упомянуть, что, по замечанию А. Мартина, минимальные необходимые траты на семью из четырех человек в начале XIX в. равнялись 500—800 руб.

²² Материалы для жизнеописания... Т. I. С. 127.

²³ Там же. С. 222—233.

²⁴ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1159. Л. 11—11 об.

²⁵ Там же. Д. 1155. Л. 2 об.

²⁶ Korchmina E. Peer Pressure: The Puzzle of Tax Compliance in the Early Nineteenth-Century Russia // EHES Working Papers in Economic History. 2018. № 144. P. 6.

²⁷ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1159. Л. 49 об., 50 об., 62 об.; Д. 1155. Л. 54 об.—55.

²⁸ Там же. Д. 1155. Л. 12 об., 14 об.—15, 17 об.

²⁹ Всех полученных за год сумм, без учета средств, оставшихся с прошлого года.

в год³⁰. Таким образом, граф располагал суммами, которые были минимум в десять раз больше минимального уровня трат в год, при том что размер его семьи был почти в два раза больше, чем в примере А. Мартина. Несмотря на то что в номинальном выражении его доходы росли, в реальном выражении они становились меньше (табл. 2). Регрессионный анализ показал, что связи между уменьшением реальных доходов и количеством заемных средств нет³¹.

Таблица 1

Разделение приходных статей графа по категориям, %

Год	1792	1793	1794	1795	1796	1797	1798	1799	1800	1808	1809	1810	1814	1815	п е р . п о л . 1816
Оброк и другие доходы с имений	45	94,5	57,6	58	63	39	46,6	91	50	53,64	94,2	58,2	98,5	100	65,9
Проданные товары и имущество	51	0,1	2,4	13,7	0,7	12,4	10,2	1,4	15	0,16	0	0	0	0	0
Долговые обязательства	0	0	40	25	32	48,5	43,2	0	35	46,2	0	41,8	0	0	34,1
Другое	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5,8	0	1,5	0	0
Погашенные долговые обязательства	4	5,4	0	3,3	4,3	0,1	0	7,6	0	0	0	0	0	0	0
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Подсчет автора: РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1114; Д. 1159.

Таблица 2

Изменение годового дохода с 1792 г. по первую половину 1816 г., в ассигнационных и серебряных рублях

Год	1792	1793	1794	1795	1796	1797	1798	1799	1800	1808	1809	1810	1814	1815	пер. пол. 1816
Сумма в ассигнационных рублях	98 000	75 000	90 000	95 000	93 500	106 000	127 000	65 000	119 000	250 000	155 200	198 500	133 500	162 200	165 500
Сумма в серебряных рублях	77 714	53 250	61 650	66 975	73 865	77 380	79 375	43 225	78 898	111 751	67 202	50 419	26 700	32 440	41 872

Подсчет автора: РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1114; Д. 1155; Д. 1159.

³⁰ Martin A. Down and out in 1812: The impact of the Napoleonic Invasion on Moscow's middling strata // Eighteenth-Century Russia: Society, culture, economy. From the VII International conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Wittenberg 2004. Münster, 2007. P. 440.

³¹ R-квадрат — 0,0558582663879597, значимость F — 0,510922324643915, что подтверждает, что статистически значимой связи нет.

Обратившись к переписке графа, можно чуть лучше понять его финансовое положение после смерти отца. В 1799 г. в письме к С.Р. Воронцову он упомянул, что после смерти его дяди остался долг в 320 тыс. руб., который образовался из-за расходов, «к которым его положение обязывало его не меньше, чем его благотворительность». Великий князь (будущий Павел I) знал об этом, как и о том, что отцу Н.П. Панина «было очень трудно выплатить часть этого долга», и «торжественно пообещал моему отцу выплатить все долги моего дяди, как только он взойдет на престол». После смерти отца обязательства по выплате долга дяди перешли к Никите Петровичу, для чего отец оставил ему 180 тыс. руб. Граф уточнил, что эта сумма каждый год «ликвидируется в 20-летнем банке (речь идет о погашении ссуд, выданных на 20 лет в заемном банке.— М.А.), лишает меня 15 тыс. рублей дохода и заставляет влезать в новые долги»³². Судя по всему, Павел I так и не выполнил свое обещание, и такое количество долговых обязательств вызывало у графа опасения, что ему придется покинуть службу через несколько лет: необходимые для представителя страны траты при иностранном дворе не «покрывались» получаемым жалованьем.

Если допустить, что все выплаты, направленные графом в 20-летний банк, шли в счет оплаты долгов его дяди, то за 1795–1800 гг. Никита Петрович оплатил из них минимум 65 600 руб.³³ Эта сумма равна почти половине того, что требовалось для оплаты долгов его дяди, если предположить, что граф внес в счет этого долга оставленные для этой цели отцом 180 тыс. руб. Зарубежная дипломатическая служба также требовала больших расходов: например, с 5 января 1798 г. по 28 мая 1799 г. только для получения гамбургских рейхсталеров было заплачено Г. Мейбауму почти 32 тыс. руб.³⁴ Из контекста можно предположить, что это были деньги на личные нужды. Таким образом, опасения графа по поводу вынужденного прекращения его службы становятся понятны.

Примерно четверть всех займов у частных лиц были взяты у родственников или близких. Иногда деньги для графа брал в долг его тесть В.Г. Орлов — восемь раз за 1794–1800 гг. Всего же он одолжил для своего зятя около 135 тыс. руб.³⁵ Почти все эти займы, за исключением одного на 6 тыс. руб. в 1800 г., были взяты Орловым для зятя на свое имя в 1794–1797 гг. Всего за 1794–1814 гг. им было взято 28 займов у частных лиц на общую сумму почти в 413 тыс. руб. Таким образом, до трети долговых обязательств Панина перед частными лицами было официально оформлено на его тестя. Такое активное кредитование через Орлова может быть обусловлено не только вынужденным отсутствием Панина в Москве по причине дипломатической службы, но и их личными хорошими отношениями.

Наибольший долг у графа был перед опекунами детей Ф.Г. Орлова — камергером А.Г. Петрово-Соловово и сенатором графом А.И. Мусиным-Пушкиным: 40 тыс. руб. одним займом. Среди всех заемщиков, которые не состояли с графом в родственных отношениях, больше всего графу одолжил И.И. Барышников (три займа на 71 600 руб., которые были взяты В.Г. Орловым на свое имя, но на счет Никиты Петровича). В феврале 1805 г. граф должен был тестю чуть больше 128 500 руб.,³⁶ и эта сумма не поменялась и к июню 1820 г.³⁷ Все взятые и учтенные в изученных документах долги графа перед В.Г. Орловым составляли 13 500 руб., 7500 руб. из которых он ему вернул, а все долги, которые Орлов брал для графа на свое имя, были погашены. Так что причины таких внушительных долговых обязательств графа перед тестем остаются неизвестны.

Панин также приобретал товары «на кредит». В 1812 г. в Москве от купца Черфолио он получил картины стоимостью в 5120 руб., которые он оплатил полностью только к началу 1817 г. В 1816 г. Н.П. Панин погасил несколько подобных «товарных займов»: две задолженности на 1617 руб. перед московским купцом И.А. Левае и две перед Нирембургской лавкой Дазера в Москве

³² Материалы для жизнеописания... Т. I. С. 277–279.

³³ РГАДА. Ф. 1274. Оп. I. Д. 1114. Л. 14, 18, 21, 23, 28, 30, 33, 35, 38, 40.

³⁴ Там же. Л. 28–30, 32–33, 35.

³⁵ Там же. Л. 7 об., 8 об., 13 об., 15 об., 20 об., 36 об.

³⁶ Там же. Д. 1159. Л. 53.

³⁷ Там же. Д. 1155, Д. 56 об.—57.

на сумму в 1570 руб.³⁸ За разные вина, взятые по расписке в 1814 г., граф был должен бывшему учителю своего сына аббату Макару 4 тыс. руб., которые он так и не заплатил и к июню 1820 г.³⁹

Из всех выявленных долговых обязательств графа обнаружено только несколько случаев, в которых мы можем понять, был ли возвращен долг вовремя или нет. Два кредитора графа согласились на продление срока возврата долгов — К.И. Козицкая, у нее в апреле 1794 г. были взяты в долг 10 тыс. руб., и И.И. Барышников, ему граф был должен 20 тыс. руб. с января 1797 г.

Во всех остальных случаях мы не можем судить, было ли получено согласие кредиторов на возврат данных ими денег позже изначально обговоренного срока. Взятый в марте 1797 г. у «безымянной особы» заем в 10 тыс. руб. на год был выплачен с просрочкой в год и девять месяцев двумя частями по 5 тыс. руб. в январе и феврале 1800 г., и, как уточнено в источнике, «сие сделано по требованию сей особы»⁴⁰. Еще четыре долга были просрочены на три с половиной месяца (заем в 5 тыс. руб.); на год (заем в 11 500 руб.); год и три недели (заем в 21 600 руб.); на три года (заем в 16 тыс. руб.). Корреляция между сроком просрочки выплаты и размером долга слабая, т.е. нельзя сказать, что чем больше был размер долга, тем дольше граф не мог его вернуть.

Интересным штрихом к портрету графа Н.П. Панина как должника является случай с его долгом Н.Д. Вольской. В мае 1816 г. она согласилась переписать долговое обязательство, срок которого истекал в январе 1817 г., еще на год⁴¹. Однако в другом документе мы встречаем комментарий самого должника по поводу этого займа: «NB. В случае продажи дома моего, я желаю, чтоб сей долг Гжи Вольской (невзирая на согласие ея к пересрочке) заплачен был»⁴². К сожалению, остается неясным, когда именно этот долг был возвращен (это точно случилось до июня 1820 г.), но подобное желание много говорит о добросовестности графа-должника.

Что могло побудить кредиторов так долго ждать возврата денег? Возможно, это было личное лояльное отношение, отсутствие нужды в этих деньгах или что-то еще. Не последнюю роль в этом мог играть тот факт, что Никита Петрович исправно обслуживал свои долги — его кредиторы регулярно получали полагающиеся по долгам проценты.

Панин платил частным лицам от 5 до 10% годовых от размера долга. Назначенные к каждому займу проценты слабо коррелируют с их размерами⁴³. При этом проценты по долговым обязательствам перед родственными или близкими графу лицами были ниже, чем по другим долгам частным лицам. Например, Н.П. Панин платил по 5% в год по долгу, взятому у Е.В. Новосильцевой (сестра жены Н.П. Панина), как и по займу у «г. опекунов А.Г. Соловова и г. А.И. Пушкина воспитанников Орловых»⁴⁴. По займу, взятому у сестры Софьи, граф платил по 6% в год. По остальным 11 займам, взятым у других частных лиц, родственные или близкие связи с которыми не были обнаружены, в среднем процент составлял 7,7% в год⁴⁵.

По всем долгам частным лицам граф выплатил минимум 88 тыс. руб. процентов (или около 21% от всех подобных долгов). Почти во всех случаях граф исправно платил проценты каждый год (исключения — проценты по займам, взятым у сестры и у «безымянной особы»). «Смена» кредитора не была препятствием к исправному обслуживанию долга: на 70 тыс. руб., взятых в 1813 г. у И.М. Васильева, граф платил проценты каждый год (которые в итоге составили почти половину всей занятой суммы), при том что с 1818 г. этот долг унаследовал племянник кредитора В.М. Федоров.

Можно разделить кредиторов графа на две группы — родственные и близкие графу люди и все остальные. Второй группе он старался вернуть деньги первоочередно⁴⁶, что можно связать с большими процентами по долговым обязательствам перед ними. Среди его кредиторов было

³⁸ Там же. Л. 8 об.—9, 12 об.—13, 14 об.—15; Д. 1159. Л. 56 об.—57 об., 58 об.—59.

³⁹ Там же. Д. 1155. Л. 57 об.

⁴⁰ Там же. Д. 1114. Л. 21 об, 37–38.

⁴¹ Там же. Д. 1159. Л. 56.

⁴² Там же. Д. 1155. Л. 8.

⁴³ Коэффициент корреляции — 0,163587684.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1114. Л. 29 об.

⁴⁵ Три займа были взяты под 5–6% годовых.

⁴⁶ Не считая возврата денег за взятые «на кредит» вещи или товары.

много дворян и влиятельных персон из придворных, из чего следует, что граф часто формировал горизонтальные связи в долговых отношениях.

Кредитовался граф и в государственных кредитных учреждениях, например в Опекунском совете Московского воспитательного дома. Долговые обязательства Н.П. Панина в номинальном и реальном выражении более чем за треть его жизни отражены в таблице 3.

Таблица 3

Займы Н.П. Панина, взятые у частных лиц и в Опекунском совете

Кредитор	Дата займа	Сумма в ассигнациях	Сумма в серебряных рублях
Частное лицо	18.03.1794	9500	6507,5
Частное лицо	04.04.1794	10 000	6850
Частное лицо	07.04.1794	15 000	10 275
Частное лицо	12.03.1795	2000	1410
Частное лицо	01.10.1795	20 000	14 100
Частное лицо	12.01.1796	30 000	23 700
Частное лицо	20.12.1796	20 000	15 800
Частное лицо	12.01.1797	20 000	14 600
Частное лицо	21.03.1797	10 000	7300
Частное лицо	21.03.1798	15 000	9375
Частное лицо	27.08.1798	40 000	25 000
Частное лицо	13.01.1800	6000	3978
Частное лицо	07.04.1800	8000	5304
Частное лицо	19.04.1800	20 000	13 260
Частное лицо	20.04.1800	7500	4972,5
Опекунский совет	27.05.1807	18 300	9845,4
Опекунский совет	05.11.1808	100 030	44 713,41
Частное лицо	1808	10 000	4470
Частное лицо	1808	2500	1117,5
Частное лицо	05.1810	6000	1524
Частное лицо	05.1810	1000	254
Частное лицо	05.1810	2000	508
Частное лицо	16.05.1810	2000	508
Частное лицо	1810	2000	508
Частное лицо	1812	5000	1260
Частное лицо	1812	12 500	3150
Частное лицо	05.03.1813	70 000	17 640
Частное лицо	09.05.1813	10 000	2520
Частное лицо	01.10.1813	5000	1260
Частное лицо	26.01.1814	48 000	9600
Опекунский совет	04.05.1814	21 000	4200
Частное лицо	1814	1500	300
Опекунский совет	24.02.1816	60 060	15 195,18
Опекунский совет	10.11.1819	124 000	32 612
Опекунский совет	10.05.1820	75 000	19 725

Подсчет автора: по источникам, указанным к таблице 2.

Несмотря на то что граф частично погашал свои долги перед Опекунским советом, их общая сумма с каждым годом значительно возрастала и к июню 1820 г. составляла около 287 500 руб. (табл. 4). Опекунский совет, несмотря на увеличивающийся к концу рассматриваемого периода размер долга графа, продолжал выдавать ему займы. В большинстве случаев нельзя точно определить, на что они тратились; исключение составляет совершенный в 1814 г. в Опекунском совете заем на ремонт московского дома в 21 тыс. руб., который, видимо, потребовался после пожара в Москве 1812 г.

Таблица 4

Займы в Опекунском совете Московского воспитательного дома за 1807–1820 гг.

Год/размер займа, руб.	1807	1808	1814	1816	1819	Июнь 1820
Заем 1	18 300,00	нет данных	11 000,00	11 000,00	6600,00	2200,00
Заем 2		100 030,00	100 030,00	75 030,00	40 012,00	20 006,00
Заем 3			21 000,00	20 315,53	18 618,76	18 300,00
Заем 4				60 060,00	60 060,00	48 000,00
Заем 5					124 000,00	124 000,00
Заем 6						75 000,00
Всего по всем займам, руб.	18 300,00	Мин.: 111 030,00 Макс.: 118 330,00	132 030,00	166 405,53	249 290,76	287 506,00

Подсчет автора: РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1114; Д. 1155; Д. 1159.

Размер займа и количество душ, заложенных для его получения, закономерно коррелируются достаточно сильно⁴⁷. В разные года одна душа в рамках займа обеспечивала от 70 до 149,5 руб., причем это значение увеличивалось как с течением времени, так и с увеличением размера долга. Возможно, чем больше был долг, тем больше в рублевом выражении могла обеспечивать одна душа, заложенная для получения этого долга, или же у заемщика не хватало незаложенных душ, поэтому получалось, что одна душа становилась «дороже».

Несколько раз Панин просрочил выплаты по своим долгам Опекунскому совету Московского воспитательного дома⁴⁸, за что был вынужден заплатить дополнительно. Выплаты за просрочку по отношению ко всей сумме долга в год составляли от 0,39 до 1,8%, причем они увеличивались с течением времени.

Первые проценты с долгов, взятых в Опекунском совете, взимались сразу в день взятия займа, как и в случае с некоторыми долгами частным лицам. В разных случаях выплаты на погашение долга могли распределяться по-разному. В среднем в первые год-два после взятия долга выплачивались только проценты, потом начиналось погашение тела долга. По всем своим займам, кроме займа 1814 г., граф ежегодно платил фиксированную сумму в счет

⁴⁷ Коэффициент корреляции — 0,83710104.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1159. Л. 49 об., 50 об.; Д. 1155. Л. 54 об.—55.

самого долга и пропорционально уменьшающиеся с каждым годом проценты. А вот в рамках платежей по займу 1814 г., который единственный был сделан под залог московского дома, выплаты в счет тела долга ежегодно увеличивались⁴⁹.

Проценты по долговым обязательствам перед Опекунским советом составляли 6% в год. Соответственно, кредитование в Опекунском совете было более выгодным, чем у частных лиц, а в случае Панина в целом почти таким же выгодным, как у родственных и близких ему людей. Изначально государственные кредитные учреждения были основаны для того, чтобы сделать кредит более доступным для дворянства и купечества и для борьбы с высокими процентами по частным кредитам⁵⁰, и, исходя из примера кредитных отношений Панина, эту цель можно назвать достигнутой.

В учетных записях графа обнаружены три документа, в которых указаны сроки платежей по его долгам перед Опекунским советом. Два из них можно датировать примерно июлем 1816 г.⁵¹ (судя по всему, один из них — копия другого, которую переписали с небольшими пометками). Третья сводка была составлена в июне 1820 г.⁵² Благодаря этим документам становится ясно, насколько дисциплинировано граф обслуживал долговые обязательства перед Опекунским советом.

По займу 1807 г. совпадают все платежи, выплата проходила ровно так, как было расписано в «сроках платежей», но один раз граф просрочил выплату процентов и заплатил за просрочку. В рамках займа 1808 г. изначально выплату тела долга планировалось начать в 1816 г. и заплатить 20 006 руб.⁵³ (что отражено в одном из вариантов «сроков» за 1816 г.), но в итоге в 1816 г. было внесено 25 тыс. руб.,⁵⁴ которые почему-то не отображены во втором варианте «сроков платежей» 1816 г., но есть в общей сводке по суммам долгов и их выплат. В остальном погашение долга проходило ровно в том размере, который был указан в обеих версиях документа от 1816 г. и без просрочек. Все выплаты по займу 1814 г. совпадают во всех вариантах документа, как совпадают и с реальными платежами; один раз граф просрочил платеж на три месяца, но, судя по всему, ничего за это не заплатил⁵⁵. Проценты по займу 1816 г., которые нужно было выплатить в 1823 г., в первом варианте «сроков платежей» 1816 г. были чуть больше (на 72 коп.); в остальном все совпадает, как и с реальными выплатами по этому займу. Один раз граф просрочил платеж по этому займу и заплатил за просрочку.

Сравнивая долги графа перед Опекунским советом и перед частными лицами, можно прийти к выводу, что более важными для него были его долговые обязательства перед Опекунским советом: он почти всегда точно следовал графику выплат по взятым там кредитам, к тому же такой график вообще существовал! Учитывая, что он закладывал в счет этих займов души дугинского имения, где проживал, эти долги он почти всегда своевременно обслуживал, так как за неисполнение долговых обязательств заложенное имение могло попасть в опеку, тогда бы он перестал иметь возможность им распоряжаться. Кроме того, исправное обслуживание дворянином своих долгов уменьшало размер его подоходного налога. Возможно, это условие тоже мотивировало графа быть дисциплинированным должником.

Еще одно доказательство ответственности графа: уезжая надолго, он назначал кого-то, кто бы в срок обслуживал его долги. В 1816 г. это был его управляющий Л.Л. Шлегель. Н.П. Панин не сомневался, что его действия поспособствуют «сохранению кредита и чести»⁵⁶ Никиты Петровича. А в 1820 г. граф передал полномочия жене⁵⁷.

Граф был не только заемщиком, но и кредитором, правда, намного реже. Всего за 1791—1816 гг. сумма всех выданных графом кредитов была равна минимум 20 025 руб. В 1791—1793 гг. ему возвращали

⁴⁹ Там же. Д. 1155. Л. 6 об., 55 об.; Д. 1159. Л. 51 об.—52.

⁵⁰ Морозан В.В. Указ. соч. С. 27.

⁵¹ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1159. Л. 51 об.—52; Д. 1155. Л. 6 об.

⁵² Там же. Д. 1155. Л. 55 об.

⁵³ Там же. Д. 1159. Л. 51 об.—52.

⁵⁴ Там же. Л. 50 об.

⁵⁵ Там же. Д. 1155. Л. 54 об.—55.

⁵⁶ Там же. Л. 20.

⁵⁷ Там же. Л. 126—130.

взятые ранее долги Яков (1 тыс. руб.) и Александр (7925 руб.) Ивановичи Лобановы-Ростовские — сыновья Е.А. Лобановой-Ростовской, племянницы отца графа. Егор Александрович Панин (неустановленный родственник графа) вернул ему по 4 тыс. руб. в 1796 и 1799 гг., его можно назвать самым важным должником графа — на его долю пришлось 40% от всех выданных графом займов. Е.А. Панин на девять месяцев просрочил вторую выплату графу, однако тот не взял с него процентов за просрочку⁵⁸. В 1797 г. Е.Н. Вяземская вернула 100 руб., которые она взяла займы у графа, находясь в дороге. В 1799 г. «Юрий А. Нелединской»⁵⁹ (очевидно, имеется в виду Ю.А. Нелединский-Мелецкий, который служил вместе с отцом графа) вернул ему 1 тыс. руб. В 1816 г. Никита Петрович одолжил 2 тыс. руб. на год пастору К.П. Бетигеру, однако информации о возврате этого долга не было найдено. Так как он одолжил эти средства через свою жену, возможно, они были возвращены ей, поэтому и не были отражены в документах графа. Самыми важными среди его должников были родственники, на долю которых приходится 80% средств, которые граф одолживал другим людям.

* * *

Граф Н.П. Панин со временем перестал активно кредитоваться у частных лиц и стал чаще занимать деньги в Опекунском совете. В чем причина? Возможно, в связи с запретом на появление в столицах и проживанием в имении в Смоленской губернии он растерял часть своих социальных связей или же понял, что кредитование в Опекунском совете более выгодно с точки зрения выплачиваемых процентов. А кроме того, и это кажется более вероятным, он осознал, что в состоянии выплачивать все обязательства в срок, что может занимать большие суммы и на более выгодных условиях, закладывая свое имение без опасений, что оно попадет в опеку за невыплату долга.

В начале 1816 г. за графом числилось «казенного долгу» (государственным учреждениям) около 166 400 руб., а «партикулярного долгу» (частного) почти 263 200 руб. К июню 1820 г. Никита Петрович выплатил часть своих обязательств частным лицам, но больше занял в Опекунском совете: последнему он был должен чуть больше 287 600 руб., а частным лицам — В.Г. Орлову, наследнику Васильева В.М. Федорову, аббату Макару — около 202 570 руб.⁶⁰ Несмотря на немалое количество займов, выплаты по многим долгам производились своевременно и не затягивались на долгие года (исключение составляют несколько случаев). Общий размер кредитов графа перед частными лицами и государственными учреждениями в разное время был примерно одинаковым, при этом медианный размер займа у частных лиц — 10 тыс. руб., у Опекунского совета — 67 530 руб., т.е. за большими суммами он обращался в государственное кредитное учреждение.

Опекунский совет как государственное учреждение не мог «смиловаться» к графу в случае, если бы ему нечем было бы платить, в то время как частные кредиторы могли, в том числе потому, что у графа была хорошая репутация и хорошая «кредитная история». Рынок государственного кредитования представляется более неповоротливым, а частного — более гибким, однако за эту гибкость необходимо было платить большую цену в виде высоких процентов, при этом более высокие проценты частного кредитования — это своеобразная премия за риск для кредитора, так как подобные кредиты выдавались без залога имения.

Несмотря на высокую инфляцию в рассматриваемый период нельзя говорить, что «жить в кредит» было выгоднее: за рассматриваемый период было выявлено только три случая, когда размер выплаченного кредита с учетом процентов, в пересчете на серебряные рубли, был меньше, чем размер изначального займа. Два таких случая относились к 1796–1800 гг. (падение ассигнаций к серебряному рублю на 16%) и один — к 1813–1815 гг. (падение на 20%).

Граф был богатым человеком, но все равно активно кредитовался. Почему? Очевидно, у него могла быть потребность в наличных деньгах, учитывая, что оброк с имений, который был самой стабильной статьёй доходов графа, платился два раза в год, а деньги могли понадобиться,

⁵⁸ Там же. Д. 1114. Л. 35 об.

⁵⁹ Там же. Л. 32 об.

⁶⁰ Там же. Д. 1155. Л. 10 об., 57 об.

когда оброк еще не был получен. Кроме того, учитывая инфляцию, в номинальном выражении требовалось все больше денег. В этом также видится причина его более частого кредитования в Опекунском совете, а не у частных лиц, так как Опекунский совет мог выдавать большие суммы и под меньший процент. Немаловажным видится и необходимость поддерживать определенный уровень жизни, пристойный для знатной дворянской семьи. Таким образом, главными причинами необходимости в кредитовании при высоких доходах видятся особенности получения доходов с дворянских имений и внешние экономические и социальные факторы.

Результаты, полученные в ходе данной работы, могут быть использованы при изучении истории развития кредитных отношений представителей дворянского сословия. Дальнейшие перспективы исследования обусловлены сохранившейся хозяйственно-учетной документацией других дворянских родов Российской империи. При обнаружении долговых документов представителей других дворянских родов, хорошо сохранившихся и охватывающих большой период времени, можно будет сравнить их кредитную историю с кредитной историей Н.П. Панина, что также поможет нам приблизиться к пониманию истоков и причин закрепитованности дворянства в XIX в.

Библиография

- Болдина Е.Г.* О деятельности комиссии для рассмотрения прошений обывателей московской столицы и губернии, потерпевших разорение от нашествия неприятельского // Москва в 1812 году. Материалы научной конференции, посвященной 180-летию Отечественной войны 1812 года. М., 1997. С. 45–51.
- Боровой С.Я.* Кредит и банки России (середина XVII–1861 г.). М., 1958.
- Карнович Е.П.* Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1885.
- Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций в 3-х кн. М., 1993.
- Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов. СПб., 1906.
- Материалы для жизнеописания графа Никиты Петровича Панина / изд. и предс. А. Брикнера: в 7 т. СПб., 1888–1892. Т. 1, 7.
- Морозан В.В.* История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). СПб., 2004.
- Середа Н.В.* Купечество и система кредитования в Российской империи // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сб. материалов Третьей международной научной конференции (г. Коломна, 24–26 сентября 2013 г.) / ред.-сост. А.И. Раздорский. Т. 2. XIX — начало XX в. М., 2015. С. 122–131.
- Созинов И.В.* Отражение кредитных отношений дворян дореформенной России в «Сенатских объявлениях» (на примере имений Самсоновых) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 3 (39). С. 7–12.
- Шляпникова Е.А.* Н.П. Панин // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 56–72.
- Antonov S.* Bankrupts and usurers of Imperial Russia. Debt, property and the law in the age of Dostoevsky and Tolstoy. Cambridge, 2016.
- Broadberry S., Korchmina E.* Catching-up and falling behind: Russian economic growth, 1690s–1880s // Oxford Economic and Social History Working Papers. 2022. № 197. P. 1–65.
- De Vicq A., Van Bochove C.* Historical Diversity in Credit Intermediation: Cosignatory Lending Institutions in Europe and North America, 1700s–1960s // Social Science History. 2023. № 47. P. 95–119.
- Dermineur E.M.* Rethinking Debt: The Evolution of Private Credit Markets in Preindustrial France // Social Science History. 2018. № 42. P. 317–342.
- Hoffman Ph.T., Postel-Vinay G., Rosenthal J.-L.* Dark matter credit. The development of peer-to-peer lending and banking in France. Princeton, 2019.
- Kahan A.* The costs of “Westernization” in Russia: the gentry and the economy in the eighteenth century // Slavic review. 1966. Vol. 25. № 1. P. 40–66.
- Kahan A.* The plow, the hammer, and the knout: an economic history of eighteenth-century Russia. Chicago, 1985.
- Korchmina E.* Peer Pressure: The Puzzle of Tax Compliance in the Early Nineteenth-Century Russia // EHES Working Papers in Economic History. 2018. № 144. P. 1–32.
- Korchmina E.* The practice of personal finance and the problem of debt among the noble elite in eighteenth-century Russia // The Europeanized elite in Russia, 1762–1825. Public role and subjective self / eds A. Schonle, A. Zorin, A. Evstratov. Northern Illinois, 2016. P. 116–135.
- Lindgren H.* “Over-indebtedness” — or not? Household debt accumulation and risk exposure in nineteenth century Sweden // Scandinavian Economic History Review. 2022. № 70 (1). P. 33–56.

Martin A. Down and out in 1812: The impact of the Napoleonic Invasion on Moscow's middling strata // Eighteenth-Century Russia: Society, culture, economy. From the VII International conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Wittenberg 2004. Münster, 2007. P. 429–441.

References

Boldina E.G. O deyatel'nosti komissii po rassmotreniyu prosheniy obyvateley moskovskoy stolitsy i gubernii, poteprevshikh razoreniye ot prikhoda nepriyatel'skogo [On the activities of the commission for considering the petitions of the inhabitants of the Moscow capital and province, who suffered ruin from the arrival of the enemy] // Moskva v 1812 godu. Materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 180-letiyu Otechestvennoy voiny 1812 goda [Moscow in 1812. Materials of a scientific conference dedicated to the 180th anniversary of the Patriotic War of 1812]. Moskva, 1997. S. 45–51. (In Russ.)

Borovoy S. Yu. Kredit i banki Rossii (seredina XVII–1861 g.) [Credit and banks of Russia (mid of 17th century–1861)]. Moskva, 1958. (In Russ.)

Karnovich E.P. Zamechatel'nyye bogatstva chastnykh lits v Rossii [Remarkable wealth of individuals in Russia]. Sankt-Peterburg, 1885. (In Russ.)

Klyuchevskiy V.O. Russkaya Istoriya. Polnyy kurs lektsiy v 3 kn. [Russian history. Full course of lectures in 3 books]. Moskva, 1993. (In Russ.)

Korf S.A. Dvoryanstvo i yego soslovnnoye upravleniye za stoletiy 1762–1855 godov [The nobility and its orderly control over the century 1762–1855 years]. Sankt-Peterburg, 1906. (In Russ.)

Materialy dlya zhizneopisaniya grafa Nikity Petrovicha Panina [Materials for the biography of Count Nikita Petrovich Panin] / isd. i pred. A. Brikner. T. 1–7. Sankt-Peterburg, 1888–1892. (In Russ.)

Morozan V.V. Istoriya bankovskogo dela v Rossii (vtoraya polovina XVIII — pervaya polovina XIX v.) [History of banking in Russia (second half of the 18th — first half of the 19th centuries)]. Sankt-Peterburg, 2004. (In Russ.)

Sereda N.V. Kupechestvo i sistema kreditovaniya v Rossiyskoy imperii [Merchants and the credit system in the Russian Empire] // Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoye delo v Rossii v XVI–XIX vv. Sb. materialov Tret'yey mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Kolomna, 24–26 sentyabrya 2013 g.) [Trade, merchants and customs in Russia in the 16th–19th centuries: collection of materials of the Third International Scientific Conference (Kolomna, September 24–26, 2013)] / ed. A.I. Razdorskii. Vol. 2. XIX — nachalo XX v. Moskva, 2015. S. 122–131. (In Russ.)

Shlyapnikova E.A. Nikita Petrovich Panin [Nikita Petrovich Panin] // Voprosy istorii [Questions of History]. 2008. № 3. S. 56–72. (In Russ.)

Sozinov I.V. Otrazheniye kreditnykh otnosheniy dvoryan doreformennoy Rossii v “Senatskikh ob'yavleniyakh” (na primere imeny Samsonovykh) [Description of Credit Relations of the Pre-Reform Russia Noblemen in “The Senate Announcements” (on an example of the Samsonovs' estates)] // Vestnik NII humanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya [Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia]. 2016. № 3 (39). S. 7–12. (In Russ.)

Antonov S. Bankrupts and usurers of Imperial Russia. Debt, property and the law in the age of Dostoevsky and Tolstoy. Cambridge, 2016.

Broadberry S., Korchmina E. Catching-up and falling behind: Russian economic growth, 1690s-1880s // Oxford Economic and Social History Working Papers. 2022. № 197. P. 1–65.

De Vicq A., Van Bochove C. Historical Diversity in Credit Intermediation: Cosignatory Lending Institutions in Europe and North America, 1700s-1960s // Social Science History. 2023. № 47. P. 95–119.

Dermineur E.M. Rethinking Debt: The Evolution of Private Credit Markets in Preindustrial France // Social Science History. 2018. № 42. P. 317–342.

Hoffman Ph.T., Postel-Vinay G., Rosenthal J.-L. Dark matter credit. The development of peer-to-peer lending and banking in France. Princeton, 2019.

Kahan A. The costs of “Westernization” in Russia: the gentry and the economy in the eighteenth century // Slavic review. 1966. Vol. 25. № 1. P. 40–66.

Kahan A. The plow, the hammer, and the knout: an economic history of eighteenth-century Russia. Chicago, 1985.

Korchmina E. Peer Pressure: The Puzzle of Tax Compliance in the Early Nineteenth-Century Russia // EHES Working Papers in Economic History. 2018. № 144. P. 1–32.

Korchmina E. The practice of personal finance and the problem of debt among the noble elite in eighteenth-century Russia // The Europeanized elite in Russia, 1762–1825. Public role and subjective self / eds A. Schonle, A. Zorin, A. Eystratov. Northern Illinois, 2016. P. 116–135.

Lindgren H. “Over-indebtedness” — or not? Household debt accumulation and risk exposure in nineteenth century Sweden // Scandinavian Economic History Review. 2022. № 70 (1). P. 33–56.

Martin A. Down and out in 1812: The impact of the Napoleonic Invasion on Moscow's middling strata // Eighteenth-Century Russia: Society, culture, economy. From the VII International conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Wittenberg 2004. Münster, 2007. P. 429–441.

DOI: 10.31857/S0130386424010052

© 2024 г. А.В. ЗОРИН

ЭДВАРД БЕНЕШ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКЕ США, 1945–1948 годы

Зорин Артём Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета (Киров, Россия).

E-mail: arzor@list.ru

Scopus Author ID: 57195672370; ORCID: 0000-0002-3238-9036; Researcher ID: W-1762-2018

Аннотация. Жизни и деятельности второго президента Чехословацкой республики Эдварда Бенеша посвящено немало исторических исследований. Однако отечественная историография обычно рассматривает этого политического деятеля в контексте советско-чехословацких отношений и внешней политики СССР. Цель статьи — посмотреть на Бенеша в новом ключе, через призму его восприятия американскими дипломатами в последние годы нахождения у власти, в период острой внутривластной борьбы в ЧСР и зарождения геополитического противостояния между Москвой и Вашингтоном. Подобная проблема ранее не являлась предметом отдельного изучения. Основой является комплекс документов Государственного департамента США и материалы личного архива американского посла Л. Штейнгардта, позволяющие раскрыть новые аспекты личности Бенеша, истории ЧСР и внешней политики США в 1945–1948 гг. В статье делается заключение, что между американскими дипломатами и Бенешем существовали близкие и откровенные отношения. В США президент ЧСР имел репутацию опытного прагматика, демократа и сторонника сохранения близких отношений с Западом. Однако предлагавшееся им видение внутривластных процессов и прогнозы дальнейшего развития часто оказывались ошибочными. Поддержка близких отношений с СССР и радикальных социалистических реформ вызывали недовольство со стороны американской дипломатии. Тем не менее Бенеш прочно ассоциировался с демократическими порядками и стремлением к сохранению дружественных связей с США. Руководство посольства надеялось, что его авторитет и популярность в народе могли помочь предотвратить захват власти в ЧСР коммунистами. Разразившийся в феврале 1948 г. кризис и нерешительные действия Бенеша стали неожиданными для госдепартамента. Они вызвали непонимание и недовольство посла Штейнгардта. Причиной этого американские дипломаты считали плохое состояние здоровья чехословацкого президента и огромное давление со стороны коммунистического премьер-министра К. Готвальда.

Ключевые слова: Эдвард Бенеш, история Чехословакии, американско-чехословацкие отношения.

A.V. Zorin**Edvard Beneš in American Diplomatic Correspondence, 1945–1948**

Artem Zorin, Vyatka State University (Kirov, Russia).

E-mail: arzor@list.ru

Scopus Author ID: 57195672370; ORCID: 0000-0002-3238-9036; Researcher ID: W-1762-2018

Abstract. The second president of Czechoslovakia Edvard Beneš was one of the most prominent but ambiguous politicians of the first half of the twentieth century. His name is associated with the Sudeten Crisis and the Munich Agreement of 1938, the struggle for Czechoslovak independence during the Second World War, alliance with Moscow and the communist's takeover in 1948. The

purpose of the article is to look at Beneš in a new way, the perception of him by American diplomats in the last years of his life, during the period of acute internal political struggle in Czechoslovakia and the emerging geopolitical confrontation between Moscow and Washington. The study is based on diplomatic correspondence and papers of the American ambassador to Prague Laurence Steinhardt, which reveal some new aspects of Beneš' personality, the history of Czechoslovakia, and US foreign policy in 1945–1948. It is concluded that there was a close and frank relationship between the American diplomats and Beneš. The Czechoslovak president had a reputation as a experienced politician, pragmatist, supporter of Western orientation and an opponent of communism. However, his vision of political issues and forecasts of further development often turned out to be erroneous. His support of closer relations with the USSR and radical reforms caused discontent from the US diplomacy. Nevertheless, Beneš was associated with democratic traditions and the desire to maintain good relations with the United States. The embassy hoped that his authority and popularity would help to prevent the Communists from seizing power in Czechoslovakia. The crisis that broke out in February 1948 and the indecisive actions of Beneš came as a surprise to the State Department. They caused misunderstanding and dissatisfaction of Ambassador Steinhardt. American diplomats considered Beneš' actions to be explained by his poor health and enormous pressure from the communist Prime Minister Klement Gottwald.

Keywords: Edvard Beneš, history of Czechoslovakia, American-Czechoslovak relations.

Второго президента Чехословацкой республики Эдварда Бенеша (1884–1948) можно отнести к одним из наиболее выдающихся и вместе с тем неоднозначно оцениваемых политиков первой половины XX в. С его именем связаны Судетский кризис и Мюнхенское соглашение 1938 г., борьба за независимость Чехословакии в годы Второй мировой войны, сближение с Москвой и установление коммунистического режима. Деятельность Бенеша неоднократно привлекала внимание историков. Вместе с тем посвященная ему российская историография прежде всего сосредоточена на вопросах предвоенного кризиса и ключевых моментах истории ЧСР¹. Ее особенностью является взгляд на этого политического деятеля в контексте советско-чехословацких отношений и внешней политики СССР. Чешские историки более детально исследовали различные аспекты деятельности Бенеша, включая его роль в послевоенных политических событиях в Чехословацкой республике².

В данной статье предлагается рассмотреть фигуру Бенеша в новом ключе — через призму его восприятия со стороны американской дипломатии в последние годы нахождения у власти (1945–1948). Это время пришлось на период острой политической борьбы в ЧСР, происходившей на фоне зарождавшегося геополитического противостояния между СССР и США. Вашингтон активно пересматривал свою роль в международных отношениях, включаясь в борьбу за влияние в Европе и мире, вырабатывая стратегию продвижения демократии и сдерживания коммунизма. Чехословакия оказалась втянутой в эти процессы. Во многом благодаря Бенешу, выступавшему за поддержание политического компромисса, сочетание социализма и демократии, сохранение близких отношений и с Востоком, и с Западом, в ЧСР позже других стран Центральной и Восточной Европы произошло утверждение просоветского коммунистического режима.

На основе обращения к комплексу опубликованных и неопубликованных документов Государственного департамента США и материалов личного архива посла

¹ Из работ общего характера, посвященных Бенешу, можно упомянуть лишь следующие: Орлик И.И. Эдуард Бенеш: годы побед и поражений // Новая и новейшая история. 2008. № 5. С. 145–161; Марьина В.В. Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884–1948. М., 2013.

² Например, см.: Taborsky E. President Edvard Beneš. Between East and West 1938–1948. Stanford, 1981; Kaplan K. Pravda o Československu 1945–1948. Praha, 1990; Kaplan K. Poslední rok prezidenta. Edvard Beneš v roce 1948. Praha, 1993; Hanzal J. Edvard Beneš. Praha, 1994.

в Праге Л. Штейнгардта³ предлагается проанализировать, как сотрудники американского внешнеполитического ведомства оценивали деятельность Бенеша в этот сложный исторический период, связывали ли с ним надежды на сохранение демократии и сопротивление советскому влиянию, пытались ли оказывать ему поддержку, как оценивали эффективность его действий в период политического кризиса 1948 г. Подобная проблема ранее не являлась предметом отдельного изучения. Статья позволяет раскрыть новые аспекты личности Бенеша, истории ЧСР и внешней политики США в период зарождения холодной войны.

К окончанию Второй мировой войны Э. Бенеш был одним из наиболее известных европейских политических деятелей. Вместе с Т.Г. Масариком он участвовал в создании Чехословацкой республики. Затем на протяжении семнадцати лет возглавлял Министерство иностранных дел, а в 1935 г. был избран главой государства. После подписания Мюнхенского соглашения Бенеш подал в отставку и последующие шесть лет провел в эмиграции. В марте 1939 г., когда началась германская оккупация чешских земель, он читал лекции о демократии в качестве приглашенного профессора Чикагского университета. Именно в Америке Бенеш начал работу по организации органов сопротивления, опираясь на местные чешские и словацкие общины⁴.

В 1940 г. в Великобритании он сформировал чехословацкое правительство в изгнании⁵. Получив признание Вашингтона, в мае 1943 г. Бенеш совершил официальный визит в Америку, где был принят с подобающими главе государства почестями. В своих заявлениях и публикациях чехословацкий лидер представлял себя прагматиком, придерживавшимся западной модели демократии, но намеревавшимся развивать близкие отношения с Москвой. Уступки Кремлю, такие как подписание советско-чехословацкого договора о дружбе в декабре 1943 г. и последующее согласие на включение в состав правительства коммунистов, Бенеш объяснял своим американским собеседникам тактическими соображениями — необходимостью добиться невмешательства Москвы во внутренние дела ЧСР до восстановления в ней демократических порядков и получить дополнительную защиту от возрождения германской угрозы⁶.

В результате прошедших под руководством Бенеша в Москве в марте 1945 г. переговоров было сформировано коалиционное чехословацкое правительство Национального фронта, включавшее представителей шести чешских и словацких партий. Впервые в его состав вошли коммунисты, получившие несколько важных министерских постов. Временной резиденцией правительства ненадолго стал находившийся на освобожденной Красной армией территории ЧСР словацкий город Кошице⁷.

Вскоре после окончания военных действий, 16 мая 1945 г., Бенеш во главе правительственной делегации вернулся в Прагу и вновь занял президентскую резиденцию в пражском

³ US National Archives and Records Administration (далее — NARA). Record groups (далее — RG) 59, 84; Laurence A. Steinhardt papers (далее — LASP). Library of Congress. Manuscript Division; Foreign relations of the United States (далее — FRUS). 1945. Vol. IV. Washington, 1968; FRUS. 1946. Vol. VI. Washington, 1969; FRUS. 1947. Vol. III. Washington, 1972; FRUS. 1947. Vol. IV. Washington, 1972; FRUS. 1948. Vol. IV. Washington, 1974.

⁴ Юнглиюд В.Т., Зорин А.В. Чешские и словацкие организации в США в годы Второй мировой войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 89–92.

⁵ Это произошло после принятия в марте 1940 г. Чехословацким национальным комитетом и Государственным Советом (состоявшими из эмигрировавших в Великобританию чешских и словацких политических деятелей) декларации о непрерывности правового существования ЧСР. Однако признание данного статуса со стороны государств антигитлеровской коалиции произошло не сразу. Подробнее см.: Зорин А.В. Проблема признания США чехословацкого правительства в изгнании в годы Второй мировой войны // Славяноведение. 2017. № 3. С. 30–43.

⁶ Юнглиюд В.Т., Зорин А.В. Советско-чехословацкое сближение в 1943–1945 гг.: взгляд из США // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 179.

⁷ Об оценках этих событий со стороны американских дипломатов подробнее см.: Yungblyud V.T., Zorin A.V. The problem of returning of American diplomats to liberated Czechoslovak Republic // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 4. С. 1289–1302.

Граде. Его полномочия главы чехословацкого государства базировались на признании держав-победительниц, отрицании законности Мюнхенского соглашения и последовавшей за ним отставки. Согласно положениям Конституции 1920 г., президент избирался Национальным собранием на семь лет, имел право созыва и роспуска парламента, назначения и увольнения премьер-министра и членов правительства, мог налагать отлагательное вето на законопроекты, являлся верховным главнокомандующим, не нес ответственности за исполнение своих обязанностей⁸. До образования временного парламента осенью 1945 г. полномочия Бенеша были еще шире: он применял практику издания декретов, которые имели силу законов, но нуждались в последующем утверждении высшим представительным органом власти.

Политическая система послевоенной Чехословакии была построена на основе баланса между умеренными (национальные социалисты, католики, словацкие демократы) и лево-радикальными (чешские и словацкие коммунисты, социал-демократы) политическими партиями, составлявшими коалицию Национального фронта. Первые были ориентированы на восстановление демократии, сохранение близких отношений с Западом и умеренные социалистические реформы. Вторые ратовали за расширение связей с СССР и заимствование советского опыта государственного управления⁹. В данных условиях президенту принадлежала роль посредника, отвечавшего за поддержание политического компромисса и законных демократических процедур, основанная на его огромном политическом авторитете и популярности.

ОТНОШЕНИЕ К БЕНЕШУ АМЕРИКАНСКИХ ДИПЛОМАТОВ В ПРАГЕ

Американские дипломаты получили возможность прибыть в ЧСР лишь в конце мая 1945 г. Первые полтора месяца работой посольства США в качестве временного поверенного в делах руководил А. Клифорт (осенью он вернулся в Америку). Посол Л. Штейнгардт прибыл в Прагу в середине июля. Его заместителем на протяжении последующих трех лет являлся Дж. Брюинс, служивший в ЧСР до войны и отвечавший за связь с чехословацким эмигрантским правительством в Лондоне. В госдепартаменте отношения с Прагой курировал Центральноевропейский отдел¹⁰.

Наиболее активно американские дипломаты контактировали с Бенешем в 1945 г. За семь месяцев в дипломатической переписке упоминается как минимум о двенадцати встречах Клифорта и Штейнгардта с президентом: две были посвящены их официальному представлению (Клифорта — 30 мая, Штейнгардта — 20 июля), три были связаны с сопровождением высокопоставленных американских гостей (генералов Э. Хармона, Дж. Паттона, Д. Эйзенхауэра), несколько — совместному присутствию на различных мероприятиях. Трижды (14 сентября, 31 октября, 23 декабря) Штейнгардт отправлял в госдепартамент отчеты о личных беседах с Бенешем. В 1946 г. посол сообщал о двух подобных встречах (2 июля и 20 декабря). В 1947 г. состоялся лишь один содержательный разговор американского посла с президентом (20 ноября). В 1948 г. Штейнгардт смог лично посетить Бенеша один раз (28 мая).

Причинами такого неравномерного характера личных контактов могли быть постепенное снижение политического влияния Бенеша (по крайней мере, с точки зрения главы дипломатической миссии США), ухудшение его здоровья и периодическое отсутствие американского посла в ЧСР. Если в 1945 г. Штейнгардт постоянно находился в Чехословакии,

⁸ Конституции зарубежных стран. Т. 2. Средние и малые европейские страны. М.; Ленинград, 1936. С. 16–27.

⁹ Данное описание можно считать условным, отражающим прежде всего восприятие ситуации со стороны американских дипломатов. Подробнее см. *Зорин А.В.* Политические партии Чехословакии глазами американских дипломатов, 1945–1948 годы // *Россия и Америка в XXI веке*. 2018. № 4. URL: <http://rusus.jes.su/s207054760000068-1-1> (дата обращения: 30.10.2023). О политической ситуации в ЧСР см.: *Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории*. Кн. 2. М., 2005. С. 10–26.

¹⁰ *Yungblyud V.T., Zorin A.V.* Op. cit.

то в 1946 г. он несколько раз выезжал в отпуск; в 1947 г. посол отсутствовал в совокупности более трех месяцев (в январе — марте и августе — сентябре); в 1948 г. дважды покидал ЧСР (в январе — феврале и июле — августе)¹¹.

В американской дипломатической документации имя Бенеша фигурировало прежде всего в связи с ключевыми политическими событиями, изложением его взглядов и прогнозов. Личные характеристики президента встречались редко — к этому времени в госдепартаменте уже имелось сложившееся мнение о чехословацком лидере. В 1947—1948 гг. Штейнгардт также периодически докладывал о состоянии здоровья Бенеша.

Наиболее позитивные, даже восторженные отзывы о Бенеше оставил Клифорт. Прибыв в ЧСР вскоре после освобождения, он был поражен огромной популярностью чехословацкого президента среди соотечественников. Дипломат писал, что не помнил ничего подобного, хотя лично видел, как приветствовали Ленина в России после революции, Гитлера в Германии, Муссолини в Риме, Черчилля в Лондоне. По словам Клифорта, Бенеша воспринимали как выдающегося человека, «великую надежду» на скорейшее восстановление страны. Американский дипломат замечал, что, несмотря на присутствие в стране советских войск, Бенеш не только не попал в зависимость от Москвы, но был способен добиваться значительных уступок с ее стороны, противостоять советскому давлению и восстанавливать тесные отношения с Западом¹².

Впечатления Штейнгардта, ранее служившего послом в СССР и Турции, от встречи с Бенешем были более нейтральными. После вручения верительных грамот и небольшой личной беседы дипломат отметил в отчете для госдепартамента, что президент выглядел «здоровым и крепким», пребывал в прекрасном настроении, демонстрировал оптимизм и был решительно настроен на скорейшее восстановление ЧСР. По мнению Штейнгардта, Бенеш намеревался противодействовать «чрезмерному революционному радикализму некоторых членов правительства» и попыткам распространения коммунизма. Правда, чехословацкий лидер не решался высказываться об этом прямо в официальной обстановке. «У меня создалось впечатление, что он хотел поговорить со мной наедине с большей откровенностью о вещах, которые мы не обсуждали», — заметил Штейнгардт.

Тем не менее в 1945 г. Бенеш подписал ряд декретов, инициировавших проведение радикальных мероприятий. В их числе были конфискация собственности у некоторых категорий населения, высылка из страны судетских немцев, национализация крупных предприятий¹³. В беседах со Штейнгардтом Бенеш представлял свои действия как вынужденный шаг. Так, декреты о национализации, под которые попадали и некоторые компании с американским участием, он изображал как уступку левым радикалам — по его мнению, только переход к ограниченному государственному социализму мог предотвратить угрозу установления коммунизма¹⁴. Бенеш полагал, что программа масштабной национализации была обречена на провал и в перспективе должна была доказать ошибочность радикальных реформ и ослабить популярность коммунистов¹⁵. При этом президент неоднократно заявлял о своей приверженности демократическим принципам¹⁶.

¹¹ Зорин А. В., Юнгблюд В. Т. Повседневная жизнь американского посольства в Чехословакии в 1945—1948 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016048-1-1/> (дата обращения: 30.03.2022).

¹² Caffery to the Secretary of State. June 3, 1945 // FRUS. 1945. Vol. IV. P. 455; Klieforth to the Secretary of State. June 8, 1945 // Ibid. P. 457; Klieforth to the Secretary of State. June 16, 1945 // NARA. RG 59. 860F.001/6—1645.

¹³ Марьина В. В. Указ. соч. С. 398—400.

¹⁴ Steinhardt to the Secretary of State. October 31, 1945 // FRUS. 1945. Vol. IV. P. 503.

¹⁵ Steinhardt to the Secretary of State. October 28, 1945 // NARA. RG 59. CDF 1945—1949. 860F.5034/10—2845.

¹⁶ Steinhardt to the Secretary of State. December 18, 1945 // Ibid. 860F.001/12—1845; Steinhardt to the Secretary of State. October 30, 1946 // Ibid. 860F.00/10—3046; Steinhardt to the Secretary of State. October 31, 1945 // FRUS. 1945. Vol. IV. P. 503.

Отдельной проблемой, интенсивно обсуждавшейся по дипломатическим каналам во второй половине 1945 г., был вывод из ЧСР оккупационных войск. Большая часть страны была освобождена частями Красной армии, которые оставались на территории республики. Армия США занимала небольшую территорию в Западной Богемии. Американское военное командование стремилось как можно скорее эвакуировать свои войска из ЧСР, но Штейнгардт и госдепартамент рассматривали такой шаг как уступку Москве и выступали за хотя бы временное и частичное сохранение американского контингента¹⁷.

Бенеш не только разделял эту точку зрения, но и лично (неофициально) просил американцев не выводить свои силы в одностороннем порядке, опасаясь, что это могло сыграть на руку коммунистам¹⁸. Президент сообщал американскому послу о предпринимавшихся им усилиях по сокращению контингента Красной армии, но полагал, что против этого были настроены прежде всего советские генералы. Бенеш предлагал американскому руководству напрямую обратиться к И.В. Сталину с предложением об одновременном выводе обоих контингентов¹⁹. Эта позиция была поддержана госдепартаментом и передана президенту Г. Трумэну. Итогом стало прямое обращение последнего к советскому лидеру и принятие решения об эвакуации армий СССР и США из Чехословакии к декабрю 1945 г.²⁰

В конце октября в Праге начало работу Временное национальное собрание. Оно утвердило президентские декреты и подтвердило полномочия Бенеша. Но его политическое влияние стало сокращаться. В разговорах со Штейнгардтом президент признавал, что не смог ослабить влияния коммунистов в правительстве, хотя полагал, что они теряли популярность в народе и могли рассчитывать на поддержку не более четверти населения²¹. Посол разделял эту точку зрения²².

Однако эти оценки оказались ошибочными. На первых послевоенных парламентских выборах в мае 1946 г., носивших, по словам Штейнгардта, честный и демократический характер, чешские и словацкие коммунисты смогли получить голоса 38% избирателей, опередив остальные политические партии. Вскоре был сформирован новый правительственный кабинет во главе с лидером чехословацкой Коммунистической партии К. Готвальдом. Бенеш по этому поводу вынужден был признать перед Штейнгардтом, что смог добиться уступки коммунистами лишь одного министерского портфеля и поста председателя парламента (поставив это себе в заслугу)²³.

Следующая личная встреча Бенеша со Штейнгардтом состоялась в декабре 1946 г. Поскольку она проходила в неофициальной обстановке, президент позволил себе довольно резкие и откровенные высказывания о многих членах правительства. Известного своими просоветскими взглядами З. Фирлингера (лидера социал-демократов, вице-премьера, бывшего посла в Москве и предыдущего главу правительства) он считал «поверхностным, ненадежным, хитрым и невежественным». Крайне негативно Бенеш отзывался о трех коммунистах: министре информации В. Копецком («грубоватый, бесхитростный, необразованный и полностью лишенный хороших манер»), министре труда и социального обеспечения З. Неедлы («неприятный старик»), министре сельского хозяйства Ю. Дюрише («молодой, неопытный и опасный демагог»). При этом Бенеш не давал никаких отрицательных

¹⁷ Зорин А.В. Проблема вывода американской армии из Чехословакии в 1945 г. // Новая и новейшая история. 2018. № 3. С. 47–61.

¹⁸ Klieforth to the Secretary of State. June 24, 1945 // FRUS. 1945. Vol. IV. P. 464; Steinhardt to the Secretary of State. August 2, 1945 // Ibid. P. 481.

¹⁹ Steinhardt to the Secretary of State. September 14, 1945 // FRUS. 1945. Vol. IV. P. 490.

²⁰ Steinhardt to the Secretary of State. November 8, 1945 // Ibid. P. 507.

²¹ Steinhardt to the Secretary of State. July 27, 1945 // NARA. RG 84. US Embassy in Prague. Classified General Records, 1945–1957. Box 3.

²² Steinhardt to Williamson. May 1, 1946 // LASP. Box 95.

²³ Steinhardt to the Secretary of State. July 2, 1946 // NARA. RG 59. CDF 1945–1949. 860F.00/7–246.

характеристик Готвальду и рассчитывал, что тот заменит упомянутых деятелей другими кандидатами²⁴.

Вместе с тем президент позитивно оценил заместителя министра иностранных дел В. Клементиса, министра финансов Я. Доланского, министра внутренних дел В. Носека, назвав их «хорошими патриотами» — все трое также являлись коммунистами. Кроме того, Бенеш с удовлетворением сообщил, что смог нейтрализовать деятельность армейской разведки, «созданной и в значительной степени укомплектованной советским НКВД» и занимавшейся «шпионажем, запугиванием, разоблачениями и незаконными арестами»²⁵.

Остальная часть этой беседы была посвящена преимущественно внешнеполитическим вопросам. К этому времени в американско-чехословацких отношениях назрели серьезные проблемы. Вашингтон безуспешно пытался добиться от Праги выплаты компенсаций пострадавшим при национализации американским гражданам и компаниям. Чехословацкие власти оттягивали решение этого вопроса и пытались связать его с получением крупных американских кредитов. Штейнгардт в ответ указывал на огромные объемы предоставленной ранее экономической помощи, обвинял чехов в неблагодарности и выражал недовольство антиамериканской пропагандой в чехословацкой левой прессе²⁶. В США также были недовольны активной поддержкой правительством ЧСР внешнеполитических инициатив СССР.

Тем не менее госдепартамент занимал осторожную позицию в отношении Праги. В подготовленном весной 1946 г. Центральноевропейским отделом обзоре отношений с ЧСР констатировалось, что главной целью США являлась поддержка чехословацкого народа в создании сильного и жизнеспособного государства, способного защитить себя от внешнего вмешательства в его внутренние дела. Бенеш в нем был охарактеризован как сторонник политической линии, основанной на демократической и умеренной политике и традициях дружбы с западными государствами. По мнению авторов документа, усилия США должны были заключаться в укреплении позиций чехословацкого президента, поощрении прозападных влияний и демократических процедур в ЧСР. Но конкретные предложения сводились к активизации пропаганды и сотрудничества в культурной сфере. При этом сближение Праги с Москвой специалисты госдепартамента объясняли боязнью перед восстановлением Германии²⁷.

В американских общественных кругах отношение к ЧСР к этому времени было неоднозначным. Газета *New York Times* изображала ее как страну с хрупкой политической системой, застрявшей между Востоком и Западом и находившейся под угрозой захвата власти коммунистами²⁸. Согласно сообщениям чехословацкого посла в Вашингтоне Ю. Славика, все чаще ЧСР воспринимали как сателлита Москвы, хотя симпатии к ней продолжали сохраняться²⁹. Штейнгардт в переписке с госдепартаментом пытался опровергнуть подобную точку зрения и отказывался списывать Чехословакию со счетов, пока в ней сохранялись остатки демократии. Вместе с тем американский посол рекомендовал Вашингтону занять более жесткую позицию в отношении Праги, чтобы ослабить влияние левых сил и продемонстрировать ошибочность их действий³⁰.

²⁴ Steinhardt to the Secretary of State. October 31, 1945 // FRUS. 1945. Vol. IV. P. 503; Steinhardt to the Secretary of State. December 23, 1946 // Ibid. 1946. Vol. VI. P. 238–241.

²⁵ Steinhardt to the Secretary of State. October 31, 1945 // FRUS. 1945. Vol. IV. P. 503; Steinhardt to the Secretary of State. December 23, 1946 // Ibid. 1946. Vol. VI. P. 238–241.

²⁶ Зорин А. В. Дилеммы финансовой политики США в Восточной Европе, 1945–1948 гг.: опыт ЧСР // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13. № 1. С. 56–81.

²⁷ Czechoslovakia. Policy and information statement // NARA. RG 59. General Records, Czechoslovakia, 1946–1953. Entry 1173A. Box 1.

²⁸ Velvyslanectví ČSR ve Washingtoně do MZV. 22. května 1946; 29. května 1946 // Archiv Ministerstva zahraničních věcí České republiky. Politické zprávy 1918–1977: Washington 1945–1946.

²⁹ Velvyslanectví ČSR ve Washingtoně do MZV. 22. juna 1946 // Archiv Ministerstva zahraničních věcí České republiky. Politické zprávy 1918–1977: Washington 1945–1946.

³⁰ Steinhardt to Williamson. July 29, 1946 // LASP. Box 95.

Этот призыв получил поддержку руководства госдепартамента в августе 1946 г., когда во время Парижской конференции чехословацкая делегация в присутствии госсекретаря США Дж. Бирнса поддержала аплодисментами антиамериканскую риторику заместителя министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинского. Бирнс немедленно отдал распоряжение остановить выделение кредитов Чехословакии³¹. Штейнгардту было поручено неофициально сообщить министру иностранных дел ЧСР Я. Масарику (считавшемуся близким к Бенешу прозападным политиком), что в Вашингтоне ожидали получения «конкретных доказательств дружбы» со стороны Праги и «некоторой переориентации» ее внешней политики³².

Бенеш во время встречи со Штейнгардтом признался, что публичное заявление об остановке выделения кредитов стало для него большим потрясением. Он настаивал, что поддержка Москвы носила вынужденный характер, поскольку Чехословакия полностью зависела от «доброй воли» СССР. По мнению президента, голосования на международных конференциях не имели большого смысла. В обмен на поддержку Праги Москва воздерживалась от вмешательства во внутренние дела ЧСР. Бенеш полагал, что в долгосрочной перспективе это должно было способствовать ослаблению советского влияния и укреплению демократии в его стране³³.

Бирнс посчитал такие объяснения неубедительными. В ответном послании Штейнгардту госсекретарь указывал, что правительство США придавало большое значение участию в международных конференциях ради поддержания мира и международной безопасности. По мнению Бирнса, Прага должна была демонстрировать большую независимость в своей внешней политике³⁴.

В январе 1947 г. Штейнгардт отправился в Вашингтон для консультаций и пробыл там до конца марта. В столице США он прочитал лекцию о Чехословакии перед специалистами по международным отношениям, назвав ее «западным аванпостом за железным занавесом»³⁵. Заменявший в это время посла в Праге Брюинс в своих сообщениях госдепартаменту констатировал сохранение прежнего внешнеполитического курса Праги. Он повторял тезис, что причиной поддержки всеми партиями и политическими деятелями страны, включая Бенеша, союзных отношений с Москвой была боязнь возрождения сильной и агрессивной Германии. Изменить это могло лишь «общее ослабление напряженности между Востоком и Западом» и устранение немецкой угрозы³⁶.

Летом 1947 г. чехословацкая зависимость от СССР стала еще более очевидной. 5 июня новый госсекретарь США Д. Маршалл анонсировал программу широкомасштабной помощи Европе. Для ее обсуждения было решено созвать конференцию в Париже. Первоначально чехословацкое правительство единогласно приняло направленное ему приглашение. Но после состоявшейся вскоре поездки чехословацкой делегации во главе с Готвальдом в СССР Прага резко изменила свое решение и отказалась от участия³⁷.

Штейнгардт первоначально увидел в этом хитрый ход Бенеша: одобрив поездку правительственной делегации в Москву и предвидя советский запрет на участие в Плане Маршалла, тот якобы хотел продемонстрировать населению чрезмерную зависимость Готвальда от СССР и вызвать недовольство действиями коммунистов³⁸. Но вскоре стало понятно,

³¹ Byrnes to Clayton. August 30, 1946 // FRUS. 1946. Vol. VI. P. 216.

³² Riddleberger to Steinhardt. October 3, 1946 // LASP. Box 50.

³³ Steinhardt to the Secretary of State. December 23, 1946 // FRUS. 1946. Vol. VI. P. 238–241.

³⁴ Byrnes to Praha. December 23, 1946 // NARA. RG 59.CDF 1945–1949. 860F.00/12–2346.

³⁵ Czechoslovakia — western outpost behind the Iron Curtain // LASP. Box 67.

³⁶ Bruins to the Secretary of State. March 13, 1947 // NARA. RG 59. CDF 1945–1949. 860F.00/3–1347; Steinhardt to the Secretary of State. May 23, 1947 // Ibid. 860F.00/5–2347.

³⁷ Позиция чехословацкого правительства определялась стремление к сохранению дружественных отношений с СССР, руководство которого выступило резко против принятия Прагой приглашения на конференцию. Подробнее см.: *Наринский М.М.* Советский Союз, Чехословакия и план Маршалла // Февраль 1948. Москва и Прага: взгляд через полвека. М., 1998. С. 67–83.

³⁸ Steinhardt to the Secretary of State. July 10, 1947 // FRUS. 1947. Vol. III. P. 317.

что он выдавал желаемое за действительное. Хотя откровенное подчинение советскому диктату вызвало шок и панику в умеренных партиях, ситуация быстро успокоилась³⁹. Штейнгардт вынужден был констатировать, что данные события еще раз доказали зависимость чехословацкой внешней политики от СССР⁴⁰.

Осенью политическая ситуация в ЧСР начала обостряться. В сентябре коммунисты развернули мощную атаку на словацкую Демократическую партию. В данных условиях Бенеш впервые решился на прямое вмешательство и конфронтацию с Готвальдом. Согласно сообщениям американского посольства, президент выразил главе правительства свое недовольство, обвинил коммунистов в разрушении Национального фронта и политической дестабилизации. Более того, Бенеш прямо заявил о своей готовности сопротивляться уничтожению других партий, как это произошло в соседних странах, и отказе покидать страну в случае попытки коммунистов захватить власть⁴¹.

20 ноября во время встречи со Штейнгардтом Бенеш сообщил послу об успешном разрешении кризиса — нападки коммунистов удалось отбить, «баланс в правительстве был восстановлен». В дополнение к этому Фирлингер был смещен с поста председателя Социал-демократической партии. Президент полагал, что страна прошла «поворотный момент», повторения подобных событий в скором времени не предвиделось, а сопротивление коммунистам со стороны других партий должно было увеличиться. По словам Штейнгардта, Бенеш высказался о коммунистах более враждебно, чем раньше, и подчеркнул свое стремление сохранить дружеские отношения с США⁴².

К тому времени физическое состояние президента стало вызывать серьезную обеспокоенность. 8 апреля 1947 г. Штейнгардт впервые сообщил в госдепартамент, что Бенеш страдал от диабета и находился под постоянным медицинским наблюдением⁴³. Осенью посол докладывал, что болезнь носила более серьезный характер: у Бенеша наблюдались атеросклероз, диабет, простатит, высокое давление. Из-за этого он не мог нормально спать и быстро утомлялся, а летом перенес инсульт. Врачи были обеспокоены его состоянием и настаивали на длительном отдыхе⁴⁴.

Но во время встречи 20 ноября, продолжавшейся более часа, Бенеш выглядел гораздо лучше, чем ожидал посол. Периодически его речь замедлялась, он слегка приволакивал ногу, но не демонстрировал признаков слабости. По заключению дипломата, здоровье президента существенно улучшилось, его жизнь была вне опасности⁴⁵.

На основании этой информации Штейнгардт, выехавший в США в декабре 1947 г., вновь выразил в Вашингтоне оптимистичное мнение относительно развития политической ситуации в ЧСР⁴⁶. В посольстве полагали, что умеренные силы могли рассчитывать на поддержку Бенеша, его авторитет и огромную популярность. Как заключалось в сообщении Брюинса от 22 декабря, несмотря на проблемы со здоровьем, президент оставался дееспособным, его интеллектуальные способности не пострадали⁴⁷.

³⁹ Steinhardt to the Secretary of State. July 18, 1947 // NARA. RG 59. CDF 1945–1949. 860F.00/7–1847.

⁴⁰ Steinhardt to the Secretary of State. July 22, 1947 // FRUS. 1947. Vol. IV. P. 223–226.

⁴¹ Yost to the Secretary of State. September 15, 1947 // Ibid. P. 231.

⁴² Фирлингер возглавлял левое, близкое к коммунистам, крыло в Социал-демократической партии и был известен своими просоветскими взглядами. Его отставка воспринималась как свидетельство изменения настроений в рядах этой партии, вызванное недовольством чрезмерным сближением с коммунистами и возникавшей угрозой потери политической самостоятельности. Это создавало предпосылки для усиления позиций некоммунистических сил. Steinhardt to the Secretary of State. November 24, 1947 // Ibid. P. 248.

⁴³ Steinhardt to the Secretary of State. April 8, 1947 // NARA. RG 59. CDF 1945–1949. 860F.00/4–847.

⁴⁴ Steinhardt to the Secretary of State. September 22, 1947 // Ibid. 860F.001/9–2247; Steinhardt to the Secretary of State. October 27, 1947 // Ibid. 860F.001/10–2747.

⁴⁵ Steinhardt to the Secretary of State. November 24, 1947 // FRUS. 1947. Vol. IV. P. 248.

⁴⁶ The current situation in Czechoslovakia. December 15, 1947 // LASP. Box 67.

⁴⁷ Bruins to the Secretary of State. December 22, 1947 // FRUS. 1947. Vol. IV. P. 255.

Чтобы успокоить американцев, в январе супруга Бенеша Гана обратилась с просьбой о личной встрече с женой Штейнгардта. В состоявшейся беседе она отрицала, что у президента был диабет, не упоминала о простатите и атеросклерозе, летнее недомогание объясняла солнечным ударом и обострением старой детской болезни. Госпожа Бенешова выражала уверенность, что здоровье ее супруга должно было улучшиться, если бы он мог отдохнуть от своих обязанностей хотя бы пару месяцев. Помимо этого, жена президента выражала уверенность, что на предстоящих в следующем году выборах поддержка коммунистов сократится на 5–10%, и новый премьер-министр может быть представителем другой партии. Эта информация совпадала с оценками самого Штейнгардта⁴⁸.

ФЕВРАЛЬСКИЙ КРИЗИС

Однако эти ожидания и прогнозы вновь оказались ошибочными. В феврале 1948 г. в Праге разразился острый политический кризис. Поводом стали действия находившегося под контролем коммунистов Министерства внутренних дел. Лидеры умеренных партий обвинили его руководство во вмешательстве в политические процессы и попытались добиться проведения расследования. Поскольку Готвальд оказывал этому противодействие, 20 февраля 12 министров от умеренных партий подали президенту заявления об отставке. Они рассчитывали увлечь за собой социал-демократов, после чего должен был состояться роспуск кабинета и формирование нового правительства на непартийной основе. Однако 14 из 26 министров остались на своих местах. Это позволило Готвальду потребовать у Бенеша сохранить действующее правительство, заменив выбывших членов другими кандидатурами по его выбору⁴⁹.

Штейнгардт вернулся в Прагу 19 февраля. На протяжении последующих дней американский посол регулярно и подробно информировал госдепартамент о развитии событий. Ключевая роль в развязке кризиса принадлежала Бенешу, но его роль в инициировании отставок и последующие намерения были неизвестны⁵⁰. У посла не имелось возможности лично встретиться с президентом. Было ясно, что Бенеш не хотел идти на поводу ни у одной из сторон. Штейнгардт полагал, что благодаря авторитету и личной популярности он мог сопротивляться давлению Готвальда, несмотря на организованные коммунистами многотысячные демонстрации⁵¹. Президент пытался найти компромисс, выступая как против формирования исключительно коммунистического правительства, так и против правительства без коммунистов. Бенеш добивался от премьер-министра, чтобы тот договорился с недовольными членами правительства. Отставки последних он считал недостаточными для роспуска кабинета⁵².

Развязка наступила 25 февраля. Днем американские дипломаты известили госдепартамент, что президент, судя по всему, согласился с требованиями Готвальда и вскоре должен был сделать публичное заявление. Вечером Министерство информации ЧСР обнародовало данные о новом составе правительства и огласило послание Бенеша к Готвальду. В нем президент выражал надежду на сохранение демократических процедур и коалиции Национального фронта. Но ожидавшегося радиовыступления Бенеша не последовало, что заставляло сомневаться в законности объявленных изменений⁵³.

Штейнгардт до последнего надеялся на благоприятное разрешение кризиса и призывал госсекретаря выступить с резким заявлением, которое могло усилить позиции чехословацкого президента. По мнению посла, тот находился под сильным давлением коммунистов⁵⁴.

⁴⁸ Bruins to the Secretary of State. January 28, 1948 // NARA. RG 59. CDF 1945–1949. 860F.001/1–2848.

⁴⁹ Чехия и Словакия в XX веке. С. 66–73.

⁵⁰ Подробнее хронология событий и мотивы действий Бенеша в период кризиса исследованы в чешской историографии. Например, см.: *Kaplan K. Poslední rok prezidenta.*

⁵¹ Steinhardt to the Secretary of State. February 21, 1948 // NARA. RG 59. CDF 1945–1949. 860F.00/2–2148.

⁵² Steinhardt to the Secretary of State. February 22, 1948 // Ibidem.

⁵³ Steinhardt to the Secretary of State. February 25, 1948 // Ibid. 860F.00/2–2548.

⁵⁴ Steinhardt to the Secretary of State. February 26, 1948 // FRUS. 1948. Vol. IV. P. 738–741.

Тогда же появились первые слухи о скорой отставке и эмиграции Бенеша⁵⁵. Только 26 февраля после беседы с генеральным секретарем МИДа А. Гейдрихом Штейнгардт сообщил в Вашингтон: «Больше нет сомнений, что Бенеш принял отставку двенадцати министров и неохотно согласился на формирование нового правительства»⁵⁶. Вскоре США, Великобритания и Франция в совместном заявлении осудили установление в ЧСР однопартийной диктатуры и уничтожение демократии⁵⁷.

В последующие дни и месяцы Штейнгардт пытался разобраться в причинах кризиса и подробностях его развития. Гейдрих, Масарик и глава президентской канцелярии Я. Смутны утверждали в разговорах с послом, что Бенеш не был заранее проинформирован о намерении министров уйти в отставку. Он пошел на уступки Готвальду под сильнейшим давлением: тот грозил началом кровопролития и советской интервенцией. Учитывая плохое физическое состояние Бенеша, было удивительно, что он сопротивлялся так долго, замечал Штейнгардт. Масарик в разговоре с послом заявлял, что президент мог просто не пережить прошедшую неделю. По мнению министра, он был совершенно сломлен⁵⁸.

Собеседники посла сообщали, что первоначально Бенеш собирался уйти в отставку, но решил остаться, чтобы противодействовать коммунистам. Он не намеревался сотрудничать с новым правительством и хотел доставить ему как можно больше проблем. При этом Бенеш учитывал возможность, что его могли насильно отстранить от власти, обвинить в предательстве и подвергнуть преследованию. Несмотря на грозящую опасность, он не собирался покидать ЧСР⁵⁹.

10 марта произошла еще одна трагедия. Рано утром стало известно о смерти Масарика, выбросившегося из окна своей квартиры⁶⁰. В одном из первых сообщений, отправленных в связи с этим событием в Вашингтон, Штейнгардт заключал, что министра мог подтолкнуть на этот шаг состоявшийся накануне разговор с президентом. Бенеш якобы просто не смог предложить своему близкому другу и сподвижнику «план или курс действий», который позволил бы тому сохранить самоуважение и объяснить необходимость оставаться в составе правительства⁶¹.

Постепенно Штейнгардт начал выражать критические оценки действий Бенеша в период кризиса. В сообщении госдепартаменту от 12 марта он заметил, что президенту следовало действовать более решительно и обратиться за поддержкой к армии. Но он пошел на уступки, опасаясь кровопролития и угрозы советской интервенции, а также сомневаясь в лояльности вооруженных сил и рассчитывая со временем изменить ситуацию⁶².

В конце апреля в пространном освещении причин чехословацкого кризиса Штейнгардт пришел к выводу, что решение двенадцати министров об отставке было принято при поддержке и согласии Бенеша. В дальнейшем президент проявил неоправданную слабость и поддался на угрозы Готвальда. По мнению посла, Бенеш ошибся, опасаясь введения советских войск, поскольку никаких доказательств существования подобной угрозы в реальности не было⁶³.

ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ ЖИЗНИ

На протяжении следующих после кризиса месяцев коммунисты укрепляли свою власть в ЧСР. Шла масштабная чистка государственных учреждений и политических партий.

⁵⁵ Vincent to the Secretary of State. February 25, 1948 // NARA. RG 59. CDF 1945–1949. 860F.00/2–2548.

⁵⁶ Steinhardt to the Secretary of State. February 26, 1948 // Ibid. 860F.001Benes/2–2648.

⁵⁷ FRUS. 1948. Vol. IV. P. 738.

⁵⁸ Steinhardt to the Secretary of State. February 27, 1948 // FRUS. 1948. Vol. IV. P. 741; Steinhardt to the Secretary of State. February 27, 1948 // NARA. RG 59. CDF 1945–1949. 860F.00/2–2748; Steinhardt to the Secretary of State. March 3, 1948 // Ibid. 860F.00/3–348.

⁵⁹ Steinhardt to the Secretary of State. February 27, 1948 // NARA. RG 59. CDF 1945–1949. 860F.00/2–2748.

⁶⁰ Steinhardt to the Secretary of State. March 10, 1948 // NARA. RG 59. CDF 1945–1949. 860F.00/3–1048.

⁶¹ Steinhardt to the Secretary of State. March 10, 1948 // FRUS. 1948. Vol. IV. P. 743; Steinhardt to the Secretary of State. March 11, 1948 // NARA. RG 59. CDF 1945–1949. 860F.032/3–1148.

⁶² Steinhardt to the Secretary of State. March 12, 1948 // NARA. RG 59. CDF 1945–1949. 860F.00/3–1248.

⁶³ Steinhardt to the Secretary of State. April 30, 1948 // FRUS. 1948. Vol. IV. P. 747–754.

Оппозиционные политики массово покидали страну или подвергались преследованиям. Трансформацию должны были закрепить состоявшееся 9 мая принятие новой Конституции и проведение в начале июня парламентских выборов с единым списком кандидатов.

Все это время президент находился в своей резиденции в Сезимово Усти. По информации Штейнгардта, он пребывал под «самым тщательным наблюдением» службы безопасности и был огражден от посетителей⁶⁴. В стране продолжали ходить слухи о его скорой отставке⁶⁵. По мнению Штейнгардта, Бенеш оставался на посту, чтобы не передавать власть Готвальду или Фирлингеру и осуществлять «сдерживающее влияние» на правительство в ожидании изменения международной обстановки⁶⁶. Согласно сумевшему навестить президента в середине марта «надежному информатору» американского посольства, Бенеш надеялся, что коммунисты не продержатся у власти слишком долго и полагал, что будущее Чехословакии полностью зависело от отношений между Советским Союзом и США⁶⁷.

В марте в государственный департамент обратился бывший посол ЧСР в Вашингтоне Ю. Славик (после кризиса он ушел в отставку) с просьбой переправить в Прагу дипломатической почтой через американское посольство личное обращение к Бенешу с призывом к скорейшей отставке. Передать адресату его должен был верный человек, имевший доступ к президенту. Штейнгардт отреагировал на это скептически. Он сообщил в Вашингтон, что посольство находилось под тщательным наблюдением и перехват письма грозил волной обвинений в поддержке со стороны США чехословацких «реакционеров». Кроме того, по мнению посла, письмо не оказало бы никакого влияния на действия президента, поскольку он получал аналогичные обращения от многих близких людей⁶⁸. Тем не менее госдепартамент одобрил эту операцию, чтобы продемонстрировать поддержку усилий чехословацких эмигрантов. Письмо было переправлено в посольство в апреле с инструкцией Штейнгардту поступать по собственному усмотрению. 21 мая Штейнгардт сообщил в госдепартамент, что никакой реакции на него не последовало⁶⁹.

Информация о состоянии Бенеша в это время носила обрывочный характер. Побывавший в апреле в Праге чехословацкий посол в СССР О. Горак сообщил своему американскому коллеге в Москве У. Смит, что имел двухчасовую беседу с Бенешем. По его словам, президент выглядел «умственно и морально сильным», не намеревался добровольно уходить в отставку, осуждал установленную коммунистическую диктатуру и выражал твердое намерение не подписывать Конституцию⁷⁰. Штейнгардт подверг сомнению это свидетельство. По его информации, Бенеш находился в крайне плохом физическом состоянии. Его первое за несколько месяцев публичное выступление по случаю 600-летия Карлова университета продолжалось всего три минуты. При этом президент едва мог членораздельно выговаривать слова и выглядел очень плохо⁷¹.

Глава президентской канцелярии Смутны в разговоре со Штейнгардтом также утверждал, что президент не собирался подписывать Конституцию и, наконец, принял решение об отставке. По просьбе Готвальда она была отложена на месяц — до подведения итогов парламентских выборов. Смутны впервые признал, что президент был «очень болен»⁷². Тем не менее в конце мая американский посол информировал госдепартамент, что коммуни-

⁶⁴ Steinhardt to the Secretary of State. April 15, 1948 // NARA. RG 59. CDF 1945–1949. 860F.001/4–1748.

⁶⁵ Memorandum of Conversation. March 30, 1948 // Ibid. 860F.00/3–3048.

⁶⁶ Steinhardt to the Secretary of State. April 2, 1948 // Ibid. 860F.00Benes/4–248.

⁶⁷ Steinhardt to the Secretary of State. April 19, 1948 // Ibid. 860F.001Benes/4–1948.

⁶⁸ Memorandum of Conversation. March 23, 1948 // Ibid. 860F.00/3–2348; Vedeler to Steinhardt. April 5, 1948 // LASP. Box 57; Steinhardt to the Secretary of State. April 15, 1948 // NARA. RG 59. CDF 1945–1949. 860F.001/4–1748.

⁶⁹ Vedeler to Steinhardt. April 28, 1948 // LASP. Box 57; Steinhardt to Vedeler. May 21, 1948 // NARA. RG 59. CDF 1945–1949. 860F.00/5–2148.

⁷⁰ Smith to the Secretary of State. April 20, 1948 // NARA. RG 59. CDF 1945–1949. 860F.00/4–2048.

⁷¹ Steinhardt to the Secretary of State. April 23, 1948 // Ibid. 860F.00/4–2348.

⁷² Steinhardt to the Secretary of State. May 13, 1948 // Ibid. 860F.001Benes/5–1348.

сты все еще надеялись убедить Бенеша утвердить Конституцию и были готовы сместить президента по состоянию здоровья в случае его отказа уйти в отставку⁷³.

28 мая Штейнгардт наконец смог нанести личный визит Бенешу по случаю его дня рождения в качестве дуайена дипломатического корпуса. Информация о плачевном состоянии его здоровья полностью подтвердилась. Бенеш с трудом мог разговаривать, хотя сохранял ясность мышления. Он осудил захват власти коммунистами, критически отозвался об организованных ими выборах, подтвердил свое намерение не подписывать Конституцию и скорую отставку. При этом президент не верил, что «нынешние условия» в Чехословакии могли сохраниться на длительное время⁷⁴.

7 июня было официально объявлено о сложении Бенешем своих полномочий⁷⁵. На следующий день было опубликовано его письмо Готвальду и ответное заявление премьер-министра. В последнем подчеркивался вклад Бенеша в «великую борьбу чешского народа за свободу и независимость прогрессивного и социалистически справедливого государства», упоминалась его позитивная роль в налаживании дружеских отношений с СССР и в недавних февральских событиях⁷⁶. Через три месяца, 3 сентября стало известно о смерти Бенеша. 8 сентября состоялись торжественные похороны, на которых присутствовал и представитель американского посольства⁷⁷.

14 сентября, за несколько дней до окончательного отъезда из ЧСР, Штейнгардт встретился с Ганой Бенешовой. Супруга президента призналась, что последние полгода они прожили в постоянном страхе перед отправкой в СССР. По ее словам, Эдвард был глубоко разочарован действиями советского руководства⁷⁸.

Подводя итог, можно заключить, что отношение к Бенешу со стороны американских дипломатов находилось под общим влиянием политической обстановки. Изначально они полагались на его репутацию политического прагматика, сторонника сохранения западной ориентации и противника чрезмерного сближения с СССР. После восстановления независимости ЧСР в госдепартаменте рассчитывали на поддержку президентом умеренных сил и демократических порядков. Бенеш неоднократно заверял своих американских собеседников в приверженности этим взглядам и преуменьшал влияние коммунистов на чехословацкое общество. Репутация опытного политика, близкий и откровенный характер общения не могли не вызывать доверия к его точке зрения. Но зачастую прогнозы Бенеша оказывались слишком оптимистичными. Ожидавшийся им провал национализации и экономических реформ, падение влияние левых сил, вера в благие намерения Москвы оказались ошибочными. Бенеш не смог спрогнозировать наступления февральского кризиса. Надежды на его сдерживающее влияние в отношении действий коммунистов также не оправдались. Следование советскому курсу во внешней политике вызывало непонимание и недовольство в Вашингтоне. При этом США не намеревались оказывать открытой и активной поддержки Бенешу. Разразившийся в феврале 1948 г. кризис и действия президента стали неожиданностью для американцев. Оправданием его нерешительности, с точки зрения посла Штейнгардта, не могло служить даже ухудшавшееся состояние здоровья. Тем не менее до конца жизни Бенеш пользовался симпатиями и сочувствием американских дипломатов. Его отставка и смерть завершили очередной период чехословацкой истории, открыв дорогу нескольким десятилетиям коммунистического правления и сделав невозможным такое же тесное взаимодействие представителей США с новыми руководителями ЧСР.

⁷³ Steinhardt to Vedeler. May 21, 1948 // Ibid. 860F.00/5–2148; Steinhardt to the Secretary of State. May 21, 1948 // Ibidem; Steinhardt to the Secretary of State. May 25, 1948 // Ibid. 001Benes/5–2748.

⁷⁴ Steinhardt to the Secretary of State. May 29, 1948 // FRUS. 1948. Vol. IV. P. 754–755.

⁷⁵ Steinhardt to the Secretary of State. June 7, 1948 // NARA. RG 59. CDF 1945–1949. 860F.001Benes/6–748.

⁷⁶ Steinhardt to the Secretary of State. June 8, 1948 // Ibid. 860F.001Benes/6–848.

⁷⁷ Steinhardt to the Secretary of State. September 14, 1948 // Ibid. 860F.001Benes/9–1448.

⁷⁸ Steinhardt to the Secretary of State. September 15, 1948 // Ibid. 860F.001Benes/9–1548.

Библиография

- Зорин А.В. Дилеммы финансовой политики США в Восточной Европе, 1945–1948 гг.: опыт ЧСР // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13. № 1. С. 56–81.
- Зорин А.В. Проблема признания США чехословацкого правительства в изгнании в годы Второй мировой войны // Славяноведение. 2017. № 3. С. 30–43.
- Зорин А.В. Политические партии Чехословакии глазами американских дипломатов, 1945–1948 годы // Россия и Америка в XXI веке. 2018. № 4. URL: <http://rusus.jes.su/s207054760000068-1-1> (дата обращения: 30.10.2023).
- Зорин А.В. Проблема вывода американской армии из Чехословакии в 1945 г. // Новая и новейшая история. 2018. № 3. С. 47–61.
- Зорин А.В., Юнгблюд В.Т. Повседневная жизнь американского посольства в Чехословакии в 1945–1948 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016048-1-1/> (дата обращения: 30.03.2022).
- Конституции зарубежных стран. Т. 2. Средние и малые европейские страны. Москва; Ленинград, 1936. С. 16–27.
- Марыина В.В. Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884–1948. М., 2013.
- Наринский М.М. Советский Союз, Чехословакия и план Маршалла // Февраль 1948. Москва и Прага: взгляд через полвека. М., 1998. С. 67–83.
- Орлик И.И. Эдуард Бенеш: годы побед и поражений // Новая и новейшая история. 2008. № 5. С. 145–161. Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории. Кн. 2. М., 2005.
- Юнгблюд В.Т., Зорин А.В. Чешские и словацкие организации в США в годы Второй мировой войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 89–99.
- Юнгблюд В.Т., Зорин А.В. Советско-чехословацкое сближение в 1943–1945 гг.: взгляд из США // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 178–184.
- Foreign Relations of the United States, 1946. Vol. VI. Eastern Europe; The Soviet Union. Washington, 1969.
- Foreign Relations of the United States, 1947. Vol. III. The British Commonwealth; Europe. Washington, 1972.
- Foreign Relations of the United States, 1947. Vol. IV. Eastern Europe; The Soviet Union. Washington, 1972.
- Foreign Relations of the United States, 1948. Vol. IV. Eastern Europe; The Soviet Union. Washington, 1974.
- Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1945. Vol. IV. Europe. Washington, 1968.
- Hanzal J. Edvard Beneš. Praha, 1994.
- Kaplan K. Poslední rok prezidenta. Edvard Beneš v roce 1948. Praha, 1993.
- Kaplan K. Pravda o Československu 1945–1948. Praha, 1990.
- Taborsky E. President Edvard Beneš. Between East and West 1938–1948. Stanford, 1981.
- Yungblyud V.T., Zorin A.V. The problem of returning of American diplomats to liberated Czechoslovak Republic // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 4. С. 1289–1302.

References

- Chekhiya i Slovakiya v XX veke: ocherki istorii [Czechia and Slovakia in the Twentieth Century: Essays on History]: v 2 knigakh. Kniga 2. Moskva, 2005. (In Russ.)
- Konstitucii zarubezhnyh stran. Tom 2. Srednie i malye evropejskie strany [Constitutions of foreign countries. Vol. 2. Medium and small European countries]. Moskva; Leningrad, 1936. (In Russ.)
- Mar'ina V.V. Vtoroj prezident Chekhoslovakii Edvard Benesh: politik i chelovek [The Second President of Czechoslovakia Edvard Beneš: Politician and Man]. 1884–1948. Moskva, 2013. (In Russ.)
- Narinskij M.M. Sovetskij Soyuz, Chexoslovakiya i plan Marshalla [The Soviet Union, Czechoslovakia and the Marshall Plan] // Fevral' 1948. Moskva i Praga: Vzgl'yad cherez polveka [February 1948. Moscow and Prague: A look through half a century]. Moskva, 1998. S. 67–83. (In Russ.)
- Orlik I.I. Eduard Benesh: gody pobed i porazhenij [Eduard Benesh: years of victories and defeats] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2008. № 5. S. 145–161. (In Russ.)
- Yungblyud V.T., Zorin A.V. Cheshskie i slovackie organizacii v SShA v gody Vtoroj mirovoj vojny [Czech and Slovak organizations in the USA during World War II] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Tomsk State University Journal of History]. 2022. № 76. S. 89–99. (In Russ.)
- Yungblyud V.T., Zorin A.V. Sovetsko-chekhslovackoe sblizhenie v 1943–1945 gg.: vzglyad iz SShA [Soviet-Czechoslovak rapprochement in 1943–1945: a view from the USA] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal of History]. 2017. № 425. S. 178–184. (In Russ.)

Zorin A.V. Dilemmy finansovoj politiki SShA v Vostochnoj Evrope, 1945–1948 gg.: opyt CSR [The dilemma of US financial policy in Eastern Europe, 1945–1948: the experience of the CSR] // Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO review of international relations]. 2020. Vol. 13. № 1. S. 56–81. (In Russ.)

Zorin A.V. Politicheskie partii Chexoslovakii glazami amerikanskix diplomatov, 1945–1948 gody [Political parties of Czechoslovakia through the eyes of American diplomats, 1945–1948] // Rossiya i Amerika v XXI veke [Russia and America in the 21st century]. 2018. № 4. URL: <http://rusus.jes.su/s207054760000068-1-1> (access date: 30.10.2023). (In Russ.)

Zorin A.V. Problema priznaniya SShA chexoslovaczskogo pravitel'stva v izgnanii v gody Vtoroj mirovoj vojny [The problem of US recognition of the Czechoslovak government in exile during World War II] // Slavyanovedenie [Slavic Studies]. 2017. № 3. S. 30–43. (In Russ.)

Zorin A.V. Problema vyvoda amerikanskoj armii iz Chexoslovakii v 1945 g. [Withdrawal of the US Army from Czechoslovakia in 1945] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2018. № 3. S. 47–61. (In Russ.)

Zorin A.V., Yungblyud V.T. Povsednevnyaya zhizn' amerikanskogo posol'stva v Chexoslovakii v 1945–1948 gg. [Daily life of the American embassy in Czechoslovakia in 1945–1948] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2021. Vol. 12. № 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016048-1-1/> (access date: 30.03.2022). (In Russ.)

Foreign Relations of the United States, 1946. Vol. VI. Eastern Europe; The Soviet Union. Washington, 1969.

Foreign Relations of the United States, 1947. Vol. III. The British Commonwealth; Europe. Washington, 1972.

Foreign Relations of the United States, 1947. Vol. IV. Eastern Europe; The Soviet Union. Washington, 1972.

Foreign Relations of the United States, 1948. Vol. IV. Eastern Europe; The Soviet Union. Washington, 1974.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1945. Vol. IV. Europe. Washington, 1968.

Hanzal J. Edvard Beneš. Praha, 1994.

Kaplan K. Poslední rok prezidenta. Edvard Beneš v roce 1948. Praha, 1993.

Kaplan K. Pravda o Československu 1945–1948. Praha, 1990.

Taborsky E. President Edvard Beneš. Between East and West 1938–1948. Stanford, 1981.

Yungblyud V.T., Zorin A.V. The problem of returning of American diplomats in liberated Czechoslovak Republic // Vestnik of Saint Petersburg University. History. Vol. 63. Iss. 4. Sankt-Peterburg, 2018. P. 1289–1302.

СУДЬБА ПРОЕКТА ОБЪЕДИНЕННОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ДОЛГОЖДАННОЕ ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ЗАКОНОМЕРНОЕ РАЗРУШЕНИЕ ПАНАРАБСКОГО ГОСУДАРСТВА

Орлов Илья Александрович — младший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН (Москва, Россия).

E-mail: iaorlov_2@edu.hse.ru

ORCID: 0000-0002-6645-2179; Researcher ID: HGD-1513-2022

Аннотация. Объединение Египта и Сирии (1958–1961) не только сыграло важную роль в истории этих стран, но и оказало существенное влияние на развитие арабского мира во второй половине XX в. Несмотря на историческую актуальность проблематики, связанной с реализацией политического проекта Объединенной Арабской Республики (ОАР), в отечественной литературе практически нет подробных исследований, посвященных данной теме. Цель настоящей статьи заключается в выявлении предпосылок создания и распада египетско-сирийского союзного государства. Главные задачи исследования — раскрытие основных тенденций, повлиявших на ход исторического процесса в Сирии в период объединения, и определение ключевых причин провала политического проекта ОАР. Детальный анализ источников на английском, русском и арабском языках позволяет прийти к следующим выводам. Основные предпосылки создания ОАР заключались в стремлении египетского лидера Гамалы Абд ан-Насера утвердить лидерство страны в арабском мире и в попытке партии Баас и ряда высших армейских офицеров предотвратить назревавший гражданский конфликт в Сирии, а также не допустить установления в ней коммунистической власти. Осуществляя политическую централизацию ОАР, Насер предпринял ряд шагов по ограничению влияния в Сирии армии, партий, коммерческой элиты, племенных лидеров и профсоюзов. В результате от египетского лидера отвернулись бывшие члены Баас, инициировавшие объединение. В Сирии не осталось ни общественных институтов, ни отдельных политических фигур, которые могли бы служить опорой Насера в реализации панарабского проекта, что в немалой степени способствовало успеху военного переворота 1961 г. и распаду ОАР.

Ключевые слова: Насер, ОАР, Египет, Сирия, панарабизм, Баас.

I.A. Orlov

The Fate of the United Arab Republic Project: Long-Awaited Emergence and Natural Destruction of the Pan-Arab State

Ilya Orlov, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: iaorlov_2@edu.hse.ru

ORCID: 0000-0002-6645-2179; Researcher ID: HGD-1513-2022

Abstract. The unification between Egypt and Syria (1958–1961) not only played an important role in the history of these countries, but also had a significant impact on the development of the Arab

world in the second half of the twentieth century. Despite its historical relevance, there are almost no detailed studies in Russian historiography that are devoted to the fate of the United Arab Republic (UAR) project. The purpose of this article is to identify the prerequisites for the formation and collapse of the UAR. The main objectives of the study are to reveal the major trends that influenced the course of the historical process in Syria during the period of unification, and to identify the key reasons for the failure of the UAR project. Detailed analysis of English, Russian and Arabic sources allows to draw the following conclusions. The core reasons for the creation of the UAR were Nasser's will to consolidate his leadership position in the Arab world and the attempt of the Ba'ath Party and a number of higher Syrian officers to prevent the brewing civil conflict in Syria and avoid the establishment of communist power there. While implementing political centralization in the UAR Nasser took several steps to limit the influence of the army, political parties, commercial elite, tribal leaders and trade unions. As a result, former members of the Ba'ath Party who initiated the unification turned their backs on the Egyptian leader. Finally, Nasser had neither social institutions nor political figures in Syria to rely upon, resulting in the military coup and the collapse of the UAR.

Keywords: Nasser, UAR, Egypt, Syria, pan-Arabism, Ba'ath.

Объединенная Арабская Республика (ОАР) — наиболее известный и наиболее успешный панарабский¹ проект. Союз Египта и Сирии (получивших в рамках ОАР административный статус Южного и Северного регионов соответственно) стал без преувеличения беспрецедентным политическим явлением в истории XX в. Однако попытка создания единого государства, которое бы опиралось на собственную устойчивую систему институтов законодательной и исполнительной власти и способствовало формированию общеарабской идентичности, так и не удалась. ОАР просуществовала лишь три с половиной года. Распад этого политического союза продемонстрировал всю противоречивость идеи сосуществования разных арабских народов в рамках единого государства. Как следствие, идеологии панарабизма был нанесен серьезный удар. И хотя в последующие десятилетия в арабском мире сохранялись тенденции к политической интеграции, что проявилось в попытках создания таких союзов, организаций и конфедеративных образований, как Федерация Арабских Республик, Арабская Исламская Республика, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, Союз арабского Магриба и др., масштабных проектов по объединению государств с формированием общефедеральных структур власти, подобных ОАР, уже не возникало.

Несмотря на немаловажную роль ОАР в истории арабского мира в XX в., темы, связанные с появлением и реализацией этого политического проекта, не получили широкого освещения в научной литературе. Среди англоязычных работ, в которых представлены результаты исследований процессов становления и распада государственного союза Египта и Сирии, следует особо отметить монографию Джорджа Ленчовски «Ближний Восток в мировой политике»². В ней довольно подробно рассматривается история ОАР и ее роль в международных отношениях. Обширный фактологический материал по изучаемой проблематике приводится также в двух магистерских диссертациях, написанных Сальмой Хаддад³ и Набилем Джамилом Фаридом⁴. Эти диссертации содержат подробный анализ внутри- и внешнеполитической жизни ОАР. В то же время процессы формирования и распада

¹ Панарабизм — идеология, направленная на достижение единства в арабском мире, зародившаяся в позднеосманский период, когда перед арабами стояла задача обретения национальной независимости. Вследствие раздела Ближнего Востока между западными державами после окончания Первой мировой войны последователи идеологии панарабизма сосредоточили свои усилия на создании единого арабского государства. Идеология панарабизма являлась доминирующей в этом регионе в 1950-е годы.

² *Lenczowski G. The Middle East in World Affairs. 3d ed. Ithaca; New York, 1962. P. 475–540.*

³ *Haddad S.S. The United Arab Republic, 1958–1961. The Northern Region: Selected Aspects of the Impact of Union on the Northern Region. Master's thesis. Beirut, 1965.*

⁴ *Fareed N.J. Role of Political Elites in the Demise of the United Arab Republic. February, 1958 — September, 1961: A Case Study of the Failure of Political Integration. Master's thesis. Stillwater, 1973.*

союза Египта и Сирии рассматриваются их авторами вне более широкого теоретического и общеисторического контекста.

Еще одной важной работой по интересующей теме является исследование Малика Муфти «Становление суверенитета. Панарабизм и политический строй в Сирии и Ираке»⁵. В этом произведении приводится детальный анализ ключевых событий, способствовавших созданию ОАР.

Продолжая обзор зарубежной историографии по теме, необходимо особо отметить монографию «Закат арабского единства: взлет и падение Объединенной Арабской Республики» Эли Подеха, являющуюся на данный момент, вероятно, наиболее крупной научной работой, посвященной ОАР⁶. В ней изучаются различные аспекты процесса создания союза двух государств, а также отношения внутри египетской и сирийской элит. Наконец, следует упомянуть статью Макбула Ахмада Авана, в которой история ОАР помещена в широкий внешнеполитический контекст⁷.

В отечественной научной литературе создание ОАР обычно рассматривается или в контексте истории Египта, или в контексте истории Сирии. В большинстве работ по изучаемой теме анализируется политика центрального руководства Египта с 1958 по 1961 г., а также различные аспекты общественной жизни именно Южного региона ОАР. В то же время исследованию социально-политических процессов в Сирии в данный период не уделяется должного внимания. Исключениями являются монографии Эльзы Патвакановны Пир-Будаговой «Сирия в борьбе за упрочнение национальной независимости (1945–1966)»⁸ и «История Сирии. XX век»⁹. При этом вторая монография в значительной степени является результатом переработки текста первой. Оба указанных произведения посвящены теме становления и развития современной сирийской государственности. Особое внимание в трудах Э.П. Пир-Будаговой уделяется рассмотрению деятельности Сирийской коммунистической партии (СКП), оценки которой, по определенным политическим причинам, далеко не всегда являются объективными.

В настоящей работе на основе критического анализа широкого круга западных, отечественных и арабских источников впервые в российской историографии предпринимается попытка объяснить логику создания, развития и распада египетско-сирийского союзного государства. Главными задачами исследования являются раскрытие основных тенденций, повлиявших на ход исторического процесса в Сирии в период объединения, и определение ключевых причин провала политического проекта ОАР.

Приход к власти в Египте организации «Свободные офицеры», состоявшей из националистически настроенных военных, в 1952 г. вызвал широкий резонанс в арабском мире. В середине 1950-х годов популярность лидера организации — будущего президента Египта Гамалы Абд ан-Насера¹⁰ — в странах Ближнего Востока неуклонно росла и достигла пика после Суэцкого кризиса 1956 г., когда Каиру удалось одержать верх над силами англо-франко-израильской коалиции и национализировать принадлежавшую до этого Великобритании Компанию Суэцкого канала. Победа над Израилем и крупнейшими колониальными державами дала возможность египетскому руководству позиционировать свою страну как лидера арабского мира. В преамбуле первой постоянной республиканской Конституции Египта 1956 г. подчеркивалась ответственность государства за судьбу не только собственных

⁵ *Mufti M. Sovereign Creations: Pan-Arabism and Political Order in Syria and Iraq. London, 1996.*

⁶ *Podeh E. The Decline of Arab Unity: The Rise and Fall of the United Arab Republic. Brighton; Portland, 1999.*

⁷ *Awan M.A. Gamal Abdel Nasser's Pan-Arabism and Formation of the United Arab Republic: An Appraisal // Journal of Research Society of Pakistan. 2017. Vol. 54. № 1. P. 107–128.*

⁸ *Пир-Будагова Э.П. Сирия в борьбе за упрочение национальной независимости (1945–1966). М., 1978.*

⁹ *Ее же. История Сирии. XX век. М., 2015.*

¹⁰ Г.А. Насер занимал пост президента Египта с 1956 по 1970 г.

граждан, но и всех арабов¹¹. Нельзя не заметить, что панарабизм и концепция египетского лидерства в некоторой степени вступали в противоречие друг с другом. С точки зрения многих сторонников арабского национализма, например лидеров Партии арабского социалистического возрождения¹², известной также как Баас (араб. «возрождение»), принцип «уруба» («арабскость») предполагал равенство всех арабов (вне зависимости от страны происхождения и проживания) между собой. Египетское же лидерство, перераставшее в доминирование, представлялось им проявлением «фираунийи» («фараонизм» — форма египетского национализма). Это идеологическое противоречие впоследствии отразилось на процессе строительства ОАР и его результатах.

В то время как в Египте популярный лидер постепенно сосредотачивал власть в своих руках, стремясь ограничить влияние либералов, исламистов и коммунистов, сирийская политическая система отличалась высокой степенью фрагментации. Государственная элита страны являлась весьма разнородной не только в этноконфессиональном, но и в социальном плане. Хотя ее основу составляли семьи богатых землевладельцев, к ней также принадлежали чиновники разного уровня, племенные и религиозные лидеры, деятели культуры¹³. Эта разнородность была обусловлена исторически сложившимися особенностями сирийской государственности, никогда не отличавшейся высокой степенью централизации власти. Данным обстоятельством предопределялись и характерные для политической культуры Сирии середины XX в. плюрализм взглядов и развитые представления о гражданских свободах¹⁴. Разнородность местной элиты во многом являлась причиной ее политической разобщенности, которой способствовали и внешние факторы. За влияние на Дамаск соперничали такие страны исламского мира, как Египет, Ирак, Иордания, Саудовская Аравия и Турция. В Сирии сталкивались интересы западных стран и Советского Союза. Давление извне не консолидировало внутривнутриполитические силы, а, наоборот, разобщало их. Отчасти именно этим было обусловлено недоверие многих сирийцев к государственному руководству и их сомнения относительно его способности отстоять территориальную целостность страны в сложных геополитических условиях¹⁵. К тому же опыт десятилетия, предшествовавшего созданию ОАР, за которое в Сирии произошло пять военных переворотов, также указывал на ее несостоятельность как государства¹⁶.

Следует отметить, что идея объединения с Египтом не была для Сирии совершенно новой. Исторические египетские правители неоднократно пытались присоединить эту страну к своим владениям. Так не раз случалось и в доисламскую эпоху, например в период правления фараонов XVIII и XIX династий (XV—XIII вв. до н.э.) и во время шести Сирийских войн Царства Птолемеев с Селевкидской империей (III—II вв. до н.э.). После арабских завоеваний Египет являлся политическим центром государств, претендовавших на доминирующую роль в ближневосточном регионе и включавших территорию современной Сирии. К числу этих государств относятся державы Тулунидов (IX—X вв.), Ихшидидов (X в.), Фатимидов (X—XI вв.), Айюбидов (XII—XIII вв.), Бахритов (XIII—XIV вв.) и Бурджитов (XIV—XVI вв.). В Новое время Египет и Сирия входили в состав Османской

¹¹ Maysr: *Dustur 'am 1956 wa al-manshur fi jaridat al-waqa'i' al-mysriyya*. 16.01.1956 // Constitutionnet. URL: <https://constitutionnet.org/vl/item/msr-dstwr-am-1956-walmnshwr-fy-jrydt-alwqay-almrsyt-fy-16-kanwn-althanuyayr-1956-aldd-5> (дата обращения: 06.02.2024).

¹² Партия арабского возрождения была создана в 1947 г. Мишелем Афляком и Салах ад-Дином аль-Битаром. Ее политическая программа базировалась на принципах панарабизма и социализма. Идеологическая близость позволила лидерам Баас в 1954 г. объединиться с руководителем Арабской социалистической партии Акрамом аль-Хаурани и сформировать Партию арабского социалистического возрождения.

¹³ *Khoury P.S. Continuity and Change in Syrian Political Life: The Nineteenth and Twentieth Centuries // The American Historical Review*. 1991. Vol. 96. № 5. P. 1383.

¹⁴ *Lenczowski G.* Op. cit. P. 535.

¹⁵ *Seale P.* The Break-up of the United Arab Republic // *The World Today*. 1961. Vol. 17. № 11. P. 475.

¹⁶ См. подробнее: *Salik N.* Syrian Foreign Policy From Independence to the Baath Party's Accession to Power: 1946–1963. Thesis. Ankara, 2012. P. 68–101.

империи и державы Мухаммеда Али (1831–1842). Исторический опыт сосуществования с Египтом в рамках единого государства нередко воспринимался сирийцами негативно, так как египтяне в этих политических союзах оказывались в доминирующем положении, а их руководство старалось проводить в Сирии жесткую политику, чтобы контролировать ситуацию на местах¹⁷.

Однако с 1955 г. руководство Сирии стремилось к интеграции с Египтом, рассматривая ее как потенциальную возможность для экономического развития страны и разрешения внутривнутриполитических проблем, проявлявшихся в конфликтах на идеологической почве, порой переходивших в открытое силовое противостояние с участием военных¹⁸. Тенденция к объединению двух государств была обусловлена и наличием общих внешних угроз. 24 февраля 1955 г. Ирак и Турция заключили Багдадский пакт, создав военно-политический блок, известный как Организация центрального договора (СЕНТО), к которому позже присоединились Великобритания, Пакистан и Иран¹⁹. Члены СЕНТО стремились добиться вступления в альянс Сирии и Египта, руководители которых рассматривали данные попытки как покушение на суверенитет собственных государств и втягивание их в холодную войну. Реакцией на это стало заключение в октябре 1955 г. двустороннего оборонительного договора между Каиром и Дамаском²⁰. Годом ранее Г.А. Насер опубликовал «Философию революции». В этом политическом трактате египетский лидер, в частности, указывал на необходимость сплочения арабского мира перед лицом таких угроз, как «колониализм» и «сионизм»²¹. Во время Суэцкого кризиса сирийское руководство выразило поддержку Египту, заявив о готовности отправить на помощь Каиру добровольцев²². В своей публичной речи, произнесенной в конце июля 1956 г. (после национализации Суэцкого канала), Насер обращался к сирийцам, апеллируя к идее арабского единства. На массовых демонстрациях в поддержку его действий, проходивших в Дамаске и других сирийских городах в этот период, звучали призывы к объединению с Египтом²³. В 1957 г. сирийское руководство, в котором укрепились позиции левых сил, подверглось серьезному внешнеполитическому давлению со стороны Турции и западных государств, стремившихся не допустить возможного вступления страны в социалистический блок. С целью оказания поддержки союзнику Египет направил в Сирию воинский контингент. В том же году между двумя странами было подписано новое военное соглашение²⁴.

Стремление к созданию сильного государства, целью которого стало бы политическое объединение всех арабских народов, являлось важным элементом идеологии панарабизма, последовательным приверженцем которой был Насер. Именно в этом контексте следует рассматривать заявление, сделанное египетским лидером после подписания оборонительного договора с Сирией 8 ноября 1955 г.: «История гласит: если Сирия и Египет объединятся, они смогут добиться невозможного. Сирия и Египет смогли защитить исламский мир от татар²⁵ и Крестовых походов, а сегодня Сирия и Египет с Божьей помощью защитят арабский мир от сионизма»²⁶. В то же время представляется очевидным, что в рассматриваемый период энтузиазм сирийской элиты в отношении реализации идеи политического союза с Каиром вызывал у Насера некоторый скепсис. Общаясь с сирийскими журналистами в январе

¹⁷ Podeh E. Op. cit. P. 5.

¹⁸ Awan M.A. Op. cit. P. 118; Mufti M. Op. cit. P. 84–85.

¹⁹ В 1959 г. Ирак вышел из состава СЕНТО. Этот военно-политический блок просуществовал до 1979 г.

²⁰ Podeh E. Op. cit. P. 7.

²¹ Abd an-Nasr G. Falsafat ath-thaura. Cairo, 1996. P. 105–106; Kalimat ar-raïis Gamal 'abd an-Nasr ba'ada tauki' ittifaq al-qiyada al-mushtaraka al-mysriyya as-suriyya. 08.11.1955 // Site for President Gamal Abdel Nasser. URL: <http://www.nasser.org/TextViewer.aspx?TextID=SPCH-413-en> (дата обращения: 03.09.2022).

²² Агарышев А.А. Гамаль Абдель Насер. 2-е изд., испр. и доп. М., 1979. С. 136.

²³ Podeh E. Op. cit. P. 33.

²⁴ Fareed N.J. Op. cit. P. 11.

²⁵ Насер использовал слово tatar (татары), говоря о монгольских завоеваниях XIII в.

²⁶ Kalimat ar-raïis Gamal 'abd an-Nasr...

1955 г., он отмечал, что единство между арабами возможно лишь в том случае, если между ними будет установлено доверие²⁷. Египетский лидер осознавал, что его стране предстояло бы столкнуться с многочисленными трудностями в случае объединения с Сирией. Насер не был уверен в политической лояльности местной элиты и опасался подобного развития событий²⁸. На данном этапе взаимоотношений с Дамаском он был склонен рассматривать Египет скорее как «покровителя» государств Ближнего Востока, а не как будущий центр единой державы, призванной консолидировать весь арабский мир²⁹. Однако в сложившихся условиях перед Насером вырисовывались два весьма непростых сценария будущего объединения. Египетскому лидеру предстояло либо перестроить и подчинить себе всю политическую систему Сирии, либо смириться с тем, что в рамках федерации эта страна будет обладать широкой внутренней автономией. В последнем случае существовала опасность возникновения конкуренции между двумя моделями государственного устройства. Преимущество в такой конкуренции оказалось бы на стороне более свободной, плюралистичной и зажиточной Сирии. Этого египетский лидер допустить никак не мог³⁰. В то же время Насер осознавал важность контроля над внешней политикой Сирии. В условиях холодной войны и нерешенной палестинской проблемы это позволило бы укрепить позиции Египта на международной арене³¹.

В рассматриваемый период среди сирийских политиков было немало сторонников объединения с Египтом, даже несмотря на то, что центром будущего союзного государства, по мысли Насера, должен был стать Каир, а не Дамаск. Во второй половине 1950-х годов основными конкурирующими идеологиями в Сирии были национализм, сочетавшийся с ориентацией на западную капиталистическую модель, и панарабизм, впитавший в себя социалистические идеи и получивший распространение среди широких масс арабского населения³². Популярность панарабизма в Сирии и на Ближнем Востоке в целом была во многом обусловлена тем, что процесс формирования постколониальных национальных государств в регионе в данный период еще не был завершен. В этом контексте создание единой общеарабской федерации рассматривалось лидерами различных партий и движений как амбициозный политический проект. Они могли надеяться, что в случае возникновения такого государства, оно стало бы крупнейшим региональным игроком, способным успешно отстаивать интересы арабов в мировой политике. В то же время из идеи сосуществования множества государств в арабском мире, с их точки зрения, неизбежно вытекали внутренние конфликты, межстрановая конкуренция и вовлечение в союзы с великими державами, которые использовали бы сложившуюся ситуацию в своих интересах.

Главными приверженцами панарабских идей в Сирии являлись члены партии Баас, которые впервые заявили о необходимости политического объединения с Египтом еще до Суэцкого кризиса, весной 1956 г., когда страна отмечала десятую годовщину вывода англо-французских войск³³. В том же году они добились, чтобы эта идея была зафиксирована в Национальной хартии, принятие которой основными партиями и политическими организациями Сирии было инициировано президентом Шукри аль-Куатли³⁴ на

²⁷ Tasrihat ar-raïis Gamal 'abd an-Nasr bi manshiyat-suhufiyyin as-suriyyin bi manshiyat al-bakri. 23.12.1958 // Site for President Gamal Abdel Nasser. URL: <http://www.nasser.org/TextViewer.aspx?TextID=SPCH-306-en> (дата обращения: 03.09.2022).

²⁸ Podeh E. Op. cit. P. 26.

²⁹ Gerges F.A. Making the Arab World: Nasser, Qutb, and the Clash That Shaped the Middle East. Princeton, 2018. P. 189–190.

³⁰ Lenczowski G. Op. cit. P. 524.

³¹ Ashton N.J. Eisenhower, Macmillan and the Problem of Nasser: Anglo-American Relations and Arab Nationalism, 1955–59. New York, 1996. P. 141.

³² Lenczowski G. Op. cit. P. 526.

³³ Английские войска продолжали оставаться в Сирии после завершения боевых действий на ближневосточном театре Второй мировой войны. См. подробнее: Пир-Будагова Э.П. Сирия в борьбе... С. 18–26.

³⁴ Шукри аль-Куатли занимал пост президента Сирии с 1943 по 1949 г. и с 1955 по 1958 г.

фоне нарастающих внутренних конфликтов³⁵. В июле 1956 г. перспективы объединения с Египтом обсуждались в парламенте. Подготовленный баасистами проект создания союзного государства (на федеративной основе) получил одобрение Национальной партии³⁶, а также коммунистов³⁷. Следует отметить, что в рассматриваемый период Баас пользовалась активной поддержкой Египта. Насер считал, что именно эта партия проводит близкую ему по духу прогрессивную политику «освобождения арабов», направленную против империализма, сионизма и «феодалных пережитков». Кроме того, в 1950-е годы баасисты укрепили свое положение в Сирии и Иордании, где их представители не только получили правительственные портфели, но и заняли посты министров иностранных дел. Именно с этими государственными чиновниками непосредственно взаимодействовало египетское руководство и именно на них оно могло положиться в реализации своих внешнеполитических целей³⁸.

Во второй половине 1950-х годов в Дамаске и других крупных городах страны (особенно среди представителей образованного класса) наблюдался рост политической популярности СКП, что могло быть обусловлено поддержкой Сирии советским правительством в период кризиса 1957 г., когда Турция, оказывая внешнеполитическое давление на Дамаск, стала сосредотачивать войска на своей южной границе. Руководителем СКП с 1937 г. являлся общественный деятель курдского происхождения Халед Бакдаш. В 1957 г. занимавший в этот период пост министра обороны влиятельный сирийский политик, симпатизировавший Советскому Союзу, Халед аль-Азм заключил (от имени правительства) в Москве соглашение об экономическом сотрудничестве с СССР, предусматривавшее финансирование последним строительства плотины на Евфрате. Два Халеда стали политическими союзниками, что способствовало расширению влияния СССР и укреплению позиций СКП³⁹.

В 1956 г. был создан Народный прогрессивный фронт, в который вместе с коммунистами вошли Баас и Национальная партия, доминировавшие на сирийской политической арене в этот период. И баасисты, и националисты на данном этапе рассматривали СКП как своего политического союзника. Интенсификация связей Х. аль-Азма с советским руководством заставила их изменить отношение к коммунистам, до этого не обладавшим серьезным влиянием в высших государственных кругах Сирии. После переговоров в Москве и заключения соглашения об экономическом сотрудничестве с СССР в 1957 г. Баас даже обвинила правительство страны в просоветском курсе⁴⁰. Возможно, именно вследствие укрепления позиций СКП на сирийской политической арене идею объединения с Египтом в 1957 г. поддержала и Народная партия, которая до этого выступала против заключения союза с Насером⁴¹.

Исследователи расходятся в оценке позиции СКП по вопросу создания государственного союза Египта и Сирии. Э. Подех указывает, что в конце 1957 г. коммунисты выступили за объединение двух стран не на федеративной, а на унитарной основе. По мнению израильского ученого, они надеялись на то, что Насер откажется даже обсуждать перспективы заключения союза на условиях, при которых вся ответственность за ситуацию в Сирии возлагалась бы на него. С точки зрения лидеров СКП, это могло поставить баасистов — главных инициаторов объединения — в крайне неудобное положение⁴². Э.П. Пир-Будагова полагает,

³⁵ Пир-Будагова Э.П. Сирия в борьбе... С. 94, 96.

³⁶ Национальная партия (араб. الحزب الوطني) была основана в 1947 г. представителями Национального блока — сильнейшего политического объединения, боровшегося за независимость Сирии от Франции. Идеологически близкой ей общественной силой являлась Народная партия (араб. حزب الشعب), образованная в 1948 г. Обе политические организации опирались на поддержку сирийской экономической

³⁷ Пир-Будагова Э.П. Сирия в борьбе... С. 97–98.

³⁸ Lenczowski G. Op. cit. P. 522–523.

³⁹ Podch E. Op. cit. P. 37.

⁴⁰ Пир-Будагова Э.П. Сирия в борьбе... С. 124.

⁴¹ Там же. С. 125.

⁴² Podch E. Op. cit. P. 42.

что последовательная позиция коммунистов заключалась в поддержке идеи создания союза с Египтом именно на федеративной основе. Как отмечает исследовательница, сторонники СКП указывали на необходимость предварительной тщательной проработки этого вопроса, и лишь после провозглашения ОАР партия под давлением общественного мнения заявила о поддержке унитарной модели⁴³. Дж. Ленчовски считает, что в последний момент коммунисты вообще выступили против объединения. Другие авторы не сообщают об этом напрямую, хотя общий ход их рассуждений указывает на данное обстоятельство⁴⁴. Так или иначе, несмотря на официальные заявления СКП, которые были ориентированы на поддерживавшие идею объединения народные массы, перспектива создания союзного государства не должна была радовать коммунистов. Вероятно, им представлялось очевидным, что в случае реализации этого политического проекта их деятельность и само существование партии должны оказаться под серьезной угрозой. Следует напомнить, что после прихода к власти в Египте «Свободных офицеров» местные марксистские организации, наиболее крупной из которых являлось основанное в 1947 г. Демократическое движение национального освобождения, подвергались преследованиям⁴⁵. Ввиду того, что ведущую роль в политической жизни нового союза должно было играть именно египетское руководство, подобная перспектива могла ожидать и СКП. Логично предположить, что представители других партий и движений видели в объединении возможность ограничить влияние коммунистов. Действительно, как показали последовавшие за созданием ОАР события, СКП оказалась одним из главных противников и одной из ключевых жертв этого политического процесса⁴⁶.

Настороженность по отношению к СКП сплотила Баас, временно остановив внутренние споры. Если в первой половине и середине 1950-х годов в партии развивался конфликт между ее основателями — Салах ад-Дином Битаром и Мишелем Афляком — и Акрамом Хаурани, склонным к сотрудничеству с коммунистами, которые, судя по всему, не были заинтересованы в создании египетско-сирийского государственного союза, то в 1958 г. последний высказался в поддержку идеи скорейшего объединения на унитарной основе⁴⁷. Как отмечает Э.П. Пир-Будагова, эта идея была выдвинута именно руководством Баас, несмотря на то, что предыдущий проект союза, разработанный представителями этой партии и поддержанный парламентом, предполагал создание федерации⁴⁸. Э. Подех обращает внимание на то, что под термином «уахда» (единство, унитаризм), которое можно было бы противопоставить понятию «иттихад» (союз, федерация), лидеры Баас подразумевали лишь единство внешней политики будущего государства. Внутриполитический и административный аспекты в данном случае не принимались во внимание⁴⁹. Возможно, эта терминологическая неточность являлась причиной того, что у баасистов сложились ложные ожидания от реализации панарабского проекта. Национальная и Народная партии впоследствии также были вынуждены поддержать унитарную модель.

Укрепление позиций СКП и изменение баланса политических сил в Сирии беспокоило баасистов не только из-за того, что объединение с Египтом, вероятно, не состоялось бы в случае прихода коммунистов к власти, но и потому, что, если бы последние решили организовать переворот и их усилия не увенчались бы успехом, этим могли воспользоваться правые силы, стремившиеся к укреплению отношений с Ираком и западными странами⁵⁰.

⁴³ Пир-Будагова Э.П. Сирия в борьбе... С. 125, 129.

⁴⁴ *Lenczowski G.* Op. cit. P. 527.

⁴⁵ Косач Г.Г. Коммунисты и режим «Свободных офицеров» в Египте в середине 1950-х годов: конфликт и примирение // Новая и новейшая история. 2022. № 4. С. 202–203. DOI: 10.31857/S013038640019503–1

⁴⁶ Пир-Будагова Э.П. История Сирии... С. 124.

⁴⁷ *Ее же.* Сирия в борьбе... С. 87, 122.

⁴⁸ Там же. С. 124–125.

⁴⁹ *Podch E.* Op. cit. P. 31.

⁵⁰ *Ashton N.J.* Op. cit. P. 142.

Расширение политического влияния коммунистов являлось предметом беспокойства и для представителей других партий, которые, как и большинство высших армейских офицеров, поддерживали идею создания союза на тех или иных условиях. Они считали, что объединение позволило бы разрешить назревшие внутрисирийские противоречия мирным путем и избежать открытого гражданского противостояния⁵¹. Именно офицеры сыграли немаловажную роль в создании ОАР. Следует отметить, что итоговые переговоры между Сирией и Египтом, за которыми последовали практические шаги по объединению двух государств, стали результатом политических интриг. 12 января 1958 г. 14 высших армейских офицеров во главе с начальником Генерального штаба Афифом Бизри, не поставив в известность руководство страны, прибыли в Каир с целью убедить Насера, еще сомневавшегося на тот момент в целесообразности создания ОАР, в том, что военная элита Сирии едина в своем стремлении к скорейшей реализации этого панарабского проекта. Насер не сразу принял офицеров, попросив их в письменном виде получить согласие на объединение от оставшихся в Дамаске заговорщиков, включая директора службы разведки Абд аль-Хамида ас-Сараджа⁵² и заместителя начальника Генерального штаба армии Амина ан-Нафури, и взял некоторое время, чтобы обдумать полученное предложение⁵³. Тогда офицеры в ультимативной форме потребовали от сирийского правительства проведения переговоров с египетской стороной по вопросу объединения двух государств. Для прояснения ситуации 16 января в Каир прибыл министр иностранных дел Сирии С. Битар. Вопреки инструкциям, он вступил в переговоры с Насером и принял все условия египетского лидера. После возвращения в Дамаск Битар был вновь отправлен в Каир, чтобы обсудить возможность объединения не на унитарной (чего фактически требовал Насер), а на децентрализованной основе. Однако египетского президента этот вариант уже не интересовал. Ш. Куатли и члены кабинета министров Сирии оказались в безвыходном положении: никто уже не решался выступить против объединения. 31 января правительственная делегация, возглавляемая президентом, направилась в Каир, где днем позже была подписана декларация о создании ОАР⁵⁴.

Как отмечалось выше, вплоть до 1958 г. Насер относился к идее объединения Египта и Сирии с некоторым скепсисом. До описываемых событий он даже ни разу не посетил Дамаск с официальным визитом⁵⁵. Однако, когда представители сирийской военной элиты выступили с инициативой по ускорению интеграционных процессов между двумя государствами, египетский лидер решил воспользоваться этим политическим шансом. Можно предположить, что Насер поверил в свою миссию «нового Салах ад-Дина», «собирателя арабских земель»⁵⁶. Очевидно, что успешная реализация политического проекта ОАР укрепляла его позиции лидера панарабского движения. Чтобы добиться успеха в построении единого государства, ему было необходимо в первую очередь удержать власть в Сирии.

Стремясь укрепить свое положение в Дамаске, Насер, соглашаясь с касавшимися ускоренной интеграции двух стран предложениями сирийской делегации, поставил перед ней три условия⁵⁷. Первым из них являлось проведение в Сирии и Египте общенародных референдумов по вопросу объединения с целью обеспечить проекту ОАР политическую легитимность. В ходе состоявшегося голосования идея создания государственного союза получила почти стопроцентную поддержку в обеих странах⁵⁸.

⁵¹ *Podeh E. Op. cit. P. 39.*

⁵² Абд аль-Хамид Саррадж являлся директором службы разведки Сирии с 1955 по 1958 г.

⁵³ *Mufti M. Op. cit. P. 91.*

⁵⁴ *Пир-Будагова Э.П. История Сирии... С. 120–121; Mufti M. Op. cit. P. 92–95.*

⁵⁵ *Podeh E. Op. cit. P. 48.*

⁵⁶ *Gerges F. Op. cit. P. 189–190.*

⁵⁷ *Podeh E. Op. cit. P. 44.*

⁵⁸ В ходе референдумов, прошедших 21 февраля 1958 г., идея создания ОАР и избрания Г.А. Насера президентом нового государства получила одобрение 99,99% голосовавших в Египте и 99,98% — в Сирии. См. подробнее: *Ibid. P. 50.*

Вторым условием, выдвинутым египетским лидером на переговорах с сирийской делегацией, был роспуск всех политических партий. Насер выступал против многопартийности по двум причинам: он не доверял организациям и движениям, не разделявшим панарабских идей, и опасался, что его потенциальные конкуренты будут создавать препятствия в процессе выстраивания новой вертикали власти в Сирии. В этой связи он пытался заменить классическую многопартийную систему надпартийной институцией, в которую входили бы политические и общественные деятели, придерживающиеся разных идеологических взглядов. По мысли Насера, она должна была управляться из единого центра. Такой институцией в Египте уже в 1953 г. стала Организация освобождения, являвшаяся предтечей основанного в 1957 г. Национального союза (НС). После объединения деятельность НС распространилась и на Сирию. Таким образом, он стал единственной централизованной надпартийной политической организацией, действовавшей на территории ОАР. Насер считал, что египетские партии являлись «порождением империализма», а сирийские зачастую были замешаны в коррупции и по большей части представляли «реакционные силы»⁵⁹. Роспуск партий, формально являвшийся добровольным, вызвал неоднозначную реакцию среди сирийских политиков. Многие члены Баас выразили недовольство и несогласие с принятым решением⁶⁰. СКП вообще формально отказалась от самороспуска. Ее лидер Х. Бакдаш, который, как уже отмечалось выше, в последний момент выступил против объединения двух стран, в начале февраля 1958 г. уехал в Москву, где начал пропагандистскую кампанию, делая заявления о «диктаторской» природе ОАР⁶¹. Важно отметить, что за три года существования государственного союза Египта и Сирии большинство членов самораспустившихся партий не потеряли свои прежние связи и продолжали заниматься политической деятельностью, поддерживая своих бывших товарищей и стремясь утвердиться в новой административной системе.

Наконец, третьим условием Насера являлось отстранение от участия в государственной жизни ОАР армейских офицеров, которые могли противостоять его деятельности⁶². Действительно, сирийская политическая система, как и египетская, держалась на власти военных. При этом следует отметить, что, в отличие от египетской армии, в сирийской не было единства. За влияние на офицерский корпус боролись коммунисты, баасисты и сторонники А.Х. Сарраджа. После создания ОАР египетское руководство в первую очередь позаботилось о переводе прокоммунистических офицеров на службу в отдаленные районы Сирии, где у них не было инструментов влияния на политические процессы⁶³.

К моменту объединения ожидания баасистов относительно самостоятельности Сирии во внутренних делах в рамках ОАР и их участия в политическом управлении союзным государством были весьма завышены⁶⁴. Лидеры партии полагали, что, будучи социалистами и носителями панарабской идеологии, они смогут сохранить влияние в стране и получить места в новом кабинете министров. Они даже надеялись на то, что руководство Сирией будет осуществляться ими без непосредственного контроля со стороны Каира⁶⁵. Исторически их страна неоднократно оказывалась под иностранным господством. При этом ни османские власти, ни французская мандатная администрация (в период с 1923 по 1946 г.) не пытались установить полный контроль над Сирией и предоставляли местным элитам определенный уровень автономии. Вероятно, и теперь баасисты ожидали, что Насер, как и его исторические предшественники, не станет выстраивать в Сирии новую вертикальную систему управления и предполагали, что создание ОАР даст им возможность искать компромиссные решения по внутривнутриполитическим вопросам не с другими представителями местной

⁵⁹ Haddad S.S. Op. cit. P. 119.

⁶⁰ Gerjes F. Op. cit. P. 191.

⁶¹ Lenczowski G. Op. cit. P. 527; Podeh E. Op. cit. P. 53.

⁶² Podeh E. Op. cit. P. 44.

⁶³ Fareed N.J. Op. cit. P. 50.

⁶⁴ Podeh E. Op. cit. P. 45–46.

⁶⁵ Lenczowski G. Op. cit. P. 524; Пур-Будагова Э.П. Сирия в борьбе... С. 127; Podeh E. Op. cit. P. 53.

элиты, а непосредственно с египетским руководством. Еще до объединения, в период роста политической популярности СКП, баасисты осознавали, что теряют народную поддержку⁶⁶. После возникновения ОАР, когда бывшие члены партии стали получать должности в административных органах нового государства, оказалось, что они не обладают реальной властью (из-за отсутствия у этих органов достаточных политических полномочий), вследствие чего их популярность в Сирии продолжала падать⁶⁷. Насер стремился использовать проблемы баасистов в собственных целях. Во время визитов президента ОАР в Сирию он неоднократно получал жалобы на бывших членов партии, занявших посты в органах местной власти. Недовольство баасистами в регионах позволило Насеру переложить ответственность за проблемы первого периода существования нового государства на своих политических «союзовников»⁶⁸.

Спустя несколько недель после объединения неудовлетворенные отсутствием реальной власти и влияния в ОАР М. Афляк и С. Битар⁶⁹ предложили президенту создать тайный политический комитет, в состав которого, помимо их самих и А. Хаурани, предполагалось включить трех приближенных к Насеру египетских государственных деятелей: вице-президента ОАР Абд аль-Латифа аль-Багдади, военного министра, фельдмаршала Абд аль-Хакима Амера и министра внутренних дел Закарию Мухи ад-Дина⁷⁰. Вероятно, по замыслу бывших лидеров Баас, этот комитет должен был определять основные направления во внутренней и внешней политике союзного государства. Насер ответил на данное предложение отказом, не будучи заинтересованным в ограничении собственной власти⁷¹. В 1958 г. Хаурани и Битар были переведены в Каир и лишены возможности непосредственно влиять на политическую жизнь Сирии. Когда в следующем году начались выборы в НС, они не могли выехать из столицы ОАР, а многие бывшие баасисты не были допущены к участию в избирательном процессе или бойкотировали голосование⁷². В результате на 9445 мандатов в НС приходилось, по разным данным, лишь от 100 до 250 кандидатов, ранее являвшихся членами партии Баас⁷³. По итогам голосования они получили менее 2% от общего числа мест в комитетах НС в Сирии⁷⁴.

После создания ОАР баасисты начали утрачивать влияние и в армии. Многие видные сторонники партии из числа военных были переведены в Египет, в то время как 800 насеровских офицеров получили новые назначения в Сирии⁷⁵. Жалование сирийских военнослужащих было сокращено. Эта мера должна была уравнивать их в уровне доходов с египетскими коллегами⁷⁶. По данным Дж. Ленчовски, сирийских офицеров переводили в Египет с повышением в должности, а по данным Э.П. Пир-Будаговой, — с понижением⁷⁷. Оказываясь на новых местах, они нередко чувствовали себя, по выражению Ленчовски, «потерянными в море египетской армии», роль в которой каждого конкретного офицера была значительно меньшей, чем в сирийской. Египетские же военные получали в Северном регионе выгодные посты. Они нередко пересылали конфиденциальные политические данные напрямую в столицу ОАР (используя специальные коротковолновые передатчики

⁶⁶ *Podeh E.* Op. cit. P. 97.

⁶⁷ *Lenczowski G.* Op. cit. P. 528.

⁶⁸ *Podeh E.* Op. cit. P. 97.

⁶⁹ В 1958 г. С. Битар был назначен на должность государственного министра по делам арабов, которая являлась номинальной. После создания ОАР М. Афляк продолжал независимую политическую деятельность в Бейруте.

⁷⁰ *Heikal M.H.* Ma alladhi Jara fi Suriya? Cairo, 1962. P. 91–92.

⁷¹ *Podeh E.* Op. cit. P. 53.

⁷² *Fareed N.J.* Op. cit. P. 35.

⁷³ *Deif A.A.* A Study of Arab Socialism in the United Arab Republic. Thesis. Lubbock, 1970. P. 91; *Podeh E.* Op. cit. P. 97.

⁷⁴ *Podeh E.* Op. cit. P. 97.

⁷⁵ *Fareed N.J.* Op. cit. P. 51.

⁷⁶ *Пир-Будагова Э.П.* Сирия в борьбе... С. 141.

⁷⁷ *Lenczowski G.* Op. cit. P. 538.

информации), игнорируя своих формальных сирийских руководителей. Фактически они играли роль «политических агентов Каира», получая за это дополнительные средства⁷⁸. Позже, когда сирийские военные совершили переворот, поставивший точку в истории союзного государства, они обвинили Насера в том, что одним из его первых решений на посту главы ОАР стала отправка в Дамаск египетских офицеров, занявших ключевые позиции в спецслужбах⁷⁹.

Как отмечалось выше, распустив политические партии, Насер нанес серьезный удар по позициям Баас и СКП. К моменту создания ОАР другие общественные организации и движения в Сирии находились в состоянии глубокого кризиса⁸⁰. В 1960 г. бывшие баасисты, занимавшие важные посты в органах государственной власти, начали подавать в отставку, против чего Насер не возражал⁸¹. Президент ОАР стал искать новых союзников среди видных общественных деятелей Сирии, в первую очередь рассчитывая на верность А.Х. Сарраджа⁸².

Параллельно с атакой на политические партии Насер вел борьбу и с независимыми средствами массовой информации. К моменту создания ОАР в Сирии действовало около сотни ежедневных и еженедельных газет. Большинство этих изданий принадлежало частным лицам, а не крупным компаниям или государственным организациям⁸³. По мнению египетского лидера, СМИ выполняли важную «культурную миссию» в жизни общества. Поэтому он стремился взять их под свой полный политический контроль⁸⁴. Относительно вопроса о том, насколько быстро Насеру удалось достичь этой цели, среди исследователей нет однозначного мнения. Некоторые из них отмечают, что фактически сирийская пресса контролировалась египетским руководством уже в мае 1958 г.⁸⁵ Другие указывают, что борьба Насера с независимыми СМИ продлилась до середины 1960 г. Одним из доказательств этого может послужить Указ Президента Объединенной Арабской Республики № 195 от 23 ноября 1958 г., в котором владельцам изданий было предложено прекратить публикационную деятельность взамен на возмещение убытков. К тому моменту в Сирии оставалось лишь шесть ежедневных газет⁸⁶. Другим свидетельством стремления президента ОАР поставить сирийские СМИ под свой контроль стало смещение бывшего члена партии Баас Рияда аль-Мальки с должности директора «Радио Дамаска» накануне выборов в НС в Сирии в середине 1959 г. На этот пост был назначен египтянин⁸⁷. После поражения бывших баасистов на выборах в НС они окончательно лишились контроля над принадлежавшими партии до 1958 г. печатными СМИ, такими как «Аль-Джамахир» и «Аль-Уахда»⁸⁸. Согласно Указу Президента Объединенной Арабской Республики № 156 от 24 мая 1960 г., публикационная деятельность запрещалась всем изданиям, не получившим лицензию Национального союза⁸⁹. В марте 1960 г. под удар попали и профсоюзные организации. Их число сократилось с 275 до 191. Оставшиеся профсоюзы были лишены права на организацию забастовок и несогласованных демонстраций⁹⁰.

После создания ОАР значительные изменения произошли и в сирийской академической среде. В вузах фактически исчезло пространство для дискуссий на общественно-политические темы. Специалисты, преподававшие социальные и гуманитарные дисциплины, были

⁷⁸ Ibidem.

⁷⁹ Seale P. Op. cit. P. 472.

⁸⁰ Haddad S.S. Op. cit. P. 122.

⁸¹ Fareed N.J. Op. cit. P. 35–36.

⁸² Podeh E. Op. cit. P. 110.

⁸³ Haddad S.S. Op. cit. P. 126.

⁸⁴ Ibid. P. 126–127.

⁸⁵ Podeh E. Op. cit. P. 55.

⁸⁶ Haddad S.S. Op. cit. P. 127–128; Пир-Будагова Э.П. Сирия в борьбе... С. 134.

⁸⁷ Fareed N.J. Op. cit. P. 34.

⁸⁸ Podeh E. Op. cit. P. 97–98.

⁸⁹ Haddad S.S. Op. cit. P. 128–129.

⁹⁰ Пир-Будагова Э.П. Сирия в борьбе... С. 133–134.

вынуждены демонстрировать лояльность насеровской революции и идеологии панарабизма. В противном случае они могли потерять свои посты. В студенческой среде поощрялись политически корректные тексты⁹¹.

Насер рассматривал в качестве источника потенциальной политической угрозы и представителей сирийской коммерческой элиты⁹², сложившейся в позднеосманский период. Большинство из них проживали в городах, получая при этом значительные доходы от крупных земельных владений. Данные средства использовались в том числе для того, чтобы оказывать влияние на высокопоставленных чиновников, общественных лидеров, а также деятелей культуры и религиозных авторитетов⁹³. Хотя коммерческая элита и не имела решающего слова в государственных делах, ее поддержка традиционно представлялась важной для политиков и военных. Основными выразителями ее интересов являлись Национальная и Народная партии, а также исламистские организации⁹⁴.

По мнению некоторых исследователей, представители сирийской коммерческой элиты наивно надеялись, что образование ОАР принесет им политические выгоды⁹⁵. Предпринимателям, банкирам и торговцам казалось, что Египет сможет защитить их от социалистических мер в экономике, которые были бы приняты в случае баасистского или коммунистического переворота⁹⁶. Альтернативная точка зрения по вопросу реакции сирийской буржуазии на объединение двух государств представлена в упомянутой работе Дж. Ленчовски, полагавшего, что у коммерсантов и промышленников было немало опасений по поводу прихода Насера к власти и его будущей экономической политики, однако они скрывали свои страхи под маской верноподданничества. Обладая серьезным политическим влиянием в Сирии, они не рискнули открыто выступить против Насера. С точки зрения Ленчовски, в противостоянии египетскому лидеру сирийская буржуазия могла бы объединиться лишь с коммунистами, прихода к власти которых она опасалась в еще большей степени⁹⁷. Впрочем, впоследствии Насер сам выполнил «работу» сирийских левых. Его экономическая политика, в частности аграрная реформа, заключавшаяся в передаче помещичьих землевладений безземельным и малоземельным крестьянам, и указы о национализации предприятий, изданные незадолго до распада ОАР, вызвали недовольство у значительного числа представителей сирийской коммерческой элиты⁹⁸.

Другой социальной группой, в которой Насер видел потенциальную угрозу собственной власти, являлась традиционная элита, состоявшая из шейхов — лидеров проживавших на территории Сирии бедуинских племен, обладавших особыми правами. В сентябре 1958 г. был официально отменен закон «О племенах», принятый в 1956 г. Этот закон позволял бедуинам не проходить службу в рядах сирийской армии, уклоняться от уголовного преследования и носить оружие без лицензии. В племенах только шейхи имели право владеть землей и выбирать представителей в парламент страны. После создания ОАР в связи с отменой закона 1956 г. и началом аграрной реформы, в ходе которой часть принадлежавших шейхам территорий была передана новым владельцам, влияние традиционной элиты было существенным образом ограничено⁹⁹. Это привело к тому, что в конце 1950-х годов бедуинские племена начали покидать Сирию¹⁰⁰.

⁹¹ *Lenczowski G. Op. cit. P. 536.*

⁹² Здесь и далее под «коммерческой элитой» подразумевается зажиточный слой сирийского общества, включающий землевладельцев, промышленников, торговцев, банкиров и т.д.

⁹³ *Khoury P.S. Op. cit. P. 1383–1384.*

⁹⁴ *Lenczowski G. Op. cit. P. 527.*

⁹⁵ *Ibid. P. 536.*

⁹⁶ *Пир-Будагова Э.П. Сирия в борьбе... С. 124–125; Podeh E. Op. cit. P. 38.*

⁹⁷ *Lenczowski G. Op. cit. P. 528.*

⁹⁸ *Podeh E. Op. cit. P. 76, 143.*

⁹⁹ *Ibid. P. 76–77.*

¹⁰⁰ *Chatty D. The Bedouin in Contemporary Syria: The Persistence of Tribal Authority and Control // The Middle East Journal. 2010. Vol. 64. № 1. P. 38.*

Насер стремился управлять Сирией руками самих сирийцев. Однако его управленческая логика подразумевала, что установление и сохранение политического контроля над страной требует назначения на ключевые должности в государственном аппарате лояльных людей¹⁰¹, вследствие чего египетские ставленники проникали в самые разные сферы жизни сирийского общества. Как уже отмечалось, в первую очередь это коснулось армии. Насеровские офицеры получали выгодные назначения в Сирии. Увеличилось и общее количество египетских военных, находившихся в стране на постоянной основе. По данным ливанской газеты «Аль-Хаят», в июне 1958 г. на территорию Сирии было переведено от 16 до 20 тыс. египетских солдат. При этом еще в первой половине 1958 г. численность сирийской армии была сокращена до 55 тыс. человек¹⁰².

После отставок бывших членов партии Баас с руководящих должностей в правительстве Северного региона ОАР на вакантные места стали назначаться египетские чиновники. Постепенно деятельность практически каждого министерства перешла под полный контроль верных Насеру людей. Исключение составляло лишь МВД, руководителем которого являлся А.Х. Саррадж. Почти все ключевые должности в этом ведомстве продолжали занимать лояльные ему сирийцы¹⁰³.

На должность советника президента по делам Северного региона также назначались египтяне. В 1958 г. этот пост занял бывший посол в Сирии Махмуд Риад¹⁰⁴. Государственным министром и генеральным секретарем по Северному региону в мае 1958 г. стал Али Сабри. В этих назначениях многие сирийцы видели проявление «египетского империализма»¹⁰⁵. Чиновники из Египта занимали даже низшие должности в государственных структурах, что вызывало особое недовольство со стороны широких слоев сирийского общества. Согласно многочисленным свидетельствам, поведение насеровских ставленников на местах зачастую было грубым и бестактным¹⁰⁶.

Сирийцы не имели должного представительства и в центральных органах государственной власти ОАР. Несмотря на то что 14 из 35 министров в правительстве страны были делегированы от Северного региона, в Национальном собрании сирийские депутаты занимали всего 15% мест¹⁰⁷.

Помимо чиновников, в Сирию отправляли работать египетских учителей, врачей, судей и инженеров¹⁰⁸. Согласно данным, приводимым Дж. Ленчовски, к 1961 г. на территории страны находилось около 20 тыс. египетских чиновников, военных и специалистов в разных сферах деятельности. Они занимали привилегированное положение и имели более высокий уровень доходов, чем сирийцы¹⁰⁹. В арабской прессе даже стали появляться сообщения о том, что Египет сможет решить проблему перенаселения, отправляя своих феллахов в малонаселенные сельскохозяйственные районы Сирии. Эти публикации вызвали особенно негативную реакцию в стране¹¹⁰. Постепенно в египтянах, переехавших в Северный регион, сирийцы начинали видеть или комиссаров (если речь шла о назначениях высокого ранга), или конкурентов¹¹¹.

¹⁰¹ Lenczowski G. Op. cit. P. 528.

¹⁰² Podeh E. Op. cit. P. 54.

¹⁰³ Ibid. P. 112.

¹⁰⁴ С 1964 по 1972 г. Махмуд Риад занимал пост министра иностранных дел Египта, с 1972 по 1979 г. являлся генеральным секретарем Лиги арабских государств.

¹⁰⁵ Haddad S.S. Op. cit. P. 81.

¹⁰⁶ Агарышев А.А. Указ. соч. С. 148; Юрченко В.П. Египет: проблемы национальной безопасности (1952–2002 гг.). М., 2003. С. 28.

¹⁰⁷ Гарипов Р.Ф. Попытки объединения арабских государств во второй половине XX века // Мир Евразии: от древности к современности / отв. ред. Р.Р. Тухватуллин. Уфа, 2021. С. 316.

¹⁰⁸ Podeh E. Op. cit. P. 112.

¹⁰⁹ Lenczowski G. Op. cit. P. 535–536.

¹¹⁰ Podeh E. Op. cit. P. 68; Тофан М. Конституционный статус Сирии во времена единства с Египтом 1958–1961 гг. // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1 (152). С. 114.

¹¹¹ Haddad S.S. Op. cit. P. 118.

Раскол между Насером и бывшими баасистами способствовал укреплению позиций А.Х. Сарраджа, который 1 января 1960 г. стал министром социальных дел¹¹². 20 сентября 1960 г. он занял посты председателя правительства Северного региона¹¹³ и генерального секретаря сирийского отделения НС¹¹⁴. Его основным политическим конкурентом являлся назначенный в октябре 1959 г. личным представителем президента ОАР в Северном регионе А.Х. Амер. Насер стремился сосредоточить в его руках всю полноту власти в Сирии. Именно Амеру были подотчетны министры правительства Северного региона. Он мог контролировать деятельность НС в Сирии. И лишь департамент информации и пропаганды находился под контролем Сарраджа, положение которого в Северном регионе в рассматриваемый период оставалось шатким¹¹⁵. Однако противостояние с Амером закончилось победой бывшего директора сирийской разведки, сохранившего влияние в армии и силовых ведомствах. В середине 1960 г. военный министр ОАР был временно отозван из Дамаска¹¹⁶.

К этому моменту власть Сарраджа в Сирии достигла своего апогея. Политические противники стали считать его протеже Насера¹¹⁷. В то же время Саррадж был непопулярен среди сирийской общественности из-за принимавшихся им репрессивных мер с целью борьбы с оппозицией. Негативное отношение к бывшему директору службы разведки делало его лояльным Насеру, что отвечало интересам президента ОАР. При этом Саррадж пытался создать в Сирии собственный культ личности. О нем снимались пропагандистские фильмы, распространявшиеся по местному телевидению¹¹⁸.

В июле 1961 г. был издан указ о национализации предприятий в Северном регионе ОАР. Контроль за его выполнением должен был осуществлять Амер. В августе 1961 г. началось формирование единого кабинета министров союзного государства. Это позволило Насеру перевести Сарраджа в Каир, назначив его на пост заместителя президента по внутренним делам. Так лидер ОАР стремился получить одобрение сирийцев, недовольных репрессивной политикой бывшего директора разведки. В сентябре 1961 г. произошло резкое обострение отношений между Насером и Сарраджем, пытавшимся сохранить свое влияние в Северном регионе. Когда последний получил новую должность в Египте, он начал утрачивать контроль над политической ситуацией в Сирии в силу невозможности напрямую руководить сформированными после создания ОАР службами безопасности, которые были лояльны лично ему. 15 сентября Саррадж вернулся в Сирию, после чего был снят со всех постов¹¹⁹.

Отставка Сарраджа ознаменовала завершение процесса политической централизации в Северном регионе ОАР, начатого Насером в 1958 г. В то же время действия египетского лидера создавали угрозу единству союзного государства. Убирая с сирийской политической арены все крупные фигуры, Насер лишил себя какой-либо опоры в Северном регионе. Осознание этого произошло слишком поздно. В сентябре 1961 г. президент ОАР попытался восстановить связи с баасистами. Однако большинство из них отказывались работать под контролем Амера¹²⁰. Отсутствие лояльных Насеру фигур среди сирийских военных, а также ослабление спецслужб, связанное с отстранением Сарраджа от должности, способствовали созданию ситуации, при которой власти ОАР не смогли успешно противостоять попытке государственного переворота. 28 сентября офицеры, действовавшие от имени группы заговорщиков (Высшее арабское революционное командование) и опиравшиеся на поддержку представителей буржуазии¹²¹, захватили власть в Дамаске, арестовали и выслали в Египет

¹¹² *Podeh E.* Op. cit. P. 110.

¹¹³ С 1958 по 1960 г. пост председателя правительства Северного региона занимал Нур ад-Дин Кахала.

¹¹⁴ *Podeh E.* Op. cit. P. 126.

¹¹⁵ *Fareed N.J.* Op. cit. P. 35.

¹¹⁶ *Podeh E.* Op. cit. P. 126.

¹¹⁷ *Ibid.* P. 65.

¹¹⁸ *Ibid.* P. 128–129.

¹¹⁹ *Ibid.* P. 145, 147.

¹²⁰ *Fareed N.J.* Op. cit. P. 52–54.

¹²¹ *Lenczowski G.* Op. cit. P. 539; *Пир-Будагова Э.П.* Сирия в борьбе... С. 148.

фельдмаршала Амера и объявили о выходе Сирии из ОАР. Так завершилась история первого и на данный момент единственного союзного арабского государства.

Несмотря на то что ОАР принято считать самым успешным панарабским проектом, необходимо отметить, что союз Египта и Сирии с самого начала не отличался высоким уровнем политической устойчивости. Будучи инициаторами объединения двух государств, лидеры Баас преследовали прежде всего собственные интересы, связанные с нежеланием делиться властью с другими партиями и движениями. Когда баасисты были вынуждены объявить о самороспуске и оказались лишены влияния в Сирии, их энтузиазм по отношению к реализации панарабского проекта угас. Египетское руководство со своей стороны также не предприняло необходимых мер для обеспечения политической устойчивости ОАР. Создавая союзное государство, Насер стремился в первую очередь усилить позиции Египта на международной арене и укрепить режим личной власти внутри страны. Президент ОАР не был готов считаться с интересами сирийских политических партий и движений, в которых он видел лишь помеху на своем пути.

Политическое развитие ОАР шло по пути последовательной концентрации власти в руках Насера, распустившего партии и общественные организации, упразднившего СМИ и профсоюзы, ограничившего влияние сирийских военных, а также коммерческой элиты и племенных лидеров. В итоге в управлении Северным регионом из всех сирийских политических деятелей президент ОАР мог опереться лишь на А.Х. Сарраджа, положение которого зависело исключительно от лояльного отношения к нему самого Насера, так как директор службы безопасности не пользовался популярностью в Сирии. Когда Саррадж утратил доверие Насера, Северный регион фактически вышел из-под египетского контроля. Наспех подготовленный и не до конца согласованный проект ОАР, с которым были связаны надежды миллионов жителей Ближнего Востока, окончился провалом.

Библиография / References

- Агарышев А.А. Гамаль Абдель Насер. 2-е изд., испр. и доп. М., 1979.
- Гарипов Р.Ф. Попытки объединения арабских государств во второй половине XX века // Мир Евразии: от древности к современности / отв. ред. Р.Р. Тухватуллин. Уфа, 2021. С. 313–320.
- Косач Г.Г. Коммунисты и режим «Свободных офицеров» в Египте в середине 1950-х годов: конфликт и примирение // Новая и новейшая история. 2022. № 4. С. 198–210. DOI: 10.31857/S013038640019503-1
- Пир-Будагова Э.П. История Сирии. XX век. М., 2015.
- Пир-Будагова Э.П. Сирия в борьбе за упрочение национальной независимости (1945–1966). М., 1978.
- Тофан М. Конституционный статус Сирии во времена единства с Египтом 1958–1961 гг. // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1 (152). С. 112–115.
- Юрченко В.П. Египет: проблемы национальной безопасности (1952–2002 гг.). М., 2003.
- Agaryshev A.A. Gamal' Abdel' Naser [Gamal Abdel Nasser]. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva, 1979. (In Russ.)
- Garipov R.F. Popytki ob'edineniia arabskikh gosudarstv vo vtoroi polovine XX veka [Amalgamation Attempts of the Arab States in the Second Half of the 20th Century] // Mir Evrazii: ot drevnosti k sovremennosti / [Eurasia World: from Antiquity to Modernity] / отв. ред. R.R. Tukhvatullin. Ufa, 2021. S. 313–320. (In Russ.)
- Iurchenko V.P. Egipt: problemy natsional'noi bezopasnosti (1952–2002 gg.) [Egypt: national security issues (1952–2002)]. Moskva, 2003. (In Russ.)
- Kosach G.G. Kommunisty i rezhim "Svobodnykh ofitserov" v Egipte v seredine 1950-kh godov: konflikt i primirenie [Egyptian Communists and the Free Officer Regime in Egypt in the mid-1950s: Conflict and Confrontation] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2022. № 4. S. 198–210. DOI: 10.31857/S013038640019503-1 (In Russ.)
- Pir-Budagova E.P. Istoriia Sirii. XX vek [Hisroty of Syria. 20th century] // Moskva, 2015. (In Russ.)
- Pir-Budagova E.P. Siriia v bor'be za uprochenie natsional'noi nezavisimosti (1945–1966) [Syria in the Struggle for the Consolidation of National Independence (1945–1966)]. Moskva, 1978. (In Russ.)
- Tofan M. Konstitutsionnyi status Sirii vo vremena edinstva s Egiptom 1958–1961 gg. [Constitutional status of Syria in the times of unity with Egypt 1958–1961] // Evraziiskii iuridicheskii zhurnal [Eurasian Law Journal]. 2021. № 1 (152). S. 112–115. (In Russ.)
- Abd an-Nasr G. Falsafat ath-thaura. Cairo, 1996.
- Ashton N.J. Eisenhower, Macmillan and the Problem of Nasser: Anglo-American Relations and Arab Nationalism, 1955–59. New York, 1996.

- Awan M.A.* Gamal Abdel Nasser's Pan-Arabism and Formation of the United Arab Republic: An Appraisal // Journal of Research Society of Pakistan. 2017. Vol. 54. № 1. P. 107–128.
- Chatty D.* The Bedouin in Contemporary Syria: The Persistence of Tribal Authority and Control // The Middle East Journal. 2010. Vol. 64. № 1. P. 29–49.
- Deif A.A.* A Study of Arab Socialism in the United Arab Republic. Thesis. Lubbock, 1970.
- Fareed N.J.* Role of Political Elites in the Demise of the United Arab Republic. February, 1958 – September, 1961: A Case Study of the Failure of Political Integration. Master's thesis. Stillwater, 1973.
- Gerges F.A.* Making the Arab World: Nasser, Qutb, and the Clash That Shaped the Middle East. Princeton, 2018.
- Haddad S.S.* The United Arab Republic, 1958–1961. The Northern Region: Selected Aspects of the Impact of Union on the Northern Region. Master's thesis. Beirut, 1965.
- Heikal M.H.* Ma alladhi Jara fi Suriya? Cairo, 1962.
- Kalimat ar-ra'is Gamal 'abd an-Nasr ba'ada tauki' ittifaq al-qiyada al-mushtaraka al-mysriyya as-suriyya. 08.11.1955 // Site for President Gamal Abdel Nasser. URL: <http://www.nasser.org/TextViewer.aspx?TextID=SPCH-413-en> (access date: 03.09.2022).
- Khoury P.S.* Continuity and Change in Syrian Political Life: The Nineteenth and Twentieth Centuries // The American Historical Review. 1991. Vol. 96. № 5. P. 1374–1395.
- Lenczowski G.* The Middle East in World Affairs. 3d ed. Ithaca; New York, 1962.
- Mufti M.* Sovereign Creations: Pan-Arabism and Political Order in Syria and Iraq. London, 1996.
- Mysr: Dustur 'am 1956 wa al-manshur fi jaridat al-waqa'i' al-mysriyya. 16.01.1956 // Constitutionnet. URL: <https://constitutionnet.org/vl/item/msr-dstwr-am-1956-walmsnshwr-fy-jrydt-alwqay-almstryt-fy-16-kanwn-althanyynayr-1956-aldd-5> (access date: 06.02.2024).
- Podeh E.* The Decline of Arab Unity: The Rise and Fall of the United Arab Republic. Brighton; Portland, 1999.
- Salik N.* Syrian Foreign Policy From Independence to the Baath Party's Accession to Power: 1946–1963. Thesis. Ankara, 2012.
- Seale P.* The Break-up of the United Arab Republic // The World Today. 1961. Vol. 17. № 11. P. 471–479.
- Tasrihat ar-ra'is Gamal 'abd an-Nasr la as-suhufiyyin as-suriyyin bi manshiyat al-bakri. 23.12.1958 // Site for President Gamal Abdel Nasser. URL: <http://www.nasser.org/TextViewer.aspx?TextID=SPCH-306-en> (access date: 03.09.2022).

DOI: 10.31857/S0130386424010073

© 2024 г. А.С. БАЛЕЗИН

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЫБОР СТРАН ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ: ОЖИДАНИЯ МОСКВЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Балезин Александр Степанович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН; профессор исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия).

E-mail: alex.balezin@yandex.ru

Scopus Author ID: 57219595656; Researcher ID: H-6886-2016

Аннотация. В статье рассматриваются идеи африканского социализма в Восточной Африке — на Занзибаре, в Кении, Уганде и Танзании — и отношение к ним в СССР в 1960-е годы. Анализируются оригинальные публикации программных документов восточноафриканских стран, в том числе на языке суахили. При оценке реакции СССР на них используются архивные источники, в том числе недавно открытые для исследователей, а также свежие публикации бывших ответственных работников ЦК КПСС и Советского комитета солидарности со странами Азии и Африки, непосредственно участвовавших в принятии решений по африканской политике СССР. Наиболее близким к марксистскому социализму был курс на Занзибаре, но его скорректировало объединение с Танганьикой в 1964 г., а затем удаление с политической арены и даже убийство лидеров революции. В Кении надежды Москвы на левую оппозицию Огинги Одинги рухнули с ее разгромом. «Уджамаа» Дж. Ньерере в Кении был слишком прокитайским для Москвы. «Хартия простого человека» Оботе в Уганде была классово аморфной. Лишь в 1970-е годы официальная Москва стала реально оценивать возможности африканских стран в осуществлении социалистических идей: реализация странами социориентации провозглашаемых целей является в лучшем случае делом отдаленного будущего.

Ключевые слова: африканский социализм, Занзибар, Кения, Танзания, Уганда, африканская политика СССР в 1960-е годы.

A.S. Balezin

The Socialist Choice of East African Countries: Moscow's Expectations and Reality

Alexandr Balezin, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; State Academic University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: alex.balezin@yandex.ru

Scopus Author ID: 57219595656; Researcher ID: H-6886-2016

Abstract. The author examines the ideas of African socialism in East Africa — in Zanzibar, Kenya, Uganda, and Tanzania — and the attitude towards them in the USSR in the 1960s. The original publications of the program documents of the East African countries, including in the Swahili language, are analyzed. When analyzing the reaction of the USSR to these documents, archival sources are used, including recently opened to researchers, as well as recent publications of former senior officials of the Central Committee of the CPSU and the Soviet Committee of Solidarity

with Asian and African Countries, who were directly involved in decision-making on the African policy of the USSR. The closest to Marxist socialism was the course in Zanzibar, but it was corrected by the unification with Tanganyika in 1964, and then the removal from the political arena and even the murder of the leaders of the revolution. In Kenya, Moscow's hopes for the left-wing opposition of Oginga Odinga collapsed with its defeat. Nyerere's "Ujamaa" was too pro-Chinese for Moscow. Obote's "Common man's Charter" in Uganda had no clear class characteristics. It was only in the 1970s that official Moscow began to really assess the abilities of African countries in implementing socialist ideas.

Keywords: African Socialism, Zanzibar, Kenya, Tanzania, Uganda, USSR African politics in the 1960th.

Основные положения теории «некапиталистического пути развития» формулировались советскими идеологами и научными работниками начиная с 1920-х годов¹, сформировавшись к концу 1950-х в несколько постулатов. Как отмечает один из авторов этой теории Г.И. Мирский, это были: необходимость сильного государства и единой государственной коллективистской идеологии, создание авангардной партии, возглавляющей единый фронт с общедемократической программой, которая по мере своего осуществления неизбежно выводит страну за рамки мирового капитализма. Важное значение придавалось «внешнему фактору» — мировой системе социализма, в задачи которой входила «компенсация» слабо развитой экономики афро-азиатских стран².

Главным экспертом «некапиталистического пути» применительно к Африке в СССР в конце 1950-х годов по должности стал И.И. Потехин, директор только что созданного Института Африки. В книге «Африка смотрит в будущее», вышедшей в 1960 г., эта проблематика занимала большое место уже на стадии замысла: «В Африке многие говорят, мечтают о социализме. Но каждый вкладывает свое содержание в это понятие»³.

Потехин подверг критике различные «немарксистские» и, следовательно, «ненаучные» варианты африканского социализма. Главные его возражения сводятся к переоценке африканской общины как готовой ячейки социализма: сторонники различных теорий африканского социализма, идеализируя общину, приуменьшают степень классовой дифференциации африканского общества⁴.

Он отмечал, что, хотя процесс формирования рабочего класса в Африке происходит быстрее, чем процесс формирования национальной буржуазии, о сложившемся рабочем классе там говорить еще рано. И нельзя автоматически записывать в пролетарии всех, работающих по найму: «Большинство их еще не порвало связь с землей, это — отходники, приходящие в город на заработки». Он также отметил прогрессивную роль национальной буржуазии и после достижения африканскими странами независимости⁵.

В то же время Потехин выразил уверенность, что при всем своеобразии исторического развития народов Африки, «она, как и весь мир, подчиняется определенным законам исторического развития». Следовательно, там возможно построение социализма — ведь внешние условия для этого существуют: «Африканские страны выходят на дорогу самостоятельного движения вперед в условиях успешного развития мировой социалистической системы и заката капитализма»⁶.

¹ См., например: Базин А.С. Разработка теории некапиталистического пути развития для Африки в СССР, истоки и первые шаги // Становление отечественной африканистики, 1920-е — начало 1960-х / отв. ред. А.Б. Давидсон. М., 2003. С. 368–379.

² Мирский Г.И. Полвека в мире востоковедения // Восток. 1996. № 6. С. 131–132.

³ Потехин И.И. Африка: размышления о будущем. План книги. Машинопись. С. 1 // Из личного архива академика А.Б. Давидсона.

⁴ Потехин И.И. Африка смотрит в будущее. М., 1960. С. 18.

⁵ Там же. С. 19–20.

⁶ Там же. С. 26–27.

И.И. Потехин любил повторять, что под его началом «Институт Африки станет тем рычагом, который повернет Африку на социалистические рельсы»⁷.

Занзибар. Первой надеждой на социалистический выбор в Восточноафриканском регионе стал для Москвы Занзибар. В 1957–1964 гг. на островах развернулась ожесточенная политическая борьба. Там возникали, раскалывались и объединялись политические партии. Лидером партии «Афро-Ширази» (АШП), возглавившим впоследствии революционный Занзибар, был А. Каруме, бывший моряк. Лидер партии «Умма» (Народ), Абдул Рахман Мухаммед, известный как Бабу, придерживался марксистских взглядов⁸. В уставе его партии говорилось, что ее целью является «развитие Занзибара на базе социализма и построение социалистического общества»⁹.

Будущий премьер-министр Занзибарской республики Абдулла Кассим Ханга (1932–1969) еще до революции 1964 г. учился в Москве в Университете дружбы народов, женился на советской гражданке Л.О. Голден (1934–2010). На 1 января 1964 г. в СССР обучалось 58 занзибарских студентов — в Москве, Ленинграде, Киеве, Астрахани, Львове, Харькове¹⁰ — на них тоже возлагались надежды как на проводников социалистических идей.

Независимость Занзибара была провозглашена 10 декабря 1963 г., а 12 января 1964 г. на Занзибаре произошла революция. Султан был изгнан, президентом страны был объявлен А. Каруме, вице-президентом и премьер-министром — Абдулла Ханга, а лидер «Уммы» Бабу — министром обороны и иностранных дел. 16 января был создан Революционный совет Занзибара, а 18 января провозглашено создание Народной Республики Занзибар и Пембы. 29 января Бабу распустил свою партию «Умма» и призвал всех ее сторонников присоединиться к АШП, а Каруме объявил о создании однопартийного правительства.

Занзибарский историк Амир Мохаммед пишет: «Они (лидеры революции. — А.Б.) хотели превратить Занзибар в полностью эгалитарное общество... попытались привить обществу радикальную социалистическую идеологию и внедрить национальную солидарность вместо расовых конфликтов»¹¹.

Идеологи АШП подчеркивали: «Новое правительство предприняло немедленные и эффективные шаги для того, чтобы покончить с капитализмом, феодализмом и расизмом и построить новую страну, свободную от эксплуатации любого вида. Первым шагом в этом направлении стала национализация земли и последующая земельная реформа, в результате которой многочисленные крестьяне получили большие участки земли. Такие прогрессивные меры революционного правительства не понравились врагам рабочих и крестьян»¹².

А вот оценка посольства СССР в октябре 1964 г.: «Новое правительство Занзибара объявило, что будет строить социализм, опираясь на помощь Советского Союза и других социалистических стран. Правительство провело в стране ряд социально-экономических преобразований, национализировало крупные плантации и иностранную собственность, ликвидировало долговые расписки, установило твердые цены на предметы первой необходимости и продовольствие... Это правительство взяло курс на установление широких экономических, культурных и других связей и на развитие тесной дружбы с социалистическими странами, и особенно с Советским Союзом. На Занзибаре в настоящее время находится около 40 советских специалистов различных специальностей. Активные отношения Занзибар поддерживает также с КНР и Германской Демократической Республикой, которая продолжает сохранять свое посольство на Занзибаре»¹³.

⁷ Об этом свидетельствует А.Б. Давидсон, работавший в те годы с И.И. Потехиным.

⁸ См., например: *Shivji I. The Life & Times of Babu: The Age of Liberation & Revolution // Review of African Political Economy*. 2003. № 95. P. 109–118.

⁹ *Тетерин О.И.* Абдул Рахман Мохаммед Бабу // История Африки в биографиях. М., 2012. С. 783.

¹⁰ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 591. Оп. 7. П. 3. Д. 11. Л. 8.

¹¹ *Mohammed A.A. A guide to a History of Zanzibar*. Zanzibar, 2014. P. 87.

¹² *Information of the A.S.P. House. The Party Political College-Zanzibar*. [S.l., s.a]. P. 20.

¹³ АВП РФ. Ф. 591. Оп. 7. П. 3. Д. 5. Л. 18.

Современник — англичанин, принявший кенийское гражданство, — отмечает: «Новый режим принял срочные меры по созданию социалистической экономики: промышленный экспорт гвоздики был национализирован, как почти все экспортно-импортные операции. Крупные земельные владения были экспропрированы и в большинстве своем распределены среди крестьян. Большинство предприятий крупного бизнеса было передано под государственный контроль... В некоторых случаях рыбаки и крестьяне объединены в кооперативы. После революции эмиссары из Восточной Германии и коммунистического Китая оказывали новому руководству большую консультативную и техническую помощь... Вместе с враждебным отношением западных стран, выразившимся в долгом непризнании, это придало Занзибару еще более революционный, отчетливо антизападный имидж»¹⁴.

СССР всячески поддерживал новое правительство Занзибара. 27 января 1964 г., когда реальной стала угроза вмешательства Запада, МИД СССР выступил с официальным заявлением о поддержке молодой республики, устранившим внешнюю угрозу ее завоевания¹⁵. В марте 1964 г. туда была направлена группа военных специалистов для обучения занзибарских солдат и офицеров в лагере Чуквани. У занзибарцев появились советские бронетранспортеры, «калашниковы», пулеметы, гранатометы, зенитки и другое артиллерийское вооружение¹⁶. СССР также закупил большую партию гвоздики — основного предмета экспорта Занзибара¹⁷.

Победа занзибарской революции вызвала недовольство в Вашингтоне, где островное государство тут же окрестили «африканской Кубой». Американский посол в Танганьике писал: «Коммунистический Занзибар мог бы послужить базой для диверсионных и карательных операций на материке от Кении до Капа... Он мог бы разрешить китайским коммунистам и кубинцам продвинуть свои базы обучения на африканский театр и экспортировать “африканскую модель” революционной тактики. Он послужил бы пропагандистским примером “африканского социалистического государства” для всего юга Африки... Он способствовал бы появлению коммунистического плацдарма в западной части Индийского океана»¹⁸.

США надавили на Великобританию с тем, чтобы она предприняла контрмеры против такого поворота событий. Было решено действовать через Каруме и Ньерере. Каруме предостерегали: мол, Бабу и другие «товарищи» представляют угрозу его власти. Ньерере тоже не переставали запугивать коммунистической угрозой. В результате уже в марте 1964 г. был взят курс на объединение Танганьики и Занзибара¹⁹.

Документ о союзе Танганьики с Занзибаром был подписан 22 апреля 1964 г. В нем, в частности, говорилось, что в ведении центральных органов власти Объединенной республики находятся вопросы внешней политики, обороны, внешней торговли и займов²⁰.

В Москве большого значения этому документу не придали и анализу не подвергли: на сопроводительном письме к его тексту стоит резолюция «Материал прислан в информационном порядке. Можно сдать в архив»²¹. По-другому отнеслись к этому событию сотрудники советского посольства в Лондоне: в справке от 9 июня 1964 г. говорилось: «Английские правящие круги проявляют беспокойство в связи с происходящими на Занзибаре прогрессивными преобразованиями. Утратив прежнее влияние в Занзибаре, англичане стремились приостановить развитие демократических преобразований в стране через

¹⁴ Hughes A.J. East Africa: Kenya, Tanzania, Uganda. Harmondsworth (Middlesex), 1969. P. 244.

¹⁵ Правда. 27.1.1964.

¹⁶ См.: Тетерин О.И. На Занзибаре, немного о себе и других // В Египте и на Занзибаре (1960–1966). Мемуары советских военных переводчиков. М., 2011. С. 118.

¹⁷ Mohammed A.A. Op. cit. P. 88.

¹⁸ Цит. по: Shivji I.G. Pan-Africanism or pragmatism? Lessons of the Tanganyika-Zanzibar Union. Dar es Salaam, 2008. P. 73.

¹⁹ Ibid. P. 75.

²⁰ Ibid. Appendix 3. P. 262–263.

²¹ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 50. Д. 603. Л. 42.

союз с Танганьикой и через самого Ньерере, известного своей проанглийской ориентацией. ...Для давления на Танганьiku англичане использовали обычный довод о коммунистической угрозе. Англия, — писала газета “Дейли Геральд” 24 апреля, — предупредила Танганьiku и ее восточноафриканских соседей Кению и Уганду об опасных последствиях нахождения в непосредственной близости от них революционного острова, руководимого коммунистами»²².

И далее: «Особую опасность для осуществления планов создания угодного английским правящим кругам союза представляет ядро Революционного совета Занзибара во главе с министром иностранных дел Бабу. Влиятельная английская газета “Таймс”, отражая интересы правящих кругов, подстрекала Ньерере проявить свою власть в новом союзе и заставить Каруме нейтрализовать Бабу»²³.

Действительно, наиболее радикально настроенные соратники Каруме, в частности Бабу и Ханга, были отправлены в Дар-эс-Салам, и некоторое время они занимали различные министерские посты в правительстве Танзании.

О.И. Тетерин впоследствии подчеркивал: «После объединения... Занзибар сохранил и всеми доступными способами оберегал автономию в вопросах внутреннего развития, политического и экономического сотрудничества с зарубежными странами, сохранил собственную армию, службы безопасности. Крохотный Занзибар вовсе не желал “раствориться” в большом государстве, не допускал никакого вмешательства Дар-эс-Салама в свои внутренние дела»²⁴. Амир Мохаммед также отмечал: «Ожидания союзного правительства, что Занзибар станет в самом ближайшем будущем ближе к материковой части, оказались беспочвенными... Революционный совет Занзибара принял иной, трехлетний план для Занзибара, разработанный восточногерманским экономистом. Этот план никогда не был представлен Национальной ассамблее, несмотря на то что значительная часть его разделов касалась областей, находившихся по конституции в ведении Союза»²⁵.

И все же внешняя политика и внешнеэкономические связи островов перешли официально в компетенцию Дар-эс-Салама. Советское посольство на Занзибаре было преобразовано в консульство, а отношения с ним стали в основном строиться как единые советско-танзанийские.

Однако Москва продолжала надеяться на социалистический выбор Занзибара, тем более что в новом Уставе АШП 1966 г. было четко сказано, что Занзибар имеет целью «построение общества, которое полностью исключает эксплуатацию человека человеком, одной группой внутри страны или другой извне, в своих интересах»²⁶.

Постепенно непосредственное сотрудничество СССР с Занзибаром заменялось на сотрудничество в рамках отношений с Объединенной Республикой Танзания (ОРТ). Так, ряд проектов по сотрудничеству с СССР, входивших в план развития Занзибара, был включен в Советско-танзанийское соглашение об экономическом сотрудничестве от 26 мая 1966 г.²⁷ Однако уже в 1968 г. советская сторона «выражала озабоченность в связи с его затянувшимся выполнением»²⁸.

Лидеры занзибарской революции, с которыми были связаны надежды Москвы на социалистическое будущее островов, постепенно были устранены с политической арены или убиты. Ханга в 1967 г. был выведен из кабинета министров Объединенной республики, а затем арестован, потом выпущен из тюрьмы, но в августе 1969 г. вновь арестован, переправлен на Занзибар и позднее в том же году расстрелян по обвинению в антиправительственном заговоре. Бабу в 1972 г. был арестован. Избежав смертной казни, он пробыл

²² АВП РФ. Ф. 591. Оп. 7. П. 3. Д. 5. Л. 19–20.

²³ Там же. Л. 21.

²⁴ Тетерин О.И. На Занзибаре... С. 138.

²⁵ Mohammed A.A. Op. cit. P. 90–91.

²⁶ Mrina B.F., Mattoke W.T. Mapambano ya ukombozi Zanzibar. Dar es Salaam, [s.a.]. P. 108.

²⁷ АВП РФ. Ф. 591. Оп. 9. П. 5. Д. 12. Л. 52–55.

²⁸ Там же. Ф. 653. Оп. 11. П. 8. Д. 6. Л. 46.

в тюрьме до 1978 г.²⁹ Каруме 7 апреля 1972 г. был убит. О.И. Тетерин предполагает, что в заговоре против Каруме «участвовали сторонники всемерного укрепления союзного государства и дальнейшего сближения Занзибара с материковой частью республики. Это важно подчеркнуть, тем более что А. Каруме решительно выступал за сохранение максимальной автономии островов и встречал “в штыки” любую попытку или поползновение ущемить интересы Занзибара в рамках ОРТ»³⁰.

Советско-занзибарские отношения осложнялись и тем, что на островах было сильно китайское влияние. Так, в середине 1960-х годов из 10 членов совета министров 6 были прокитайскими, 3 просоветскими и 1 некоммунист. Из 22 членов Революционного совета 15 были настроены прокитайски, 4 просоветски и 3 не были коммунистами³¹.

По некоторым данным, в военных лагерях Мигомбани и Чуквани было 150 военных инструкторов из Китая. Российских инструкторов было в разы меньше. Их естественными идеологическими союзниками были специалисты из ГДР, которые работали на радио Занзибара, были советниками по делам просвещения, здравоохранения и финансов. Однако китайцы разительно отличались от ГДР-овцев и советских специалистов по образу жизни и выглядели поэтому более привлекательно в глазах занзибарцев. «Китайцы жили сами по себе без африканских слуг, они сами стирали и гладили, постоянно работали в деревнях, в то время как европейские коммунисты старались работать в городах, хорошо одевались, имели слуг и посещали бары и гостиницы»³².

Единственный внешний заем правительства Занзибара получило в 1966 г., и это был кредит от Китайской Народной Республики — 100 млн шилл³³.

В 1969 г. Каруме провозгласил, что в строительстве социализма на островах будет следовать методам Мао Цзэдуна, и сотрудничество Занзибара с СССР было фактически свернуто.

Таким образом, социалистический курс Занзибара был подвергнут коррекции в результате объединения с Танганьикой, ухода с политической арены «социалистических» лидеров и сильного китайского влияния. Соответственно, и отношения с ним значительно ухудшились по сравнению с тем, что ожидалось и начало уже было осуществляться.

Кения. Надежды Москвы на социалистический выбор Кении были связаны с Огингой Одингой, вторым человеком в стране. Еще в 1962 г., до получения Кенией независимости, он выступил в кенийской прессе со статьей «Об отношении к предоставлению помощи Кении социалистическими странами». Наше посольство в Танганьике послало статью в МИД с сопроводительным письмом, в котором подчеркивалось: «Одинга разоблачает попытки изобразить коммунизм как врага народов Африки и показывает, что их подлинный враг — это “большой бизнес”, это англо-американский империализм»³⁴.

В ходе визита во главе правительственной делегации Кении в СССР в апреле — мае 1964 г. Одингга не раз делал заявления, свидетельствующие о его приверженности социалистическому выбору. В частности, «он хотел бы видеть своего сына коммунистом и спросил, есть ли коммунистическая партийная организация в Университете дружбы народов, где учится его сын»³⁵.

Большие надежды возлагались в Москве на воспитание кенийцев в социалистическом духе в Институте по подготовке партийных кадров им. Патриса Лумумбы, открытом в декабре 1964 г. в Найроби, в строительстве и финансировании которого принимал участие СССР. Туда были направлены советские преподаватели, читавшие, в частности, курсы по общим принципам социализма, партийному строительству и о пути Африки к социализму³⁶.

²⁹ Тетерин О.И. Абдул Рахман Мохаммед Бабу. С. 786.

³⁰ Тетерин О.И. Вспоминая Африку (важное... и не очень). М., 2019. С. 147.

³¹ Seif Kharusi A. Zanzibar. Africa's first Cuba. Richmond, 1967. P. 18.

³² Ibid. P. 20.

³³ Mrina B.F., Mattoke W.T. Op. cit. P. 120.

³⁴ АВП РФ. Ф. 577. Оп. 5. П. 1. Д. 1. Л. 20.

³⁵ Там же. Оп. 7. П. 3. Д. 2. Л. 31.

³⁶ Там же. Л. 36–37.

Однако в июле 1965 г. институт был закрыт. Связано это было с изменением политического курса руководства Кении и, как следствие, — резким ухудшением советско-кенийских отношений³⁷.

Но надежды Москвы на победу социалистического курса в Кении на этом отнюдь не угасли. И связаны они были все с тем же Огингой Одингой.

Разногласия у Огинги Одинги с курсом, проводимым Дж. Кениатой, оформились в 1964 г. Так, в беседе с советским послом в Кении В.С. Лавровым 14 июля 1964 г. и.о. премьер-министра Кении Дж. Мурумби «дал понять, что Одинга выступает за быстрое решение земельного вопроса, национализацию, африканизацию государственного аппарата и командного состава армии. Джомо Кениата же придерживается политики постепенных изменений»³⁸.

17 декабря 1965 г. в беседе в посольстве СССР Одинга подтвердил свою приверженность социалистическим идеям и ориентации на социалистические страны: «говорил о деятельности правых в Кении, об их стремлении изолировать его от масс и от социалистических стран... Сообщил, что в районе Кисуму он создает частную женскую школу. “Я хочу, — сказал он, — чтобы в моей школе был советский преподаватель, который будет прививать детям социалистические идеи”»³⁹.

Будучи оттеснен от руководства страной, Одинга создал оппозиционную партию — «Союз народа Кении», которая под его руководством вела активную борьбу за изменение курса правительства.

В программном документе партии «Национальный союз африканцев Кении» (КАНУ), опубликованном 20 мая 1966 г., говорилось: «Союз народа Кении осуждает капиталистическую политику правительства и КАНУ, он... будет проводить подлинно социалистическую политику на благо народа. Он будет более равномерно распределять богатства страны среди народа, расширять национальный контроль над средствами производства, он ликвидирует власть иностранцев над экономикой... Единственное непосредственное решение проблемы безработицы состоит в том, чтобы выделить больше земель для безработных, которые часто являются также безземельными. Наряду с этим, необходимо быстрое развитие промышленных предприятий городов с целью увеличения занятости»⁴⁰.

Однако оппозиция, действующая во все более и более жестких условиях, в конце концов в 1969 г. была разгромлена. Партия Огинги была запрещена, а сам он и ряд его соратников были арестованы.

«Правда» подробно освещала перипетии политического кризиса в Кении, всячески поддерживала положительный имидж «Союза народа Кении» и его лидера Огинги Одинги. Однако от советского читателя оказались скрыты как факт, так и масштабы материальной помощи, оказываемой СССР через Международный профсоюзный фонд помощи левым рабочим организациям. Так, в 1965 г. формально КАНУ, но лично для Огинги Одинги было выделено 164 тыс. долл.,⁴¹ в дальнейшем деньги выделялись его партии «Союз народа Кении». Так, в 1966 г. этой партии с пометкой в скобках «Огинга Одинга» было выделено 200 тыс. долл.⁴²

Правящие круги Кении тоже говорили о построении социализма. Их представления о «кенийском социализме» были отражены в документе «Африканский социализм и его применение к планированию в Кении», опубликованном в 1965 г.⁴³

³⁷ Подробней см.: Базезин А.С. СССР — независимая Кения. Короткий «медовый месяц» // Новая и новейшая история. 2019. № 2. С. 93–99.

³⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 604. Л. 130.

³⁹ Там же. Д. 766. Л. 76–77.

⁴⁰ Цит. по: Владимиров Л. Кения: выбор пути. Основные этапы и проблемы освободительного движения. М., 1979. С. 189–190.

⁴¹ Там же. С. 109.

⁴² Там же. С. 128.

⁴³ African Socialism and its Application to Planning in Kenya. [S.l.], 1965.

Документу предпослано заявление президента Кении: «Мы заявляем, что наша страна будет развиваться на основе концепции и философии Демократического Африканского Социализма. Мы отклоняем как Западный Капитализм, так и Восточный Коммунизм и выбираем для себя политику позитивного неприсоединения»⁴⁴.

В документе довольно много говорится о неприменимости марксистской теории для независимой Кении: «для своего времени критика Марксом общества была валидной», но «его анализ имеет мало общего с современной Кенией... Проблемы сегодняшнего дня — это не проблемы столетней давности. Африканский социализм должен стать работающей системой в современных условиях, полностью готовой адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам и новым проблемам»⁴⁵.

Отмечается, что африканский социализм базируется на двух африканских традициях — политической демократии и взаимной социальной ответственности⁴⁶. Подчеркивается, что курс на неприсоединение вовсе не подразумевает ни экономический, ни политический изоляционизм. Говорится о допустимости различных форм собственности — государственной, кооперативной и частной — и о сотрудничестве с международными финансовыми организациями, в частности с Международным банком реконструкции и развития⁴⁷.

Первый посол СССР в Кении В. С. Лавров, публиковавший свои книги под псевдонимом «Л. Владимиров», анализируя этот документ, подчеркивает: «Научный социализм в этом документе решительно отвергался»⁴⁸. Он расценивает этот документ крайне отрицательно, подчеркивая, что он может быть использован «в целях противодействия распространению научного социализма в Африке». Он также приводит ехидную оценку документа танзанийской газетой «Националист»: «Создается впечатление, что он был подготовлен не африканцем и не социалистом»⁴⁹.

А вот что отмечали советские преподаватели Института Лумумбы А. Здравомыслов и А. Богданов в секретном письме в Москву от 11 мая 1965 г.: «В своих теоретических основах вариант “африканского социализма”, сформулированный в анализируемом документе, представляет собой пеструю смесь идей лейбористского социализма, национализма и прагматизма, с явно выраженным уклоном в антикоммунизм. Авторы документа позаботились о том, чтобы отмежеваться прежде всего от марксизма, который неоднократно объявляется устаревшим и неприменимым к условиям Кении. Сам термин “африканский” социализм представляется как антипод научному социализму... Социализм сам по себе объявляется иностранной идеологией, которой противостоит африканский социализм, выражающий традиционные устои и принципы африканского общества... В своей критике марксизма авторы... постоянно говорят о взглядах Маркса, делая вид, что им ничего не известно о существовании марксизма — научной теории общественного развития, развитой после смерти Маркса и Энгельса в трудах Ленина, в документах международного коммунистического движения, анализирующих современную эпоху и особенности современного монополистического капитализма... Авторы всячески стараются подчеркнуть бесклассовый характер африканского общества, идеализируя доколониальный период истории Африки»⁵⁰.

В письме подчеркивается капиталистический вектор развития Кении: «В Кении все больший и больший перевес одерживают правые силы — силы национальной буржуазии, опирающейся на поддержку американского и английского неокOLONIALИЗМА. ...Поощрение частных капиталовложений, как заграничных, так и внутренних, авторы документа рассматривают как основу успешного экономического развития Кении»⁵¹.

⁴⁴ Ibid. P. 1.

⁴⁵ Ibid. P. 6—8.

⁴⁶ Ibid. P. 3.

⁴⁷ Ibid. P. 8—9.

⁴⁸ Владимиров Л. Указ. соч. С. 144.

⁴⁹ Там же. С. 149.

⁵⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 697. Л. 196—199.

⁵¹ Там же. Л. 201.

Интересна резолюция на письме зав. сектором Африки Международного отдела ЦК КПСС П. Манчхи: «Материал информационный, использован в работе сектора африканских стран. Можно сдать в архив»⁵². «Антимарксистский» социализм по-кенийски в Москве не принимали всерьез, а Кению прочно отнесли к списку стран капиталистической ориентации.

Танзанийский социализм. Дипломатические отношения с Танганьикой были установлены сразу после провозглашения ее независимости 9 декабря 1961 г. Москву в 1962 г. посетило несколько делегаций партии «Национальный союз африканцев Танганьики» (ТАНУ). Вскоре после образования Танзании, в августе 1964 г., в СССР побывало несколько официальных делегаций, а в Танзании — ряд советских. Однако затем складывавшиеся добрые отношения между СССР и Танзанией осложнились: в 1967 г. президент Дж. Ньерере, в отличие от СССР, поддержал Республику Биафра, отделившуюся от Нигерии, а в 1968 г. осудил вторжение войск стран Варшавского договора в Чехословакию.

Осложнений не сняло принятие в 1967 г. Арушской декларации, содержащей концепцию африканского социализма — уджамаа — модели развития общества, построенного на основе традиционной социальной организации⁵³. Дж. Ньерере считал, что традиционный образ жизни в общине и есть идеал социального устройства — социализм. Впервые он опубликовал статью под названием «Будущее африканского социализма» еще в мае 1960 г., а в апреле 1962 г. на конференции в Дар-эс-Саламе выступил с докладом «Уджамаа: основы африканского социализма». Это была попытка поиска синтетической теории, лежащей в русле мирового общественного развития и включающей все лучшее, что выработало человечество в области социальных наук.

Арушская декларация, принятая в январе 1967 г. руководством и утвержденная в марте 1967 г. конференцией партии ТАНУ, стала программой построения нового общества, основанного на равенстве всех граждан, отсутствии эксплуатации, развитии при опоре на собственные силы и демократию.

«Страна, построившая общество уджамаа — это страна трудящихся: в ней нет ни капитализма, ни феодализма... Единственный способ строительства и укрепления уджамаа — обеспечить переход главных рычагов экономического развития в руки крестьян и рабочих через государственные институты и кооперативы. Также необходимо обеспечить правление партии крестьян и рабочих... Правительство обязательно должно избираться и руководиться самими крестьянами и рабочими... Но уджамаа не может развиваться самостоятельно: уджамаа — это идеология, она должна формироваться людьми, которые верят в нее и следуют ее законам... Первый долг члена партии ТАНУ, и особенно руководителя ТАНУ, — это быть преданным принципам уджамаа, особенно в своей собственной жизни. Особенно это касается руководящих работников ТАНУ, которые не должны жить за счет чужого труда или каких-либо капиталистических доходов»⁵⁴.

В Арушскую декларацию был включен так называемый Кодекс лидера, нацеленный на предотвращение бюрократизации и перерождения партийно-государственного аппарата:

«1. Руководитель партии и правительства должен быть крестьянином или рабочим и не должен участвовать в каком-либо землевладельческом или капиталистическом предприятии.

2. Он не должен иметь акций какой-либо компании.

3. Он не должен быть директором какой-либо капиталистической или землевладельческой компании.

4. Он не должен получать две и более зарплат.

⁵² Там же. Л. 203.

⁵³ Анализ только отечественной историографии теории уджамаа может стать предметом не одного исследования, он выходит далеко за рамки данной статьи. Назову в качестве примеров хотя бы одну из ранних попыток такого анализа в книге И.Е. Синицыной «Танзания: партия и государство» (М., 1972. С. 56–64), а в качестве взгляда из XXI в. — статью В.Г. Солодовникова «Джулиус Ньерере — теоретик социалистической ориентации» (Джулиус Ньерере: гуманист, политик, мыслитель. М., 2002. С. 21–31).

⁵⁴ История Африки в документах. 1870–2000. Т. 3. 1961–2000. М., 2007. С. 147–149 (перевод с суахилийского оригинала).

5. Он не должен сдавать дома внаем»⁵⁵.

Впоследствии положения «Кодекса лидера» были распространены на всех членов партии.

В Арушской декларации отсутствует само слово «социализм», везде употребляется слово «уджамаа». Однако в ходе визита в СССР в октябре 1969 г. Ньерере в выступлениях на английском языке говорит о строительстве социалистического общества в Танзании:

«Мы решили построить социалистическую Танзанию, сознавая, что лишь таким путем весь народ нашей страны сможет воспользоваться благами той свободы, за которую он боролся... Выбор социализма из тех альтернатив, которые у нас есть, в значительной мере проистекает из коммуных традиций Африки. Мы строим на фундаменте этих традиций. Мы стремимся сохранять традиционное равенство наших людей, разработать новые формы политического и экономического объединения, которые позволят нам увеличить национальное богатство, полностью ликвидировать экономическую и социальную эксплуатацию. Иными словами, мы пытаемся построить социализм на основах, отвечающих нашему прошлому, нашим нынешним условиям и нашим стремлениям к равенству между людьми и человеческому достоинству во всех сферах жизни»⁵⁶.

Казалось бы, с точки зрения советской теории «некапиталистического пути» с теорией «уджамаа» все в порядке. Л.С. Васильев в одном из первых изданий своего учебника «История Востока» даже относит ее к «странам, преимущественно ориентированным на марксистский социализм», и пишет, что ее лидерам «явно импонировала идея кооперации по-марксистски, коллективизации сельского хозяйства, которая и была в наиболее последовательной форме воплощена в танзанийской системе уджамаа»⁵⁷.

Но вот что по этому поводу пишет один из творцов африканской политики в СССР А.Ю. Урнов в книге 2014 г.: «Посещая СССР, представители ТАНУ и ЧЧМ⁵⁸ не настаивали на том, чтобы при переводе их выступлений и публикаций на русский язык употреблялось слово “уджамаа”. В общении с зарубежными партнерами и аудиториями слово “социализм” их вполне устраивало». Тем не менее он отмечает: «В число наиболее близких СССР африканских стран Танзания не входила. Экономическое, торговое и культурное сотрудничество осуществлялись, но в довольно скромных объемах». Об одной из причин прохладного отношения Москвы к Танзании и танзанийскому социализму замечает: «Китайцы в Танзании работали активно. Из моих общений с приезжающими в СССР танзанийскими деятелями и поездок в Танзанию я все же вынес впечатление, что танзанийцы больше тяготели к Китаю»⁵⁹.

Об активности в этой стране Китая, гораздо большей, чем СССР, и о причинах большего тяготения к Китаю Ньерере предупреждал еще в конце 1963 г. Дж. Помбеа, генеральный секретарь Комитета африканских организаций в Лондоне, дружески настроенный к СССР: «Посольство КНР намного активнее вашего... и вот вам итог: в феврале 1964 г. Ньерере поедет в КНР. Это будет его первый визит в социалистическую страну... Эта поездка в КНР создает новые трудности и проблемы, ибо вы знаете образ мышления Ньерере и его взгляды ... (мир делится на богатые страны и бедные, а не социалистические и капиталистические). Ньерере едет в Китай под давлением. В КНР все время ездят официальные лица Танганьики (спикер палаты, министры), и это результат активной деятельности посольства КНР»⁶⁰.

А В.Г. Шубин видит причину прохладного отношения СССР к уджамаа в одном из краеугольных его принципов — опору на собственные силы: «В Москве тогда критиковали

⁵⁵ Azimio la Arusha na siasa ya TANU juu ya Ujamaa na Kujitegemea. Dar es Salaam, 1967. U. 38 (перевод с суахилийского оригинала мой. — А.Б.)

⁵⁶ Правда. 9.X.1969.

⁵⁷ Васильев Л.С. История Востока: учебное пособие. Т. 2. М., 1993. С. 472–473.

⁵⁸ ЧЧМ — Чама Ча Мапиндузи (революционная партия) — так называли партию, образовавшуюся в 1977 г. в результате объединения ТАНУ и АШП.

⁵⁹ Урнов А.Ю. Внешняя политика СССР в годы «холодной войны» и «нового мышления». М., 2014. С. 305.

⁶⁰ РГАН. Ф. 5. Оп. 50. Д. 642. Л. 5–6.

принцип self-reliance — “опоры на собственные силы“, видя в нем стремление оторвать страны Африки от СССР и его союзников, хотя на деле он был важен как хотя бы попытка избавиться не только от внешней зависимости, но от иждивенчества. Впрочем, этот принцип не мешал Ньерере и ЧЧМ поддерживать активные связи с социал-демократическими партиями и правительствами стран Западной Европы и получать от них помощь»⁶¹.

Итак, социализм по-танзанийски также не оправдал надежд Москвы.

Уганда, получившая независимость 9 ноября 1962 г., в Москве не рассматривалась как потенциально социалистическая. Тем более что ее первым президентом стал наследственный монарх Буганды Мутеса Второй, «представитель феодальных кругов».

В июле 1965 г. «Правда» весьма нейтрально характеризует внешнеполитический курс премьер-министра М. Оботе: «Он последовательно выступает за проведение Угандой политики неприсоединения к блокам, укрепления афро-азиатской солидарности, за развитие дружественных отношений со всеми странами»⁶².

Характерна запись, оставленная Оботе в книге почетных гостей музея-квартиры Ленина в Кремле: «В высшей степени трогательный музей о самой важной части СССР, где жил и работал великий человек для того, чтобы заложить основы великой науки для великого международного движения»⁶³. Ни слова «социализм», ни характеристики «великого движения»!!!

Однако вскоре после переворота 1966 г., в результате которого Оботе сам стал президентом страны, в ноябре 1968 г., он впервые объявил о предстоящем «сдвиге влево» в политике Уганды. А в октябре 1969 г. был опубликован программный документ — «Хартия простого человека»⁶⁴.

В Москве большого восторга «сдвиг влево» Оботе не вызвал. В частности, потому что, как заявил сам Оботе 10 ноября 1969 г., «“Хартия простого человека” не является копией учения Маркса и Ленина... Было бы неверно интерпретировать экономические в первую очередь мотивы “Африканского социализма” в Кении, “Арушской декларации” в Танзании и “Хартии простого человека” в Уганде как марксистские, прокапиталистические или антикапиталистические»⁶⁵.

Отношение официальной Москвы к «Хартии простого человека» иллюстрирует письмо Д.Ф. Сафонова, бывшего посла СССР в Уганде, своему преемнику И. Курдюкову от 15 января 1971 г.: «Хартия носит довольно декларативный характер, не намечая конкретных мероприятий по претворению в жизнь провозглашенной программы, оставляя в тени многие важные вопросы, в том числе и вопрос о той социально-экономической формации, которая является конечной целью НКУ»⁶⁶... Возможно, что Оботе при поддержке прогрессивной части населения страны всерьез выбрал линию “поворота влево”... В то же время нельзя исключить и возможность того, что провозглашенная политика может быть тактическим приемом президента, целью которого является повышение личного престижа в стране и укрепление авторитета НКУ перед предстоящими в стране парламентскими выборами»⁶⁷.

В связи с этим нельзя не упомянуть высказывания об африканском социализме генерального прокурора Уганды Г. Бинаисы в беседе с Д.Ф. Сафоновым 15 января 1964 г.: «Характерным для африканских стран и приходящих к власти новых правительств является то, что все они сразу же заявляют о желании строить в своих странах социализм, хотя представление об этом социализме у них самое смутное и неясное. А главное — у каждого свое особое мнение на этот счет. ...Для африканца социализм — это такое общество, где он мог бы иметь хорошие условия жизни. Если такие условия будут созданы ему при

⁶¹ Шубин В.Г. От Каира до Кейптауна. Африка глазами русского человека. М., 2022. С. 193.

⁶² Правда. 21.VII.1965.

⁶³ Правда. 23.VII.1965.

⁶⁴ Основные положения «Хартии» в русском переводе см.: История Африки в документах. С. 162–167.

⁶⁵ АВП РФ. Ф. 582. Оп. 12. П. 8. Д. 7. Л. 4.

⁶⁶ Партия «Народный конгресс Уганды», лидером которой был Оботе.

⁶⁷ АВП РФ. Ф. 582. Оп. 13. П. 9. Д. 7. Л. 13.

капитализме — он сразу же забудет о социализме. Его мало интересуют проблемы государственного и общественного устройства как таковые, тем более что часто он и не в состоянии разобраться в этих вопросах, если они не дают ему конкретного улучшения условий жизни. У нас в Африке имеется много различных понятий о социализме даже среди представителей правящих кругов, и эти понятия, как правило, не имеют ничего общего с тем социализмом, который строится или уже построен в европейских социалистических странах»⁶⁸.

А вот как оценивал «Хартию» бывший сотрудник посольства СССР в Уганде В.П. Панкратьев в 1984 г.: ««Хартия» выдвигала на первый план задачи национального строительства, достижение единства, укрепление республиканских институтов, выступала в защиту прав трудящегося человека, осуждала эксплуатацию бедных богатыми. При этом такой важный вопрос, в чьих руках будут сосредоточены средства производства, был сформулирован недостаточно четко. Не ясно было, кого следует причислять к категории «простой человек». Документ не раскрывал, каким путем НКУ будет претворять в жизнь социалистические принципы, хотя в статье 30 упоминалось, что «движение влево» предусматривает участие граждан во всех секторах экономики на основе коллективного владения собственностью в кооперативах и государственных предприятиях. Подчеркивалось право правительства на национализацию любого частного предприятия или частных владений... в интересах народа»⁶⁹.

Индийский исследователь В. Гупта примерно в то же время в книге 1983 г. пишет, что принявшая «Хартию» конференция НКУ «взяла курс на социалистическое развитие страны, утвердила республиканскую конституцию, отвергла феодализм и капитализм, превратила НКУ в массовую партию и объявила о намерении национализировать основные сферы производства и распределения». Однако далее, характеризуя отдельные положения этого документа, он берет слово «социалистический» в кавычки⁷⁰.

Как бы прохладно ни относились в Москве к политике «сдвига влево», осуществить ее Оботе не удалось, так как 25 января 1971 г. в результате военного переворота к власти в Уганде пришел Иди Амин Дада, впоследствии прозванный «африканским Гитлером».

Таким образом, страны Восточной Африки, провозглашавшие на том или ином этапе развития задачи построения социализма, не сумели оправдать ожидания Москвы. Наиболее близок к ним был Занзибар, но объединение с Танганьикой и последующее устранение лидеров занзибарской революции помешали выполнению этих задач.

На Западе иллюзорность надежд Москвы на «истинный» социалистический выбор африканских стран поняли раньше. Так, советолог А. Даллин писал еще в 1964 г.: «Крайне сомнительно, что африканский коммунизм будет идентифицироваться с СССР»⁷¹.

А З. Бжезинский тогда же отмечал: «Дезинтеграция коммунистического универсализма может послужить поощрению и узакониванию уже достаточно сильной склонности африканских лидеров к формулированию своих собственных африканских вариантов социализма, свободно черпающих как из коммунистического, так и из некоммунистического опыта... Пока коммунизм представлял единый фронт, его претензии на обладание ключом от будущего и способность решить социальные проблемы имели некий ореол подлинности. Внутренний раскол и появление югославского, советского, китайского и албанского путей к коммунизму все более и более означает, что единого пути нет. Отчаянные попытки Советов сформулировать новые общие принципы и терпимо относиться к некоторой степени национальной специфики, скорее всего, укрепят убежденность африканцев в правильности их собственных конкретных методов»⁷².

О многочисленных советских авторах, развивавших теорию «некапиталистического пути», позже ставшего называться «социалистической ориентацией», В.Г. Шубин не без

⁶⁸ Там же. Оп. 7. П. 3. Д. 2. Л. 37–38.

⁶⁹ Ксенофонтowa Н.А., Луконин Ю.В., Панкратьев В.П. История Уганды в новое и новейшее время. М., 1984. С. 187.

⁷⁰ Gupta V. Obote: Second Liberation. New Delhi, 1983. P. 67–68.

⁷¹ Dallin A. The Soviet Union: political Activity // Africa and the Communist World. London, 1964. P. 48.

⁷² Brzezinski Z. Conclusion: The African Challenge // Ibid. P. 215.

сарказма пишет: «Само наличие этой концепции давало возможность следящим за конъюнктурой исследователям (впоследствии ставшими называть себя политологами) написать немало опусов с рассуждениями о категориях национально-демократических, национально-революционных и прочих партий в этих странах. Но те, кто реально занимался в Секторе Африки связями с политическими структурами, обычно относились к этим изысканиям со здоровым чувством юмора»⁷³. Речь идет о сотрудниках Сектора Африки Международного отдела ЦК КПСС, которые, по справедливой оценке Н. Телепневой, «ковали личные отношения с африканскими революционерами»⁷⁴.

А.Ю. Урнов, один из таких сотрудников еще с 1960-х годов, в книге 2014 г. пишет: «В Москве хорошо понимали, что реализация странами соцориентации провозглашаемых целей является в лучшем случае делом отдаленного будущего. В Советском Союзе государства социалистической ориентации, в отличие от стран содружества, не проходили по реестру “братских”. Родство существовало, но более отдаленное — что-то вроде своячества. Страны социалистической ориентации оставались в системе мировой капиталистической экономики. Возможностью оказывать им помощь в объемах, позволяющих обеспечивать их экономическую независимость от Запада, СССР не располагал. Все эти государства, даже самые левые, просто не могли не проводить политики балансирования между противостоящими блоками. Их дружественные отношения с СССР не означали отношений подчиненности. В той или иной степени оказывать влияние на политику этих государств Москва могла, определять ее — нет»⁷⁵.

Но такое понимание сформировалось не сразу. В.Г. Шубин, один из творцов практической советско-африканской политики с 1970-х годов (сначала в Советском комитете солидарности со странами Азии и Африки, а потом и в Секторе Африки МО ЦК КПСС), пишет: «Теория социалистической ориентации отнюдь не выражала стремление подталкивать кого-либо к социализму, а скорее, напротив, стремление удержать от “забегания вперед” от “строительства социализма”, а то и его провозглашения в тех странах, где для этого не было реальных условий... Нам гораздо ближе была позиция, высказанная Ю.В. Андроповым в 1983 г.: “Ведь одно дело — провозгласить социализм как цель, а другое — строить его. Для этого нужен определенный уровень производительных сил, культуры и общественного сознания. Социалистические страны солидарны с этими прогрессивными государствами, оказывают им помощь в сфере политики, культуры, содействуют укреплению их обороны. Помогаем им в меру возможности в их экономическом развитии. Но в основном оно, как и весь общественный прогресс этих стран, может, конечно, быть лишь результатом труда их народов, правильной политики их руководства”»⁷⁶.

Библиография

Балезин А.С. Разработка теории некапиталистического пути развития для Африки в СССР, истоки и первые шаги // Становление отечественной африканистики, 1920-е — начало 1960-х / отв. ред. А.Б. Давидсон. М., 2003. С. 368–379.

Балезин А.С. СССР — независимая Кения. Короткий «медовый месяц» // Новая и новейшая история. 2019. № 2. С. 93–99.

Балезин А.С. СССР и Занзибар в годы его борьбы за независимость и объединения с Танганьикой (по архивным источникам) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 20. № 1. Деколонизация, неоколониализм и реколонизация: к 60-летию Года Африки. М., 2020. С. 54–66.

Васильев Л.С. История Востока: учебное пособие. Т. 2. М., 1993.

Владимиров Л. Кения: выбор пути. Основные этапы и проблемы освободительного движения. М., 1979.

⁷³ Шубин В.Г. Указ. соч. С. 195.

⁷⁴ Telepnev N. Cold War Liberation: the Soviet Union and the Collapse of the Portuguese Empire in Africa, 1961–1975. Chapel Hill, 2021. P. 7.

⁷⁵ Урнов А.Ю. Указ. соч. С. 202.

⁷⁶ Шубин В.Г. Указ. соч. С. 194–195.

- История Африки в документах. 1870–2000. Т. 3. 1961–2000. М., 2007.
- Ксенофонтова Н.А., Луконин Ю.В., Панкратьев В.П. История Уганды в новое и новейшее время. М., 1984.
- Мирский Г.И. Полвека в мире востоковедения // Восток. 1996. № 6. С. 128–140.
- Потехин И.И. Африка смотрит в будущее. М., 1960.
- Россия и Африка. Документы и материалы. 1961 — начало 1970-х / под ред. А.Б. Давидсона, С.В. Мазова. М., 2021.
- Синицына И.Е. Танзания: партия и государство. М., 1972.
- Солодовников В.Г. Джулиус Ньерере — теоретик социалистической ориентации // Джулиус Ньерере: гуманист, политик, мыслитель. М., 2002. С. 21–31.
- Тетерин О.И. Абдул Рахман Мохаммед Бабу // История Африки в биографиях. М., 2012. С. 776–788.
- Тетерин О.И. Вспоминая Африку (важное... и не очень). М., 2019.
- Тетерин О.И. На Занзибаре, немного о себе и других // В Египте и на Занзибаре (1960–1966). Мемуары советских военных переводчиков. М., 2011. С. 102–193.
- Урнов А.Ю. Внешняя политика СССР в годы «холодной войны» и «нового мышления». М., 2014.
- Шубин В.Г. От Каира до Кейптауна. Африка глазами русского человека. М., 2022.
- African Socialism and its Application to Planning in Kenya. [S.l.], 1965.
- Azimio la Arusha na siasa ya TANU juu ya Ujamaa na Kujitegemea. Dar-es-Salaam, 1967.
- Brzezinski Z. Conclusion: The African Challenge // Africa and the Communist World. London, 1964. P. 204–230.
- Dallin A. The Soviet Union: political Activity // Africa and the Communist World. London, 1964. P. 7–48.
- Gupta V. Obote: Second Liberation. New Delhi, 1983.
- Hughes A.J. East Africa: Kenya, Tanzania, Uganda. Harmondsworth (Middlesex), 1969.
- Information of the A.S.P. House. The Party Political College-Zanzibar. [Zanzibar, 1972?].
- Mohammed A.A. A guide to a History of Zanzibar. Zanzibar, 2014.
- Mrina B.F., Mattoke W.T. Mapambano ya ukombozi Zanzibar. Dar es Salaam, [s.a.].
- Seif Kharusi A. Zanzibar. Africa's first Cuba. Richmond, 1967.
- Shivji I. The Life & Times of Babu: The Age of Liberation & Revolution // Review of African Political Economy. 2003. № 95. P. 109–118.
- Telepneva N. Cold War Liberation: the Soviet Union and the Collapse of the Portuguese Empire in Africa, 1961–1975. Chapel Hill, 2021.

References

- Balezin A.S. Razrabotka teorii nekapitalisticheskogo puti razvitiya dlja Afriki v SSSR, istoki i pervye shagi [Development of the theory of a non-capitalist development path for Africa in the USSR, origins and first steps] // Stanovlenie otechestvennoj afrikanistiki, 1920-e — nachalo 1960-h [The formation of national African studies, 1920s — early 1960s] / otv. red. A.B. Davidson. Moskva, 2003. S. 368–379. (In Russ.)
- Balezin A.S. SSSR — nezavisimaja Kenija. Korotkij “medovyj mesjac” [USSR — independent Kenya. A short “honeymoon”] // Novaya i Novejšaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2019. № 2. S. 93–99. (In Russ.)
- Balezin A.S. SSSR i Zanzibar v gody ego bor’by za nezavisimost’ i ob’edinenija s Tangan’ikoj (po arhivnym istochnikam) [USSR and Zanzibar in the years of its struggle for independence and unification with Tanganyika (according to archival sources)] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija. T. 20. № 1. Dekolonizacija, neokolonializm i rekolonizacija: k 60-letiju Goda Afriki [Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: International Relations. Vol. 20. № 1. Decolonization, neocolonialism and recolonization: to the 60th anniversary of the Year of Africa]. Moskva, 2020. S. 54–66. (In Russ.)
- Istorija Afriki v dokumentah [The history of Africa in documents]. 1870–2000. T. 3. 1961–2000. Moskva, 2007. (In Russ.)
- Ksenofontova N.A., Lukonin Ju.V., Pankrat’ev V.P. Istorija Ugandy v novoe i novejshee vremja [The history of Uganda in modern and modern times]. Moskva, 1984. (In Russ.)
- Mirskij G.I. Polveka v mire vostokovedenija [Half a century in the world of Oriental studies] // Vostok [East]. 1996. № 6. S. 128–140. (In Russ.)
- Potehin. I.I. Afrika smotrit v budushhee [Africa looks to the future]. Moskva, 1960. (In Russ.)
- Rossija i Afrika. Dokumenty i materialy [Russia and Africa. Documents and materials]. 1961–nachalo 1970-h / pod red. A.B. Davidsona, S.V. Mazova. Moskva, 2021. (In Russ.)
- Shubin V.G. Ot Kaira do Kejptauna. Afrika glazami russkogo cheloveka [From Cairo to Cape Town. Africa through the eyes of a Russian person]. Moskva, 2022. (In Russ.)

- Sinicyna I.E.* Tanzanija: partija i gosudarstvo [Tanzania: the Party and the state]. Moskva, 1972. (In Russ.)
- Solodovnikov V.G.* Dzhulius N'ere — teoretik socialisticheskoy orientacii [Julius Nyerere — theorist of socialist orientation] // Dzhulius N'ere: gumanist, politik, myslitel' [Julius Nyerere: humanist, politician, thinker]. Moskva, 2002. S. 21–31. (In Russ.)
- Teterin O.I.* Abdul Rahman Mohammed Babu [Abdul Rahman Mohammed Babu] // Istorija Afriki v biografijah [History of Africa in biographies]. Moskva, 2012. S. 776–788. (In Russ.)
- Teterin O.I.* Na Zanzibare, nemnogo o sebe i drugih [In Zanzibar, a little about himself and others] // V Egipte i na Zanzibare (1960–1966). Memuary sovetskikh voennykh perevodchikov [In Egypt and Zanzibar (1960–1966). Memoirs of Soviet military translators]. Moskva, 2011. S. 102–193. (In Russ.)
- Teterin O.I.* Vspominaja Afriku (vazhnoe... i ne ochen') [Remembering Africa (important... and not so much)]. Moskva, 2019. (In Russ.)
- Urnov A.Ju.* Vneshnjaja politika SSSR v gody “holodnoj vojny” i “novogo myshlenija” [The foreign policy of the USSR during the “Cold War” and “new thinking”]. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Vasil'ev L.S.* Istorija Vostoka. Uchebnoe posobie [The History of the East. Textbook]. T. 2. Moskva, 1993. (In Russ.)
- Vladimirov L.* Kenija: vybor puti. Osnovnye etapy i problemy osvoboditel'nogo dvizheniya [Kenya: choosing a path. The main stages and problems of the liberation movement]. Moskva, 1979. (In Russ.)
- African Socialism and its Application to Planning in Kenya. [S.l.], 1965.
- Azimio la Arusha na siasa ya TANU juu ya Ujamaa na Kujitegemea. Dar es Salaam, 1967.
- Brzezinski Z.* Conclusion: The African Challenge // Africa and the Communist World. London, 1964. P. 204–230.
- Dallin A.* The Soviet Union: political Activity // Africa and the Communist World. London, 1964. P. 7–48.
- Gupta V.* Obote: Second Liberation. New Delhi, 1983.
- Hughes A.J.* East Africa: Kenya, Tanzania, Uganda. Harmondsworth (Middlesex), 1969.
- Information of the A.S.P. House. The Party Political College-Zanzibar. [Zanzibar, 1972?].
- Mohammed A.A.* A guide to a History of Zanzibar. Zanzibar, 2014.
- Mrina B.F., Mattoke W.T.* Mapambano ya ukombozi Zanzibar. Dar es Salaam, [s.a.].
- Seif Kharusi A.* Zanzibar. Africa's first Cuba. Richmond, 1967.
- Shivji I.* The Life & Times of Babu: The Age of Liberation & Revolution // Review of African Political Economy. 2003. № 95. P. 109–118.
- Telepneva N.* Cold War Liberation: the Soviet Union and the Collapse of the Portuguese Empire in Africa, 1961–1975. Chapel Hill, 2021.

© 2024 г. А.В. ВОЕВОДСКИЙ

«ЧЕЛОВЕК ИЗ МОСКВЫ»: КЕННЕТ КОМА И ОТНОШЕНИЯ СССР С БОТСВАННОЙ В 1960-х — первой половине 1970-х годов

Воеводский Александр Валентинович — доцент школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; доцент кафедры всеобщей истории Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Москва, Россия).

E-mail: valeks77@mail.ru

Scopus Author ID: 57219550612; Researcher ID: K-7999-2015

Аннотация. 1960-е годы были временем кардинальных политических изменений на Африканском континенте: в течение десятилетия на нем появилось больше 20 независимых государств. Однако на юге Африки сохраняли свои позиции колониальные (Ангола, Мозамбик) и расистские режимы (ЮАР, Родезия), что делало этот регион одним из самых «горячих» мест противостояния в рамках холодной войны. Советский Союз был тесно вовлечен в борьбу за освобождение африканских народов. Целью статьи является анализ политики СССР в отношении Ботсваны (бывшего британского протектората Бечуаналенд) и его контактов с ее политическими партиями, прежде всего с оппозиционным Национальным фронтом, лидером которого являлся бывший аспирант Института Африки АН СССР Кеннет Кома. Исследование строится на основе впервые введенных в научный оборот архивных документов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), а также опубликованных документов и источников личного происхождения. В результате исследования сделан вывод, что, несмотря на идеологические расхождения (Ботсвана придерживалась прозападной ориентации), СССР, исходя из прагматических соображений и необходимости использования территории Ботсваны дружественными освободительными движениями юга Африки, проводил прагматический курс сближения с Габороне. Попытки идеологически близкого марксистского Национального фронта и его лидера Кеннета Комы наладить прямые контакты с Москвой закончились безрезультатно. На позицию СССР в том числе оказали влияние южноафриканские освободительные движения, что подчеркивает необходимость учитывать роль разных участников и факторов при анализе советской политики в Африке во время холодной войны.

Ключевые слова: советско-ботсванские отношения, Советский комитет солидарности стран Азии и Африки, африканцы в СССР, Кеннет Кома, Национальный фронт Ботсваны, холодная война в Африке.

A.V. Voevodskiy

“The Man from Moscow”: Kenneth Koma and the USSR’s relations with Botswana in the 1960s — the first half of the 1970s

Alexander Voevodskiy, HSE University; Institute of World History, Russian Academy of Science; The Russian Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

E-mail: valeks77@mail.ru

Scopus Author ID: 57219550612; Researcher ID: K-7999-2015

Abstract. The 1960s were a time of dramatic political changes on the African continent: within a decade, more than two dozen independent states appeared on it. However, in Southern Africa, colonial (Angola, Mozambique) and racist regimes (South Africa, Rhodesia) maintained their positions, which made this region one of the hottest places of the Cold War confrontation. The Soviet Union was closely involved in the struggle for the liberation of African peoples. The purpose of the article is to analyze the USSR's policy towards Botswana and its contacts with Botswana political parties, primarily with the opposition National Front. The research is based on archival documents from the State Archive of the Russian Federation (GA RF) as well as published documents and memoirs. As a result of the study, it was concluded that despite ideological differences (Botswana adhered to a pro-Western orientation), the USSR, based on pragmatic considerations and the need to use the territory of Botswana by friendly liberation movements in Southern Africa, pursued a pragmatic course of rapprochement with Gaborone. Attempts by the Marxist National Front and its leader Kenneth Koma to establish direct contacts with Moscow ended in vain. The position of the South African liberation movements played a role in the USSR's orientation, which emphasizes the need to take into account the role of different participants and factors in the development of Soviet policy in Africa during the Cold War.

Keywords: Soviet-Botswana relations, Soviet Afro-Asian Solidarity Committee, Africans in the USSR, Kenneth Koma, Botswana National Front, Cold War in Africa.

История отношений СССР и Ботсваны до сих пор не получила достаточного освещения в научной литературе. За последние годы вышло несколько фундаментальных работ по истории советской политики на юге Африки. Среди отечественных авторов к этой теме обращались И.И. Филатова и А.Б. Давидсон, В.Г. Шубин, А.А. Токарев и др.¹ Среди зарубежных работ следует выделить книги Н. Телепневой, А.О. Вестада, К. Сондерса, Х.А. Фонсеки и др.² Однако в центре внимания большинства исследований находятся отношения СССР с наиболее крупными освободительными движениями юга Африки — Африканским национальным конгрессом (АНК), Народной организацией Юго-Западной Африки (СВАПО), Народным движением за освобождение Анголы (МПЛА) и др. Автору удалось обнаружить лишь одну обзорную статью, посвященную истории советско-ботсванских отношений³.

Подобное невнимание к истории советско-ботсванских отношений вряд ли можно считать оправданным. Географическое расположение Ботсваны предопределяло ее важную роль в освободительной борьбе на юге Африки. Через ее территорию осуществлялась связь АНК, СВАПО и других освободительных движений с подпольем в ЮАР, в столице Габороне действовали их связные. Долгое время Ботсвана оставалась основным каналом переправки беженцев из Южной Африки⁴. Как указывалось в отчете делегации Советского комитета солидарности, посетившей Ботсвану в январе 1978 г.: «Руководство Ботсваны фактически содействует деятельности на территории страны национально-освободительных

¹ Токарев А.А. Военно-политическое сотрудничество СССР/России с бывшими португальскими колониями в Африке (1960-е — начало 2000-х гг.) // Юг Африки: наследие прошлого и настоящее / отв. ред. Л.Н. Рытов. М., 2006. С. 223–226; Shubin V. The Hot “Cold War”. The USSR in Southern Africa. London, 2008; Шарый В.И. Сотрудничество СССР со странами Африки в 1960–1980-е гг.: историческое исследование (на примере бывших португальских колоний): дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; Filatova I., Davidson A. The Hidden Thread. Russia and South Africa in the Soviet Era. Johannesburg, 2013.

² Westad O.A. The Global Cold War. Third World Interventions and the Making of Our Times. Cambridge, 2005; Southern African Liberation Movements and the Global Cold War “East”. Transnational Activism 1960–1990 / eds L. Dallywater, Ch. Saunders, H.A. Fonseca. Berlin, 2019; Telepneva N. Cold War liberation: the Soviet Union and the collapse of the Portuguese empire in Africa, 1961–1975. Chapel Hill, 2021; Eastern Europe, the Soviet Union, and Africa New Perspectives on the Era of Decolonization, 1950s to 1990s / eds L. Dallywater, Ch. Saunders, H.A. Fonseca. Berlin, 2023.

³ Kwante M.C. Kwante, Manatsha B.T. Origins and Dynamics of the Botswana-Soviet Union Relations, 1960s to 1990 // Botswana Notes and Records. 2016. Vol. 48. P. 85–96.

⁴ Makgala Ch.J. The BNF and BDP’s “Fight” for the Attention of the ANC, 1912–2004: A Historical Perspective // Botswana Notes and Records. 2006. Vol. 38. P. 118.

движений, в частности ЗАПУ, хотя официально лишь разрешает проживание беженцев из ЮАР, Родезии и Намибии»⁵.

Таким образом, Ботсвана играла важную роль в поддержке освободительных движений юга Африки, что в первую очередь вызывало к ней интерес Советского Союза. И хотя руководство Ботсваны сохраняло близость с Западом, прежде всего с Великобританией и США, и настороженно относилось к коммунистическим идеям, это не помешало Москве наладить сотрудничество с Габороне. В 1970 г. были установлены дипломатические отношения с СССР (посол в Замбии одновременно представлял интересы Москвы и в Ботсване), а с 1976 г. в Габороне появилось постоянное дипломатическое представительство СССР.

Исходя из указанных причин, автор считает важным обратиться к опыту советско-ботсванских отношений, что позволяет с новой стороны посмотреть на соотношение идеологических и прагматических соображений во внешней политике Советского Союза на юге Африки в период холодной войны. Москва в отношении Ботсваны, как показывает анализ архивных документов, исходила прежде всего из прагматических интересов — поддержка АНК и других движений, ведущих борьбу против режима апарtheid в ЮАР. Поэтому идеологически более близкий СССР, но вызывавший неприятие у официальных властей Габороне Национальный фронт Ботсваны (НФБ) столкнулся с большими трудностями в налаживании отношений с Москвой. Подобный прагматизм совершенно не отменяет того факта, что в других случаях советские дипломаты и ответственные лица в ЦК КПСС могли руководствоваться преимущественно идеологическими соображениями. Их влияние было особенно заметно, например, когда речь шла о контактах освободительных движений Юга Африки с Китаем⁶.

Хронологические рамки статьи обусловлены тем, что именно в 1960—1975 гг. происходило формирование политического курса СССР в отношении Ботсваны.

В основе данного исследования находятся документы фонда Советского комитета солидарности стран Азии и Африки (СКССАА)⁷. Ботсване в нем посвящены три отдельные папки (дела 713, 714 и 715), в которых содержатся справки, информации, отчеты о визитах официальных делегаций, а также переписка сотрудников СКССАА с ботсванскими политическими деятелями и организациями. Все эти документы еще не были введены в научный оборот. Часть документов находится в делах, содержащих регулярную переписку СКССАА с национальными комитетами солидарности и политическими организациями стран Африки.

В деле 714 хранятся два близких по содержанию рукописных текста на английском языке (частично переведенных на русский язык) за авторством Кеннета Комы, отправленных в адрес СКССАА в июне 1966 г. Озаглавлены они были схожим образом: «Борьба за единство Ботсваны» и «Борьба за единство в Бечуаналенде»⁸. Содержание этих документов во многом определило дальнейшее направление исследования и подтолкнуло автора обратиться к личности Комы и его роли в советско-ботсванских отношениях.

Кома родился в 1924 г., по некоторым сведениям, происходил из рода верховного вождя (кхоси) бангват (крупнейшее вождество доколониальной Ботсваны). Его публичная деятельность началась еще в период британского протектората, когда Кома примкнул к сторонникам Серетсе Кхамы, выступавшим против его изгнания из протектората. Протесты вылились в столкновения с полицией в июне 1953 г. В это время Кома уже был известным

⁵ Отчет о поездке делегации СКССАА в Ботсвану и Замбию (17–25 января 1978 г.) // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 9546. Оп. 1. Д. 715. Л. 121.

⁶ Например, см.: *Voevodskiy A. The Sino-Soviet Split and Soviet Policy towards Southern African Liberation Movements in the early 1960s // Eastern Europe, the Soviet Union, and Africa New Perspectives on the Era of Decolonization, 1950s to 1990s. Berlin, 2023. P. 179–197.*

⁷ ГА РФ. Ф. 9540.

⁸ *Koma K. The Struggle for Unity in Botswana; The Struggle for Unity in Bechuanaland // ГА РФ. Ф. 9546. Оп. 1. Д. 714. Л. 9–47.* Бечуаналенд — название Ботсваны в период британского протектората (1885–1966). В статье используются оба названия, применительно к периоду до 1966 г. — Бечуаналенд, после — Ботсвана.

политическим активистом. Работая учителем, он организовал Молодежный фронт Бечуаналенда (МФБ), путешествовал по стране, выступал с лекциями об «африканской революции» и борьбе за независимость. Вероятно, в это время вступил в южноафриканский АНК. Не позднее 1955 г. Кома покинул Бечуаналенд и последующее десятилетие провел за рубежом⁹.

Первоначально он отправился на учебу в Великобританию, где получил степень бакалавра права. Увлечшись марксизмом, продолжил образование в Карловом университете (Чехословакия) на философском факультете¹⁰. В 1962 г. он получил двухгодичную стажировку в Институте Африки АН СССР, став первым африканцем, защитившим в 1964 г. в его стенах кандидатскую диссертацию на тему «Уроки Конголезского кризиса, 1960—1963 гг.»¹¹. Он стал одним из первых ботсванцев, получившим научную степень, которая приравнивалась к PhD.

В Карловом университете Кома, помимо учебы, выполнял функции представителя южноафриканских политических организаций. Его связи не ограничивались лишь Ботсваной, чему, вероятно, способствовало его членство в АНК. В записи беседы, состоявшейся 3 августа 1961 г. в советском посольстве в Чехословакии, Кома указан как представитель лидера Партии конгресса Басутоленда Нцу Мокхехле¹². Очевидно, что Кома принимал активное участие в жизни антиколониальных движений юга Африки, которые были тесно связаны друг с другом. Центральным звеном этих отношений являлись, конечно, организации Южной Африки.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и обратиться к политической ситуации в Бечуаналенде, без чего невозможно понять как развитие политической карьеры Комы, так и те сложности, с которыми сталкивался СССР в выстраивании отношений с независимой Ботсваной.

В начале 1960-х годов в протекторате появились две политические партии. Первой стала Народная партия Бечуаналенда (НПБ) (1960), ее лидерами являлись Моцамаи Мпхо, Филип Матанте и Кхалеманг Мотсете. Через два года при участии властей протектората возникла Демократическая партия Ботсваны (ДПБ), лидером которой стал Серетсе Кхама. Членами ДПБ были землевладельцы европейского происхождения, представители бизнеса и африканцы из числа учителей и служащих колониальной администрации¹³.

НПБ претендовала на статус единственной антиколониальной силы в Бечуаналенде. Ее лидеры имели тесные связи с АНК, Мпхо входил в число 156 обвиняемых на процессе по государственной измене (завершился оправданием всех обвиняемых в 1961 г.). Все подсудимые являлись участниками южноафриканского Конгресса народов 1955 г., на котором была принята Хартия свободы — главный программный документ АНК и его союзников¹⁴. Однако в 1962 г. в НПБ произошел раскол, который оказал влияние на развитие ситуации в Бечуаналенде.

В июне 1962 г. между Мпхо, с одной стороны, и Матанте, выступавшем в союзе с Мотсете, — с другой, разразился конфликт из-за распределения финансовой помощи в 9 тыс.

⁹ Ramsay J., Morton B., Morton F. Historical Dictionary of Botswana. Lanham, 1996. P. 119, 216—217; Kwante M.C. Kwante, Manatsha B.T. Op. cit. P. 88; Makgala Ch.J. Op. cit. P. 120.

¹⁰ Morima N.A. Remembering the unwanted: Dr. Kenneth Koma // Weekendpost. 2016. 5th April. URL: <https://www.weekendpost.co.bw/25337/columns/remembering-the-unwanted-dr-kenneth-koma/> (дата обращения: 09.08.2023); В.Ф. Попов — МИД СССР. Запись беседы с г-ном Кеннета Комы, студентом философского факультета Карлова университета, представителем лидера партии конгресса Базутоленда Нтсу Мокхехле, 3 августа 1961 г. // ГА РФ. Ф. 9540. Оп. 2. Д. 45. Л. 63.

¹¹ Кома К. Уроки конголезского кризиса, 1960—1963 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1964; Ю.М. Ильин — В.Г. Солодовников. Письмо директору Института Африки АН СССР о беседе с К. Комой, 20 июля 1964 г. // ГА РФ. Ф. 9540. Оп. 1. Д. 174. Л. 13.

¹² В.Ф. Попов — МИД СССР. Запись беседы с г-ном Кеннетом Комой // ГА РФ. Ф. 9540. Оп. 2. Д. 45. Л. 63.

¹³ Makgala Ch.J. Op. cit. P. 38.

¹⁴ Ibid. P. 118; Ботсвана (справка), 16 сентября 1969 г. // ГА РФ. Ф. 9540. Оп. 1. Д. 715. Л. 2.

долл. Мпхо обвинил Матанте в присвоении денег и попытался сместить его с поста президента партии. Матанте и Мотсете в ответ собрали своих сторонников и объявили о снятии Мпхо с поста генерального секретаря и его исключении из партии. Все это сопровождалось взаимными нападениями, вплоть до физических столкновений сторонников враждующих фракций¹⁵.

Причины этого внутрипартийного конфликта лежали не только в плоскости личного соперничества, но и являлись отражением более масштабных процессов, происходивших в южноафриканском освободительном движении.

В рядах АНК в 1958 г. также произошел раскол, из его состава вышла группа активистов во главе с популярным лидером Робертом Собукве. Он и его единомышленники были недовольны сотрудничеством АНК с коммунистами и представителями нечернокожего населения ЮАР. Протест с их стороны вызывали и положения Хартии свободы. В частности, в ней содержались и такие слова: «Южная Африка принадлежит всем, кто в ней проживает, черным и белым»¹⁶.

Собукве и его единомышленники основали новую организацию — Панафриканистский конгресс (ПАК), который стал быстро набирать популярность среди африканского населения. В политической сфере целью африканистов, как стали называть сторонников ПАК, Собукве провозглашал «создание африканского правительства африканцами и для африканцев». Коммунизм африканисты также рассматривали в качестве чуждой идеологии, которую, с их точки зрения, пытались навязать африканцам белые. Собукве был противником подхода, которого придерживался АНК после 1955 г. По его мнению, права человека должны были гарантироваться на уровне индивида, а не «расовых» групп¹⁷. Однако на практике среди масс африканского населения получили распространение более примитивные трактовки его идей, которые можно выразить в упрощенном виде как «Африка для африканцев!»

Процессы, происходившие в Южной Африке, оказали непосредственное влияние на расстановку сил в антиколониальном движении Бечуаналенда. Матанте и Мотсете в этом конфликте приняли сторону ПАК и начали борьбу против распространения «коммунистического влияния» в Бечуаналенде, в то время как Мпхо сохранил тесные связи с АНК¹⁸. Таким образом, личное соперничество между ними наложилось на идеологические расхождения, и противостояние обрело более ожесточенные формы. Описывая ситуацию в Бечуаналенде в послании Постоянному секретариату Организации солидарности народов Азии и Африки от 9 июля 1963 г., Мпхо приводил следующие свидетельства «раскольнической» деятельности фракции Матанте — Мотсете. Они начали в Бечуаналенде кампанию по депортации членов АНК обратно в Южную Африку. Сторонники Матанте совершали нападения на членов фракции Мпхо, публично называя их коммунистами. Во время конференции АНК в Лобаце (октябрь 1962 г.) Матанте и Мотсете организовали демонстрацию около здания, где она проходила. Участники акции несли плакаты с именами Моцеса Котане, Уолтера Сисулу, Думы Нокве и других членов АНК из числа членов коммунистической партии. Матанте также направил письмо британскому верховному комиссару Джону Моду с требованием остановить проведение конференции АНК¹⁹. В 1963 г. Мпхо окончательно

¹⁵ Из дневника Л.М. Максудова. Запись беседы с генеральным секретарем Народной партии Бечуаналенда М. Мпхо о разногласиях в руководстве партии. 14 июня 1963 г. // Россия и Африка. Документы и материалы. 1961 — начало 1970-х. М., 2021. С. 823—825; Запись беседы с вице-президентом Народной партии Бечуаналенда Матанте Филипп, 27 и 29 июня 1963 г. // ГА РФ. Ф. 9540. Оп. 2. Д. 64. Л. 140.

¹⁶ *Филатова И.И.* Н.Р. Мандела // История Африки в биографиях. М., 2012. С. 194—195.

¹⁷ *Sobukwe J.M.R.* The Opening Address delivered by Mangaliso R. Sobukwe at The Africanist Inaugural Convention // *The Africanist*. 1959. Vol. 5. № 1. P. 3—9.

¹⁸ Л.М. Максудов — О.С. Хархардину, 2 сентября 1962 г. // ГА РФ. Ф. 9540. Оп. 2. Д. 57. Л. 85; Ботсвана (справка), 16 сентября 1969 г. // ГА РФ. Ф. 9540. Оп. 1. Д. 715. Л. 1—2.

¹⁹ Mpho M.K. Situation in Bechuanaland: Supplementary Statement, 9th July, 1963 // ГА РФ. Ф. 9540. Оп. 1. Д. 713. Л. 41—43.

порвал с НПБ, контроль над которой установил Матанте, и основал Партию независимости Бечуаналенда (ПНБ). Во время беседы в СКССАА 4 марта 1964 г. он подчеркивал: «Особенно тесная связь существует между НПБ²⁰ и Африканским национальным конгрессом Южной Африки, т[ак] к[ак] через Бечуаналенд с помощью НПБ осуществляется переброска в ЮАР эмиссаров АНК и отправка патриотов из ЮАР, которым необходимо скрыться от преследования полиции»²¹.

Кома, находясь в Москве, внимательно следил за событиями, происходившими у него на родине. Сведения о них он получал из писем и от других студентов с юга Африки, прибывавших на обучение в СССР. Он также встречался с делегатами из Бечуаналенда и других стран юга Африки, приезжавшими в Советский Союз. Описание такой встречи оставил профсоюзный активист из Бечуаналенда Нтваселе Тхатайоне «Фиш» Кейтсенг²², прибывший в конце октября в Москву в качестве гостя на XIII конгресс профсоюзов СССР (28 октября — 2 ноября 1963 г.).

Кома узнал о прибытии Кейтсенга от членов Народной партии, проследовавших через Москву транзитом в Пекин. Когда Кейтсенг прибыл в гостиницу, его уже ожидала там записка, в которой Кома просил связаться с ним. Во время бесед у него в комнате главной темой разговоров была ситуация в Бечуаналенде. Уже тогда Кома высказал идею создания Единого фронта, который должны были составить враждующие между собой фракции НПБ и африканские профессиональные организации. По замыслу Комы, Фронт должен был противостоять Демпартии, которую он считал пробританской, а значит, не представлявшей интересы народа Бечуаналенда. Кома попросил Кейтсенга передать три письма, адресованных Мпхо, Матанте и Мотсете. В них он предлагал свою помощь по разрешению противоречий и образованию Единого фронта²³. Если эти послания и дошли до адресатов, это никак не сказалось на ситуации в НПБ.

В июле 1964 г. у Комы состоялась беседа с научным сотрудником Института Африки Ю.М. Ильиным²⁴, в ходе которой он подтвердил свое намерение возглавить работу по созданию «национального народно-демократического Фронта». В него должны были войти НПБ, компартия²⁵, профсоюзы, молодежные организации и др.²⁶. Кома не предполагал занимать в будущей организации руководящий пост, он отводил себе роль главы международного отдела.

По данным Ю.М. Ильина, Кома намеревался покинуть СССР в октябре 1964 г. Однако прибыл он в Бечуаналенд лишь в феврале 1965 г.²⁷ В течение этих месяцев Кома совершил путешествие по странам Восточной Европы, пытаясь договориться об оказании финансовой помощи и приеме на обучение студентов из Бечуаналенда²⁸. В Праге он встретился

²⁰ Так в документе, следует читать — ПНБ.

²¹ СКССАА — ЦК КПСС. Запись беседы с президентом Независимой партии Бечуаналенда М. Мпо, 4 марта 1964 г. // Россия и Африка. С. 838.

²² Кейтсенг, Нтваселе Тхатайоне «Фиш» (1919–2005) — ботсванский профсоюзный деятель и политик. С 1949 г. член Союза африканских горнорабочих, вступил в АНК, где его непосредственным руководителем был Дж.Б. Маркс — видный деятель АНК и ЮАКП. Был одним из обвиняемых по делу о государственной измене 1956 г., в 1959 г. депортирован в Бечуаналенд. Подробнее см.: *Keitseng "Fish" N.T. Comrade Fish: Memories of a Motswana in the ANC Underground* / eds B. Morton, J. Ramsay. Revised Internet Edition, January 2018 // URL: https://www.academia.edu/35672165/Comrade_Fish_Memories_of_a_Motswana_in_the_ANC_Underground_Revised_internet_edition_2018 (дата обращения: 10.08.2023).

²³ *Keitseng "Fish" N.T.* Op. cit. P. 99.

²⁴ Ю.М. Ильин долгое время занимал должность ученого секретаря Института Африки, однако в документе он указан как простой научный сотрудник.

²⁵ По всей видимости, Кома имел в виду членов ЮАКП, которые на тот момент находились в Бечуаналенде, так как самостоятельной компартии в протекторате не было.

²⁶ Ю.М. Ильин — В.Г. Солодовников. Отчет о беседе с К. Комой, 17 июля 1964 г. // ГА РФ. Ф. Р9540. Оп. 1. Д. 174. Л. 13–14.

²⁷ *Keitseng "Fish" N.T.* Op. cit. P. 114.

²⁸ Краткая характеристика на К. Кому, 1966 // ГА РФ. Ф. 9546. Оп. 1. Д. 714. Л. 48.

с учившимися там Гарри Глале и Хендерсоном Тлхойве. Вместе они написали первый вариант устава Национального фронта Ботсваны²⁹.

Вернемся к двум текстам Комы, посвященным положению в Бечуаналенде / Ботсване, о которых шла речь в начале статьи. Тексты двух записок, отправленных Комой в СКССАА в июне 1966 г., представляли собой отчет о проделанной работе и описание политической ситуации накануне обретения Ботсваной независимости. Кроме того, в них излагался план политической работы и развития НФБ. Их содержание показывает, что на его мировоззрение и практические шаги, которые он предпринимал, вернувшись в Бечуаналенд, большое влияние оказала советская теория национально-освободительной революции.

В начале 1960-х годов в СССР в рамках этой теории разрабатывалась концепция «некапиталистического пути развития», который рассматривался как переходный этап на пути к социализму. Совещание коммунистических и рабочих партий 1960 г. определило, «что классовой основой некапиталистического развития являлся “единый национальный демократический фронт всех патриотических сил нации”, основой которого являлся союз рабочего класса и крестьянства»³⁰. Институт Африки, где в течение двух лет стажировался Кома, был одним из советских научных центров, где пытались приспособить эту теорию к африканской действительности.

Рассмотрим формулировки и положения посланий Комы в СКССАА, которые, по его представлениям, соответствовали советскому видению того, как должна действовать по-настоящему прогрессивная и революционная партия.

Описание ситуации в Ботсване Кома начал с характеристики причин подавляющей победы Демократической партии во главе с Серетсой Кхамой на всеобщих выборах 1 марта 1965 г. (ДПБ получила 28 мест в парламенте из 31). Всего он выделяет пять факторов, способствовавших этому результату: авторитет Кхамы как лидера самого большого вождества Бангватто, насчитывавшего 210 тыс. человек; поддержка европейцев; раскол НПБ; низкий социальный статус Мпхо, Матанте и Мотсете, обусловленный их происхождением³¹; ДПБ имела лучшую организацию и больше финансовых и материальных возможностей для ведения агитации. Главы других крупных вождеств также поддерживали Кхаму, так что у оппозиции просто не было шансов на победу³².

Первым шагом на пути устранения монополии на власть ДПБ должно было стать объединение всех разрозненных оппозиционных сил. Сразу же после выборов в марте 1965 г. Кома и его единомышленники создали инициативный комитет Единого фронта. Для проведения дискуссий среди оппозиционных групп были устроены встречи представителей Матанте, Мпхо, Мотсете, профсоюзов и молодежных организаций³³. Всего состоялось восемь совещаний, закончившихся безрезультатно. В конце концов было принято решение организовать Фронт без Мпхо и Матанте, а в октябре 1965 г. официально объявлено об основании НФП³⁴. Президентом Фронта избрали Даниэля Квеле, директора школы в Франсистауне, а Кома, как он и обещал в разговоре с Ю.М. Ильиным, занял пост секретаря по международным вопросам³⁵.

Кома намеревался строить партию, которая, придя к власти, осуществила бы программу радикальных преобразований. Естественными союзниками он считал социалистические

²⁹ Makgala Ch.J. Op. cit. P. 120.

³⁰ Filatova I.I. The Lasting Legacy: The Soviet Theory of the National-Democratic Revolution and South Africa // South African Historical Journal. 2012. Vol. 64. № 3. P. 517–518.

³¹ Кома указывал, что Мпхо принадлежал к этносу байей, находившемуся в доколониальный период в подчиненном положении по отношению к остальным тсвана (Кома приравнивал их статус к положению рабов), а дед Матанте был слугой вождя Кхамы, потомком которого был Серетсе. См.: Кома К. Борьба за единство Ботсваны. 1966 г. // ГА РФ. Ф. Р9540. Оп. 1. Д. 714. Л. 2, 4.

³² Там же. Л. 1–4.

³³ Кома К. Борьба за единство в Бечуаналенде, 1966 // Там же. Л. 49; Keitseng “Fish” N.T. Op. cit. P. 114.

³⁴ Кома К. Борьба за единство в Бечуаналенде, 1966 // ГА РФ. Ф. Р9540. Оп. 1. Д. 714. Л. 49–54.

³⁵ Там же. Л. 65.

страны, поэтому в послании в СКССАА достаточно развернуто изложил стратегию НФП по приходу к власти. Во-первых, он предполагал развивать молодежные, женские и профсоюзные организации, которые должны были примыкать к «соответствующим всеафриканским организациям и сотрудничать с ними и с соответствующими организациями социалистических стран». Во-вторых, Кома предлагал направить на обучение в социалистические страны как можно больше молодых людей. В-третьих, Кома не рассчитывал, что ДПБ и «империалисты» добровольно уступят власть, а потому призывал готовиться к насильственному свержению Кхамы, которого рассматривал как ставленника британских колонизаторов³⁶.

Кома предполагал, что к 1970 г. в Ботсване должна будет действовать самостоятельная коммунистическая партия, надеясь на помощь Советского Союза в ее организации. Помимо будущих партийных кадров, Москва также должна была обеспечить военную подготовку специально отобранных для этой цели кандидатов. В качестве немедленной помощи Кома просил предоставить типографское оборудование, три или четыре внедорожника, финансовую помощь в размере от 700 до 1 тыс. ф. ст., литературу по марксистско-ленинской философии и подписку на советские журналы, издававшиеся на английском языке («Новое время», «Международные отношения» и «Московские новости»)³⁷.

Это был достаточно стандартный набор просьб, с которыми обращались африканские освободительные движения к Советскому Союзу. Намерение отправить в СССР людей для прохождения военной подготовки также нельзя считать экстраординарным, так как в 1960-е годы Москва уже готовила кадры «Умконто ве Сизве» — военной организации АНК. Было и еще одно соображение, которое могло подтолкнуть его к презентации столь решительного плана действий. Демонстрируя готовность пойти на самые крайние меры в «борьбе за освобождение», Кома, видимо, рассчитывал на благосклонное отношение советского руководства. Характеристика ДПБ и Кхамы как проводников «империалистического и неоколониального» влияния, по его мнению, также должна была быть с пониманием воспринята в Москве.

Возвращение Комы из Москвы и создание НФБ вызвали большое беспокойство со стороны властей. В августе 1967 г. Особое отделение полиции Ботсваны составило отчет, который начинался с утверждения, что Кома «основательно проникся идеями коммунизма» и намеревался «получить в конечном итоге полный и диктаторский контроль над оппозицией». В отчете также отмечалось, что «НФБ организовал крестовый поход, чтобы распространить среди государственных служащих, молодежи и рабочих коммунистические идеи». Особое отделение и ДПБ пытались дискредитировать НФБ как коммунистическую организацию³⁸.

В Государственном архиве РФ сохранилось несколько документов, которые позволяют представить общую направленность агитации, проводившейся правительством против НФБ. В листовке «Человек из Москвы» утверждалось, что Кома изучал в Москве, Пекине и Праге «военное дело, способы ведения партизанской войны, политические науки, революционную тактику, и сегодня он эксперт не в юриспруденции, а в коммунистическом проникновении и идеологической обработке». «Какой независимости может добиться для нас “москвитин” Кома? Это будет не независимость, а нескончаемое рабство либо под властью Москвы, либо Пекина»³⁹. Представитель Службы безопасности отмечал в своем комментарии южноафриканской газете *Rand Daily Mail* в конце ноября 1967 г.: «Опасность заключается в том, что некоторые из них (ботсванцев. — *А.В.*) ослеплены типичной красной идеей Единого фронта как начального этапа партийного строительства... его влияние растет за счет антиевропейской программы (*anti-white ticket*), которую легко продать в бедной

³⁶ Там же. Л. 8, 28.

³⁷ Там же. Л. 29–31, 58–59.

³⁸ *Kwante M. C. Kwante, Manatsha B. T.* Op. cit. P. 90.

³⁹ *The Man from Moscow*, 1966 // ГА РФ. Ф. Р9540. Оп. 1. Д. 714. Л. 100.

черной стране, где люди не могут найти работу»⁴⁰. Таким образом, НФБ представлялся властям в качестве проводника интересов коммунистических стран и реальной угрозы политической стабильности. Но подобные оценки были явным преувеличением и скорее характеризовали плохую информированность и нервозность властей.

Москва не проявляла склонности поддерживать амбициозные планы Комы. 30 сентября 1966 г. была провозглашена независимость Ботсваны, а Кхама стал ее первым президентом. 31 октября Ботсвану приняли в Организацию африканского единства⁴¹. Поддержка «подрывной» деятельности против законного правительства после его официального признания грозила серьезными репутационными потерями в глазах африканских стран.

СКССАА ответил на обращения Комы лишь в декабре 1966 г. Хотя письмо было выдержано в мягком и учтивом тоне, его содержание обескураживало. Комитет солидарности указывал, что не имел возможности выполнить все просьбы, с которыми обращался Кома. Ему пообещали отправить печатную машинку через советское посольство в Замбии, 100 кг книг и организовать подписку на советские периодические издания. Также СКССАА был готов предоставить НФБ две стипендии для обучения его представителей в советских вузах⁴².

В последующие годы К. Кома и связанные с НФБ организации неоднократно обращались в Москву и советское посольство в Лусаке с просьбами оказать помощь и принять на обучение ботсванских студентов в советские учебные заведения⁴³. Однако нам удалось найти в фонде СКССАА лишь единичные письма после 1966 г., направленные в адрес организаций, связанных с НФБ⁴⁴.

30 сентября 1976 г. Кома в ходе визита советского посла В.Г. Солодовникова смог передать ему письмо, в котором выражал сожаление, что НФБ так и не удалось наладить взаимное сотрудничество с СКССАА, несмотря на то что он неоднократно в прошлом отправлял письма в его адрес. Это он объяснял трудностями коммуникации, хотя, скорее всего, Кома вряд ли был настолько наивен, чтобы списывать отсутствие ответов целиком на расстояния и происки врагов. Как указывал Кома, с 1966 г. НФБ практически не получал никакой помощи извне, за исключением предоставления стипендий, но и их он практически перестал получать после обретения независимости и установления дипломатических отношений между Габороне и Москвой. С этого момента все стипендии предоставлялись Советским Союзом в распоряжение властей Ботсваны. Кома снова предлагал наладить неофициальные каналы помощи со стороны СССР, хотя бы посредством продажи политической литературы и распространения советских фильмов через структуры НФБ и предоставления стипендий через Всемирную федерацию молодежи⁴⁵. Ответ на это письмо в архивах обнаружить не удалось.

В чем причина отсутствия тесного взаимодействия Москвы с Комой — марксистом, приверженцем социализма и противником Запада?

Следует отметить его слишком большую самостоятельность и независимость. В документах нет и намек на то, что Кома предварительно согласовывал свои планы с Москвой. Наоборот, его действия полностью расходились с ее политикой в отношении Ботсваны. Намерения Комы по созданию радикальной оппозиционной партии, его репутация «коммуниста» могли лишь помешать развитию отношений между Москвой и Габороне. С точки

⁴⁰ Rand Daily Mail. 27.XI.1967 (цит. по: ГА РФ. Ф. Р9540. Оп. 1. Д. 714. Л. 82).

⁴¹ Известия. 2.XI.1966.

⁴² D. Dolidze, Secretary General of the SAASC — Kenneth Koma, December, 1966 // ГА РФ. Ф. Р9540. Оп. 1. Д. 714. Л. 76–77.

⁴³ К. Кома — SAASC, 6th April 1967 // Там же. Л. 81; Pretty Molefhe, Botswana Youth Federation — SAASC, 9th December 1966 // Там же. Д. 235. Л. 10; С.А. Слипченко — Г.И. Фомину. Докладная записка о встрече с Кеннетом Комой, 15 и 16 сентября 1966 г. // Россия и Африка. С. 842–843.

⁴⁴ В марте 1972 г. СКССАА уведомил Молодежную федерацию Ботсваны, что отправил ей собрание сочинений В.И. Ленина в 45 томах и просил ее присылать информацию о событиях в стране. См.: ГА РФ. Ф. Р9540. Оп. 1. Д. 329. Л. 21.

⁴⁵ К. Кома, M. Giddie — SAASC, 30 September 1976 // ГА РФ. Ф. Р9540. Оп. 1. Д. 715. Л. 89–91.

зрения МИД СССР приоритетом являлось установление дипломатических отношений с правительством Кхамы. По настоянию Москвы СКССАА пришлось согласиться с тем, что в состав делегации Ботсваны, посетившей Советский Союз в 1969 г., вошли исключительно члены правительства, хотя первоначально в Комитете солидарности были планы по приглашению представителей оппозиционных НФБ и Партии независимости Ботсваны⁴⁶. Тем самым линия СКССАА на многовекторную политику развития отношений с оппозиционными партиями не получила поддержку. В советском «табеле о рангах» позиция МИДа была весомее мнения сотрудников Комитета солидарности.

Заинтересованность СССР в развитии отношений с Габороне также объяснялась важным значением страны для АНК — главного союзника Москвы в регионе. Ботсвана была основным каналом переправки политических беженцев из ЮАР и сопредельных стран. В 1969 г., по данным государственного министра Е.С.К. Масиси, в Ботсване находилось до 4 тыс. беженцев из Южной Африки, Родезии, Анголы и Мозамбика⁴⁷. И хотя Кхама прилагал все усилия, чтобы избежать конфронтации с ЮАР, тем не менее он открыто осуждал политику апарtheid, режим Яна Смита в Родезии и колониальную политику Португалии⁴⁸. Однако, несмотря на совпадение позиций по этим ключевым вопросам, отношения АНК с официальными властями Ботсваны развивались непросто. Кхама, осуждая политику Претории, избегал открытой конфронтации с ней, опасаясь катастрофических последствий для своей страны. Экономическая блокада или открытая вооруженная интервенция со стороны ЮАР являлись вполне реальными рисками, которых он всеми силами пытался избежать. Поэтому с 1966 по 1969 г. на территории Ботсваны были арестованы около 30 бойцов «Умконто ве сизве» (боевое крыло АНК), пытавшихся проникнуть на территорию ЮАР. Среди них оказался и Крис Хани, лидер ЮАКП и руководитель штаба Умконто. Однако Ботсвана не пошла на их выдачу Претории и лишь ограничилась приговорами к небольшим тюремным срокам⁴⁹.

В АНК понимали все трудности положения Кхамы. Не исключено, что советское руководство предварительно консультировалось с ЮАКП и АНК по вопросу развития отношений с Ботсваной. Об этом свидетельствуют документы, совсем недавно обнаруженные автором⁵⁰. Сохранилось немало данных о консультациях советского руководства с южноафриканскими представителями ЮАКП и АНК по другим проблемам, что может говорить о существовании подобной практики на регулярной основе⁵¹.

О согласованности действий Москвы с АНК также может свидетельствовать то, что сразу же после установления дипломатических отношений между СССР и Ботсваной АНК начал переговоры с правительством Кхамы, добиваясь согласия на открытие своего представительства в Габороне⁵². Однако правительство Ботсваны оказывало освободительным движениям только политическую и гуманитарную поддержку. Военные операции Умконто

⁴⁶ Отчет о пребывании в СССР делегации государства Ботсвана во главе с государственным министром Е.С.К. Масиси с 9 декабря по 22 декабря 1969 г. // Там же. Л. 44.

⁴⁷ Там же. Л. 47.

⁴⁸ Известия. 26.IX.1969.

⁴⁹ *Makgala Ch.J.* Op. cit. P. 120.

⁵⁰ Запись беседы с руководителем работником АНК т. Мозесом Котане, 22 июля 1966 г. // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 58. Д. 305. Л. 129. М. Котане сообщил в конфиденциальном разговоре советскому послу в Танзании А.М. Тимошенко, что Кхама обещал АНК «закрывать глаза» на его нелегальную деятельность в Ботсване. Также о контактах с Кхамой сообщал и член ЦК ЮАКП Дж. Мэтьюз (см.: Запись с лондонским представителем друзей из Лесото тов. Дж. Мэтьюзом, 12 апреля 1967 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 393. Л. 49–51).

⁵¹ Например, см.: Р.А. Ульяновский — ЦК КПСС. О нецелесообразности приглашения руководителей ФРЕЛИМО на XXIII съезд КПСС. 29 марта 1966 г. // Россия и Африка. С. 877; Проект постановления ЦК КПСС по вопросу продолжения работы консульства ЧССР в ЮАР, август 1961 г. // Архив внешней политики РФ. Ф. 0145. Оп. 20. П. 8. Д. 1. Л. 47.

⁵² *Sellström T.* Sweden and National Liberation in Southern Africa: Solidarity and assistance, 1970–1994. Vol. II. Solidarity and Assistance 1970–1994. Uppsala, 2002. P. 675.

оно оценивало как плохо подготовленные, официально подобные действия не одобряло и старалось не провоцировать лишней раз ЮАР⁵³.

При такой позиции Кхамы НФБ оставался главным союзником Умконто в Ботсване. Его активисты помогали осуществлять переброску бойцов Умконто в ЮАР, организовывали тайники с оружием и создавали каналы по его переправке в Южную Африку. По сути, активисты НФБ помогали АНК и ЮАКП в осуществлении нелегальной деятельности на территории Ботсваны⁵⁴. Члены НФБ также могли делиться информацией с советскими дипломатами и представителями спецслужб, работавшими под дипломатическим прикрытием. Вряд ли можно считать случайностью, что власти Ботсваны периодически высылали советских представителей после учреждения постоянной дипломатической миссии в 1976 г. с формулировкой «за вмешательство во внутренние дела»⁵⁵. Однако прямых свидетельств подобного «вмешательства» в российских архивах на данный момент не обнаружено. Вероятно, в Габороне слишком ревниво воспринимали контакты посольства СССР с оппозицией и представителями АНК и ЮАКП, находившимися на территории Ботсваны.

Следует сказать еще несколько слов о политических взглядах Комы, что также могло влиять на его отношения с советскими представителями. Его мировоззрение не предполагало копирования советской модели. В своем послании «Борьба за единство в Бечуаналенде» 1966 г. он писал: «Цель Фронта: не занимая просоветской или прокитайской позиции, бороться против империализма, отстаивая интересы своего народа. Фронт постановил не принимать участия в нападениях на Китай или Москву»⁵⁶. Учитывая, что в это время противостояние между Москвой и Пекином шло к своей кульминации, подобное заявление вполне могли воспринять, выражаясь терминологией того времени, как проявление «оппортунизма».

В журнале «Пуо-Пхаа» («Откровенный разговор»), который являлся официальным печатным органом НФБ, также высказывались идеи, которые могли вызвать раздражение Москвы. В редакционной заметке журнала за июнь 1967 г. содержался призыв к деколонизации культуры и образования, к «открытию заново нашей идентичности как народа, внесшего особый вклад в то, что д-р Сенгор, президент Сенегала, называет всемирной цивилизацией (Universal Civilisation)»⁵⁷. Помимо призыва к достижению подлинной политической, экономической и культурной независимости, НФБ подчеркивал необходимость опоры на собственные силы (идея, свойственная маоизму!). Во внутренней политике НФБ придерживался также принципа «локализации», под которой понималась африканизация государственного аппарата и экономики. В качестве примера такой политики приводились Танзания, Демократическая Республика Конго и Кения. При этом именно последняя, несмотря на свою прозападную линию, рассматривалась в «Пуо-Пхаа» в этом отношении образцовой⁵⁸.

Таким образом, в идеологическом отношении взгляды Комы расходились с советскими представлениями по целому ряду важных для Москвы пунктов. Его воззрения составляли смесь африканского национализма и марксизма (причем не чисто советского). Подобная самостоятельность и идейная «самобытность» могли скорее настораживать, чем привлекать советскую сторону. Официальные власти Ботсваны занимали более предсказуемую и понятную позицию с точки зрения долговременных интересов СССР и его союзников

⁵³ Шубин В.Г. Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. М., 1999. С. 229.

⁵⁴ Подробнее см.: *Keitseng "Fish" N.T.* Op. cit. P. 102–110; *Makgala Ch.J.* Op. cit. P. 121.

⁵⁵ *Kwante M.C. Kwante, Manatsha B.T.* Op. cit. P. 93.

⁵⁶ Кома К. Борьба за единство в Бечуаналенде // ГА РФ. Ф. Р9540. Оп. 1. Д. 714. Л. 58.

⁵⁷ *Puo-Phaa*. June 1967 // Там же. Л. 103. Сенгор был одним из авторов и главных последователей философии негритуада, сторонников которой в советской прессе обвиняли в том, что они «льют воду на мельницу врагов африканских народов» (Известия. 11.III.1967).

⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р9540. Оп. 1. Д. 714. Л. 104–107 об. Принцип «локализации» также был близок по своему содержанию программе ПАК, главного конкурента АНК в южноафриканском освободительном движении.

в регионе. Прагматические соображения, хотя и не лишённые определенной доли влияния идеологического фактора, свойственного всему периоду холодной войны, взяли в данном случае верх.

Библиография

- Кома К.* Уроки конголезского кризиса, 1960–1963 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1964.
- Россия и Африка. Документы и материалы. 1961 — начало 1970-х / отв. ред. С.В. Мазов, А.Б. Давидсон. М., 2021.
- Токарев А.А.* Военно-политическое сотрудничество СССР/России с бывшими португальскими колониями в Африке (1960-е — начало 2000-х гг.) // Юг Африки: наследие прошлого и настоящее / отв. ред. Л.Н. Рытов. М., 2006. С. 223–226.
- Филатова И.И.* Н.Р. Мандела // История Африки в биографиях. М., 2012. С. 192–207.
- Шарый В.И.* Сотрудничество СССР со странами Африки в 1960–1980-е гг.: историческое исследование (на примере бывших португальских колоний): дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.
- Шубин В.Г.* Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. М., 1999.
- Eastern Europe, the Soviet Union, and Africa New Perspectives on the Era of Decolonization, 1950s to 1990s / eds L. Dallywater, Ch. Saunders, H.A. Fonseca. Oldenbourg, 2023.
- Filatova I., Davidson A.* The Hidden Thread. Russia and South Africa in the Soviet Era, Johannesburg, 2013.
- Filatova I.I.* The Lasting Legacy: The Soviet Theory of the National-Democratic Revolution and South Africa // South African Historical Journal. 2012. Vol. 64. № 3. P. 507–537.
- Keitseng “Fish” N.T.* Comrade Fish: Memories of a Motswana in the ANC Underground / eds B. Morton, J. Ramsay. Revised Internet Edition, January 2018 // URL: https://www.academia.edu/35672165/Comrade_Fish_Memories_of_a_Motswana_in_the_ANC_Underground_Revised_internet_edition_2018 (дата обращения: 10.08.2023).
- Kwante M.C., Manatshe B.T.* Origins and Dynamics of the Botswana-Soviet Union Relations, 1960s to 1990 // Botswana Notes and Records. 2016. Vol. 48. P. 85–96.
- Makgala Ch.J.* The BNF and BDP’s “Fight” for the Attention of the ANC, 1912–2004: A Historical Perspective // Botswana Notes and Records. 2006. Vol. 38. P. 115–133.
- Morima N.A.* Remembering the unwanted: Dr. Kenneth Koma // Weekendpost. 2016. 5th April. URL: <https://www.weekendpost.co.bw/25337/columns/remembering-the-unwanted-dr-kenneth-koma/> (дата обращения: 09.08.2023).
- Ramsay J., Morton B., Morton F.* Historical Dictionary of Botswana. Lanham, 1996.
- Sellström T.* Sweden and National Liberation in Southern Africa: Solidarity and assistance, 1970–1994. Vol. II. Solidarity and Assistance 1970–1994. Uppsala, 2002.
- Shubin V.* The Hot “Cold War”. The USSR in Southern Africa. London, 2008.
- Sobukwe J.M.R.* The Opening Address delivered by Mangaliso R. Sobukwe at The Africanist Inaugural Convention // The Africanist. 1959. Vol. 5. № 1. P. 3–9.
- Southern African Liberation Movements and the Global Cold War “East”. Transnational Activism 1960–1990 / eds L. Dallywater, Ch. Saunders, H.A. Fonseca. Oldenbourg, 2019.
- Telepneva N.* Cold War liberation: the Soviet Union and the collapse of the Portuguese empire in Africa, 1961–1975. Chapel Hill, 2021.
- Voevodskiy A.* The Sino-Soviet Split and Soviet Policy towards Southern African Liberation Movements in the early 1960s // Eastern Europe, the Soviet Union, and Africa New Perspectives on the Era of Decolonization, 1950s to 1990s. Berlin, 2023. P. 179–197.
- Westad O.A.* The Global Cold War. Third World Interventions and the Making of Our Times. Cambridge, 2005.

References

- Filatova I.I.* N.R. Mandela // Istorija Afriki v biografijah [History of Africa in biographies]. Moskva, 2012. S. 192–207. (In Russ.)
- Koma K.* Uroki kongolezskogo krizisa, 1960–1963 gg. [Lessons from the Congo crisis, 1960–1963]: dis. ... kand. ist. nauk. Moskva, 1964. (In Russ.)
- Rossia i Afrika. Dokumenty i materialy. 1961 — nachalo 1970-kh [Russia and Africa. Documents and materials. 1961 — early 1970s] / otv. red. S.V. Mazov, A.B. Davidson. Moskva, 2021. (In Russ.)
- Sharyi V.I.* Sotrudnichestvo SSSR so stranami Afriki v 1960–1980-e gg.: istoricheskoe issledovanie (na primere byvshih portugal’skikh kolonij) [Cooperation between the USSR and African countries in the 1960–1980s: a historical study (based on example of former Portuguese colonies):] dis. ... kand. ist. nauk. Moskva, 2010. (In Russ.)

Shubin V.G. Afrikanskii nacional'nyi kongress v gody podpol'ia i vooruzhennoj bor'by. [African National Congress during the years of underground and armed struggle] Moskva, 1999. (In Russ.)

Tokarev A.A. Voenno-politicheskoe sotrudnichestvo SSSR/Rossii s byvshimi portugal'skimi kolonijami v Afrike (1960-e — nachalo 2000-kh gg.) [Military-political cooperation of the USSR/Russia with the former Portuguese colonies in Africa (1960s — early 2000s)] // Iug Afriki: nasledie proshlogo i nastoiashchee / otv. red. L.N. Rytov. Moskva, 2006. S. 223–226. (In Russ.)

Eastern Europe, the Soviet Union, and Africa New Perspectives on the Era of Decolonization, 1950s to 1990s / eds L. Dallywater, Ch. Saunders, H.A. Fonseca. Oldenbourg, 2023.

Filatova I., Davidson A. The Hidden Thread. Russia and South Africa in the Soviet Era. Johannesburg, 2013.

Filatova I.I. The Lasting Legacy: The Soviet Theory of the National-Democratic Revolution and South Africa // South African Historical Journal. 2012. Vol. 64. № 3. P. 507–537.

Keitseng "Fish" N.T. Comrade Fish: Memories of a Motswana in the ANC Underground / eds B. Morton, J. Ramsay. Revised Internet Edition, January 2018 // URL: https://www.academia.edu/35672165/Comrade_Fish_Memories_of_a_Motswana_in_the_ANC_Underground_Revised_internet_edition_2018 (access date: 10.08.2023).

Kwante M.C. Kwante, Manatsha B.T. Origins and Dynamics of the Botswana-Soviet Union Relations, 1960s to 1990 // Botswana Notes and Records. 2016. Vol. 48. P. 85–96.

Makgala Ch.J. The BNF and BDP's "Fight" for the Attention of the ANC, 1912–2004: A Historical Perspective // Botswana Notes and Records. 2006. Vol. 38. P. 115–133.

Morima N.A. Remembering the unwanted: Dr. Kenneth Koma // Weekendpost. 2016. 5th April. URL: <https://www.weekendpost.co.bw/25337/columns/remembering-the-unwanted-dr-kenneth-koma/> (access date: 09.08.2023).

Ramsay J., Morton B., Morton F. Historical Dictionary of Botswana. Lanham, 1996.

Sellström T. Sweden and National Liberation in Southern Africa: Solidarity and assistance, 1970–1994. Vol. II. Solidarity and Assistance 1970–1994. Uppsala, 2002.

Shubin V. The Hot "Cold War". The USSR in Southern Africa. London, 2008.

Sobukwe J.M. R. The Opening Address delivered by Mangaliso R. Sobukwe at The Africanist Inaugural Convention // The Africanist. 1959. Vol. 5. № 1. P. 3–9.

Southern African Liberation Movements and the Global Cold War "East". Transnational Activism 1960–1990 / eds L. Dallywater, Ch. Saunders, H.A. Fonseca. Berlin, 2019.

Telepneva N. Cold War liberation: the Soviet Union and the collapse of the Portuguese empire in Africa, 1961–1975. Chapel Hill, 2021.

Voevodskiy A. The Sino-Soviet Split and Soviet Policy towards Southern African Liberation Movements in the early 1960s // Eastern Europe, the Soviet Union, and Africa New Perspectives on the Era of Decolonization, 1950s to 1990s. Berlin, 2023. P. 179–197.

Westad O.A. The Global Cold War. Third World Interventions and the Making of Our Times. Cambridge, 2005.

© 2024 г. С.В. МАЗОВ

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ПОЗИЦИИ АФРИКАНСКИХ СТРАН В ОТНОШЕНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В НИГЕРИИ (1967–1970) И О МИРОТВОРЧЕСТВЕ ОАЕ

Мазов Сергей Васильевич — главный научный сотрудник Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: s.mazov@mail.ru

Scopus Author ID: 38661607200; Researcher ID: 0000-0001-6502-751X

Аннотация. 30 мая 1967 г. от Нигерии попыталась отделиться ее юго-восточная часть («Республика Биафра»), что привело к гражданской войне, которая длилась с 6 июля 1967 г. по 15 января 1970 г. Армия Биафры была разгромлена и капитулировала. Международная реакция на нигерийский кризис оказалась уникальной, атипичной для эпохи холодной войны. Действия федерального правительства Нигерии по сохранению территориальной целостности поддержали СССР, Великобритания, социалистические страны Восточной Европы, арабские страны. США объявили о нейтралитете. На стороне Биафры гласно или негласно выступили Франция, Португалия, Южно-Африканская Республика, Китай, Израиль. Публикуются три документа. Документ № 1 показывает, что расклад геополитических интересов великих держав проецировался на Африканский континент. Большая часть африканских стран, в основном бывшие британские колонии, поддержали территориальное единство Нигерии. Немало стран стремилось занять равноудаленную позицию. Берег Слоновой Кости (ныне Кот-д'Ивуар), Габон, Замбия, Танзания официально признали независимость Биафры. Берег Слоновой Кости и Габон сохранили тесные связи с Францией и во внешней политике следовали в фарватере бывшей метрополии. Руководители Замбии и Танзании признали Биафру под влиянием Китая, утвердившегося в Африке в числе основных игроков. В документах № 2 и 3 представлена информация сотрудников посольства СССР в Эфиопии о попытках Организации африканского единства (ОАЕ) добиться мирного урегулирования нигерийского кризиса. ОАЕ удалось обеспечить поддержку подавляющим большинством африканских государств линии на сохранение территориальной целостности Нигерии. Посреднические усилия ОАЕ не увенчались достижением мира. Руководство Биафры не собиралось капитулировать, пока были возможности сопротивляться, а федералы — идти на сделку с сепаратистами. Мирные переговоры использовались обеими сторонами прежде всего в пропагандистских целях.

Ключевые слова: международные отношения, Война за независимость Биафры, Организация африканского единства, миротворчество.

S.V. Mazov

Documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation on the Position of African Countries Towards the Nigerian Civil War (1967–1970) and on the OAU's Peacemaking

Sergey Mazov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: s.mazov@mail.ru

Scopus Author ID: 38661607200; Researcher ID: 0000-0001-6502-751X

Abstract. On May 30, 1967 the southeastern provinces of Nigeria attempted to secede as the self-proclaimed Republic of Biafra. This caused the Nigerian civil war which lasted from July 6, 1967 to January 15, 1970. Biafran army was defeated and capitulated. The international response to the Nigerian crisis revealed an array of positions which were non-bloc, unique, and atypical of the Cold War era. The Soviet Union found out itself in a motley crew of Federal Government's supporters – Great Britain, Eastern European socialist countries, Arab states. The United States declared neutrality. France, Portugal, the Republic of South Africa, the People's Republic of China, and Israel were on Biafra's side, both explicitly and implicitly. Document № 1 shows that the balance of geopolitical interests of the great powers was projected onto Africa. Most of African nations, mainly former British colonies, supported Nigeria's territorial unity. Some countries sought an equidistant position. Côte d'Ivoire, Gabon, Zambia, and Tanzania officially recognized Biafra's independence. Côte d'Ivoire and Gabon retained close ties with France and in their foreign policy followed the former metropolia. The leaders of Zambia and Tanzania have recognized Biafra under the influence of China, which has established itself as one of the key actors in Africa. Documents № 2 and № 3 contain information from the staff of the Soviet Embassy in Ethiopia on the OAU's attempts to achieve a peaceful settlement of the Nigerian crisis. The OAU succeeded in securing the support of the overwhelming majority of African states for the retaining of Nigeria's territorial integrity. The OAU's mediation efforts failed to achieve peace. The Biafra leadership refused to capitulate as long as there were opportunities to resist and the federals was not going to bargain with separatists. The peace talks were used by both sides primarily for propaganda purposes.

Keywords: international relations, Biafran War, Organization of African Unity, peacemaking.

30 мая 1967 г. от Нигерии отделилась ее восточная часть, самопровозглашенная Республика Биафра. Это привело к гражданской войне, которая длилась с 6 июля 1967 г. по 15 января 1970 г. Армия Биафры была разгромлена и капитулировала. Гражданская война стала следствием исторически сложившихся противоречий между тремя основными народами Нигерии — хауса, йоруба и игбо. Большинство населения севера Нигерии составляют хауса, чья религия — ислам суннитского толка. Крупнейшая этническая группа запада и юго-запада — йоруба, преимущественно исповедует христианство. На юго-востоке в дельте реки Нигер преобладают игбо — христиане и анимисты. Британская колониальная политика, основанная на косвенном управлении с упором на регионализм, способствовала обособленности Северной и Южной Нигерии, нарастанию трений между этническими группами и политическими силами. Перед независимостью Нигерия представляла собой рыхлую федерацию, состоящую из трех областей (Северная, Восточная и Западная) и федеральной территории Лагос (столица). Восточная область занимала всего 8% территории Нигерии (76 тыс. кв. км), но была наиболее развитым в социально-экономическом отношении регионом, где сосредоточены четыре пятых запасов нефти, здесь существовала развитая транспортная инфраструктура, и находилось 90% квалифицированной рабочей силы¹.

¹ II Африканский отдел МИД СССР «К вопросу о “Республике Биафра”. (Справка)». 31 июля 1968 г. // Россия и Африка. Документы и материалы. 1961 — начало 1970-х / под ред. А.С. Базезина, А.В. Воеводского, А.Б. Давидсона, С.В. Мазова. М., 2021. С. 508.

Независимость Нигерии была провозглашена 1 октября 1960 г. Первое правительство во главе с Абубакаром Балевой (хауса) оказалось неспособным укрепить единство страны и было свергнуто 15 января 1966 г. в результате военного переворота, организованного офицерами-игбо. 26 июля военнослужащие-северяне осуществили новый военный переворот, власть перешла к подполковнику Якубу Говону (р. 1934) (глава государства с 1 августа 1966 г. по 29 июля 1975 г.), христианину, ангас (одно из этнических меньшинств Северной Нигерии).

Подполковник Чуквуэмека Оджукву (1933–2011), губернатор Восточной Нигерии (1966–1967), впоследствии стал президентом самопровозглашенной Республики Биафра (1967–1970), отказался признавать Я. Говона главой военного федерального правительства. В области было создано региональное военное правительство, аналогичное центральному, сформирована армия, введен сбор налогов и пошлин без отчислений в федеральный бюджет. 27 мая 1967 г. Говон подписал указ, упразднивший деление Нигерии на четыре провинции. Вместо них было создано 12 штатов. 30 мая Оджукву «торжественно провозгласил, что территория и регион, известный как Восточная Нигерия, вместе с его континентальным шельфом и территориальными водами отныне являются суверенным независимым государством, называемым “Республика Биафра”»². 6 июля 1967 г. федеральная армия вступила на территорию Биафры. Гражданская война длилась два с половиной года. 15 января 1970 г. был подписан акт о безоговорочной капитуляции Биафры.

Международная реакция на нигерийский кризис явила не блоковый, уникальный и атипичный для холодной войны расклад позиций. Руководствуясь геополитическими соображениями и национальными интересами, СССР поддержал действия федерального правительства Нигерии по сохранению ее территориальной целостности, в том числе и поставками оружия³. Помимо Советского Союза, правительство Говона в конфликте с сепаратистами поддержали Великобритания, социалистические страны Восточной Европы, арабские страны. США объявили о нейтралитете. На стороне Биафры гласно или негласно выступили Франция, Португалия, Южно-Африканская Республика, Китай, Израиль.

Документ № 1 показывает, что расклад геополитических интересов великих держав проецировался на Африканский континент. Большинство африканских стран, в основном бывшие британские колонии, поддержали территориальное единство Нигерии. Некоторые страны стремились занять равноудаленную позицию. От признания Биафры руководителей этих стран удерживало наличие собственных сепаратистских движений.

Берег Слоновой Кости (БСК), ныне Кот-д’Ивуар, Габон, Замбия, Танзания официально признали независимость Биафры. БСК и Габон сохранили тесные связи с Францией и во внешней политике следовали в фарватере бывшей метрополии. В документе приведены официальные заявления правительств стран, признавших Биафру, о мотивах этого шага. Ныне рассекреченные архивные материалы позволяют глубже проанализировать мотивы благоволения сепаратистам. Во время беседы с советским послом в Гане В.С. Сафрончуком посол БСК в Аккре Леон Амон заявил, что Федерация Нигерии — «искусственное и нежизнеспособное образование», поскольку «является наследием колониальной политики Англии, которая попыталась объединить в одно государство совершенно различные в этническом, социальном и экономическом отношении группы населения». Возникновение «на месте Нигерии двух или трех независимых государств не обязательно будет означать их ослабление». Биафра «по населению и экономическому потенциалу будет гораздо сильнее БСК и вообще будет одним из крупнейших государств Африки». Сейчас же «в результате войны и планомерного истребления ибо»⁴ федеральными войсками племенная вражда

² Kirk-Greene A. H. M. Crisis and conflict in Nigeria: A documentary sourcebook 1966–1969. Vol. I. Oxford, 1971. P. 452.

³ Мазов С. В. Военная помощь СССР федеральному правительству во время гражданской войны в Нигерии (1967–1970) // Новая и новейшая история. 2023. № 4. С. 167–188. DOI: 10.31857/S013038640027032–3

⁴ В 1960–1970-е годы употребляли это название, сейчас используется название «игбо».

и взаимная ненависть достигли такого накала, что примирение сторон невозможно и остается лишь один выход — создание на месте Нигерии нескольких независимых государств»⁵.

Озвученная Амоном позиция полностью совпадала с французской. Франция использовала территорию БСК и Габона для поставок оружия и боеприпасов в Биафру воздушным и морским путем. Габон и БСК наступательно действовали на международной арене, оказывали Биафре информационную поддержку, обвиняли федеральное правительство в геноциде игбо, требовали в том числе и от СССР прекратить поставки оружия режиму Говона⁶. Гражданская война в Нигерии стала ярким эпизодом геополитического противостояния англосаксов и Франции в Африке, которое в последнее время зримо проявилось в Буркина-Фасо, Мали, Нигере, Центрально-Африканской Республике.

Руководители Замбии и Танзании признали Биафру под влиянием Китая, утвердившегося в Африке в числе основных игроков⁷.

В документах № 2 и 3 содержится информация сотрудников посольства СССР в Эфиопии о посреднических усилиях Организации африканского единства (ОАЕ) по урегулированию нигерийского кризиса. Возможности ОАЕ ограничивались дипломатическим инструментарием, поскольку решения организации не были обязательными для стран-участниц, она не располагала ни эффективным механизмом для их имплементации, ни собственными вооруженными силами, которые можно было бы использовать для разъединения враждующих сторон. Созданный в сентябре 1967 г. Консультативный комитет ОАЕ по Нигерии занимался организацией переговоров между представителями Биафры и федерального правительства. Нигерийский вопрос рассматривался на трех саммитах ОАЕ — в Киншасе (сентябрь 1967 г.), в Аддис-Абебе (август 1968 г., сентябрь 1969 г.). ОАЕ удалось обеспечить поддержку подавляющим большинством африканских государств линии на сохранение территориальной целостности Нигерии. Посреднические усилия ОАЕ не увенчались достижением мира. Руководство Биафры не собиралось капитулировать, пока были возможности сопротивляться, а федералы — торговаться с сепаратистами. Мирные переговоры использовались обеими сторонами прежде всего в пропагандистских целях.

В документах опущены не относящиеся к теме публикации частности, пропуски обозначены отточием.

Документ № 1

Секретно. Экз. № 1

Штамп: «МИД СССР 2-й Африканский отдел. Секретно. Вх. 1085 «25» 7 1968 г.»
ПОЗИЦИЯ АФРИКАНСКИХ СТРАН В ОТНОШЕНИИ НИГЕРИЙСКОГО КРИЗИСА
(Справка)

ГАНА. После провозглашения Восточной области Нигерии так называемой республикой Биафра и начала военных действий между федеральными войсками и войсками восточнонигерийских сепаратистов военные руководители Ганы, используя имеющиеся у них связи с федеральным военным правительством и руководителями отколовшейся Биафры, предпринимали некоторые попытки играть посредническую роль и были заняты поисками компромиссного решения нигерийского кризиса, приемлемого для восточнонигерийских сепаратистов. Однако эти попытки успеха не имели и привели к заметному охлаждению отношений между Ганой и Нигерией.

Примерно с конца 1967 года ганское правительство заметно снизило свою активность в нигерийском вопросе и прекратило попытки посредничества между воюющими сторонами. С ноября 1967 года ганские официальные лица перестали выступать с публичными заявлениями о событиях в Нигерии и отношении к ним правительства Ганы. Изменение

⁵ Из дневника Сафрончука В.С. «Запись беседы с послом Берега Слоновой Кости в Гане Леоном Амоном». 24 июня 1968 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 573. Оп. 12. П. 18. Д. 1. Л. 98–99.

⁶ Griffin Ch. France and the Nigerian Civil War, 1967–1970 // Postcolonial Conflict and the Question of Genocide: The Nigeria-Biafra War, 1967–1970 / eds A.D. Moses, L. Heerten. New York, 2017. P. 156–176.

⁷ Jorre J. de St. The Brothers' War. Biafra and Nigeria. Boston, 1972. P. 184–185.

тактической линии правящих кругов Ганы в отношении нигерийских событий, по-видимому, объясняется прежде всего тем, что США начали менять свое отношение к федеральному правительству Нигерии⁸.

21 марта 1968 года в Гане находилась с визитом группа американских офицеров во главе с генералом Гуднастером⁹. По некоторым сведениям, Гуднастер при встрече с главой ганского военного правительства генералом Анкрой¹⁰ пытался склонить его уговорить главу нигерийского военного правительства Я. Говона пойти на улучшение отношений с США. Анкра якобы после больших колебаний обещал повлиять на Говона в этом отношении.

Ганская печать продолжает освещать события в Нигерии в неблагоприятном для нигерийского федерального военного правительства свете. Эти события преподносятся как гражданская война чуть ли не равных сторон, преуменьшаются военные успехи федерального военного правительства, утверждается наличие геноцида в отношении народности ибо и др. Ганские газеты приписывают Советскому Союзу тайные расчеты использовать укрепление советско-нигерийских отношений в целях распространения своего влияния через Нигерию во всей Западной Африке.

КАМЕРУН. Правительство Камеруна официально придерживается точки зрения о необходимости сохранения единства Нигерии. Вместе с тем в связи с затянувшимися военными действиями в Нигерии в официальных кругах Камеруна все больше начинает высказываться мнение о мирном урегулировании нигерийского кризиса, хотя в силу неуступчивости воюющих сторон в Нигерии в Камеруне не представляют, на какой основе можно было бы добиться мирного решения нигерийского конфликта.

Среди камерунцев, в том числе и в государственном аппарате, симпатизирующих по этническим и религиозным мотивам выходцам из народности ибо, высказываются суждения, что глава военного федерального правительства Я. Говон мог бы пойти на большие уступки для достижения мирного решения нигерийского кризиса, если бы Англия и Советский Союз, на которых он якобы прежде всего опирается в своих действиях, оказали бы на него соответствующее влияние.

Сообщая о событиях в Нигерии, камерунская пресса начинает все более высказываться за мирное урегулирование нигерийского конфликта, акцентируя внимание как на отрицательных последствиях продолжающегося военного конфликта для самой Нигерии, так и на неблагоприятном влиянии конфликта для всей Африки.

Официальное признание Танзанией, БСК, Габонем и Замбией Биафры обострило интерес в Камеруне к нигерийскому кризису.

⁸ Сотрудник советского посольства в Нигерии охарактеризовал этот поворот следующим образом: «Правительство США ...проводило курс на ослабление Нигерии, имея в виду, что ослабленная Нигерия не сможет противостоять натиску американского империализма, что поведет к усилению влияния и позиций США в экономике страны и с помощью этого заставит федеральное военное правительство Говона пойти на переговоры с Оджукву и решить внутривнутриполитический кризис мирным путем на условиях, приемлемых для Оджукву, а следовательно, и правительства США. Однако в последнее время в связи с крупными победами федеральных войск над войсками раскольников Оджукву и принятием ряда других мер по обеспечению победы над сепаратистами, американцы (как и англичане) вынуждены были изменить свою политику, заявляя о полной поддержке федерального военного правительства Нигерии в его усилиях ликвидировать этот кризис и сохранить Нигерию единой и территориально целостной». (Советник посольства СССР в Нигерии Р. Мельников «Позиция США в нигерийском кризисе. (Справка)». 30 августа 1968 г. // АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. П. 16. Д. 10. Л. 146).

⁹ Так в тексте. *Гуднастер, Эндрю* (1915–2005) — генерал армии США, заместитель командующего Командования военной помощи США Вьетнаму (1968–1969), Верховный главнокомандующий объединенными силами НАТО в Европе и главнокомандующий Европейским командованием Соединенных Штатов (1969–1974).

¹⁰ *Анкра, Джозеф* (1915–1992), генерал-майор, командующий армией Ганы (1961–1965), уволен за нелояльность президенту Кваме Нкруме. Руководитель военного переворота, приведшего к свержению Нкрумы 24 февраля 1966 г. Глава Национального совета освобождения (1966–1969), ушел в отставку после коррупционного скандала.

По данным сопосольства в Камеруне, ряд камерунских министров высказывается за пересмотр позиции Камеруна и признание Биафры.

ЭФИОПИЯ. Правительство Эфиопии стоит на позиции необходимости сохранения Нигерии в качестве единого государства. Оно считает, что такая позиция Эфиопии в нигерийском вопросе соответствует общей линии ее политики в Африке, направленной на укрепление африканского единства. Император Эфиопии¹¹ является главой консультативной миссии Организации Африканского Единства по Нигерии, созданной на сессии ОАЕ в сентябре 1967 г. в Конго (Киншаса)¹².

Признание Биафры Танзанией, по словам министра иностранных дел Эфиопии Катема Ифру в беседе с сопослом в Аддис-Абебе, оказалось неожиданным для правительства Эфиопии. С одной стороны, Эфиопия выступает за единство Нигерии, с другой стороны, император Эфиопии является главой Консультативной миссии ОАЕ по примирению в Нигерии, Эфиопии будет затруднительно поддерживать федеральное правительство в условиях, когда оно, вопреки мнению африканских стран, усиливает военные действия.

ДАГОМЕЯ¹³. В беседе с сопослом министр иностранных дел Бенда Синзоган¹⁴ сказал, что дагомейское правительство рассматривает нигерийские события как результат политики балканизации Африки, проводимой бывшими колониальными державами. Будущее Африки, подчеркнул министр, в объединении, и поэтому дагомейское правительство осуждает действия Оджукву, направленные на выделение Восточной Нигерии в самостоятельное государство Биафра. Дагомейское правительство поддерживает усилия генерала Говона, его политику сохранения единства африканского гиганта и выступает за урегулирование нигерийского кризиса путем переговоров между федеральным военным правительством и Оджукву. Но поскольку в настоящее время нет перспектив для их успешного проведения, то, по его мнению, существует только военный путь разрешения этой проблемы.

ЕГИПЕТ. Египет продолжает поддерживать военное федеральное правительство Говона и выступает против сепаратистских действий полковника Оджукву. По имеющимся сведениям, в своей позиции по нигерийскому вопросу египтяне исходят из того, что выделение Восточной области Нигерии в отдельное государство значительно ослабило бы страну в целом и что этот факт может создать нежелательный прецедент для других стран африканского континента. Египтяне, по мере возможности, пропагандируют эту линию среди других африканских стран, чтобы склонить их к поддержке правительства Говона.

Египетская печать за последнее время мало помещает каких-либо комментариев о событиях в Нигерии, время от времени публикуя краткие сообщения информационных агентств о военных действиях в Нигерии.

ГВИНЕЯ. В нигерийском кризисе Гвинея поддерживает военное федеральное правительство Нигерии, исходя из необходимости сохранения единства страны и избежания раскола на базе этнических противоречий. Гвинейцы считают, что правительство Говона по вопросу о единстве Нигерии занимает правильную позицию, хотя сам Говон и не является прогрессивным деятелем.

¹¹ Хайле, Селассие I (1892–1975) — император Эфиопии (1930–1974).

¹² В состав миссии ОАЕ по Нигерии (позднее переименована в Консультативный комитет ОАЕ по Нигерии) вошли главы шести стран: Председатель Национального совета освобождения Ганы Дж. Анкра, Президент Демократической Республики Конго Ж. Мобуту, Президент Камеруна Х. Ахиджо, Президент Либерии У. Табмен, Президент Нигера А. Диори, Император Эфиопии Хайле Селассие I. Миссии поручалось посетить «главу Федерального правительства Нигерии, чтобы заверить его в стремлении участников саммита сохранить территориальную целостность, единство и мир в Нигерии». (Organization of African Unity. Resolutions and declarations adopted by the Fourth ordinary session of the Assembly of heads of state and government held in Kinshasa, Congo, from 11 to 14 September 1967. AHG. Res. 51 (IV). Resolution // URL: https://au.int/sites/default/files/decisions/9516-assembly_en_11_14_september_1967_assembly_heads_state_government_fourth_ordinary_session.pdf (дата обращения: 15.06.2021).

¹³ Ныне Бенин.

¹⁴ Так в тексте. Синзоган, Бенуа (р. 1930) — министр иностранных дел (1967–1968) Дагомеи.

ТАНЗАНИЯ. После провозглашения Восточной области Нигерии т.н. республикой Биафра правительство Танзании постепенно становилось на сторону Биафры. Танзанийская печать выступала с резкими нападками на нигерийское федеральное военное правительство, обвиняя его в намерении физически истребить народность ибо. Указывалось, что реакционный федеральный север Нигерии пытается задушить прогрессивную Восточную область. Танзанийская печать выступала с критикой тех стран, которые продавали оружие военному федеральному правительству Нигерии.

Представитель Биафры в Дар-эс-Саламе Остин Уку поддерживал тесные контакты с правительством Танзании и использовал танзанийскую печать для пропаганды в интересах восточнонигерийских сепаратистов. В Дар-эс-Салам несколько раз приезжали представители Биафры, которые были приняты членами танзанийского правительства, в то время как представитель военного федерального правительства Энахоро¹⁵, осенью 1967 года приехавший в Дар-эс-Салам для разъяснения событий в Нигерии, был встречен танзанийцами холодно и не добился какого-либо успеха.

13 апреля с.г. Танзания признала Биафру в качестве суверенного государства. В Танзании считают, что война в Нигерии приобрела характер геноцида в отношении народности ибо. По мнению сопосольства в Дар-эс-Саламе, признание Танзанией Биафры следует рассматривать как способ нажима на военное федеральное правительство Нигерии для того, чтобы склонить его к мирному урегулированию конфликта с Биафрой на основе признания права ибо на известное самоопределение.

<...>

ЗАМБИЯ. После признания Биафры Танзанией в местных политических кругах стали высказывать уверенность, что Замбия последует этому примеру. Правительственная пресса, комментируя признание Танзанией Биафры, подчеркивала, что теперь ОАЕ должна разъяснить федеральному правительству Нигерии, что решить вопрос о существовании Биафры военными средствами невозможно и что необходимо начать политические переговоры.

Президент Каунде¹⁶, выступая 21 апреля с.г. на заседании исполнительного совета ЮНИП¹⁷, заявил, что Лагос должен понимать, что Нигерия не может оставаться прежней. Каунда заявил также, что решению нигерийского кризиса мешают условия, которые выдвинуты еще до того, как заинтересованные стороны могли бы встретиться и найти пути и средства для прекращения разногласий.

20 мая с.г. Замбия признала Биафру как независимое и суверенное государство.

УГАНДА. Официальные лица Уганды воздерживаются от каких-либо высказываний по нигерийскому вопросу. Из неофициальных источников известно, что угандийцев огорчил не столько сам факт признания Танзанией, Габоном, Берегом Слоновой Кости и Замбией Биафры, сколько то, что это было сделано без консультации с ОАЕ. По сведениям сопосольства в Кампале, известно, что, хотя правительство Уганды сочувственно относится к Биафре, оно не может выступить в поддержку Биафры, так как это противоречило бы внутренней политике угандийского правительства, проводимой им в отношении бывшего королевства Буганда, добывавшегося отделения от Уганды.

С открытым одобрением признания Биафры Танзанией, БСК, Габоном и Замбией в Уганде выступили лидеры демократической¹⁸ партии.

МАЛИ. 22 апреля с.г., находясь проездом на совещании глав западноафриканских стран в Монровии, президент Мали Модибо Кейта¹⁹ заявил в Уагадугу (Верхняя Вольта)²⁰, что

¹⁵ Энахоро, Энтони (1923–2010) — министр информации и труда в правительстве Я. Говона (1967–1974).

¹⁶ Так в тексте. Каунда, Кеннет (1924–2021) — президент Замбии (1964–1991).

¹⁷ Объединенная партия национальной независимости, основана в 1959 г., правящая партия Замбии (1964–1991).

¹⁸ Так в тексте. Демократической партии.

¹⁹ Кейта, Модибо (1915–1977) — президент Мали (1960–1968).

²⁰ Ныне Буркина-Фасо.

отделение Биафры совершенно не заслуживает того, чтобы его поддерживать, так как это было бы очень опасным прецедентом для политического единства каждой страны. «Позиция Мали в этом вопросе, — сказал президент, — ясна, ибо сейчас, когда мы говорим об африканском единстве, об объединении африканских народов, нам представляется непоследовательным поощрять отделения на племенной основе».

КОНГО (БРАЗЗАВИЛЬ). По сообщению сопосольства, сочувствие президента Республики Конго (Браззавиль) и конголезской общественности находится на стороне Биафры.

Имеют место суждения, что Советский Союз поддерживает реакционный режим Я. Говона. Конголезская печать периодически публикует (главным образом Бюллетень конголезской информации) сообщения из иностранных источников, отражающие указанную позицию, существующую в Конго.

Президент Массамба-Деба²¹ 18 апреля с.г. в беседе с сопослом сказал, что сложившаяся ситуация в Нигерии имеет две стороны — общеполитическую и гуманную. С общеполитической точки зрения раскол Нигерии нельзя оправдать. Но с другой, гуманной стороны, нельзя оправдывать геноцид, который имеет место по отношению к биафрийцам. Вряд ли следует допускать, что за спиной Оджукву стоят империалистические державы. Но если допустить это, то можно ли отрицать, что и за спиной Говона также стоят империалистические страны.

Массамба-Деба дал понять, что перед Республикой Конго вопрос о признании Биафры не стоит.

МАРОККО. Исполняющий обязанности министра иностранных дел Д. Слаук в беседе с сопослом в апреле с.г. официально заявил, что марокканское правительство осуждает сепаратистские действия в африканских странах и не намерено признавать Биафру.

Эта точка зрения совпадает и с позицией марокканских общественно-политических кругов, проводящих аналогию между Биафрой и Мавританией, которую марокканцы продолжают считать «отторгнутой» провинцией Марокко.

АЛЖИР. Алжирские правительственные круги отрицательно встретили признание Танзанией, Габоном и др. Биафры. Алжирская печать охарактеризовала это как «прецедент, имеющий далеко идущие последствия», и высказывала опасения, что этому примеру могут последовать другие африканские страны.

В алжирской печати было опубликовано следующее заявление, выражающее точку зрения алжирского правительства в отношении нигерийского кризиса: «Мы полагаем, что раскольнические действия Биафры не заслуживают поддержки, так как это был бы очень серьезный прецедент, угрожающий политическому единству каждого африканского государства. В то время, когда мы говорим об африканском единстве, об объединении африканских народов, представляется непоследовательным поощрять раскол на племенной основе».

ТОГО. В начале апреля с.г. Того посетила нигерийская делегация, возглавляемая комиссаром по труду федерального военного правительства Окуну²². Делегация была принята президентом и министром иностранных дел. Руководитель нигерийской делегации сообщил представителям печати, что делегация ставит своей задачей информировать тоголезское правительство об успехах федерального правительства в войне с мятежниками Биафры, так как «Того всегда морально поддерживало Нигерию в этом конфликте».

Делегации, по сообщению сопосольства в Ломе, был оказан сдержанный прием. Обратило на себя внимание, что в сообщении о приезде нигерийской делегации подчеркивалась краткость ее пребывания и говорилось лишь о встрече с президентом и министром иностранных дел.

²¹ Массамба-Деба, Альфонс (1921—1977), президент (1963—1968) Республики Конго (Браззавиль).

²² Так в тексте. Окунну, Фем (р. 1933), министр общественных работ и жилищного строительства в правительстве Я. Говона (1967—1974).

По сообщению сопосольства, тоголезцы очень осторожно подходят к оценке событий в Нигерии. Министр иностранных дел Унледе²³ в беседе с сопослом о положении в Нигерии ограничился лишь общими словами о «внешнем давлении» на эту страну, вызванном «крайним интересом иностранных государств к несметным богатствам Нигерии» и т.п.

Тоголезцы указывают на отрицательное влияние войны в Нигерии в деле укрепления африканского единства. В тоголезской печати иногда высказываются пожелания в общей форме о прекращении военных действий, а также публикуются сообщения о бомбардировках Биафры с сочувствием к ее населению.

27 мая с.г. в Того выезжал глава федерального военного правительства Я. Говон. По заявлению Говона, целью его визита в Того было разъяснение позиции федерального правительства по нигерийскому кризису в связи с совещанием франкоязычных стран, основным вопросом повестки дня которого намечался вопрос об их отношении к нигерийскому кризису.

БУРУНДИ. 25 апреля с.г. министр иностранных дел Бурунди Нтавуришра²⁴ заявил в Дар-эс-Саламе во время своего непродолжительного визита в Танзанию, что многим странам придется признать Биафру в качестве независимого государства, если не изменится положение, сложившееся в ходе гражданской войны, которая продолжается в Нигерии уже девять месяцев. Министр также заявил, что президент Ньерере²⁵ изложил ему причины, заставившие Танзанию признать Биафру. «Теперь я понимаю позицию Танзании, — сказал он. — Вопрос о гражданской войне в Нигерии не носит политического характера и его следует рассматривать с позиций гуманности». Нтавуришра отказался ответить на вопрос о том, признает ли его страна Биафру.

БЕРЕГ СЛОНОВОЙ КОСТИ. Правительство Берега Слоновой [Кости] 14 мая с.г. признало Республику Биафра как независимое и суверенное государство. 16 мая с.г. президент БСК Уфуи Буаньи²⁶ через сопосла в Абиджане обратился с просьбой к Советскому правительству прекратить военные поставки Нигерии. 12 июня с.г. агентство печати БСК подвергло резкой критике опубликованную 10 июня с.г. в «Известиях» статью «Нигерийский узел»²⁷, обвиняя газету в том, что она «пытается ввести в заблуждение советскую общественность, умалчивая о том, что Москва входит в число держав, помогающих Лагосу».

Агентство потребовало, чтобы Советский Союз и другие страны прекратили поставки оружия и людей военному федеральному правительству Нигерии.

Агентство также заявило, что «независимость Биафры — это свершившийся факт в умах и сердцах народа Биафры. Ни вооруженные силы Лагоса, ни советские антиимпериалистические лозунги не могут его зачеркнуть».

ТУНИС. В начале июня с.г. в Тунисе находилась делегация военного федерального правительства Нигерии, в задачу которой входила информация тунисского правительства о положении в Нигерии и просить²⁸ его о более активной поддержке усилий военного федерального правительства, направленных на сохранение единства страны. Делегация имела беседы с тунисскими руководящими деятелями и была принята президентом Бургибой²⁹.

По имеющимся данным, тунисцы, заявляя о своей поддержке федерального правительства, вместе с тем настойчиво советовали нигерийцам, чтобы они как можно быстрее нашли то или иное решение вопроса о Биафре, ибо их позиции в противном случае будут ухудшаться и сложится такое положение, когда большинство африканских стран, в том числе и Тунис, будут вынуждены признать Биафру.

²³ Унледе, Йоахим (1925–?) — министр иностранных дел Того (1967–1976).

²⁴ Так в тексте. Нтавуришра, Лазаре (1931–2015) — министр иностранных дел Бурунди (1967–1969).

²⁵ Ньерере, Джулиус Камбараре (1922–1999) — президент Танганьики/Танзании (1961–1985).

²⁶ Так в тексте. Уфуэ-Буаньи, Феликс (1905–1993) — президент Берега Слоновой Кости/Кот-д'Ивуара (1960–1993).

²⁷ Пиляцкий Б. Нигерийский узел // Известия. 10.VI.1968.

²⁸ Так в тексте.

²⁹ Бургиба, Халиб (1903–2000) — президент Туниса (1957–1987).

ГАБОН. Правительство Габона 8 мая с.г. признало Биафру как независимое и суверенное государство.

Составил [подпись] (Г. Гребцов)³⁰

АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. П. 16. Д. 10. Л. 123–133.

Подлинник. Машинопись. Подпись — автограф.

Документ № 2

Посольство СССР в Эфиопии

Секретно. Экз. № 2

27 августа 1968 г.

Исх. № 394

О ХОДЕ МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ В АДДИС-АБЕБЕ ПО НИГЕРИИ (Информация)

5 августа 1968 г. под председательством императора Эфиопии Хайле Селассие I в Аддис-Абебе открылись мирные переговоры делегаций федерального правительства Нигерии и Восточной провинции по урегулированию нигерийской проблемы. Делегацию федерального правительства возглавил комиссар по вопросам информации и труда Антони Энахоро. Делегация Восточной провинции (так наз. «Республика Биафра») возглавлялась руководителем этой провинции подполковником Оджукву.

Следует отметить, что в состав обеих делегаций вошли видные политические, государственные и общественные деятели Нигерии. Помимо А. Энахоро, члена правительства и вождя одного из племен на севере страны, в составе федеральной делегации были представлены два других члена правительства — комиссар общественных работ и жилищного строительства Ф. Оконну и постоянный секретарь по экономическим делам А. Аида. В делегацию Восточной провинции, кроме Оджукву, входили профессор, доктор наук Э. Нжокву, три комиссара «правительства Биафры», начальник генерального штаба армии Биафры П. Эффионг³¹, профессор Ибаданского университета доктор наук П. Окигба, а также 10 советников, являющихся видными деятелями Восточной провинции.

Переговорам в Аддис-Абебе предшествовали сессия Консультативного Комитета ОАЕ по Нигерии и предварительные переговоры двух сторон в Ниамее (Нигер) в июле 1968 г. Сессия Консультативного Комитета ОАЕ под председательством императора Хайле Селассие приняла резолюцию, требующую от обеих сторон возобновить мирные переговоры с целью достижения окончательного решения кризиса в стране и для того, чтобы «сохранить территориальную целостность Нигерии и гарантировать безопасность всех ее жителей». <...>

По инициативе императора Хайле Селассие Консультативный Комитет ОАЕ в Ниамее поручил ему быть посредником на переговорах в Аддис-Абебе и добиться примирения сторон в нигерийском кризисе. Император рассчитывал, что, перенеся переговоры в свою столицу, он при положительном исходе этих переговоров сможет сыграть роль «миротворца» в самом крупном и длительном конфликте в Африке. Стремление императора разрешить нигерийский кризис «в личном порядке» и добиться тем самым укрепления своего престижа в Африке и во всем мире объясняется не только его амбициями, но и необходимостью выступить на предстоящей Ассамблее глав африканских государств в Алжире с отчетом о деятельности Консультативного Комитета ОАЕ по Нигерии, председателем которого он является.

Однако обстановка перед переговорами в Аддис-Абебе значительно усложнилась по сравнению с положением, имевшим место во время совещаний в Ниамее. Если в Ниамее под давлением 6 глав государств — членов Консультативного Комитета враждующие

³⁰ Сотрудник II Африканского отдела МИД СССР.

³¹ Так в тексте. *Эффионг, Филип* (1925–2003) — начальник генерального штаба армии Биафры (1967–1970), президент самопровозглашенной Республики Биафра (8 января 1970 г. — 12 января 1970 г.).

стороны в принципе согласились на урегулирование ряда спорных вопросов, в том числе и вопроса об оказании помощи гражданскому населению районов, охваченных военными действиями, то непосредственно перед началом переговоров в Аддис-Абебе в позиции федерального правительства наметилась тенденция покончить с конфликтом военным путем и тем самым выступить в Аддис-Абебе с «позиции силы». За несколько дней до переговоров в Аддис-Абебе правительство Говона предприняло крупное военное наступление на позиции Биафры, однако ему не удалось добиться значительных военных успехов. Это наступление способствовало увеличению гражданских жертв войны и концентрации беженцев в Восточной провинции. Все это еще более обострило обстановку в Нигерии и привело к ожесточению враждующих сторон, что не могло не отразиться на переговорах в Аддис-Абебе.

На открытии переговоров император Эфиопии выступил с речью, в которой особо подчеркнул ответственность обеих сторон за обеспечение мира не только в Нигерии, но и на всем африканском континенте. Он призвал участников переговоров воздерживаться от полемики и пропаганды, проявлять дух сотрудничества и братства. Император отметил большую роль, которую сыграл в урегулировании нигерийского кризиса Консультативный Комитет ОАЕ по Нигерии и выразил благодарность членам этого Комитета за оказанное ему доверие быть посредником в продолжении переговоров.

Выступивший вслед за императором глава делегации федерального правительства Энахоро в довольно спокойной форме выразил готовность своего правительства обсудить принятые в Ниамее вопросы повестки дня переговоров. Он заявил, что целью нынешних переговоров является, как это было оговорено в Ниамее, достижение мира в Нигерии, сохранение территориальной целостности Нигерии и гарантия безопасности всего ее населения.

Однако тон переговорам и остроту в прениях задал глава делегации Восточной провинции Оджукву, который произнес более чем двухчасовую речь. В этом выступлении не содержалось никаких намеков на уступчивость руководителей сепаратистского движения Биафры и прозвучало с еще большей категоричностью требование об отделении Восточной провинции от Нигерии и образовании самостоятельного государства. Он, в частности, заявил, что только отдельное от Нигерии политическое существование Восточной провинции может обеспечить мир, безопасность и прогресс народа Биафры. По его словам, военное поражение Биафры не заставит ее прекратить борьбу, которая будет продолжаться партизанскими методами. Оджукву дал свою интерпретацию истории нигерийского конфликта, начиная с 1966 года, исказив действительное положение вещей в Нигерии.

Следует отметить, что в своей речи Оджукву сделал ряд выпадов против Советского Союза. Одним из наиболее антисоветских высказываний является его заявление о том, что «Россия полностью вовлекла себя в эту войну на нигерийской стороне в обмен на обещание получить военные базы, политический и экономический плацдарм в Африке».

Непримиримый тон речи Оджукву, его резкие нападки на федеральное правительство Нигерии и его руководителей (Говона, например, он назвал Гитлером и объявил его ответственным за геноцид и убийство ста тысяч жителей Биафры) оказали решающее влияние на дальнейший ход переговоров. К тому же в его речи не содержалось каких-либо конкретных предложений по мирному урегулированию конфликта.

На другой день после открытия переговоров глава нигерийской делегации Энахоро внезапно провел пресс-конференцию, во время которой он заявил, что его делегация отказывается от продолжения переговоров до тех пор, пока с обеих сторон в составе делегаций не будут представлены только нигерийцы. При этом Энахоро сослался на участие в составе делегации Биафры иностранцев, в частности представителей Габона. (Действительно на открытии переговоров в составе делегации Биафры присутствовали два габонца, один из них — капитан габонской армии, и танзаниец.) Заявив, что это является попыткой Оджукву осуществить свой план по интернационализации нигерийского конфликта, Энахоро сказал, что он доведет до сведения императора решение своей делегации об отказе от участия в переговорах до удовлетворения указанного требования его делегации.

После вмешательства императора требование Энахоро было удовлетворено и переговоры возобновились 7 августа. Накануне Оджукву выехал на родину, оставив главой своей делегации д-ра Эни Нжоку. На заседании 7 августа выступил глава делегации федерального правительства Энахоро, который ответил вкратце на выпады Оджукву и представил детально разработанные предложения по урегулированию нигерийского кризиса. План федерального правительства предусматривал следующие девять пунктов условий окончательного разрешения проблемы:

1. Заявление об отказе от отделения.
2. Разоружение мятежных войск.
3. Учреждение полицейских сил в охваченных мятежом районах.
4. Обеспечение безопасности племени ибо.
5. Международные силы наблюдателей.
6. Администрация Восточно-Центрального Штата (Восточная провинция).
7. Амнистия.
8. Устройство беженцев ибо.
9. Конституционная конференция.

Кроме того, в качестве самостоятельных пунктов предложений федерального правительства являлись: прекращение военных действий и оказание помощи гражданскому населению.

Энахоро в своей речи дал подробное толкование каждому пункту выдвинутой им программы. Для того чтобы облегчить противоположной стороне заявление об отказе от отделения, Энахоро предложил сделать его в форме совместной декларации следующего содержания: «Обе стороны договорились сохранять единство и территориальную целостность федеративной Республики Нигерия во внешних границах, установленных 1 октября 1963 года, и обеспечивать во все времена безопасность жизни и собственности всего ее населения».

Как следует из разъяснений Энахоро, за этой декларацией и прекращением военных действий должно последовать разоружение мятежных войск, положение о котором будет разработано на совместной конференции представителей командования обеих сторон с предоставлением определенных гарантий мятежникам. По словам Энахоро, для сохранения порядка в районах, находящихся в настоящее время в руках мятежников, будет учреждена полиция, состоящая в основном из представителей племени ибо.

В целях наблюдения за прекращением военных действий и сохранения безопасности жителей Восточной провинции Энахоро предложил учредить международные силы наблюдателей в составе Эфиопии, Индии и Канады. При этом он заявил, что функции, состав, командование, численность, финансирование, сроки пребывания этих сил будут предметом дальнейших переговоров.

Согласно предложениям Энахоро, для управления Восточно-Центральным Штатом должен быть назначен военный губернатор, а при нем Исполнительный совет, состоящий из гражданских лиц. Губернатор и члены Совета могут быть назначены из племени ибо в равной пропорции из лиц лояльных федерации и сторонников нынешнего режима Восточной провинции.

По заявлению Энахоро, вышеизложенные условия прекращения военных действий и разрешения проблемы в целом являются переходными: они будут действовать до принятия новой конституции Нигерии, которая должна быть разработана на соответствующей конференции.

На возобновившихся 9 августа переговорах глава делегации Восточной провинции Нжоку выступил с ответным заявлением, в котором вновь повторил аргументы Оджукву относительно развития событий в Нигерии. Подробно остановившись на предложениях федерального правительства, Нжоку отвергнул по существу все пункты программы Энахоро.

В качестве предложений Биафры по урегулированию конфликта Нжоку выдвинул следующие 9 пунктов.

1. Сохранение отколовшейся Восточной провинции в качестве суверенного и независимого государства Биафра.

2. Немедленное прекращение военных действий на земле, на море и в воздухе.

3. Немедленное снятие экономической блокады, установленной федеральным правительством над морскими и речными портами, аэродромами и наземными коммуникациями Биафры.

4. Вывод войск за предвоенные границы и обеспечение беженцам свободы возвращения на родину.

5. Установление наблюдения над прекращением военных действий со стороны международных сил в составе представителей 10 африканских государств: Эфиопии, Либерии, Ганы, Нигера, Камеруна, Конго (Киншаса), Танзании, Габона, Берега Слоновой Кости и Замбии (т.е. стран — участниц Консультативного Комитета ОАЕ по Нигерии и четырех стран, признавших Биафру).

6. Организация экономического сотрудничества и создание общих служб между Нигерией и Биафрой.

7. Проведение плебисцита в спорных районах и за пределами Биафры с целью выявления воли народа о присоединении к Биафре.

8. Разделение платежей по налогам и долгам бывшей федерации между Нигерией и Биафрой.

9. Немедленное достижение договоренности о доставке продовольствия и других предметов первой необходимости по воздуху, морю и земле для гражданских жертв войны.

Следует отметить, что во всех официальных встречах обеих делегаций в переговорах принимали участие с эфиопской стороны не только лично император Хайле Селассие, но и премьер-министр Аклилу Абтевольд³², министр иностранных дел Кетема Ифру³³, министр двора Кидане Вольд, вновь назначенный посол Эфиопии в США Минассие Хайле и др., а также Генеральный секретарь ОАЕ Диалло Телли³⁴. Помимо официальных встреч обеих делегаций за одним столом при участии императора со своей свитой и Диалло Телли с несколькими своими помощниками, императором и Диалло Телли систематически, а иногда два-три раза в день, проводились беседы с каждой из делегаций в частном порядке.

После неоднократных встреч императора с каждой из делегаций в отдельности, а также консультаций генерального секретаря ОАЕ Диалло Телли с отдельными делегациями стало ясно, что сблизить в какой-то мере позиции сторон до такой степени, чтобы возникла реальная платформа для конструктивного обсуждения, не удалось. Это отчетливо показало следующее официальное заседание делегаций под председательством императора 12 августа. На этом заседании с большой полемической речью выступил глава делегации федерального правительства Энахоро, в которой подробно осветил всю историю возникновения сепаратистского движения Биафры, разъяснил причины борьбы нигерийского народа за единство страны и ответил на выпады Оджукву. Детально разобрав все предложения делегации Биафры, Энахоро заявил, что они являются неприемлемыми в связи с тем, что вытекают из принципа отделения Восточной провинции от Нигерии.

Как заявил Энахоро, единственным пунктом предложений Биафры, который заслуживает рассмотрения, является призыв о немедленном достижении договоренности относительно доставки помощи бедствующему гражданскому населению.

Этот пункт совпадает с третьим вопросом повестки дня переговоров, и поэтому Энахоро предложил приступить к обсуждению этого третьего вопроса повестки дня, прекратив переговоры по первому основному пункту повестки дня в связи с отсутствием какого-либо сближения позиции Биафры с предложениями федерального правительства.

³² Аклилу, Хабте-Уолд (1912–1974) — премьер-министр Эфиопии (1961–1974).

³³ Кетема, Ифру (1929–1994) — министр иностранных дел Эфиопии (1961–1972).

³⁴ Диалло, Телли (1925–1977) — гвинейский дипломат и политик, один из основателей ОАЕ, первый генеральный секретарь организации (1964–1972).

Однако в ходе дальнейших переговоров и сепаратных встреч императора и Диалло Телли с обеими делегациями выяснилось, что и по этому последнему пункту повестки дня нет единства взглядов между сторонами. Энахоро заявил, что его правительство разрешит полеты иностранных самолетов с продовольствием и медикаментами для жертв войны в Восточной провинции только при условии их досмотра соответствующими властями Нигерии, с чем, в свою очередь, не соглашается делегация Биафры. Все усилия императора добиться согласованного решения хотя бы по этому вопросу не привели к положительным результатам. На следующий день, 13 августа, глава делегации федерального правительства Энахоро вылетел в Лагос для консультаций со своим правительством.

По данным, полученным в кругах ОАЕ, Энахоро выехал в Лагос в связи с завершением своей миссии, которая заключалась в том, чтобы довести до сведения всей Африки позицию федерального правительства и доказать несостоятельность предложений Биафры и непримиримый характер позиции ее лидеров. Федеральное правительство, как считают в кругах ОАЕ, показало, что оно уважает мнение африканских лидеров, согласившись на продолжение переговоров с Биафрой в Аддис-Абебе, но одновременно оно проявило и надлежащую твердость, отвергнув поползновение Биафры получить признание со стороны ОАЕ своих сепаратистских действий.

В связи с отъездом Энахоро и непримиримостью сторон обстановка на переговорах еще более усложнилась. Было принято решение очередные заседания делегаций проводить при закрытых дверях, с обеспечением более строгих мер секретности в Юбилейном дворце императора, перенеся их из Дома Африки. Император, пытаясь сблизить позиции сторон по вопросу о доставке продовольствия и медикаментов для населения, охваченного военными действиями, произвел очередной нажим на делегации, буквально требуя, чтобы они немедленно согласились и приняли единое решение о путях и способах доставки помощи населению в Восточную провинцию. По имеющимся данным, император заявил на переговорах, что все мировое общественное мнение желает решения данного вопроса, и призвал делегации проявить гуманизм по отношению к гражданскому населению страны. Император сослался при этом на направленные ему послания от видных государственных деятелей различных стран, в которых содержится призыв оказать помощь голодающему и умирающему населению Нигерии и положить конец кровопролитной войне.

Официальное заседание 15 августа было самым длительным и тяжелым в течение всех переговоров. Делегация Восточной провинции не отступила от своей позиции, требуя снятия блокады и свободного доступа в Восточную провинцию всех видов транспорта, предназначенных для помощи населению. Делегация федерального правительства, возглавляемая после отъезда Энахоро комиссаром общественных работ и жилищного строительства Феми Оконну, вновь подтвердила свою позицию по вопросу о доставке помощи: самолеты Международного Красного Креста могут доставлять предметы помощи в аэропорты Нигерии, откуда они после проверки федеральными властями на грузовиках по специально созданным коридорам будут направляться в районы назначения.

<...>

В связи с тем, что в течение пяти официальных заседаний обеих делегаций под председательством императора и более десятка сепаратных встреч императора с каждой делегацией в частном порядке не было достигнуто какого-либо прогресса в переговорах, император принял решение созвать сессию Консультативного Комитета ОАЕ по Нигерии в Аддис-Абебе. 16 августа было официально объявлено, что император пригласил всех глав шести государств — членов Комитета прибыть срочно в Аддис-Абебу на сессию Комитета. Посольству стало известно, что он передал это приглашение через послов этих шести стран еще во вторник, 13 августа, попросив глав государств прибыть в Аддис-Абебу 17 августа с тем, чтобы в понедельник, 19 августа, официально открыть сессию Комитета. Одновременно император обратился к главам враждующих сторон Говону и Оджукву с просьбой принять личное участие в работе сессии Консультативного Комитета.

Однако, согласно полученной посольством информации, ряд глав государств — членов Комитета, в том числе президенты Мобуту³⁵ и Табмэн³⁶, генерал Анкра, а также Говон довели до сведения своих послов, что они вряд ли смогут прибыть в Аддис-Абебу в назначенное императором время. В связи с этим намеченная на 19 августа сессия Консультативного Комитета ОАЕ по Нигерии не состоялась. До сих пор никто из глав [государств] Комитета шести в Аддис-Абебу не прибыл, и вопрос о созыве сессии Комитета в Аддис-Абебе отпал.

Судя по всему, главы государств Комитета 6-ти по Нигерии, понимая очевидную неудачу переговоров в Аддис-Абебе, посчитали для себя наиболее целесообразным уклониться от непосредственного участия в этих переговорах. Как здесь полагают, лидеры остальных участников Консультативного Комитета не хотят брать на себя ответственность за фактический провал мирных переговоров в Аддис-Абебе. Они прекрасно отдают себе отчет, что в данный момент вся тяжесть нигерийского кризиса и ответственность за его разрешение лежит на плечах императора Эфиопии как инициатора и организатора мирных переговоров в Аддис-Абебе.

В этой обстановке эфиопское правительство и лично император продолжали настойчивые усилия по достижению согласованного решения по одному единственному вопросу о доставке помощи населению, по которому имеется пока надежда на положительный результат. Император почти ежедневно после прерванных 15 августа официальных заседаний делегаций проводил частные встречи то с одной, то с другой делегацией.

Эфиопская правительственная печать регулярно передавала сообщения об этих встречах, подчеркивая, что переговоры в Аддис-Абебе не закончены и в ближайшее время возобновятся. Делегации обеих сторон, в свою очередь, избегали каких-либо заявлений или действий, которые могли бы создать впечатление, что именно они намерены прекратить переговоры. Так, например, когда два члена нигерийской делегации покинули Аддис-Абебу, и в иностранной печати появились сообщения о фактическом окончании переговоров, нынешний руководитель нигерийской делегации Оконну сделал официальное заявление о том, что отъезд кого-либо из делегатов из Аддис-Абебы не означает прекращение переговоров. В местной печати были опубликованы сообщения о том, что два ведущих делегата федерального правительства, в том числе постоянный секретарь по экономическим делам правительства Аида, вернулись 21 августа в Аддис-Абебу после консультаций со своим правительством, а делегация Восточной провинции была укреплена в связи с прибытием в тот же день главнокомандующего армией Биафры генерал-майора Эффионга.

Обращает на себя внимание активная деятельность открытого в Аддис-Абебе с разрешения эфиопских властей пресс-центра делегации Биафры. Через этот пресс-центр, разместившийся в самой крупной гостинице города, делегация Биафры распространяет брошюры, плакаты и другие материалы, в которых защищается дело Биафры и делаются нападки на страны, поддерживающие федеральное правительство. В частности, в карикатурной форме распространяемые там плакаты показывают, как Англия, США и СССР совместно помогают Нигерии в борьбе против Биафры. В этом пресс-центре выставлены также фотографии, показывающие «расправу» федеральных войск с племенем ибо. Сотрудники пресс-центра проводят беседы с эфиопскими и иностранными корреспондентами и другими посетителями, раздают свою литературу и материалы. Ежедневно там демонстрируются документальные фильмы об ужасах войны и «зверствах» федеральных войск.

В журналистских кругах Аддис-Абебы высказывалось мнение, что делегация Биафры попытается закрепиться в Аддис-Абебе, сохранив на длительное время свой пресс-центр в виде представительства национально-освободительного движения Биафры. Характерно в этой связи, что из беседы с начальником службы информации Императорского двора стало известно, что имеется указание «сверху» не препятствовать делегации Биафры

³⁵ Мобуту, Жозеф-Дезире (1930–1997) — президент Демократической Республики Конго/Заира (1965–1997).

³⁶ Так в тексте. Табмен, Уильям (1895–1971) — президент Либерии (1944–1971).

в ее пропагандистской деятельности во время переговоров в Аддис-Абебе. Что касается деятельности пресс-центра Биафры после официального окончания переговоров, то, по заявлению вышеупомянутого начальника службы информации, эта деятельность вряд ли будет продолжаться длительное время. В местных информированных кругах полагают, что эфиопское правительство вряд ли пойдет на оказание поддержки в деятельности указанного пресс-центра, так же как и в поддержке вообще дела Биафры. Прежде всего, это создало бы прецедент для сформирования подобных же центров или представительств эфиопских сепаратистов за границей, например в Нигерии. Кроме того, такая поддержка Биафры означала бы отход эфиопского правительства от занимаемой им позиции поддержки единства и территориальной целостности Нигерии.

Первая стадия мирных переговоров в Аддис-Абебе показала непримиримость сторон на переговорах и отсутствие каких-либо реальных возможностей по политическому урегулированию конфликта, поскольку обе стороны исходят из прямо противоположных позиций. Представители Биафры пока еще не отказались и вряд ли откажутся от своего главного требования — добиться сохранения политической независимости, т.е. закрепления отделения от Нигерии. Федеральное правительство Нигерии не намерено, в свою очередь, идти на какие-либо уступки в этом принципиальном вопросе и будет продолжать свои усилия по разрешению нигерийской проблемы военным путем, т.е. путем подавления остатков сопротивления руководителей Биафры и их сторонников. В этих условиях в настоящее время вызывает большое затруднение и решение другого важного вопроса в нигерийском кризисе — прекращение военных действий. Остаются надежды на урегулирование в конечном счете только вопроса о доставке населению районов, охваченных военными действиями, помощи продовольствием, медикаментами и одеждой. Именно на разрешение этого последнего вопроса направлены сейчас все усилия императора и эфиопского правительства.

Для императора представляется чрезвычайно важным добиться хотя бы минимального, но положительного исхода в мирных переговорах в Аддис-Абебе. Таким положительным результатом могло явиться урегулирование вопроса о доставке помощи гражданскому населению Нигерии. Очевидно, что императору на заключительной стадии переговоров в какой-то степени и удалось урегулировать этот вопрос.

Как следует из официального сообщения по местному радио, 24 августа возобновились официальные встречи двух делегаций на переговорах в Аддис-Абебе под председательством императора. 25 августа в местных газетах было опубликовано заявление Диалло Телли для представителей печати, в котором указывается, что утром 24 августа «обе стороны достигли важного соглашения по вопросу о срочной доставке помощи гражданскому населению охваченных войной районов путем принятия некоторых новых предложений его императорского величества, касающихся одновременного использования наземного и воздушного коридоров». Обе стороны, говорится далее в этом заявлении, вновь встретились в тот же день вечером для обсуждения деталей быстрого претворения в жизнь достигнутого утром соглашения. Переговоры были продолжены в понедельник, 26 августа.

По имеющимся данным, обстановка вокруг возобновившихся переговоров складывалась следующим образом. Длительные ежедневные переговоры императора с обеими делегациями в отдельности, предшествовавшие официальной встрече делегаций 24 августа, свидетельствовали о том, что император с помощью Диалло Телли практически оказывал повседневный нажим на делегацию Биафры с целью склонить ее на принятие компромиссного решения о доставке помощи бедствующему гражданскому населению Нигерии. В связи с тем, что это компромиссное решение означало бы уступку со стороны делегации Биафры, была достигнута договоренность с тем, чтобы «спасти ее лицо», сделать вышеупомянутое соглашение двух делегаций секретным.

В то же время для того, чтобы придать видимость успеха переговоров, было решено обнародовать сообщение о данном соглашении. С этой целью Диалло Телли было поручено выступить на пресс-конференции с вышеуказанным заявлением, опубликованным 25 августа. Как здесь полагают, это было сделано с учетом того, что у императора и других

организаторов переговоров нет уверенности в том, что обе стороны, и в первую очередь руководители Биафры, пойдут на выполнение этого соглашения, о деталях которого еще продолжают переговоры. <...>

Хотя официально переговоры еще не закончились, надо полагать, что единственным их результатом может явиться только вышеуказанное секретное соглашение, о выполнении которого нет еще полной договоренности.

Советник Посольства СССР в Эфиопии [подпись] (С. Кирсанов)

АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. П. 16. Д. 10. Л. 95–108.

Подлинник. Машинопись. Подпись — автограф.

Документ № 3

Посольство СССР в Эфиопии

Секретно. Экз. № 2

8 октября 1968 г.

Исх. № 427

О ХОДЕ МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ В АДДИС-АБЕБЕ ПО НИГЕРИИ

(Информация в дополнение к Нашему № 394/с от 27 августа 1968 г.)

В понедельник, 26 августа с.г., в течение 6 часов, как следует из официального сообщения, состоялись две встречи императора с обеими делегациями отдельно.

Основным вопросом, обсуждавшимся во время этих встреч, был вопрос, связанный с транспортировкой гражданских поставок помощи населению районов, охваченных военными действиями. Переговоры по этому вопросу продолжались до 3 сентября с.г., т.е. до принятия нигерийским правительством компромиссных предложений императора, выдвинутых им 28 августа. Компромиссные предложения императора сводились к следующему.

1. Предлагалось создание двух (наземного и воздушного) коридоров, по которым гражданские поставки помощи будут направляться в Восточную провинцию под контролем и наблюдением международной группы наблюдателей (шесть членов Консультативного Комитета ОАЕ по Нигерии и Международного Красного Креста).

2. Указывались населенные пункты, через которые будет отгружаться помощь для последующей транспортировки по наземному и воздушному коридорам.

3. Излагались условия, при которых указанные выше коридоры могли бы нормально функционировать.

4. Перечислялись основные задачи международной группы наблюдателей. При обсуждении этих компромиссных предложений выявилось нежелание как представителей Восточной провинции, так и федеральных нигерийских властей пойти на создание наземного коридора. Это нежелание обосновывалось обеими сторонами трудностями создания такого наземного коридора и неприемлемостью его по военным причинам.

3 сентября с.г. глава нигерийского правительства Говон согласился с предложением Хайле Селассие об авиатранспортировке гражданской помощи с Фернандо-По на аэродром Ули, удерживаемый войсками Восточной провинции. Другая сторона на переговорах также выразила в принципе согласие направлять помощь с Фернандо-По, но не согласилась с аэродромом Ули, как конечным пунктом назначения (ранее они предлагали Утуру).

Обе стороны приняли предложение Хайле Селассие об осуществлении всех авиатранспортировок помощи под наблюдением Международного Красного Креста.

9 сентября с.г., в связи с завершением нигерийских переговоров в Аддис-Абебе, перед делегациями обеих сторон выступил император как глава Консультативного Комитета ОАЕ по Нигерии. Хайле Селассие выразил удовлетворение результатами переговоров, хотя и признал, что конфликт в Нигерии не прекращен, и что к его обсуждению вернется ассамблея глав государств и правительств ОАЕ в Алжире с 13 по 16 сентября 1968 года.

Давая общую оценку состоявшимся в Аддис-Абебе переговорам по Нигерии, следует отметить прежде всего то, что обе делегации, приступая к переговорам, не имели в своих

позициях ничего общего, что могло бы явиться основой для достижения какого-либо соглашения. Еще в период переговоров федеральные нигерийские представители в беседах с сотрудниками посольства подчеркивали, что они не пойдут ни на какие уступки представителям другой стороны, а будут решать эту проблему военным путем. Свидетельством этому может служить то, что именно в период переговоров в Аддис-Абебе нигерийские федеральные войска предприняли расширенные боевые действия против войск Биафры с тем, чтобы вынудить другую сторону пойти на значительные уступки во время переговоров.

В результате непримиримости двух сторон и нежелания найти общую основу для достижения соглашения между двумя сторонами даже в таких вопросах, как пути и средства осуществления поставок помощи жертвам гражданской войны в Нигерии, а также ввиду того, что приближалось время начала работы ассамблеи ОАЕ, Хайле Селассие завершил 9 сентября с.г. свою безрезультативную миссию посредника на переговорах, передав эту проблему на обсуждение всеафриканского форума в Алжире.

<...>

Советник Посольства СССР в Эфиопии [подпись] (Ю. Комаров)

Атташе Посольства СССР в Эфиопии [подпись] (В. Токин)

АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. П. 16. Д. 10. Л. 109–111.

Подлинник. Машинопись. Подписи — автографы.

Библиография

Мазов С.В. Военная помощь СССР федеральному правительству во время гражданской войны в Нигерии (1967–1970) // Новая и новейшая история. 2023. № 4. С. 167–188. DOI: 10.31857/S013038640027032–3

Пилиакин Б. Нигерийский узел // Известия. 10.VI.1968.

Россия и Африка. Документы и материалы. 1961 — начало 1970-х / под ред. А.С. Балезина, А.В. Воеводского, А.Б. Давидсона, С.В. Мазова. М., 2021.

Griffin Ch. France and the Nigerian Civil War, 1967–1970 // Postcolonial Conflict and the Question of Genocide: The Nigeria-Biafra War, 1967–1970 / eds A.D. Moses, L. Heerten. New York, 2017. P. 156–176.

Jorre J. de St. The Brothers' War. Biafra and Nigeria. Boston, 1972.

Kirk-Greene A.H.M. Crisis and conflict in Nigeria: A documentary sourcebook 1966–1969. Vol. I–II. Oxford, 1971.

References

Mazov S.V. Voennaya pomosh SSSR federalnomu pravitelstvu vo vremya grazhdanskoy voiny v Nigherii (1967–1970) [USSR Military Assistance to the Federal Government during the Nigerian Civil War (1967–1970)] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2023. № 4. S. 167–188. DOI: 10.31857/S013038640027032–3 (In Russ.)

Pilyatskin B. Nigherieiskiy uzal [A Nigerian knot] // Izvestiya [News]. 10.VI.1968. (In Russ.)

Rossiia i Afrika. Dokumenty i materialy. 1961 — nachalo 1970-h [Russia and Africa. Documents and materials. 1961 — early 1970s] / pod red. A.S. Balezina, A.V. Voevodskogo, A.B. Davidsona, S.V. Mazova. Moskva, 2021. (In Russ.)

Griffin Ch. France and the Nigerian Civil War, 1967–1970 // Postcolonial Conflict and the Question of Genocide: The Nigeria-Biafra War, 1967–1970 / eds A.D. Moses, L. Heerten. New York, 2017. P. 156–176.

Jorre J. de St. The Brothers' War. Biafra and Nigeria. Boston, 1972.

Kirk-Greene A.H.M. Crisis and conflict in Nigeria: A documentary sourcebook 1966–1969. Vol. I–II. Oxford, 1971.

DOI: 10.31857/S0130386424010104

© 2024 г. Н.В. БОРКУНОВ

ДИСКУССИИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА *CHECHE* И МОДЕРНИЗАЦИЯ В ТАНЗАНИИ (1967–1970)

Боркунов Никита Валерьевич — аспирант Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: nvborkunov@gaugn.ru

ORCID: 0000-0003-2904-7067

Аннотация. В предлагаемой статье анализируются дискуссия на страницах радикального танзанийского студенческого журнала *Cheche* (суах. «искра») и связанные с ней публикации различных материалов Университетского студенческого африканского революционного фронта (University Student African Revolutionary Front, USARF). Они рассматриваются как важный феномен пересечения «больших» дискурсов с локальными представлениями. Сама дискуссия разворачивалась на заре политической независимости Танзании (1967–1970), однако понятия и темы, актуальные для нее, находились в центре обсуждения еще в колониальный период. Двумя основными темами анализируемой дискуссии являются развитие и модернизация, а также роль молодых танзанийских интеллектуалов в их достижениях. Проследивая эволюцию значения данных понятий в колониальный период, автор стремится выяснить, как изменилось их понимание с момента обретения независимости. Он также обращается к истории Дар-эс-Саламского университета и социалистического кружка USARF, выдвигая гипотезу о том, как местные дискуссии членов студенческих организаций, с одной стороны, сохраняли и актуализировали локальные идеи, существовавшие в понятиях еще в колониальный период, с другой стороны, как эти дискуссии могли повлиять на публичную сферу и наполнить новым смыслом локальные понятия развития и модернизации (суах. *maendeleo*), привнося новый термин «недоразвитость» (суах. *maendeleo duni*), который был сформулирован под сильным влиянием работ гайанского историка У. Родни, работавшего в те годы в Университете Дар-эс-Салама.

Ключевые слова: деколонизация, африканский социализм, Танзания, Дар-эс-Саламский университет.

N.V. Borkunov

Discussions in “Cheche” Magazine and Modernisation in Tanzania (1967–1970)

Nikita Borkunov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: nvborkunov@gaugn.ru

ORCID: 0000-0003-2904-7067

Abstract. Today, Africanists are turning their attention to the history of decolonization once again. Intellectual historians and those who study the history of concepts are no exception. The author of this article proposes to consider the discussion on the pages of the radical student magazine *Cheche* and the birth of USARF (University Student African Revolutionary Front) as an important phenomenon of the intersection of “big” discourses with local vernacular ideas at the very

dawn of Tanzania's political independence (1967–1970). The two main concepts, on the intersection of which, the analyzed discussion arose, are development and modernization and the role of young intellectuals in achieving them. Tracing how these concepts developed during the colonial period, the author draws attention to how their understanding changed and developed with independence. The author then turns to the history of the University of Dar es Salaam and the history of the USARF socialist circle, hypothesizing how local debates may have influenced the public sphere and local notions of development and modernization (*maendeleo*). How did the vernacular ideas influence the use of these concepts in the discussions, that happened between the members of the organizations. And in turn how did they influence the ideas by introducing a new concept of “underdevelopment” (*maendeleo duni*), which was heavily influenced by works of Walter Rodney?

Keywords: decolonization, African socialism, Modernization, Tanzania, Dar es Salaam University.

Последние несколько лет ученые все чаще обращаются к эпохе деколонизации в Африке. Особенно важен следующий вопрос: действительно ли изменения, происшедшие в этот период, носили революционный характер, как это принято считать? Историки культуры говорят о сохранении или, наоборот, о преодолении колониальных культурных практик и традиций. Политические историки задаются вопросом, действительно ли обретенная в борьбе политическая независимость привела к коренному изменению политических структур и систем, или они все еще несут на себе неизгладимый отпечаток колониализма. Интеллектуальная история или история идей ставит проблему преемственности и разрыва в способах мышления и артикуляции центральных концептов данной эпохи. Данная статья посвящена указанному кругу проблем, поэтому на нем мы и сосредоточимся, обратившись к последним работам, посвященным интеллектуальной истории Танзании.

Исследователи как отечественные¹, так и зарубежные² уже по-новому обращаются к истории Танзании с подобными вопросами. Важными нововведениями становится, во-первых, то, что деколонизация рассматривается не как местный африканский феномен, а как глобальный процесс. Это ведет к тому, что вопросы и проблемы восстановления идей и концептов прошлого, с помощью которых люди осмысливали свой мир, рассматриваются не с локальной точки зрения, а вписываются в глобальную перспективу. Это означает, что, например, такие политические концепты, как «гражданство», «свобода» или «власть», в их локальных артикуляциях рассматриваются не как используемые в рамках закрытого этнического или национального сообщества, а как важные части глобальных дискуссий или дискурсов. Однако исследования в этом направлении сталкиваются с риском чрезмерного обобщения, из-за которого местный контекст теряется в глобальном.

С другой стороны, уходит представление о том, что модернизация, тесно связанная с деколонизацией или даже подлежащая ей, это некоторый естественный и неизбежный процесс, движимый природными силами. Такая смена угла зрения подталкивает исследователей к тому, чтобы обращать внимание на альтернативные способы мышления и новые основания общественного устройства. Во многом в связи с популярностью постколониальной теории все чаще идеи забытые или считавшиеся раньше маргинальными становятся предметом интереса ученых. Такие исследования, безусловно, являются интересными и новаторскими, однако зачастую выводы, к которым приходят авторы, работающие в данном направлении, оказываются либо слишком однобокими, либо уже давно знакомыми. Однако главную проблему данного подхода мы видим в том, что он зачастую не может перейти от локального уровня к глобальному и игнорирует «большие» дискурсы, считая, что им присущ колониальный подход.

¹ Мазов С.В. «Африканский Геркулес» и «колониальная гидра». Проблема колониализма в трудах Кваме Нкрумы // Африка: История и историки. М., 2014. С. 143–171; Базезин А.С. Черная Африка и Европа: к проблеме встречи культур в колониальную эпоху. М., 2015; Базезин А.С. и др. Перелом в истории Африки: ожидания и реальность к 60-летию Года Африки. М., 2021.

² Hunter E. Political thought and the public sphere in Tanzania. Cambridge, 2015; Lal P. African socialism in postcolonial Tanzania. Cambridge, 2015.

Работы, в которых, на наш взгляд, удачно обходятся эти проблемы, появляются в последние несколько лет, однако отечественные исследователи зачастую не вступают с ними в дискуссию. Во многом данная статья имеет целью ее начать. Возвращаясь к интересующим нас исследованиям, стоит заметить, что они, проходя между крайностями теории модернизации и постколониальной теории, убедительно встраивают восстановленные в ходе исторического анализа локальные идеи и понятия в глобальный контекст. Однако авторы этих работ едва ли представляют собой единую школу, так как авторы, исследующие данную проблематику, работают в разных институциях на разных континентах. Для удобства мы назовем этот подход «глобальная интеллектуальная история». В качестве введения в проблему стоит начать с краткого рассмотрения основных выводов этих работ. Затем мы отметим выпадающую из внимания авторов проблематику и эмпирическое поле и попытаемся заполнить эту лакуну.

Работы этого направления достаточно ясно показывают необходимость определенной методологической установки на работу с локальными источниками (прессой, устной традицией и литературой) и сопоставления их с большими нарративами, отразившимися в программных документах международных организаций или речах, текстах и памфлетах национальных лидеров. Первая из них — работа Э. Хантер «Политическая мысль и публичная сфера в Танзании», в которой отчасти заимствуются некоторые методологические особенности и выводы кембриджской школы интеллектуальной истории. Для нее метанарративы и межнациональные дискурсы становятся ключом к анализу локальной политической мысли Танзании в период деколонизации. Она пишет: «Как только мы начинаем пробираться под метанарратив деколонизации, мы находим богатый источник политического мышления, для исследования которого не подходит уже знакомый способ работы с [политическим мышлением] середины XX в.»³. При этом основными источниками для Э. Хантер является пресса, но не правительственная, а местные газеты и журналы, издававшиеся либо местными органами самоуправления, либо же католическими и лютеранскими миссиями. Таким образом, вписывая локальный дискурс в большие нарративы, Хантер удается показать, как локальные представления о политическом, а также понятиях «гражданство», «нация», «свобода» и др. вписываются в общий контекст крупных международных дискуссий.

Среди этих концептов особое место в анализе Э. Хантер занимает понятие *maendeleo* (суах. «развитие», «модернизация»), которое являлось основным концептом как в период, предшествующий деколонизации (1945–1960), так и в период политики уджамаа (*ujamaa*) (1961/7–1984)⁴. Так, автор показывает, как распространенное в межвоенный период понятие *ustaarabu* (суах. «цивилизация»), которое находилось в центре споров о будущем Африки с 1923 г., заменяется на *maendeleo*. Остановимся на этих двух понятиях и рассмотрим, как их понимали в тот период. Это станет хорошей иллюстрацией того, как данный подход предлагает анализировать понятия, а также важной отправной точкой нашей проблематики.

Так, дискуссия о понятии *ustaarabu* была развернута на страницах газеты *Mambo Leo* в 1923 г. в рубрике *Afrika ya Kesho* (суах. «будущее Африки») ⁵. Данная газета издавалась Британской колониальной администрацией Танганьики. Максимальный тираж газеты достигал 9 тыс. экземпляров, что делал ее самой крупной газетой в 1920–1930-х годах. Ее основной задачей и целью являлась образовательная миссия, но в ней также публиковались главные новости, правительственные указы и различные развлекательные материалы. В 1923 г. в газете было опубликовано письмо от местного жителя под псевдонимом *Mwenyeji wa Inchi* (суах. «местный житель»), а также ответ на него от Салеса Майсснера,

³ Hunter E. Political thought... P. 7.

⁴ Hunter E. Developing Africa Concepts and practices in twentieth-century colonialism. A history of *maendeleo*: The concept of “development” in Tanganyika’s late colonial public sphere / eds. J.M. Hodge, G. Hödl, M. Kopf. Manchester, 2014. P. 87–107.

⁵ Hunter E. “Our common humanity”: print, power, and the colonial press in interwar Tanganyika and French Cameroun // *Journal of Global History*. 2012. Vol. 7. P. 279–301.

неравнодушного жителя Танганьики. За ними последовала и серия других писем. Все они были посвящены одной проблеме — «сущности цивилизации» (суах. *Kiini cha ustaarabu*).

К. Бромбер, анализирувшая данную дискуссию, так резюмирует основные напряжения, заложенные в понятии *ustaarabu*⁶. Во-первых, получение статуса *ustaarabu* приводит к равенству, но только между цивилизованными (суах. *kuwa mtu kama watu*), а его отсутствие усиливает неравенство (суах. *kuwa watu duni ya watu*). Во-вторых, статус *ustaarabu* достигается постепенным движением, что становится ясным из глаголов, которые употребляются с данным понятием *enda* (суах. «идти»), *endelea* (суах. «развивать/развиваться»), *ota* (суах. «расти»), *sitawi* (суах. «процветать») и, наоборот, пропадает в результате регрессивного движения, что обозначается следующими глаголами: *rudisha* (суах. «возвращать»), *chelewa* (суах. «опаздывать»), *simama* (суах. «стоять»). Одной из ключевых характеристик *ustaarabu* являлась торговля, так как само слово отсылает к арабской культуре, неотъемлемой частью которой являлось занятие торговлей⁷. Поэтому *ustaarabu* требует того, чтобы люди, обладающие данным статусом, откладывали деньги для дальнейшего реинвестирования в свое будущее, а неосторожное расточительство может привести к его утере. Также *ustaarabu* подразумевает определенный тип межличностных отношений, основанных на взаимной поддержке (—*saidiana*, суах. «помогать друг другу») и взаимном уважении (—*heshimiana*, суах. «уважать друг друга»), а притеснения или издевательства друг над другом с ним несовместимы (—*oneana* — суах. «презирать друг друга»). Достижение *ustaarabu* также неразрывно связано со стремлением к образованию (—*soma*, суах. «учиться») и борьбой с невежеством (*ujinga*, суах. «невежество») ⁸.

Впоследствии с течением времени в публичных дискуссиях того времени слово *ustaarabu* уходит на второй план. Во многом это связано с «колониальностью» самого понятия. Ведь в нем заложено понимание того, что большинству местных жителей Танганьики еще только предстоит достигнуть статуса цивилизованности, с чем категорически было не согласно само население, а также антиколониальные деятели, его представлявшие. Ему на смену приходит более нейтральное, но не менее «валентное» понятие *maendeleo*. Оно сохраняет некоторые из ключевых характеристик *ustaarabu*. Так, понятие *maendeleo* сохраняет определяющий все его значение элемент, а именно то, что оно остается статусом, которого еще только предстоит достичь. Однако оказывается не только более инклюзивным понятием, позволяющим включать широкие круги населения в данный процесс, но и изменяет основные содержательные конфликты понятия и расширяет круг угроз, способных замедлить или обратить развитие.

Так же как и *ustaarabu*, понятие *maendeleo* оказывается не просто понятием, обозначающим некоторое состояние или процесс. Его следует воспринимать как целое поле конфликтующих представлений, с помощью которых возможно было обсуждать и спорить о современности. Его силу и широкое распространение можно объяснить тем, что оно одновременно имело описательную и оценочную природу, в отличие от *ustaarabu*, которое скорее было только оценочным. Само понятие распространяется в общественных дискуссиях в 1940-е годы. Одно из первых его употреблений в современном значении мы находим в книге П.И. Марееалле, занимавшего должность «регионального вождя» одного из районов горы Килиманджаро, в котором проживали представители народа чагга. В книге «Жизнь чагги здесь, на земле и в будущем»⁹ он часто обращается к этому понятию. Э. Хантер, анализирувшая этот текст, выделяет немало значений этого понятия. Во-первых, понятием *maendeleo* обозначалось изменение, привносимое современностью, что было связано

⁶ Bromber K. *Ustaarabu: A Conceptual Change in Tanganyikan Newspaper Discourse in the 1920s* // *Global conceptual history: a reader* / eds M. Pernau, D. Sachsenmaier. New York, 2016. P. 289–304.

⁷ Стоит заметить, что «арабскость» в Восточной Африке не обязательно означала происхождение из арабской семьи, скорее это была культурная, нежели этническая категория. Достаточно вспомнить одного из самых известных торговцев Восточной Африки — Типпу Типпа.

⁸ Bromber K. *Op. cit.* P. 296.

⁹ Marealle P.I. *Maisha ya Mchagga Hapa Duniani na Ahera*. Dar es Salaam, 2002.

с принятием новых, «хороших» обычаев и отказа от старых, «порочных». Во-вторых, им зачастую в словосочетании *kazi za maendeleo* (суах. «деятельность по достижении развития») также обозначались колониальные проекты развития в сферах сельского хозяйства и образования. Последнее значение заключалось в том, что *maendeleo* подразумевало также и некоторое естественное, органическое развитие, приходящее само собой без необходимых усилий, привносимых извне¹⁰.

Для нас важны также другие три особенности понятия, которые возникают в нем со временем. В качестве первого стоит выделить то, что *maendeleo* достигалось с помощью кооперации и взаимодействия, но при этом подразумевало также политическую независимость, но не общенациональную, а этническую, и опору на собственные силы в рамках мелких сообществ (ср. с *ustaarabu*). Как отмечает Э. Хантер, в местной прессе того времени был распространен сравнительный подход как в отношении этносов, так и других стран. Общим моментом оказывалось сравнение с американскими переселенцами и их успехом в создании независимого и самодостаточного общества. Общенациональная независимость становится неотъемлемой частью *maendeleo* уже в 1950-е годы, когда партия ТАНУ (*Tanganyika African National Union*) одержала победу на выборах в 1958 г. и фактически взяла на себя миссию достижения *maendeleo*, исключив возможность всех остальных содействовать¹¹. При этом ее противоположностью этому понятию становится не только бедность (суах. *Umaskini*) или состояние невежества (суах. *ujinga*), но и хаос и беспорядок (суах. *fujio*)¹².

Во-вторых, как и в случае с дискуссиями вокруг понятия *ustaarabu*, для понятия *maendeleo* выделялись факторы, ему угрожающие или даже способные повернуть вспять движение, обозначавшееся этим понятием. К двум важным для нашего исследования факторам мы и обратимся. В качестве первой угрозы стоит выделить индивидуализм и эгоизм. При этом если национальные лидеры и политики артикулировали эту оппозицию абстрактно как «общество против индивида», то в дискуссиях местных деятелей они касались вполне конкретных проблем, например личного обогащения через выкуп жен. Опасность индивидуализма также вынуждала ставить вопрос о свободе, рабстве и независимости. Этот язык достаточно подробно изучен, поэтому особое внимание ему уделять мы не будем.

Нас гораздо больше интересует, что в качестве одного из факторов одновременно как способствующему *maendeleo*, так и угрожающего ему была молодежь (суах. *vijana*). В период, предшествующий деколонизации, угроза, исходившая от молодежи, формулировалась в их отходе от обычаев. Некоторая часть молодежи была достойной и следовала установленным обычаям, однако «опасная» молодежь тратила свое время на распитие алкогольных напитков и игру в карты или предпочитала жизни в деревне и работе в поле городскую жизнь. Тем самым молодежь нарушала одно из ключевых условий *maendeleo* — взаимопомощь и самостоятельность. Однако стоит помнить, что при этом молодежь всегда воспринималась двойственно: как залог будущего развития, так и угроза ему. Эта проблема и язык, с помощью которой она артикулировалась, и будет нас интересовать. Ведь, во-первых, в дискуссиях в университете проблема развития формулировалась по-другому, так как для образованной молодежи было характерно как минимум двуязычие (английский и суахили). Во-вторых, если в самих дискуссиях молодежь предстает как нечто единое и гомогенное по своему характеру, то на практике молодежь была крайне разнородна. Но для начала мы обратимся к еще одной проблеме — соотношения глобального и локального дискурса.

Показательно, как анализ локальной публичной сферы Э. Хантер пересекается с анализом теории уджамаа в монографии П. Лал¹³. Автор показывает, с одной стороны, как сложно выстроить типичную для европейской интеллектуальной истории генеалогию политического мышления и воображения одного из ключевых теоретиков африканского

¹⁰ Hunter E. *Developing Africa Concepts and practices...* P. 94.

¹¹ Ibid. P. 99–101.

¹² Brennan J.R. *Youth, the TANU Youth League and Managed Vigilantism in Dar es Salaam, Tanzania, 1925–73* // *Africa*. 2006. Vol. 76. P. 221–246.

¹³ Lal P. *Op. cit.* P. 28–78.

социализма и первого президента Танзании Дж.К. Ньерере. С помощью анализа основных понятий политики («опора на собственные силы» — *суах. siasa ya kujitegemea*, «свобода и независимость» — *uhuru* и «труд» — *kazi*) уджамаа П. Лал показывает, что ее истоки так же бессмысленно проследить через заимствование или адаптацию европейской мысли о политическом, но также безрезультатным оказывается и поиск истоков в политических представлениях этноса *занаки*, откуда происходит Дж.К. Ньерере. Гораздо важнее оказывается включить их в сосуществующие с теорией уджамаа дискурсы panaфриканизма и деколонизации, где идиомы и понятия анализировать гораздо эффективнее.

Кроме этой важной установки, П. Лал подчеркивает важный элемент, проявляющийся в перенесении теории уджамаа в практику. Так, несмотря на политическую централизацию и создание патерналистского государства, идея уджамаа включала в себя также и локальную децентрализацию, что особенно ярко демонстрировала ситуация в деревнях до 1973 г. Во многом такая особенность объясняется двоякой природой уджамаа: ее одновременно революционным и консервативным характером, утопичностью и прагматизмом, традиционализмом и установкой на построение современного общества. Другие авторы обращают внимание на то, что не только политика в этой области управления характеризовалась таким раздвоением. Культурная политика также была нацелена одновременно и в прошлое (сохранение традиций или их возрождение), и в будущее (построение современной социалистической культуры).

Именно на пересечении административной и культурной политики возникает одна из ключевых для университета институций — Лига молодежи Танзании (Tanzania Youth League, TYL). Эта организация вместе с программой Государственной службы (National Service) была создана для того, чтобы решить проблему «опасной» молодежи. Как мы видели ранее, молодежь воспринималась как одна из возможных угроз *maendeleo*, то же касалось и привилегированной молодежи, имевшей возможность обучаться в университете.

Кризис 1966 г., сопровождавшийся острой дискуссией на страницах местных журналов и газет достаточно убедительно проанализировал А. Иваска¹⁴. Он приходит к следующим выводам. Весь кризис 1966 г. вращался вокруг двух осей: конфликт будущей образованной элиты с существующей политической элитой, которую было принято называть *nizers* (сокращение от *africanization*), т.е. теми, кто занял высокие посты в результате объявления независимости, зачастую не имея необходимых для того квалификаций; а также взаимных претензий двух поколений, тех, кто участвовал в обретении независимости, и тех, чья молодость пришлась на первые годы после ее достижения. Так или иначе это во многом был конфликт политических элит¹⁵. Нас в данной ситуации интересует более поздний период, когда TYL вступает в конфликт с другой молодежной организацией — Университетским революционным фронтом африканских студентов (University Students African Revolutionary Front, USARF), более интернациональной и радикальной, критиковавшей танзанийское правительство в недостаточной революционности. Однако начавшийся в середине 60-х годов кризис побудил правительство Танзании к проведению централизации в области молодежной политики.

Воспоминания современников свидетельствуют о том, что массовое отчисление студентов в результате кризиса 1966 г. и переориентирование университета на социалистические ценности во многом способствовали зарождению USARF, поэтому в данном случае правильнее считать это не продолжением единой политики, а исключительно стремлением приспособиться к обстоятельствам¹⁶.

Для лучшего понимания того, что из себя представлял Дар-эс-Саламский университет в 1960-х годах, стоит начать с условий, в которых он зарождался и существовал, так как

¹⁴ Ivaska A. Of Students, “Nizers”, and a Struggle over Youth: Tanzania’s 1966 National Service Crisis // *Africa Today*. 2005. Vol. 51. P. 83–107.

¹⁵ Ibid. P. 90–100.

¹⁶ Cheche: *Reminiscences of a Radical Magazine* / ed. K.F. Hirji. Dar es Salaam, 2010. P. 6–7.

истории университета на русском языке уделено не так много внимания¹⁷. Танганьика, а с 1964 г. Объединенная Республика Танзания, точнее ее самый крупный город Дар-эс-Салам, являлся очень космополитичным местом. В городе располагались штаб-квартиры партий и революционных движений других африканских стран. С частыми визитами в город приезжали представители международных организаций, лидеры или представители стран третьего мира или европейских стран-доноров, а также первые лица движений по борьбе с расизмом в США. В этом плане университет не отставал от страны, а местами казался даже более открытым и космополитичным.

Сам университет был открыт в октябре 1961 г., т.е. незадолго до объявления независимости. Как и на любой другой африканский университет, на него возлагались большие надежды. Предполагалось, что он станет кузницей новых патриотично настроенных и лояльных курсу страны кадров, выращенных и воспитанных на собственной почве, которые в будущем должны были если не возглавить страну, то внести значительный вклад в ее развитие. Вопрос воспитания молодежи, как мы могли видеть ранее, стоял крайне остро¹⁸. Ведь, с одной стороны, она являлась залогом развития независимой Танзании, а с другой — угрозой ему. И уже здесь мы можем наблюдать первую проблему, которую этот университет создавал внутри правящих элит. Она заключалась в том, что большинство тех, кого можно назвать политической элитой, т.е. преимущественно бюрократы, были все еще молоды, большинству из них недавно исполнилось 30 лет. Даже первому президенту страны Джулиусу Камбараре Ньерере на момент основания университета было всего 39 лет. Что в будущем создавало своего рода трение между обучающимися в университете и уже занимающими управляющие должности в правительстве молодыми бюрократами.

Вопрос независимой национальной образовательной системы, безусловно, ставился еще до обретения независимости. Такой университет, помимо обозначенной выше задачи, должен был решить проблему существовавшей жестко сегрегированной образовательной системы отдельных школ для европейцев, африканцев и индийцев. К тому же возникал он в контексте недавних усилий колониальной администрации с помощью реформы образования распространить обучение в школах на африканцев-селян. Победа ТАНУ на выборах в 1954 и 1958 гг. позволила во время визита миссии ООН поднять вопрос о независимой образовательной системе. В 1958 г. колониальная администрация прислушалась к требованиям ТАНУ и приняла решение открыть объединяющий страны Восточной Африки университет, состоящий из трех колледжей в Кампале, Найроби и Дар-эс-Саламе, каждый из них впоследствии будет специализироваться на разных дисциплинах (колледж в Кампале — на химии и биологии, в Найроби — на технических дисциплинах, в Дар-эс-Саламе — на юриспруденции). Сначала университет располагался в штаб-квартире ТАНУ, в центре города, но уже в 1964 г. переехал на то место, где находится и по сей день.

Так, новый, оборудованный по всем современным стандартам на деньги зарубежных грантов кампус открылся примерно в 6 км от центра города, в районе *milimani* (суах. «на холмах»). В первые годы количество студентов было совсем незначительным, всего в университете обучалось 14 человек на факультете права. К 1970 г. число студентов в университете выросло до 2 тыс. Само расположение в отдалении от центра города подчеркивало элитарность самого заведения. Ведь помимо университета в данном районе почти ничего не располагалось. Да и то, насколько дорого обходилось содержание студентов и насколько роскошно по стандартам того времени был обустроен университет, выделяло его среди других государственных учреждений. В своей речи на открытии университета Дж.К. Ньерере заявил, что годовое обеспечение персонала и студентов обходится в 1 тыс. фунтов

¹⁷ В одной из основополагающих работ по истории Танзании в новое время рассматривается лишь система общего образования, особое внимание университету в ней не уделяется: *Овчинников В.Е.* История Танзании в новое и новейшее время. М., 1986. С. 239–243.

¹⁸ *Morrison D.R.* Education and Politics in Africa: The Tanzanian Case. London, 1976. P. 75–81.

в год, что было в 50 раз выше ВВП Танзании на душу населения¹⁹. Такие высокие траты объяснялись и оправдывались тем, что это принесет гораздо более значимый вклад в общее благосостояние всего танзанийского общества.

В своей речи по случаю открытия университета первый президент Ньерере приводит две примечательные метафоры развития, в которых объясняет роль университета в последнем. При том, что речи произносились на суахили, до нас, к сожалению, дошли только английские переводы, но сделаны они самим Ньерере. Учитывая, что первый президент Танзании был достаточно талантливым переводчиком и уделял этому значительное время, мы можем не сомневаться в корректности перевода и точности в подборе тех или иных слов и выражений. Во-первых, университет и наука в целом должны обезопасить страну от скатывания к бессмысленным распрям. Ньерере сравнивает такую ситуацию с Дон Кихотом, который спасал девушек от несуществующих драконов или представлял, что полуразрушенные дома и фермы — это замки. «Если мы в Объединенной Республике погрузимся в такой же романтизм, то проведенная нами политическая революция и только недавно начатая экономическая революция окажутся провалены», — заключает Ньерере²⁰. Это можно назвать некоторой негативной функцией университета, т.е. в данном случае его целью является не продвигать развитие, а предостерегать и нивелировать те угрозы, которые неизбежно возникают при революции.

Следующая метафора уже подразумевает активную роль университета. Так, деколонизацию и развитие Ньерере описывает следующим образом: «Мы начали толкать автобус в гору, которая отделяет нас от земли изобилия». Затем он добавляет, что одной лишь грубой силы танзанийского народа будет недостаточно, чтобы достичь вершины. Ее следует сочетать с научным использованием «каждого атома [наших] умений по управлению, зажиганию двигателя, переключения передач, использования педалей тормоза или газа в нужный момент»²¹. При этом если кто-то из тех, кто занимается управлением при помощи научного знания или, наоборот, движением с помощью грубой силы, даст слабину, то этот автобус задавит не только тех, кто им управляет, но народные массы в целом. Таким образом, Ньерере не только представляет развитие не как естественный процесс, а как начатое танзанийцами постепенное линейное движение, но и оправдывает ту высокую цену, которую Танзания заплатила и будет платить за университет. Это также налагало на студентов и сотрудников большую ответственность. Так, в дальнейшем в своей речи Ньерере, продолжая метафору с автобусом, говорит о том, что правительство не может позволить себе «пассажиров», т.е. людей, не вносящих свой вклад в общее благо, в развитие страны²².

Но по сравнению с тем, что мы видели в угрозе, исходившей от молодежи по отношению к *maendeleo*, здесь появляется новое понимание, связанное с тем, что, как замечали ранее, оно закреплялось за национальным сообществом, чьи интересы представляла партия ТАНУ. Теперь угрозой стал считаться не только отход от традиций, но и нарушение общих принципов *уджамаа*, даже аргументируемых свободой слова. Гораздо ярче эта проблема дала знать о себе с появлением Арушской декларации.

Однако это имеет и важное отличие в соотношении *maendeleo* и колониального правительства и ООН. Как отмечает Э. Хантер, глобальная дискуссия о развитии закрепляла за ООН и колониальным правительством роль модератора или надзирателя, контролирующего весь процесс *maendeleo*²³. Однако само это понятие позволяло местным интеллектуалам видеть в развитии некое общее дело и общую цель, в которой африканцы должны принимать участие наравне с другими. В речи, посвященной университету, мы можем заметить, что за независимым правительством Танзании оратор оставлял роль модератора, однако

¹⁹ Nyerere J.K. Address on the Opening of the University College Campus, August 21, 1964. In *Freedom and Unity* / ed. J.K. Nyerere. London, 1966. P. 306–307.

²⁰ Ibidem.

²¹ Ibidem.

²² Ibid. P. 308.

²³ Hunter E. *Developing Africa Concepts and practices...* P. 99.

оно, по его мысли, должно не просто контролировать процесс развития, а добиваться участия в нем всех граждан, даже ценой ограничения его авангарда — образованной элиты.

Это проблематика раскрывается в заключительной части речи Ньерере, в которой он обращается к свободам. Так, он перечисляет принципы, лежащие в основании нового танзанийского общества, отдельно уделяя внимание свободе слова и печати, что является одним из ключевых принципов функционирования либерального университета²⁴. Он говорит о том, что в целях развития эти свободы могут быть попораны в целях обеспечить другие, более актуальные «свободы» для африканских обществ, в отличие от европейских: свободу от голода, свободу от безграмотности и свободу от заболеваний. Безусловно, это противоречит идее либерального университета, но эта линия аргументации в данном контексте не так интересна. Нам лишь остается заметить, что эта проблема, которая будет актуализирована при запрете журнала *Cheche* (суах. «искра»).

Так, кратко рассмотрев историю создания университета, того, какие проблемы возникали и обсуждались с его возникновением, а также его миссии, стоит сказать о том, как университет выглядел и чем занимался в первые несколько лет своего существования. В данном случае нас интересуют несколько моментов, во-первых, это космополитичность университета, прогрессивность тех, кто в нем работал и обучался, и их оппозиция. Во-вторых, это любопытный сюжет, который остается недостаточно освещенным в литературе — история и идеи USARF, а также издаваемого ими журнала *Cheche*. Поэтому мы перейдем к указанной проблематике. Для рассмотрения данной темы мы обращаемся к еще во многом не полностью разработанным источникам, а именно воспоминаниям современников и присущим этому периоду академическим работам.

Обратимся к воспоминаниям о деятельности USARF и журнала *Cheche*. Организация возникла как социалистический кружок в 1967 г., сразу после провозглашения Арушской декларации, и просуществовала всего три года, до 1970 г., когда ее запретили вместе с журналом. Студенческая организация состояла из представителей революционной молодежи не только Танзании, но и Уганды, Малави, Эфиопии и Северной Родезии. При этом в ее деятельность были вовлечены не только студенты, но и сотрудники университета, например Уолтер Родни, писавший тогда свой главный труд «Как Европа задерживала развитие Африки», и Джованни Арриги — известный теоретик мир-системного подхода²⁵.

Кружок, помимо издательства журнала, занимался проведением лекций и семинаров. Семинары проходили по воскресным утркам в свободное от занятий время. При этом круг обсуждаемых текстов был достаточно широк. На семинарах читалась как исследовательская, так и художественная литература. Как правило, читали африканских авторов, например Ф. Фанона, А. Кабрала, Ч. Ачебе, или же марксистов — от трудов самого К. Маркса до работ Г.В. Плеханова и Мао Цзэдуна²⁶. Кружок также способствовал коммуникации между сотрудниками университета и студентами, по воспоминаниям К. Хирджи, У. Родни давал на вычитку свой незавершенный текст ему и его коллеге. Кроме этого, кружок также приглашал известных политических деятелей и интеллектуалов. Так, по приглашению USARF Дар-эс-Саламский университет посетил С.Л.Р. Джеймс²⁷. Организация также сотрудничала с TYL и устраивала совместные мероприятия. Так, в 1969 г. был проведен семинар молодежи, где выступал Дж.К. Ньерере, материалы семинара планировались к публикации в одном из номеров журнала *Cheche*, но этого так и не случилось. К истории журнала мы и перейдем.

Итак, в ноябре 1969 г. вышел первый номер журнала. За три года его существования вышло всего лишь три номера, в каждом из которых публиковались переводы, личные истории, заметки и научные статьи. Журнал закрыли в 1970 г. по решению властей, основной причиной стало иностранное влияние, ведь даже его название копировало название

²⁴ Nyerere J.K. Op. cit. P. 311–312.

²⁵ *Cheche: Reminiscences of a Radical Magazine*. P. 17–35.

²⁶ Ibid. P. 204.

²⁷ Ibid. P. 5.

ленинской газеты «Искра». Своего рода завещанием журнала стали слова: «Организации могут быть запрещены, люди ликвидированы, но идеи продолжают жить»²⁸, так и случилось — наследником Cheche стал журнал MajiMaji, просуществовавший гораздо дольше, до 1984 г., и не отличавшийся таким радикализмом.

Однако обратимся к самим материалам журнала Cheche. Например, в первом номере были опубликованы совместное заявление председателя TYL и USARF о начале деятельности организации, статья Родни, посвященная африканскому труду, статья нынешнего президента Уганды, но тогда еще студента и рядового члена кружка Йовери Мусевени, в которой он призывал соотечественников к насильственной революции²⁹. Среди прочего стоит отдельно выделить статью И. Шивджи, посвященную современным ему интеллектуалам и студентам Дар-эс-Саламского университета. Во многом она повторяла идеи, которые мы видели в речи Ньерере на открытии нового кампуса университета в 1964 г. Но были и отличия, к которым мы и обратимся.

Отличия в представлениях роли Шивджи и Ньерере заключаются в конкретике и радикальности. Так, если Ньерере говорил о разных индивидуальных свободах как принципах, которых необходимо придерживаться, то для Шивджи индивидуальные свободы ничего общего с развитием, а тем более с научным социалистическим развитием не имеют. «Буржуазные юристы и интеллектуалы никогда не перестанут повторять свою полуправду», — заключает Шивджи³⁰. Интересно, что Исса также отрицательно высказывается по поводу «свободы одеваться так, как ты хочешь», именно этой идеи были посвящены многие так называемые кампании порядочности, которые выглядели как демонстрации за запрет ношения мини-юбок с лозунгами Ban the mini («запретите мини-юбки»). Однако ключевое отличие скрыто в тех частях текста Шивджи, где он комментирует современное ему состояние дел в университете.

Во-первых, для Шивджи роль интеллектуала не заканчивается в инструментализме по отношению к обеспечению развития. Для него интеллектуал — в первую очередь критик. Он приводит обширную цитату из американского марксиста П.А. Барана, которого читали на семинарах USARF. Мы же приведем ее основную часть: «Интеллектуал по своей сути — это общественный критик, человек, чьей задачей является определить, проанализировать и таким способом помочь преодолеть то, что закрывает путь к более благому, человеческому и рациональному порядку»³¹. Ньерере в своей речи слово «критика» вообще не использует. При этом основным пороком современных ему интеллектуалов в университете является не отсутствие преданности принципам уджамаа, а отсутствие вовлеченности в местные проблемы. Хотя студенты и называют себя будущими служащими, они не задаются вопросом, кому они будут служить, что приводит к серьезному разрыву между университетом и народом. И именно преодоление этого разрыва было целью журнала и кружка USARF.

Одной из самых знаковых публикаций журнала Cheche являлись главы будущей монографии И. Шивджи «Тихая классовая борьба»³². Основной тезис всего текста заключался в том, что деколонизация и политическая независимость не смогли решить проблему классовой конфронтации, а только превратили ее в «тихую» и замалчиваемую классовую борьбу. Одной из главных ее новаций было применение марксистского подхода и развиваемой в Дар-эс-Саламском университете теории зависимости, авторами которой являются У. Родни, Дж. Арриги и А.Г. Франком, к локальной танзанийской ситуации³³.

²⁸ USARF (1970) Our Last Stand, mimeographed USARF statement, 12 November 1970, University of Dar es Salaam.

²⁹ Cheche: Reminiscences of a Radical Magazine. P. 11–17.

³⁰ Shivji I. G. Intellectuals At the Hill: Essays and Talks, 1969–1993. Dar es Salaam, 1998. P. 9.

³¹ Ibid. P. 12.

³² Shivji I. G. The Silent Class Struggle in Tanzania. Dar es Salaam, 1973.

³³ Arrighi G. The Political Economy of Rhodesia. The Hague, 1967; Frank A. G. Capitalism and Underdevelopment in Latin America: Historical Studies of Chile and Brazil. New York, 1967; Rodney W. How Europe Underdeveloped Africa. London, 2018.

Это, как нам кажется, и стало важным нововведением в интеллектуальную дискуссию того времени, так как двуязычная среда и частая работа «в поле» исследователей давала новый язык на пересечении глобальных марксистских идей и локального контекста. Основная гипотеза, которую мы в данном контексте можем выдвинуть, состоит в том, что часто используемая аналитическая категория «недоразвитости» (*underdevelopment*) и марксистская критика с переводом ее на суахили позволили говорить не просто о развитии, а о неправильном и порочном развитии, имеющем глобальные и структурные причины. Угрозы ему заключались не в эгоизме или нарушении обычаев, а в глобальных мировых процессах. На суахили это выражалось понятием *maendeleo duni*, которым сейчас и переводят английское понятие *underdevelopment*. Однако данный вопрос требует дальнейшего изучения. Но как могла происходить такая адаптация через заимствование и перевода на местный язык достаточно абстрактного понятия?

* * *

Закончить эту статью мы хотели бы историей, которую приводит в сборнике своих текстов и воспоминаний И. Шивджи. Она показывает не только атмосферу университета в период реализации Арушской декларации, но и то, как могло произойти заимствование проблематизированного нами понятия *underdevelopment* и превращение его в *maendeleo duni*. История начинается с того, что два студента по имени Абди и Ченге (сокращенно Че — есть ли здесь отсылка к журналу *Cheche*, неясно) после завершения написания своих курсовых работ отдыхают в местном баре. Вдруг между ними разгорается достаточно острый спор, который «мог бы быть серьезной дискуссией, если бы только не политика страны». Основным предметом спора стал вопрос: «Что значит быть честным и верным по отношению к своей родине?»

Абди, будучи сторонником линии партии, отвечает, что быть верным своей родине — значит поддерживать все, что сделано в стране со времен независимости, а также быть верным тем, кто добился этого, т.е. правительству, партии и ее лидерам. Че ответил ему, что это «полная чепуха», потому что отправная позиция Абди ненаучна, и в духе сократического диалога начинает задавать Абди наводящие вопросы. Здесь стоит кратко воспроизвести аргументацию Че. Прежде чем задать вопрос о верности стране, мы должны спросить: «А кому именно мы верны?» Че ответил на этот вопрос просто — ее людям. Но абстрактных людей не существует, это конкретные люди разного возраста, пола и достатка, у каждого общества есть основные различия, которые лежат в его основании. А основой любого общества является материальное производство. Поэтому основным различием в обществе оказывается экономическое, а говоря языком эпохи — классовое. Иначе говоря, Че предлагает марксистскую картину мира, но не все так просто³⁴.

Именно в этот момент происходит вернакуляризация, т.е. их адаптация к местному языку в результате перевода марксистских терминов, и вместо привычных буржуазии и пролетариата, мы видим совершенно другое разделение. Ченге предлагает делить людей на два класса — *wapanchi* (суах. «граждане», дословно — «дети земли/страны») и *wenyenchi* (суах. «хозяева страны», дословно «те, кому принадлежит страна/земля»). Первые занимаются производством, но не решают, что и как производить и как делить то, что было произведено. Это прерогатива вторых, *wenyenchi*, которые сами не занимаются производством, а лишь управляют и поучают. Сама дискуссия заканчивается достаточно забавно: приходит третий друг, Матенде, заказывает коньяги и заканчивает всю дискуссию. Однако в ней мы можем заметить важное изменение и некоторую смесь глобальной теории в виде марксизма с местной артикуляцией этих идей. Два используемых им понятия имеют длинную историю, но, когда в нее встраиваются новые значения, это изменение начинает сильно

³⁴ *Shivji I.G. Intellectuals At the Hill. P. 58–61.*

влиять на дискуссию. И это влияние заметно до сих пор, так как такое противопоставление актуально и в современном языке суахили.

Библиография / References

- Балезин А.С. и др.* Перелом в истории Африки: ожидания и реальность к 60-летию Года Африки. М., 2021.
- Балезин А.С.* Черная Африка и Европа: к проблеме встречи культур в колониальную эпоху. М., 2015.
- Мазов С.В.* «Африканский Гераклес» и «колониальная гидра». Проблема колониализма в трудах Кваме Нкрумы // Африка: История и историки. М., 2014. С. 143–171.
- Овчинников В.Е.* История Танзании в новое и новейшее время. М., 1986.
- Balezin A.S.* Chornaya Afrika i Evropa: k probleme vstrechi kultur v kolonialnuyu epokhu [Black Africa and Europe: the problem of encounter of cultures in colonial times]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Balezin A.S. i dr.* Perelom v istorii Afriki: ozhidaniya i realnost' k 60-letiyu Goda Afriki [The turning point in Africa's history: expectations and reality]. Moskva, 2021. (In Russ.)
- Mazov S.V.* "Afrikanskii Gerkules" i "kolonialnaya gidra". Problema kolonializma v trudakh Kwame Nkrumah [African Hercules and Colonial Hydra. The Problem of Colonialism in the Texts of Kwame Nkrumah // Afrika: Istoria i istoriki [Africa: History and Historians]. Moskva, 2014. S. 143–171. (In Russ.)
- Ovchinnikov V.E.* Istoriya Tanzania v novoe i noveishee vremya [History of Tanzania in modern times]. Moskva, 1986. (In Russ.)
- Arrighi G.* The Political Economy of Rhodesia. Institute of Social Studies. The Hague, 1967.
- Brennan J.R.* Youth, the TANU Youth League and Managed Vigilantism in Dar es Salaam, Tanzania, 1925–73 // Africa. 2006. Vol. 76. P. 221–246.
- Bromber K.* Ustaarabu: A Conceptual Change in Tanganyikan Newspaper Discourse in the 1920s // Global conceptual history: a reader / eds M. Pernau, D. Sachsenmaier. New York, 2016. P. 289–304.
- Cheche: Reminiscences of a Radical Magazine* / ed. K.F. Hirji. Dar es Salaam, 2010.
- Frank A.G.* Capitalism and Underdevelopment in Latin America: Historical Studies of Chile and Brazil. New York, 1967.
- Hunter E.* "Our common humanity": print, power, and the colonial press in interwar Tanganyika and French Cameroun // Journal of Global History. 2012. Vol. 7. P. 279–301.
- Hunter E.* Developing Africa Concepts and practices in twentieth-century colonialism. A history of maendeleo: The concept of "development" in Tanganyika's late colonial public sphere / eds. J.M. Hodge, G. Hödl, M. Kopf. Manchester, 2014. P. 87–107.
- Hunter E.* Political thought and the public sphere in Tanzania. Cambridge, 2015.
- Ivaska A.* Of Students, "Nizers", and a Struggle over Youth: Tanzania's 1966 National Service Crisis // Africa Today. 2005. Vol. 51. P. 83–107.
- Lal P.* African socialism in postcolonial Tanzania. Cambridge, 2015.
- Marealle P.I.* Maisha ya Mchagga Hapa Duniani na Ahera. Dar es Salaam, 2002.
- Morrison D.R.* Education and Politics in Africa: The Tanzanian Case. London, 1976.
- Nyerere J.K.* Address on the opening of the University College Campus, August 21, 1964. In Freedom and Unity / ed. J.K. Nyerere. London, 1964.
- Rodney W.* How Europe Underdeveloped Africa. London, 2018.
- Shivji I.G.* Intellectuals At the Hill: Essays and Talks, 1969–1993. Dar es Salaam, 1998.
- Shivji I.G.* The Silent Class Struggle in Tanzania. Dar es Salaam, 1973.
- Rodney W.* How Europe Underdeveloped Africa. London, 2018.
- Shivji I.G.* Intellectuals At the Hill: Essays and Talks, 1969–1993. Dar es Salaam, 1998.
- Shivji I.G.* The Silent Class Struggle in Tanzania. Dar es Salaam, 1973.

DOI: 10.31857/S0130386424010111

© 2024 г. В.В. НАУМКИН, В.А. КУЗНЕЦОВ

ХАЛИФАТ И «МЕЧТА-ВОСПОМИНАНИЕ» ОБ ИСЛАМСКОМ ГОСУДАРСТВЕ-ЦИВИЛИЗАЦИИ

Наумкин Виталий Вячеславович — действительный член РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН (Москва, Россия).

E-mail: vinaumkin@yandex.ru

Scopus Author ID: 57193514428; ORCID: 0000-0001-9644-9862; Researcher ID: R-9576-2019

Кузнецов Василий Александрович — доктор политических наук, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН (Москва, Россия).

E-mail: vasiakuznets@yandex.ru

Scopus Author ID: 57196044428; ORCID: 0000-0003-3646-4037; Researcher ID: O-1087-2016

Аннотация. Статья посвящена исследованию концепции халифата в арабо-мусульманской политической и интеллектуальной истории в контексте теории государства-цивилизации. В рамках статьи эта проблема раскрывается через симбиотический политолого-исторический подход. Политологическая часть исследования носит теоретический характер — в ней обсуждается содержание, сильные и слабые стороны теории государства-цивилизации, критерии выделения государств-цивилизаций, их соотношение с государствами-нациями и империями. Эта часть работы строится главным образом на обращении к теоретическим трудам Чжан Вэйвэя, М. Жака, Дж. Дорси, Д. Ливена, Э. Дусселя. В исторической части исследования рассматривается эволюция халифата как идеи и как формы политического управления с фокусом на Средние века и Новое время. Уделено внимание концепции халифатизма начала XX в. и проблеме будущего исламского мира, обсуждавшейся на все-мусульманских конгрессах, используются советские дипломатические источники, в том числе связанные с участием советских представителей на Всемусульманском конгрессе в Мекке. В статье показывается, как воспринимается эта идея сегодня, отмечается, что концепция халифата может рассматриваться как «мечта-воспоминание» об исламском государстве-цивилизации, противопоставляющаяся идее государства-нации.

Ключевые слова: государство-цивилизация, государство-нация, халифат, всемусульманский конгресс, империя.

V.V. Naumkin, V.A. Kuznetsov

Caliphate and the “Dream-Memory” of the Islamic State-Civilization

Vitaly Naumkin, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: vinaumkin@yandex.ru

Scopus Author ID: 57193514428; ORCID: 0000-0001-9644-9862; Researcher ID: R-9576-2019

Vasily Kuznetsov, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: vasiakuznets@yandex.ru

Scopus Author ID: 57196044428; Researcher ID: O-1087-2016; ORCID: 0000-0003-3646-4037

Abstract. The article is devoted to the study of the concept of caliphate in Arab-Muslim political and intellectual history in the context of the theory of state-civilization. Within the framework of the article, this problem is studied through a symbiotic political-historical approach. The political science part

of the study is theoretical in nature. It discusses the content, strengths and weaknesses of the theory of state-civilization, criteria for identifying state-civilizations, the links between this concept and the concepts of nation-state and empire. This part is based mainly theoretical works by Zhang Weiwei, Martin Jacques, James Dorsey, Dominic Lieven, Enrique D Dussel. The second, historical, part of the study examines the evolution of the caliphate as an idea and as a form of political organization with a focus on the Middle Ages and Modern history. In the third part we analyze the concept of caliphate at the beginning of the twentieth century and the problem of the future of the Islamic world, discussed at all-Muslim congresses. This part is based on Soviet diplomatic sources, including those related to the participation of Soviet representatives at the All-Muslim Congress in Mecca. The final part of the article shows how this idea of caliphate is perceived today, noting that it can be considered as a “dream-memory” of an Islamic state-civilization, opposed to the idea of a nation-state.

Keywords: civilization state, nation state, caliphate, All Muslim congress, empire.

Настоящая статья посвящена исследованию известной в истории идеи «халифатизма» через призму современной концепции государства-цивилизации (ГЦ). По нашему мнению, в арабо-мусульманской политической культуре идея халифата может рассматриваться как попытка создания института государства-цивилизации, альтернативного государству-нации (ГН).

И халифатизму как политическому движению, и самой теории халифата в мировой историографии посвящена обширная литература¹. Корпус исследований концепции ГЦ по сравнению с ней весьма скромен — среди них стоит отметить работы как ее апологетов, к примеру М. Жака², Чжан Вэйвэя³, так и критиков, например Дж. Дорси⁴, а также статью одного из авторов настоящего текста⁵, который внес свой вклад в ее введение в научный оборот в России.

Как известно, идея ГЦ, получившая развитие в последнее время применительно к России, найдя отражение в опубликованной в 2023 г. Концепции внешней политики Российской Федерации⁶ и даже удостоенная в этом качестве упоминания Президентом В.В. Путиным, что делает актуальным обращение к ее истокам, изначально формулировалась как некая антитеза концепции государства-нации и обосновывалась прежде всего на китайском материале⁷. Другие авторы в поисках ГЦ в последнее время обращаются к опыту Индии⁸ и даже некоторых государств Ближнего Востока⁹, каждый раз находя аргументы как за, так и против их отнесения к типу ГЦ. В этом контексте и в свете недостаточной

¹ См., например: *Crone P., Hinds M.* God's Caliph: Religious Authority in the First Centuries of Islam. Cambridge, 1986; *Hassan M.* Longing for the Lost Caliphate: A Transregional History. Princeton, 2016; *Sykiäinen L.* The Islamic concept of the Caliphate: basic principles and a contemporary interpretation // *Islamology*. 2017. № 1. P. 61–70; *Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В.* Халифатизм в эпоху крушения Османской империи // *Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история*. 2018. № 4. С. 327–337; *March A.F.* The Caliphate of Man: Popular Sovereignty in Modern Islamic Thought. Cambridge, 2019.

² *Jacques M.* When China Rules the World. London, 2012.

³ *Zhang Weiwei.* The China Wave: Rise of a Civilizational State. Hackensack, 2012; *Idem.* China, the Civilizational State Narrative and its Implications // *Российское китаеведение*. 2023. № 2 (3). С. 7–15.

⁴ *Dorsey J.M.* Civilisationalism: Ignoring Early Warning Signs at One's Peril // URL: https://www.researchgate.net/publication/333565194_Civilisationalism_Ignoring_early_warning_signs_at_one's_peril (дата обращения: 12.12.2023).

⁵ *Наумкин В.В.* Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 4. С. 78–93.

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел РФ. 31.III.2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 10.12.2023).

⁷ *Zhang Weiwei.* The China Wave...

⁸ *Mawdsley E.* Introduction India as a “civilizational state” // *International Affairs*. 2023. Vol. 99. Iss. 2. P. 427–432. URL: <https://doi.org/10.1093/ia/iia053> (дата обращения: 10.10.2023).

⁹ *Наумкин В.В.* Модель не-Запада... С. 78–93.

экспертной проработки этой концепции в исторической ретроспективе ее анализ приобретает немалую актуальность.

Несмотря на то что при ретроспективном рассмотрении характеристик и опыта конкретных обществ идея ГЦ может получать вполне убедительные, на первый взгляд, обоснования, она сохраняет в себе свойственную цивилиционистскому подходу определенную произвольность, что порождает проблему отнесения к категории ГЦ тех или иных обществ.

В целом развивающие теорию авторы согласны в том, что необходимыми свойствами ГЦ должны быть: а) продолжительность его существования в качестве единой политической общности; б) значительные географические и народонаселенческие масштабы; а также, по всей видимости, в) особая идентичность социума. Каждый из этих трех признаков, может при достаточно скрупулезном рассмотрении порождать ряд вопросов. К примеру, какой именно продолжительности существования государства достаточно для отнесения его к типу ГЦ? Насчет Китая в этом отношении вряд ли могут возникнуть сомнения: ведь его история в рамках протяженной, непрерывной государственности насчитывает тысячелетия. В Индии и России многократно сменялись и правящие династии, и географические границы государственных образований, но при этом сохранялась цивилизационная преемственность и даже самоназвание социума. При этом Россия на протяжении всей своей истории, объединяя в единое политическое пространство огромные территории, была несколько недонаселена, что, однако, не мешало ее многонациональному и поликонфессиональному народу успешно контролировать занимаемую им территорию и всегда консолидироваться в защите границ государства. Наконец, что именно означает вышеупомянутая особая идентичность, если сама культурная сложность, многосоставность рассматриваемых обществ предполагает сосуществование в них нескольких разных, образующих своеобразную иерархию идентичностей, часть из которых может в определенной мере противоречить цивилизационной исключительности?

На все эти вопросы едва ли можно с легкостью ответить, однако это совершенно не должно нас, как сторонников концепции ГЦ, вводить в смущение. Во-первых, не меньшее число вопросов может быть поставлено и к концепции ГН: не случайно споры о нации- и государствовроительстве на Востоке ведутся уже не одно десятилетие¹⁰. Во-вторых, само появление и развитие цивилиционизма было следствием той научной интуиции, согласно которой иные модели не позволяют охватить все многообразие исторической реальности. В этом плане, сколь бы ни была концепция ГЦ уязвима для критики, она тем не менее дает возможность ухватить некие важные аспекты социальной реальности, без нее игнорируемые. Наконец, в-третьих, развитие концепции ГН может рассматриваться как ответ на все более явный кризис ГН¹¹.

Вместе с тем при попытках теоретической концептуализации ГЦ выделение этого типа государственности только лишь через его противопоставление ГН не вполне верно. В конце концов, сама идея ГН — явление относительно недавнего прошлого, в то время как ГЦ, согласно консолидированному мнению его сторонников, существовало издревле. Кстати, в русле подобной концептуализации, помимо дихотомии ГЦ — ГН, возможно, не лишено смысла обращение еще к одной, более широко известной дихотомии, а именно ГЦ — империя.

Один из наиболее авторитетных историков империй Д. Ливен определяет их следующим образом: «Империя обладает четырьмя главными характеристиками. Во-первых, она должна быть обширной. Во-вторых, империя включает в себя многие народы... В-третьих... империя не строится с прямого согласия ее подданных... Наконец, самое важное — империя должна обладать большим могуществом, играть ключевую роль в региональной или

¹⁰ Кузнецов В.А., Салем В. Безальтернативная хрупкость: судьба государства-нации в арабском мире // Россия в глобальной политике. 13.III.2016. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bezalternativnaya-hrupkost-sudba-gosudarstva-nacziy-v-arabskom-mire/> (дата обращения: 10.12.2023).

¹¹ Наумкин В.В. Цивилизации и кризис наций-государств. О чем спорят в России и не только // Россия в глобальной политике. 19.II.2014. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/civilizacziy-i-krizis-nacziy-gosudarstv/> (дата обращения: 10.12.2023).

глобальной политике своего времени. К этому последнему пункту я бы добавил также то, что самые значимые империи — те империи, которые воплощают собой и распространяют некоторую потенциально универсальную высокую культуру, религию или идеологию»¹².

Очевидно, что обширность территории, отсутствие прямого всеобщего согласия граждан (впрочем, а где оно было?!) и стремление распространять универсальную высокую культуру — черты равно свойственные и империям, и ГЦ. Однако ГЦ вовсе необязательно должны состоять из многих этнических групп, сохраняющих свою самобытность. Напротив, в случае с ГЦ, с точки зрения одних авторов, речь идет о высоком этноконфессиональном однообразии, которое все же редуцируется самой политикой и практикой цивилизационизма, а с точки зрения других, напротив, об изначально более или менее гомогенных в этноконфессиональном отношении обществах¹³. В любом случае здесь наблюдается принципиальное отличие от империй, которые устроены таким образом, чтобы обеспечивать в своих границах сосуществование принципиально разных этнокультурных общностей. Другое различие связано с международной ролью ГЦ и империй. Понятно, что любое большое по размерам и населению государственное образование не может не играть существенной роли в международных отношениях. Однако для ГЦ это вовсе не является значимым признаком, его политика вообще может быть направлена иногда на изоляционизм, что мы знаем из истории, а основные усилия власти в нем сосредоточены на организации пространства скорее внутри страны, а не вовне ее. Вместе с тем, в отличие от ГЦ, империи вовсе обязательно должны обладать длительной историей существования или собственными ярко выраженными культурно-цивилизационными характеристиками. Иначе говоря, империя — понятие, главным образом, политическое, в то время как ГЦ — прежде всего культурно-цивилизационное и только потом политическое.

Наконец, необходимо сделать еще два замечания относительно особенностей концепции ГЦ.

Следует отметить, что существуют принципиальные различия между ней и многочисленными идеями некоей, если можно так выразиться, цивилизационной исключительности, появившимися в XX в. (к примеру, португальская теория двуконтинентальной цивилизации и даже евразийство в его изводе начала XX в.). Последние были направлены прежде всего на обоснование особого пути тех или иных стран. Однако концепция ГЦ строится, во-первых, на признании исторической ограниченности любых форм организации политических сообществ, включая национальные государства; во-вторых, на анализе реального опыта политического развития значительной части мира (и здесь она в определенной мере сопрягается с размышлениями Э. Дусселя в русле его теории трансмодернизма¹⁴); в-третьих, в конечном счете она направлена на поиск новых более эффективных форм организации политической жизни в условиях кризиса ГН и становления полицентризма.

Три классических примера современных ГЦ, отнесение коих к этой категории не может вызывать никаких сомнений, — это Российская Федерация, Индия, Китай, однако ими дело, возможно, не ограничивается. В этой связи полезно напомнить о существовании в истории западного мира двух разнонаправленных тенденций. Одна из них — к фрагментации, идущая от античной Греции через средневековые города-государства к национальным государствам Нового и Новейшего времени. Другая — к интеграции, идущая от империи Александра Македонского через Древний Рим, Священную Римскую империю, политически интегративную деятельность христианских церквей к федералистской концепции европейского единства. Во второй заложены зачатки тенденции к образованию ГЦ.

¹² Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок // История пропаганды. URL: https://propagandahistory.ru/books/Kollektiv-avtorov_Mify-i-zabluzhdeniya-v-izuchenii-imperii-i-natsionalizma—sbornik-/32 (дата обращения: 07.12.2023).

¹³ Наумкин В.В. Модель не-Запада... С. 78–93.

¹⁴ Dussel E. Transmodernity and interculturality: An Interpretation from the Perspective of Philosophy of Liberation // URL: https://enriquedussel.com/txt/Textos_Articulos/347.2004_ingl.pdf (дата обращения: 07.12.2023).

Явные зачатки образования государственности по типу ГЦ могут быть обнаружены в истории стран Ближнего Востока, отличающихся неоспоримой культурно-цивилизационной близостью. Проблема, однако, заключается в том, что пока ни одно из существующих там государств не соответствует полностью всем критериям ГЦ. Даже наиболее приблизившиеся к этой модели Турция (в первую очередь), Иран или Египет не могут похвастаться ни огромными размерами территории, ни принципиально своеобразной культурной традицией, непрерывной на всей истории их существования и резко отличающейся от культурных традиций сопредельных государств. И тем не менее на Ближнем Востоке, как нам представляется, на протяжении последних 1400 лет существует некое воображаемое ГЦ как мечта о его реальном воплощении, которое в определенной степени остается важнейшим фактором, скрепляющим это пространство. В этом смысле ближневосточный регион оказывается зеркальным отражением не-восточного мира с его тягой одновременно и к фрагментации, и к объединению.

Широко распространенное сегодня схематическое изображение истории арабо-мусульманского мира как череды сменявших друг друга государств Мухаммада и праведных халифов, халифатов Омейядов и Аббасидов и Османской империи (тоже халифата) вводит в некоторое заблуждение. Применяемое ко всем этим политическим образованиям (за исключением государства Мухаммада) понятие «халифат», укоренившееся в востоковедческой традиции и расцветшее в ресентименте мусульманских сообществ XX в., никогда не описывало в полной мере их сложное политическое устройство (каждый раз разное) и еще менее — их территориально-политический характер.

Как государство Мухаммада, так и средневековые халифаты мыслились как политические союзы между Пророком, а затем сменившими его халифами, с одной стороны, и подданными, которые признавали пророческую миссию одного или право на замещение этой миссии иных, — с другой. Однако они не мыслились как территориальные государства. Даже в использовавшейся терминологии власть определялась либо через объект управления (халиф — повелитель правоверных, амир ал-му‘минин), либо через субъект (государство — даула) того или иного правителя или династии (даула умайййа или даула ‘аббасиййа), но не через географию. Характерно, что вполне территориальное по смыслу понятие «дар ал-ислам» — Обитель ислама, — традиционно противопоставляемое Обители войны (дар ал-харб), договора (дар ас-сулх) и некоторым другим, никогда напрямую не соотносилось с единственным халифатом.

Более того, сам вопрос о сосуществовании нескольких халифатов, вообще говоря, имел смысл исключительно в контексте суннито-шиитского противостояния. Естественно, в шиитской логике, согласно которой имамат (халифат) устанавливался по божественной воле, их не могло быть несколько, однако в суннитской картине мира столь жесткого требования не существовало.

Единство Обители ислама, хотя бы декларативно поддерживавшееся в VII–VIII вв. (что тоже, впрочем, весьма условно), уже в IX в. начало размываться.

Провозглашение халифата Фатимидами в 909 г., испанскими Омейядами в 929 г. и завоевание Багдада дейлемитами Бувайхидами в 945 г. обозначило не начало фрагментации единого некогда политического пространства, но политико-правовое оформление процесса, который брал свое начало еще на заре существования арабо-мусульманской государственности. В конце концов, ни Аббасидский халифат, от которого в первые же годы его существования фактически откололся ал-Андалус, ни даже трудно управляемый халифат Омейядов никогда не были внутренне едиными.

Политической доминантой следующего этапа существования Обители ислама, продолжившегося до второй половины XII в., стало противостояние двух центров силы — символического и реального — в государстве Аббасидов. В сущности, их разделение началось в середине IX в., когда при халифе ал-Му‘тасиме была сформирована сильная гвардия тюркских гулямов, руководители которой пытались (с переменным успехом) оказывать давление на халифа. В середине X в. вся военная и административная власть оказалась

сконцентрированной в руках бувайхидских амиров, носивших титул амир ал-умара', сам по себе довольно знаменательный. В практическом плане он означал всего лишь верховного военачальника, командующего амирами — лидерами различных существующих при дворце военных подразделений. Вместе с тем по самому своему звучанию амир ал-умара' (повелитель повелителей) перекликается с амир ал-му'минин (повелитель правоверных). Если учесть, что на иранских территориях Бувайхиды и вовсе именовали себя шахиншахами, то отсутствие у них какого бы то ни было пиетета к символике халифата станет совсем очевидным. Наконец, после занятия Багдада сельджуками во главе с Тогрул-беком, «спасшим» аббасидских халифов от бувайхидских «узурпаторов» и принявшим титул султана, разделение реальной и символической политики было закреплено окончательно — халиф стал символизировать религиозное единство страны, а султан — осуществлять земную власть. Такая ситуация сохранялась до конца XI в., когда с ослаблением Великих Сельджуков Аббасиды смогли вернуть себе часть султанских полномочий.

В этот же период вместе со снижением значимости халифского титула в Багдаде шел процесс мультипликации политических центров на территории Обители ислама, причем сам титул амир ал-му'минин также начал широко использоваться. Помимо действительно сильных династий, имевших давние счеты друг с другом, его начали примерять к себе даже правители мелких княжеств, таких как Сиджильмаса¹⁵. При этом новые центры силы вполне себе обретали международное признание. Так, фатимид ал-'Азиз ежегодно получал в подарок охотничьих соколов из Византии, Ирана, Армении и других стран¹⁶, а андалусские правители активно общались с византийцами и (пусть и не столь активно) с германцами.

В конце XII в., однако, ситуация вновь изменилась. Оставшееся раздробленным на уровне реальной политики политическое пространство Обители ислама вновь начало собираться воедино на уровне политики символической. Повсеместно начали приходить к власти и укрепляться суннитские династии, большинство из которых декларативно признавало аббасидских халифов. Таковы были на Востоке Сельджуки, в Марокко — боровшиеся за маликитское правоверие Мариниды, в Тунисе — Хафсиды. Последние, признававшие себя альмохадскими наместниками при ал-Мунтасире (1249—1277), затем приняли халифский титул и, наконец, объявили себя наследниками Аббасидов.

В этом интегративном, пусть и только на символическом уровне, процессе важную роль сыграло распространение системы мадраса в XII—XIII вв. по всему региону, позволившее укрепить политико-правовое и догматическое единство суннитского мира.

Очень существенно, что ни одно из возникавших в это время государств не рассматривалось как символический центр всего исламского мира, каковым был «город мира» Багдад до появления альтернативных халифатов. Кроме того, еще в X в. появилась традиция определения «настоящего» халифа в зависимости от того, кому принадлежат Мекка и Медина. Местные шерифы выступали своеобразными хранителями титула — из их рук его получали и Хафсиды в XIII в., и Османы в XVI в.

Разрушение Багдада монголами в 1258 г., казнь Аббасидов и последовавшее за этим в 1261 г. поражение аббасида ал-Мустансира, пытавшегося вернуть себе халифат, обозначили окончательный разрыв с идеей объединения всей Обители ислама вокруг единого центра — географического или личностного. Халиф, чья резиденция переместилась в Каир, превратился в чистый символ, не имеющий никакого отношения к реальной политике. Его присутствие легитимизировало власть мамлюкских султанов и знаменовало единство суннитского мира, а его нахождение в Египте позволяло мамлюкскому государству претендовать на лидирующее положение в Обители ислама, и именно необходимостью исполнять эти символические функции объясняется еще почти трехвековое существование династии. Вместе с тем значимость этих символов нельзя переоценивать, кажется, они имели значение

¹⁵ Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1996. С. 17.

¹⁶ Семенова Л.А. Из истории фатимидского Египта. М., 1974. С. 19.

в основном в самом Египте, в то время как для внешнего мира более важным показателем мамлюкского лидерства было сохранение египетского контроля над Меккой и Мединой.

Таким образом, политическое пространство арабо-мусульманского мира в XIII–XV вв. может быть охарактеризовано как реально раздробленное, но символически единое.

Новое единство региона было достигнуто после завоевания арабских стран турками-османами в начале XVI в., принявшими в Хиджазе халифский титул.

Впрочем, это новое единство имело три «но». Во-первых, оно было далеко не полным. Власть османского султана не признавал ни правитель Марокко на Западе, ни иранский шах на Востоке, ни многочисленные мусульманские правители в Южной Аравии, Южной, Юго-Восточной и Центральной Азии, равно как и в Африке южнее Сахары. Во-вторых, сама значимость халифского титула для османов была относительной. В XVI–XVII вв., как и до его принятия в эпоху расцвета империи, османский султан не нуждался в дополнительном обосновании своей легитимности — вполне хватало той реальной военной мощи, которой обладала империя, и того образа справедливого государства, связанного с ней в глазах многих жителей Ближнего Востока. Значимость халифского титула начинает возрастать с конца XVIII в., когда в империи набирает силу системный кризис, однако уже в XIX в. право османов на халифат все больше подвергается сомнению даже на территории Османской империи. Наконец, в-третьих, право османов на верховную духовную власть в мусульманском мире поддерживалось далеко не всеми мусульманами, поскольку они не происходили из племени курейшитов. Хотя, как справедливо отмечал американско-израильский исследователь М. Крамер, «теория халифата в том виде, в каком она циркулировала в Османской империи, вряд ли содержала аллюзию к курейшитскому происхождению и выборности, которые были заменены утверждением священного закона и воинственной защитой ислама как действенными критериями для подтверждения любых притязаний на исламский халифат»¹⁷.

Таким образом, можно видеть, что уже в доосманский период идея халифата претерпела существенные изменения. Из простой характеристики способа правления после смерти пророка Мухаммада она превратилась сначала в символ источника легитимности земных правителей, но затем, по мере укрепления не нуждавшихся в такой легитимности государств, и эту свою значимость во многом утратила, став к концу XIX в. неким коллективным воспоминанием о никогда не существовавшей золотой поре единства исламской цивилизации.

Это воспоминание во многом внезапно превратилось в важнейший фактор реальной политической жизни в конце XIX в., когда на повестку дня оказался вынесенным вопрос о политическом будущем народов, проживавших в Османской империи.

Сомнения в легитимности халифата Османов высказывались уже в 70-х годах XIX в. Характерно, что их глашатаями стали поначалу даже не собственно мусульмане, а европейцы, заинтересованные в ту пору в максимальном ослаблении османов. Одним из первых публично подверг сомнению эту легитимность выступавший за освобождение Египта от колониальной зависимости не очень известный английский поэт викторианской эпохи У. Блант (Wilfrid Scawen Blunt, 1840–1922)¹⁸, которого М. Крамер называет «социальным неконформистом и политическим романтиком». Такие идеалисты-романтики, находившие очарование в суровой жизни Хиджаза того времени, которую они противопоставляли роскоши и блеску Константинополя, и зачастую воодушевленные исламскими ценностями, бывало, встречались среди англичан. При всем этом большинство из них верно служили имперским интересам Британии. Начиная с 1879 г. Блант развивает свои идеалистические построения, возлагая на турок ответственность за упадок ислама, реформировать который, как он утверждал, можно было только под эгидой арабов, и выступая за перенос халифата из Стамбула в Мекку, из дома Османа к арабам-курейшитам¹⁹. Идеи Бланта о реформах

¹⁷ *Kramer M.S. Islam Assembled: The Advent of the Muslim Congresses. New York, 1986. P. 2. См. также: Gibb H.F.R. Studies on the Civilization of Islam / eds S. Shaw, W. Polk. Boston, 1961. P. 141–150.*

¹⁸ *Blunt W.S. My Diaries. 2 vols. London, 1920. См. о нем: Longfold E. A Pilgrimage of Passion: The Life of Wilfrid Scawen Blunt. London, 1979.*

¹⁹ *Kramer M.S. Op. cit. P. 10.*

ислама и о халифате нашли поддержку у известнейшего египетского мусульманского мыслителя-реформатора, ставшего в 1899 г. верховным муфтием Египта, Мухаммада Абдо, с которым британский поэт познакомился в 1881 г.²⁰ Другой близкий к Абдо реформатор Рашид Рида в 1898 г. начал издавать религиозно-политический журнал «Манар», в первом номере коего была изложена идея созыва конгресса, которую султан-халиф Абдул Хамид не поддержал.

А бывший сотрудник британского министерства по делам Индии Дж. Бердвуд (1932–1917) в серии писем в газету «Таймс» еще в 1877 г. называл османский халифат «узурпацией», утверждая, что он по праву должен принадлежать мекканскому шерифу и мусульмане «должны начать свое перерождение с избрания шерифа Мекки халифом Ислама»²¹.

Единомышленником Бланта стал подружившийся с ним британский дипломат Дж. Зохраб, назначенный консулом в Джидду в 1878 г.²² Зохраб в январе 1880 г. в одной из своих депеш убеждал Форин офис в том, что мекканский шериф как прямой потомок пророка Мухаммада имел больше веса в исламском мире, чем османский халиф²³. Консул даже выступал за «отделение Хиджаза от Османской империи и его аффилиацию с Британской империей, что в этом случае было бы завидной позицией для влияния на мусульман в Индии и везде»²⁴. Кроме того, Зохраб утверждал, что обнаружил в Хиджазе некую «разветвленную подпольную организацию из мусульман всех национальностей, целью которой было восстановление халифата арабов Хиджаза»²⁵, а шериф Мекки «так же хорош для мусульман, как папа для римско-католической церкви»²⁶. Однако эти призывы в то время, когда Османы укрепляли свои позиции в Хиджазе, благосостояние которого зависело от субсидий из Константинополя, а шериф, назначаемый султанами, не имел ни реальной власти, ни высокой репутации в мусульманском мире, были сильно оторваны от действительности. Вместе с тем именно мечта о восстановлении хашимитского халифата, покоящаяся на убежденности в священном праве потомков пророка на власть, лежала в основе планов шерифа Хусейна в период Первой мировой войны — кажется, получить признание в качестве халифа для Хусейна было не менее важно, чем стать королем в части арабского мира.

Благодаря все тому же Бланту впервые стала известной идея созыва всемусульманского конгресса — именно он активно распространял ее среди влиятельных мусульман.

Эта идея была соединена с халифатским проектом и в концепции известного арабского мыслителя сирийского происхождения Абдеррахмана аль-Кавакиби (1854–1902), который, как принято считать, впервые детально описал такой воображаемый конгресс в своем ставшем популярным в арабском мире трактате «Умм аль-Кура»²⁷, опубликованным им под псевдонимом «ас-Сейид аль-Фурати» («Господин с Евфрата») в Каире в 1900 г. Аль-Кавакиби выдвинул требование, чтобы существовавший османский халифат был заменен на арабский курейшитский с центром в Мекке «в тесной смычке с всемусульманским конгрессом»²⁸. Можно ли назвать эту концепцию панисламистской? С некоторыми оговорками — безусловно.

После окончания Первой мировой войны идея халифата из во многом наивных мечтаний становится на какое-то время вполне реальным политическим проектом. В нем ироническим образом соединяются исламская ностальгия о якобы утраченном единстве, национально-освободительные устремления мусульманских политических лидеров, геополитические проекты европейских политиков и романтические иллюзии советской власти. Все игроки

²⁰ Ibid. P. 26.

²¹ The Times. 25.VI.1877.

²² См. о нем: *Kramer M.S.* Op. cit. P. 13–17.

²³ Zohrab to Alston. Foreign Office (далее — FO) 78/3131. 9 January 1880.

²⁴ *Kramer M.S.* Op. cit. P. 13.

²⁵ FO 78/3314. February 1881.

²⁶ Zohrab to Alston. FO 78/3131. 12 January 1880.

²⁷ Умм аль-Кура (араб.) — «Мать городов», общепринятое в исламском мире название Мекки.

²⁸ *Kramer M.S.* Op. cit. P. 30.

преследуют разные цели, у каждого из них свое представление о будущем исламского мира, но все они пытаются оформить свои планы через обращение к проекту халифата, который, как им кажется, может получить легитимность от самих мусульман.

Всемусульманские конгрессы. Одна из первых реальных попыток создать всемусульманский конгресс была предпринята лидерами младотурецкого комитета «Единение и прогресс». После того как в Турции в 1918 г. младотурки были разгромлены кемалистами, оставшиеся на свободе лидеры и активисты партии уехали в Европу и создали там Лигу исламских революционных обществ (другой встречающийся перевод названия — Общество единства революции с исламом) во главе с апологетом панисламизма и пантюркизма Энвером-пашой (1881—1922), которая в 1921 г. собрала в Москве небольшое число (немногим более десятка) мусульманских представителей. На этом не очень масштабном мероприятии участники договорились о регулярном проведении в будущем таких конгрессов и о создании филиалов лиги. В хартии лиги говорилось: «Задача Общества — сделать мусульман, которых используют в качестве рабов, поработенных и угнетаемых империалистами и капиталистами, хозяевами своей собственной судьбы под руководством Турции; утвердить их свободную и независимую организацию в русле их национальной культуры и освободить их из плена. Целью Общества является создание организации, необходимой для выполнения вышеназванной задачи путем духовного возрождения и объединения мусульман. В тех местах, где мусульмане составляют меньшинство, Общество будет пытаться обеспечить их гражданские права»²⁹. Руководство ВКП(б) и НКВД наивно считало, что благодаря популярности идей пантюркизма, которые проповедовал Энвер-паша, на том этапе тесно сотрудничавший с большевиками, его можно использовать в борьбе с басмачами в Туркестане.

М. Крамер пишет об известной организованной еще в 1918 г. в Германии немецкими посредниками встрече между лидерами комитета и секретарем Коминтерна К. Радеком, решившим, что после разгрома организации они могли «служить целям советской политики в мусульманских землях. Поставленная задача не очень заметно отличалась от той, которую ставил перед собой комитет “Единение и прогресс”: распространение антиимпериалистической, и в особенности антибританской, пропаганды, подаваемой в исламской оболочке, на территории Анатолии, Плодородного Полумесяца, Ирана, Афганистана и Индии. Мало кто в то время задумывался о парадоксальности существования чисто исламского движения, направляемого из Москвы под эгидой Советов»³⁰. На самом же деле не было ничего парадоксального в том, что мусульмане симпатизировали Советской России, руководители которой опубликовали тайные договоры Антанты, объявили войну империалистам и поддержали лозунги самоопределения мусульманских народов. Радек пригласил в Россию двух лидеров комитета, один из которых — Талаат — отказался приехать, а другой — Энвер-паша — приехал с частью своих единомышленников в 1920 г.

В Британской Индии халифатистское движение появилось во время Первой мировой войны с целью защиты турецкого султана-халифа, а также в рамках решения задач, стоящих перед индийскими мусульманами в местной политике. Симпатии халифатистов к туркам были связаны с широко распространенными антианглийскими настроениями, само его существование говорило о возможности освобождения от колониальной зависимости. Кроме того, по мнению американской исследовательницы Г. Минолт, «халифат символизировал собой извечное превосходство исламского права в мире. Для получивших западное образование умеренных [деятелей] он воплощал принципы свободы и самоопределения народов. Для радикалов он был воплощением невозможности заимствования западной культуры и политических институтов»³¹. На состоявшейся в июле 1919 г. в Лакхнау Всеиндийской мусульманской конференции, выступившей против колониального раздела Османской им-

²⁹ *Karabekir K. Istiklâl Harbimizde: Enver Paşave İttihat Terakki Erkânî. İstanbul, 1967. P. 123—125.*

³⁰ *Kramer M.S. Op. cit. P. 70.*

³¹ *Minault G. The Khilafat Movement: Religious Symbolism and Political Mobilization in India. Delhi, 1982. P. 209—210.*

перии и за сохранение власти турецкого султана-халифа, индийские халифатисты создали Халифатистский комитет, в котором выделялись два крыла — радикальное и умеренное.

Советское руководство не без оснований считало, что Великобритания хотела воспользоваться халифатистским движением и, поддержав его, приобрести дополнительные рычаги распространения своего влияния на исламский мир. Документы из британских архивов подтверждают, что такие расчеты действительно существовали. Появилось несколько претендентов на титул халифа правоверных, в том числе свергнутый османский султан, мекканский шериф Хусейн бин Али, проигравший войну с Ибн Саудом за контроль над Хиджазом, а также король Египта и Судана Фуад I. Дискредитированному Хусейну, однако, не удалось получить поддержку ключевых мусульманских государств. Ряд лидеров выступили с идеей созыва нового всемирного мусульманского конгресса, на котором был бы поставлен вопрос о судьбе халифата и, возможно, избран новый халиф. За это, в частности, высказывался индийский Халифатистский комитет. Активно призывали к этому и египтяне, агитировавшие за проведение конгресса в Каире. В египетской столице еще в 1924 г. во главе с «улама Университета Аль-Азхар был создан организационный комитет такого конгресса, который первоначально планировал его проведение в марте 1925 г., но затем отложил на год³².

Показательны заявления руководителей индийского Халифатистского комитета Абдул Каляма и Шауката Али, сделанные в феврале 1926 г.³³ Коснувшись отношения мусульман Индии к саудовскому лидеру Ибн Сауду после того, как он объявил себя султаном, Абдул Калям сказал, что большинство индийских мусульман поддержат политику комитета, стремящегося провести в Хиджазе всемусульманский конгресс, который и должен решить вопрос о будущей форме правления в стране. Шаукат Али, в свою очередь, подчеркнул, что целью конгресса должно быть освобождение Аравии от влияния немусульман, и пояснил, что имел в виду Калям, сказав, что халифатисты хотят превратить Хиджаз в республику: «Может быть, Ибн Сауд — хороший человек, но не обязательно, чтобы его сын был похож на него, а еще более возможно, что его внук будет совсем никуда не годен. А в Священном Геджазе нет места для таких людей. Поэтому там должна быть республика, президент, который должен избираться и должен находиться под контролем мусульманского мира». Абдул Калям утверждал, что военной силы Ибн Сауда недостаточно для охраны Хиджаза. Будущий конгресс мог бы принять решение попросить Ибн Сауда взять охрану Хиджаза на себя до тех пор, пока население «не будет в состоянии само защищать себя. Конечно, было бы лучше, чтобы это решение прошло через всемирный мусульманский конгресс. Население Геджаза слишком поторопилось».

А на вопрос о возможности избрания Ибн Сауда халифом Абдул Калям ответил: «По моему мнению, султан Ибн Сауд не может быть провозглашен халифом; мусульманский мир также не собирается признавать его таковым». Шаукат Али выразился вполне определенно: «Что касается моего личного мнения, то я признаю халифом низложенного султана Абдул-Меджиди, хотя он находится не в Турции, а живет в качестве эмигранта за границей». Здесь четко прослеживалась антикемалистская линия индийских халифатистов. Полной противоположностью ей были заявления советских мусульман. О том же бывшем османском халифе муфтий Зухретдин Аглям от имени Ташкентского духовного управления отзывался следующим образом: «Когда турецкие войска, анатолийские крестьяне и египетские и сирийские арабы под Севастополем и Балаклавой погибали “за родину, религию и халифа”

³² Revue du Monde musulman, Avertissement. Vol. LXIX. Paris, 1926. P. 6–7. Цит. по: Романенко В.С. Сотрудничество советской дипломатии и мусульманского духовенства СССР в 20-е годы XX века. Нижний Новгород, 2005. С. 44.

³³ Эти заявления были сделаны в ходе поездки в Бирму в беседе руководителей комитета с представителем бирманской газеты «Рангун Дэйли Ньюс» и перепечатаны индийской газетой «Хамдард» 18 февраля 1926 г. См.: Информбюро Отдела Ближнего Востока НКВД // Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 190. Оп. 2. Пор. 1. П. 1. Л. 75–78.

и когда жены, матери и дети их умирали от холода и голода, в эти кровавые дни султан Абдул-Меджид сидел в своем дворце и предавался разврату с черкесскими женщинами»³⁴.

В наркомате по иностранным делам считали не случайным, что наиболее активными сторонниками проведения Всемусульманского халифатистского конгресса в Каире были представители духовенства стран, находившихся под контролем Великобритании. Несмотря на нежелание мусульманского духовенства многих государств принимать участие в этом мероприятии, каирский конгресс все же состоялся. Он проходил с 13 по 19 мая 1926 г. На заседании подготовительного комитета была принята хартия, в первой главе которой говорилось, что председательствовать на заседаниях конгресса будет шейх аль-Азхара, а его заместитель, назначенный административным комитетом конгресса, будет замещать его во время его отсутствия³⁵. Организаторы мероприятия полагали, что попечительство шейха аль-Азхара придаст конгрессу легитимность. Однако из-за отсутствия делегаций из целого ряда влиятельных исламских государств (Персия, Турция, Афганистан и др.) и острых разногласий между участниками организаторам пришлось прекратить его работу после четырех заседаний, не добившись каких-либо результатов.

Это вызвало удовлетворение в Москве. Еще до созыва конгресса в Каире в докладе заведующему Отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) В.Г. Кнорину, подготовленном по материалам спецосведомления и инопрессы, Восточный отдел ОГПУ по поводу этого мероприятия отмечал, что «после ликвидации халифата в Турции англичане развили усиленную деятельность, направленную на воссоздание халифата, но такого, который находился бы под их полным влиянием и контролем... Попытки англичан провозгласить халифом одного из своих ставленников в Аравии, как известно, кончились неудачей, что заставило их перенести свою деятельность в Египет. Целый ряд данных указывал, что на этот раз кандидатом в халифы намечался король Египта Фуад. Формальными инициаторами вопроса о воссоздании халифата в Египте выступили улемы из “Аль-Азхара”»³⁶. В докладе сообщалось о резком недовольстве, которое кампания за халифат вызвала в Турции, а индийский халифатский комитет и индийские националисты присоединились к оппозиции каирскому конгрессу, поскольку «независимость мнимая и будет большим унижением для мусульман, если будущий халиф окажется под иностранным влиянием». С критикой идеи конгресса выступили сирийцы, отказались участвовать в нем персы, а советское мусульманское духовенство в лице руководства Центрального духовного управления (ЦДУ) опубликовало свой протест против его созыва. В результате вопрос об избрании халифа из повестки дня конгресса был изъят.

Парадоксально, схожим образом развивалась история с вопросом о халифате на другом, альтернативном каирском, конгрессе — мекканском.

В противовес планам проанглийских халифатистов Ибн Сауд в 1925 г., еще до занятия им Медины, намеревался провести конгресс под своей эгидой в Мекке, но тогда ситуация не позволила ему реализовать этот план. Теперь же в новых условиях он вернулся к этой идее. Сейчас он фактически уже почти добился признания себя исламским миром в качестве хранителя исламских святынь, хотя было еще немало сторонников передачи их под управление международного исламского комитета. Надо было лишь закрепить достигнутые успехи и заодно успокоить общественное мнение мусульман других стран, обеспокоенное агрессивным ваххабитским пуританизмом (как уже было показано, особенно сильное недовольство высказывали индийские мусульмане). Кроме того, Ибн Сауд разработал для конгресса совсем другую повестку дня, которая соответствовала и его чисто государственным интересам. Получив поддержку со стороны представителей мусульманского духовенства многих стран, он принял решение провести всемусульманский конгресс летом 1926 г.

³⁴ Там же. Л. 78.

³⁵ *Sékaly A. Le Congrès du Khalifat et le Congrès du Monde Musulman. Paris, 1926. P. 42–25.*

³⁶ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. ЦК РКП(б) — ЦК КПСС. Оп. 85. Секретный отдел (1926–1934). Д. 171. Л. 85–94.

Отношение советского руководства к концепции халифата не было однозначно негативным. Халифат безоговорочно отвергался только в том случае, если он продвигался проанглийскими силами (а именно так обстояло дело с каирским конгрессом). В Исполкоме Коминтерна (ИККИ) даже возникла утопическая идея «халифата, находящегося под косвенным влиянием Коминтерна» (!), который, как говорилось в документе, подготовленном в Восточном отделе ИККИ в сентябре 1921 г. и направленном в ЦК РКП(б) за подписью руководителя отдела С. Брике-Бестужева³⁷, был бы «в современной обстановке силой выдающегося революционного значения». Непонятно, каким образом это могло произойти, если в том же документе утверждалось, что «халифат вообще является фактором реакционным». Но, как видим, любое, даже «реакционное», движение, в том случае если оно было направлено против Великобритании, могло интерпретироваться как революционное. Ставилась задача «вырвать халифат» из рук Англии. Это явилось бы «на Востоке для Коминтерна победой». Однако есть основания полагать, что наивный энтузиазм авторов документа все же не разделялся высшим руководством СССР.

Естественно, что симпатии Москвы были на стороне мекканского, а не каирского проекта проведения конгресса, так как Египет находился под господством Великобритании.

Конгресс проходил в Мекке с 7 июня по 5 июля 1926 г. В АВП РФ хранится со ссылкой на сообщение ТАСС от 19 марта 1926 г. следующий текст телеграммы ЦДУ мусульман из Уфы, направленной председателю ЦИК СССР М.И. Калинину за подписью муфтия Ризаэтдина Фахретдинова: «Подведомственное Центральному духовному управлению мусульманское население РСФСР всецело присоединяется к протесту индийских мусульман против созыва халифатского Конгресса в Каире. Конгресс должен быть созван в стране, находящейся вне сферы влияния империалистических держав. Этому условию не удовлетворяет состоящий под господством Англии Египет, где нет гарантии для свободного выявления мусульманами их истинного мнения. Созыв Конгресса в Мекке как священном для всех мусульман месте вполне соответствовал бы задаче, стоящей перед Конгрессом»³⁸.

Среди обсуждавшихся на конгрессе вопросов была и проблема колониализма, и рабства в Хиджазе, и необходимость возвращения в состав Хиджаза Акабы и Маана. Единственное, о чем вовсе не шло речи, — это вопрос о халифате.

Оно и понятно. Внешние акторы рассматривали перспективу построения халифата через призму романтизированных представлений об исламском мире, с одной стороны, и собственных глобальных проектов переустройства миропорядка — с другой. Однако для региональных игроков, и прежде всего для борového за международное признание Ибн Сауда, первоочередными задачами были совсем иные — построение новой территориальной государственности. В этом контексте мечты о едином халифате могли рассматриваться только как некие оторванные от жизни абстракции. Увлеченность этими абстракциями внешних игроков, в свою очередь, диктовалась их несколько романтизированным ориенталистским представлением о политической реальности исламского мира.

Характерно в этом отношении, что в следующий исторический период халифатистская идея была взята на вооружение уже исламистами. При этом поставившие себе целью добиваться его восстановления «Братья-мусульмане», хотя и склонны были идеализировать золотую пору единства исламского мира, как только дело доходило до реальной политики, действовали строго в границах национальных государств. При этом, что кажется особенно важным, реальное существование в пределах исламского мира государственного образования, руководитель которого обладал халифским титулом повелителя правоверных, — Марокко — ими всегда игнорировалось.

Последней по времени попыткой обратиться к возвышенной идее халифата следует признать, конечно, уродливое ее воплощение в виде ИГИЛ на территории Сирии и Ирака. Подчеркнутая архаичность этого псевдогосударственного образования, особая садистская

³⁷ Там же. Ф. 495. Оп. 154. Д. 76. Л. 61–73.

³⁸ АВП РФ. Ф. 190. Оп. 2. Пор. 1. П. 1. Л. 115.

жестокость, с которой оно формировалось, кажется, надолго отвратили от этой идеи ее потенциальных сторонников. Не случайно в последние годы в большинстве государств исламского мира популярность стала обретать идея национально ориентированных форм исповедания веры.

Таким образом, мы можем видеть, что в арабо-мусульманском мире на протяжении всей истории его развития существовало две политические реальности.

Первая из них — предметная, земная, связанная с реальной политикой. В этой реальности существовали географически ограниченные политические образования, пусть далеко не всегда осознававшиеся как территориальные государства. Их реальная легитимность питалась из связи между подданными и правителем, военной силы последнего, его способности обеспечивать осуществление власти на конкретной территории или в конкретных сообществах. Его символическая легитимность, особенно в первые века существования ислама, питалась от легислатуры, предоставлявшей ему символическим главой исламского мира — халифом. Из этой реальной государственности выросли империи, а затем современные государства Ближнего Востока. Эта реальная государственность концептуализировалась в Средние века в локальных исторических хрониках, княжьих зеркалах, а в Новейшее время — в поисках теоретических обоснований идеи локальной государственности.

Однако рядом с этой реальной политической традицией присутствовала и иная — нормативно-романтическая. Именно в ней существовал халифат как идеальный образ ГЦ, способного объединить в себе всех мусульман. Это ГЦ как бы символически никогда, вплоть до XX в., не исчезало из жизни мусульманской уммы, находя воплощение то в теоретических построениях мусульманских правоведов, то в романтических мечтаниях лидеров освободительных движений. Характерно, что чем менее реальным становился халифат, тем большую символическую значимость и рафинированность образа он приобретал, пока уже в XX в. не сформировался не имевший никакого отношения к исторической реальности ностальгический миф об утерянном (и потому потенциально возможном) едином государстве всех мусульман — государстве-цивилизации.

Вместе с тем стоит задаться вопросом: в чем состояла (и до некоторой степени состоит и сегодня) политическая функция этого мифа? Думается, она менялась со временем. Поначалу — в легитимизации реальной власти, получаемой султанами от халифов. Затем — в легитимизации освободительных движений и в цивилизационной консолидации исламского мира. В связи с этим возникает вопрос: если действительно идея халифата канет в Лету, что именно придет ей на смену в качестве символа единства исламской цивилизационной общности.

В заключение необходимо коснуться некоторых модернизаторских по сути идей, касающихся представлений о халифате, которые сегодня все громче звучат в отдельных весьма значимых национальных сегментах исламского мира, свидетельствуя о серьезной эрозии халифатизма. Так, самая крупная организация гражданского общества в Индонезии, а именно «Нахдатул Улама», объединяющая более 30 млн последователей, в феврале 2023 г. на международной конференции призвала отменить в шариате понятие халифата как единого государства для всех мусульман и заменить его понятием государство-нация³⁹.

Библиография

Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В. Халифатизм в эпоху крушения Османской империи // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2018. № 4. С. 327–337.

Кузнецов В.А., Салем В. Безальтернативная хрупкость: судьба государства-нации в арабском мире // Россия в глобальной политике. 13.III.2016. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bezalternativnaya-hrupkost-sudba-gosudarstva-naczi-v-arabskom-mire/> (дата обращения: 10.12.2023).

³⁹ Dorsey J. Indonesia pushes a civilizational approach to countering polarization // Research Gate. 9.VIII.2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/373005074_Indonesia_pushes_a_civilizational_approach_to_countering_polarisation (дата обращения: 10.12.2023).

Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок // История пропаганды. URL: https://propagandahistory.ru/books/Kollektiv-avtorov_Mify-i-zabluzhdeniya-v-izuchenii-imperii-i-natsionalizma—sbornik-/32 (дата обращения: 07.12.2023).

Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1996.

Наумкин В.В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 78–93.

Наумкин В.В. Цивилизации и кризис наций-государств. О чем спорят в России и не только // Россия в глобальной политике. 19.II.2014. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/czivilizaczii-i-krizis-naczij-gosudarstv/> (дата обращения: 10.12.2023).

Романенко В.С. Сотрудничество советской дипломатии и мусульманского духовенства СССР в 20-е годы XX века. Нижний Новгород, 2005.

Семенова Л.А. Из истории фатимидского Египта. М., 1974.

Blunt W.S. My Diaries. 2 vols. London, 1920.

Crone P., Hinds M. God's Caliph: Religious Authority in the First Centuries of Islam. Cambridge, 1986.

Dorsey J. Indonesia pushes a civilizational approach to countering polarization // Research Gate. 9.VIII.2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/373005074_Indonesia_pushes_a_civilizational_approach_to_countering_polarisation (дата обращения: 10.12.2023).

Dorsey J.M. Civilisationalism: Ignoring Early Warning Signs at One's Peril // URL: https://www.researchgate.net/publication/333565194_Civilisationalism_Ignoring_early_warning_signs_at_one's_peril (дата обращения: 12.12.2023).

Dussel E. Transmodernity and interculturality: An Interpretation from the Perspective of Philosophy of Liberation // URL: https://enriquedussel.com/txt/Textos_Articulos/347.2004_ingl.pdf (дата обращения: 07.12.2023).

Gibb H.F.R. Studies on the Civilization of Islam / eds S. Shaw, W. Polk. Boston, 1961.

Hassan M. Longing for the Lost Caliphate: A Transregional History. Princeton, 2016.

Jacques M. When China Rules the World. London, 2012.

Karabekir K. Istiklâl Harbimizde: Enver Paşave Ittihat Terakki Erkânî. Istanbul, 1967.

Kramer M.S. Islam Assembled: The Advent of the Muslim Congresses. New York, 1986.

Longfold E. A Pilgrimage of Passion: The Life of Wilfrid Scawen Blunt. London, 1979.

March A.F. The Caliphate of Man: Popular Sovereignty in Modern Islamic Thought. Cambridge, 2019.

Mawdsley E. Introduction India as a "civilizational state" // International Affairs. 2023. Vol. 99. Iss. 2. P. 427–432. URL: <https://doi.org/10.1093/ia/iiaad053> (дата обращения: 10.10.2023).

Minault G. The Khilafat Movement: Religious Symbolism and Political Mobilization in India. Delhi, 1982.

Sékaly A. Le Congrès du Khalifat et le Congrès du Monde Musulman. Paris, 1926.

Sykiäinen L. The Islamic concept of the Caliphate: basic principles and a contemporary interpretation // Islamology. 2017. № 1. P. 61–70.

Zhan Weiwei. The China Wave: Rise of a Civilizational State. Hackensack, 2012.

Zhang Weiwei. China, the Civilizational State Narrative and its Implications // Российское китаеведение. 2023. № 2 (3). С. 7–15.

References

Kirillina S.A., Safronova A.L., Orlov V.V. Khalifatizm v epokhu krusheniia Osmanskoi imperii [Caliphatism in the period of decline and collapse of the Ottoman Empire] // Vestnik RUDN. Seriya: Vseobshchaia istoriia [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: World History]. 2018. № 4. S. 327–337. (In Russ.)

Kuznetsov V.A., Salem W. Bezal'ternativnaia khрупkost': sud'ba gosudarstva-natsii v arabском mire [Uncontested Fragility: Fate of the Nation-State in the Arab World] // Rossiia v global'noi politike [Russia in Global Affairs]. 13.III.2016. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bezalalternativnaya-hrupkost-sudba-gosudarstva-naczii-v-arabском-mire/> (access date: 10.12.2023). (In Russ.)

Lieven D. Imperiia, istoriia i sovremennyi mirovoi poriadok [Empire, History and the Contemporary Global Order] // Istoriia propagandy [History of Propaganda]. URL: https://propagandahistory.ru/books/Kollektiv-avtorov_Mify-i-zabluzhdeniya-v-izuchenii-imperii-i-natsionalizma—sbornik-/32 (access date: 07.12.2023). (In Russ.)

Metz A. Musul'manskii renessans [The Muslim Renaissance]. Moskva, 1996. (In Russ.)

Naumkin V.V. Model' ne-Zapada: sushchestvuet li gosudarstvo-tsivilizatsiia? [Non-West Model: Does the Civilization-State Exist?] // Polis. Politicheskie issledovaniia [Polis. Political Studies]. 2020. № 4. S. 78–93. (In Russ.)

Naumkin V.V. Tsivilizatsii i krizis natsii-gosudarstv. O chem sporiat v Rossii i ne tol'ko [Civilizations and Identity Crisis. What People Argue about in Russia and beyond] // Rossiia v global'noi politike [Russia in Global Affairs]. 19.II.2014. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/czivilizaczii-i-krizis-naczij-gosudarstv/> (access date: 10.12.2023). (In Russ.)

Romanenko V.S. Sotrudnichestvo sovetskoi diplomatii i musul'manskogo dukhovenstva SSSR v 20-e gody XX veka [Cooperation between the Soviet Diplomacy and Muslim Clergy of the USSR in the 1920s]. Nizhnii Novgorod, 2005. (In Russ.)

Semenova L.A. Iz istorii fatimidskogo Egipta [From the History of Fatimid Egypt]. Moskva, 1974. (In Russ.)

Blunt W.S. My Diaries. 2 vols. London, 1920.

Crone P., Hinds M. God's Caliph: Religious Authority in the First Centuries of Islam. Cambridge, 1986.

Dorsey J. Indonesia pushes a civilizational approach to countering polarization // Research Gate. 9.VIII.2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/373005074_Indonesia_pushes_a_civilizational_approach_to_countering_polarisation (access date: 10.12.2023).

Dorsey J.M. Civilisationalism: Ignoring Early Warning Signs at One's Peril // URL: https://www.researchgate.net/publication/333565194_Civilisationalism_Ignoring_early_warning_signs_at_one's_peril (access date: 12.12.2023).

Dussel E. Transmodernity and interculturality: An Interpretation from the Perspective of Philosophy of Liberation // URL: https://enriquedussel.com/txt/Textos_Articulos/347.2004_ingl.pdf (access date: 07.12.2023).

Gibb H.F.R. Studies on the Civilization of Islam / eds S. Shaw, W. Polk. Boston, 1961.

Hassan M. Longing for the Lost Caliphate: A Transregional History. Princeton, 2016.

Jacques M. When China Rules the World. London, 2012.

Karabekir K. Istiklâl Harbimizde: Enver Paşave Ittihat Terakki Erkânî. Istanbul, 1967.

Kramer M.S. Islam Assembled: The Advent of the Muslim Congresses. New York, 1986.

Longfold E. A Pilgrimage of Passion: The Life of Wilfrid Scawen Blunt. London, 1979.

March A.F. The Caliphate of Man: Popular Sovereignty in Modern Islamic Thought. Cambridge, 2019.

Mawdsley E. Introduction India as a "civilizational state" // International Affairs. 2023. Vol. 99. Iss. 2. P. 427–432. URL: <https://doi.org/10.1093/ia/iia053> (access date: 10.10.2023).

Minault G. The Khilafat Movement: Religious Symbolism and Political Mobilization in India. Delhi, 1982.

Sékaly A. Le Congrès du Khalifat et le Congrès du Monde Musulman. Paris, 1926.

Sykiainen L. The Islamic concept of the Caliphate: basic principles and a contemporary interpretation // Islamology. 2017. № 1. P. 61–70.

Zhang Weiwei. The China Wave: Rise of a Civilizational State. Hackensack, 2012.

Zhang Weiwei. China, the Civilizational State Narrative and its Implications // Rossijskoe kitaevedenie [Russian Chinese Studies]. 2023. № 2 (3). S. 7–15.

© 2024 г. В.В. ШАЛОМ

ВСПОМИНАЯ АПАРТХЕЙД: ЮЖНОАФРИКАНСКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ #FEESMUSTFALL В СЕРЕДИНЕ 2010-х годов

Шалом Влада Владимировна — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

E-mail: vlada.vl.s78@gmail.com

ORCID: 0009-0006-4436-9469

Аннотация. Важнейшим социальным и политическим событием середины 2010-х годов в Южно-Африканской Республике стала кампания студенческих протестов, проходившая под лозунгом #FeesMustFall. Одним из основных требований ее участников являлась трансформация образовательного процесса — наиболее актуальный вопрос для представителей молодого поколения страны. В центре внимания протестовавших находился широкий круг проблем южноафриканского общества (экономическое неравенство, пережитки расизма, высокий уровень безработицы и преступности среди молодежи и т.д.), уходящих своими корнями в эпоху апартхейда и не получивших решения спустя несколько десятилетий после перехода ЮАР к демократической системе правления. Участники движения #FeesMustFall (#FMF) утверждали, что партия «Африканский национальный конгресс» (АНК) не сумела должным образом провести «политику примирения» и выполнить обещания, данные еще накануне выборов 1994 г. Настоящая статья посвящена изучению различных аспектов процесса актуализации прошлого в контексте студенческих протестов в ЮАР в середине 2010-х годов. Рассмотрение в рамках анализа кампании #FMF материалов социальной сети Twitter и цифровых медиаизданий с точки зрения исследуемой проблематики определяет новизну настоящего исследования. Актуальность работы обусловлена той немаловажной ролью, которую начинает играть поколение «рожденных свободными» в политической и общественной жизни ЮАР. Основные задачи автора: выявление способов изучения #FMF, выделение ключевых элементов в стратегии актуализации прошлого, взятой на вооружение этим движением, и их анализ. Детальное исследование источников показывает, что, проводя параллели между историческими событиями и современными реалиями ЮАР, «рожденные свободными» заявляли о своей готовности стать движущей силой назревших политических преобразований. Память о периоде апартхейда за последние десятилетия превратилась в краеугольный камень новой южноафриканской идентичности, процесс формирования которой начался после 1994 г.

Ключевые слова: ЮАР, студенческий протест, #FeesMustFall, наследие апартхейда, восстание в Соуэто, социальные сети, медиапространство.

V.V. Shalom

Remembering the Apartheid Past: The South African Student-led Protest Movement #FeesMustFall in the Middle of the 2010s*Vlada Shalom, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia).**E-mail: vlada.vl.s78@gmail.com**ORCID: 0009-0006-4436-9469*

Abstract. Student-led protest movements swept South Africa in the mid-2010s. Nevertheless, echoes of these demands can still be heard today. The issue of transformation and “decolonization” of higher education is one of the most pressing issues for the young “born free” generation. It touched on the deep-seated problems of post-apartheid South Africa, such as racism, economic inequality, high unemployment, crime. Moreover, the youth argued that the ruling African National Congress (ANC) party had failed to deal with the past as promised in 1994. The author reflects on why and how the “born free” give meaning to their country’s past, drawing on Twitter and South African media accounts of the #FeesMustFall protest. In particular, more than 200,000 tweets with the hashtag #FeesMustFall (#FMF) were uploaded using web scraping between 15 and 29 October in March 2023. The relevance of this study lies in the increasing role of South African youth in addressing critical issues in the political and civic life of their country. The scholarly novelty lies in the analyzing the tweets as sources to study the perception of apartheid’s past and its legacy. The main objectives of research are to discover the ways to study #FMF and to determine the strategies for actualizing the past in the student protests. In conclusion it can be argued, that through social media the young generation appealed to the historical events of their country that allowed to demonstrate a willingness of “born free” to become the agents of political transformations. Furthermore, the memory of the colonial era and the apartheid period is the cornerstone of a new South African identity after 1994.

Keywords: South Africa, student protest, #FeesMustFall, legacy of apartheid, Soweto uprising, social media, media space.

В 2015 г. студенческие протесты, охватившие Йоханнесбург, Кейптаун, Дурбан, Грей-амстаун и другие города Южно-Африканской Республики (ЮАР), которые проходили под лозунгом #FeesMustFall (#FMF, «Плата должна упасть»), стали главной обсуждаемой темой в информационном пространстве страны. Новостные сообщения в СМИ и многочисленные посты в социальных сетях способствовали тому, что эта кампания была признана Национальным пресс-клубом ЮАР ньюсмейкером года¹. Лишь за октябрь 2015 г. под хэштегом #FMF было опубликовано более 270 тыс. уникальных сообщений² в социальной сети Twitter³. Протестное движение стало ответом на заявление руководства Витватерсрандского университета 14 октября 2015 г. о необходимости повышения платы за обучение на 10,5% в 2016 г. в связи с соответствующим решением правительства страны⁴. Зародившись в одном из ведущих образовательных учреждений ЮАР, находящемся в окрестностях Йоханнесбурга, протестное движение быстро охватило все высшие учебные заведения страны. После десяти дней массовых и разрушительных студенческих акций, которые привели к приостановке деятельности большинства университетов, президент ЮАР Джейкоб Зума

¹ Makhafola G. “FeesMustFall” newsmaker of the year // IOL. March 9, 2016. URL: <https://www.iol.co.za/capetimes/news/feesmustfall-newsmaker-of-the-year-1995717> (дата обращения: 12.05.2023).

² Luescher T.M., Makhubu N., Oppelt T., Mokhema S., Radasi M.Z. Tweeting #FeesMustFall: The Online Life and Offline Protests of a Networked Student Movement // Student Movements in Late Neoliberalism: Dynamics of Contention and Their Consequences / eds L. Cini, D. Della Porta, C. Guzman-Concha. Cham, 2021. P. 114.

³ В марте 2023 г. социальная сеть Twitter вошла в состав американской технологической компании X Corp. и в июле того же года была переименована в X.

⁴ University of Witwatersrand Student Protests 2015 Timeline // SAHO. URL: <https://www.sahistory.org.za/article/university-witwatersrand-student-protests-2015-timeline> (дата обращения: 12.05.2023).

(2009–2018) объявил об отмене решения о повышении платы за обучение в вузах в 2016 г.⁵ Представители молодого поколения южноафриканцев, нередко именуемые в литературе и СМИ *born free* («рожденные свободными»), являвшиеся главной протестной силой, также выступали с требованиями увеличения государственного финансирования сферы образования, решения проблем социального, экономического, расового неравенства, улучшения условий труда для рабочих. По их мнению, эти проблемы были наследием периода апарtheid⁶, и южноафриканское руководство не сумело решить их в течение двадцати лет после перехода к демократическому режиму правления. Обращаясь к наиболее болезненным социально-политическим вопросам современности, представители постапарtheidного поколения делали многочисленные отсылки к событиям эпохи расовой сегрегации. Особое значение в контексте рассматриваемой темы приобретает вопрос о том, почему актуализация исторического прошлого ЮАР стала неотъемлемой частью студенческого протестного движения в середине 2010-х годов.

Зарубежные научные публикации, посвященные изучению #FEMF, не позволяют в полной мере ответить на этот вопрос, так как большинство их авторов рассматривают другие аспекты исследуемой проблематики, в частности роль глобализации в зарождении протестного движения⁷, неравенство в системе высшего образования⁸, влияние пережитков колониализма и апарtheidа на различные сферы жизни в ЮАР⁹ и т.д. Одной из первых работ, анализирующих кампанию 2015 г., стала коллективная монография *Fees Must Fall: Student revolt, decolonisation and governance in South Africa*. В процессе создания данной работы принимали участие как представители преподавательского состава Витватерсрандского университета, так и его студенты, что позволило всесторонне изучить причины и цели #FEMF, а также подвести определенные итоги этой кампании. Такие исследователи, как Джиллиан Годселл и Рекготсофеце Чикане, утверждают, что южноафриканские протесты, являясь частью глобального процесса переосмысления деятельности университетов, были направлены прежде всего против менеджеризма, неолиберализма и коммерциализации образования¹⁰. С точки зрения Сьюзен Буйсен, вопрос о долгосрочных последствиях #FEMF оставался открытым, так как разнородность задач и политических воззрений участвовавших в этой кампании студенческих активистов могла завести движение в тупик¹¹.

⁵ Несмотря на успех студенческой кампании в 2015 г., движение #FEMF вспыхнуло с новой силой в сентябре 2016 г. после заявления министра высшего и профессионального образования ЮАР Блейда Нзиманде о повышении государственных субсидий студентам из бедных слоев населения и о рекомендациях советам университетов увеличить плату за обучение в 2017 г. не более чем на 8%. В ответ на протесты правительство выделило дополнительные средства на финансирование вузов, а также заявило о ежегодном повышении субсидий. По состоянию на конец 2023 г. дискуссии о расширении возможностей получения бесплатного образования (основное требование протестующих) продолжают оставаться частью общественно-политической жизни ЮАР, хотя движение #FEMF практически сошло на нет. См.: *Mlaba K.* South Africa's Student Protests: Everything to Know About a Movement That Goes Back Decades. April 8, 2021 // Global Citizen. URL: <https://www.globalcitizen.org/en/content/south-africa-student-protests-explained/> (дата обращения: 25.05.2023); *Luescher T.M., Wilson Fadji A., Morwe K.G., Erasmus A., Letsoalo T.S., Mokheba S.B.* #FeesMustFall and Its Aftermath: Violence, Wellbeing and the Student Movement in South Africa. Cape Town, 2022.

⁶ Апарtheid (апартеид) — официальная политика расовой сегрегации, проводившаяся правившей в Южно-Африканском Союзе и Южно-Африканской Республике Национальной партией, представлявшей интересы белого меньшинства страны, с 1948 по 1994 г.

⁷ *Garton P.M.* #Fallism and alter-globalisation: South African student movements as multi-institutional responses to globalization // *Globalisation, Societies and Education*. 2019. Vol. 17. № 4. P. 407–418.

⁸ *Stuurman S.* Student activism in a time of crisis in South Africa: The quest for “black power” // *South African Journal of Education*. 2018. Vol. 38. № 4. P. 1–8.

⁹ *Holmes C.E., Loehwing M.* Icons of the Old Regime: Challenging South African public memory strategies in #RhodesMustFall // *Journal of Southern African Studies*. 2016. Vol. 42. № 6. P. 1–17; *Ntloedibe F.N.* Where are our heroes and ancestors? The spectre of Steve Biko's ideas in Rhodes must fall and the transformation of South African Universities // *African Identities*. 2019. Vol. 17. № 1. P. 64–79.

¹⁰ *Godsell G., Chikane R.* The roots of the revolution // *Fees Must Fall: Student revolt, decolonisation and governance in South Africa* / ed. S. Booysen. Johannesburg, 2016. P. 54–55.

¹¹ *Booyesen S.* Two weeks in October: Changing governance in South Africa // *Ibid.* P. 24.

Другим важным аспектом изучаемой темы, рассмотрению которого посвящен целый ряд научных работ, является анализ роли сети Интернет в организации студенческих протестов. По мнению Пьера Паоло Фрассинелли, движущей силой кампании #FMF стали хэштеги, определяемые этим исследователем как медийные события, приводящие к кратковременному разрушению порядка знания и власти¹². Такие авторы, как Малоз Ланга, Джордж Мавунга и Тьерри Люшер, уделяли внимание изучению скорости распространения и мобилизационному эффекту хэштегов, а также их использованию в качестве одного из инструментов в процессе формирования коллективной идентичности. Важнейшими материалами в их работах, посвященных динамичной связи между онлайн- и офлайн-протестами, являлись данные СМИ и социальных сетей¹³.

В отечественной историографии преобладает обобщающий взгляд на исследуемую проблему. Например, В.В. Грибанова изучает требования активистов #FMF, причины и результаты студенческой кампании 2015 г. и ее возможные последствия. Она выделяет такие факторы возникновения протестного движения, как сокращение финансовой поддержки университетов со стороны государства, сохранение большой доли белых специалистов в академической среде, недостаточная «африканизация» учебных программ¹⁴. С точки зрения В.В. Грибановой, выдвигаемые участниками студенческой кампании требования социального и расового равенства, деколонизации образования связаны с влиянием на #FMF левых политических партий и организаций ЮАР¹⁵.

Таким образом, вопрос об актуализации исторического прошлого представителями молодого поколения южноафриканцев, участвовавших в #FMF, не получил широкого освещения в зарубежной и отечественной историографии. Как будет показано в настоящей статье, изучение данного вопроса позволяет не только рассмотреть студенческий протест середины 2010-х годов в контексте проблематики формирования в ЮАР коллективной исторической памяти, но и более всесторонне проанализировать различные стороны жизни постапартхейдного общества. Основными задачами исследования являются выявление способов изучения #FMF, выделение ключевых элементов в стратегии актуализации прошлого, взятой на вооружение протестным движением, и их анализ. Реализация этих задач поможет последовательно раскрыть интересующий вопрос.

ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ #FMF И МЕТОДЫ РАБОТЫ С НИМИ

Протестное движение #FMF началось с появления одноименного хэштега в социальной сети Twitter после официального заявления руководства Витватерсрандского университета о повышении стоимости обучения в 2016 г.¹⁶ Это не единственная причина выбора твитов¹⁷ в качестве основных источников настоящего исследования. К 2016 г. в ЮАР с населением 55,2 млн человек насчитывалось 28,56 млн активных пользователей Интернета, 14 млн пользователей Facebook, 8,74 млн — YouTube и 7,7 млн — Twitter¹⁸. Хотя к середине

¹² Frassinelli P.P. Hashtags: #RhodesMustFall, #FeesMustFall and the temporalities of a meme event // Perspectives on Political Communication in Africa / eds B. Mutsvairo, B. Karam. Cham, 2018. P. 63.

¹³ Langa M., Ndelu S., Edwin E., Vilakazi M. #Hashtag: An Analysis of the #FeesMustFall Movement at South African Universities / ed. M. Langa. Johannesburg, 2017. P. 152; Mavunga G. #FeesMustFall protests in South Africa: A critical realist analysis of selected newspaper articles // Journal of Student Affairs in Africa. 2019. Vol. 7. № 1. P. 81–99; Luescher T.M., Makhubu N., Oppelt T., Mokheba S., Radasi M.Z. Op. cit. P. 103–131.

¹⁴ Грибанова В.В. Акции протеста молодежи ЮАР в контексте современного кризиса высшего образования страны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 2. С. 180.

¹⁵ Там же. С. 183.

¹⁶ Впервые хэштег #FMF появился в Twitter 15 марта 2015 г. Его повторное упоминание в этой социальной сети относится к 13 октября того же года. См. подробнее: Luescher T.M., Makhubu N., Oppelt T., Mokheba S., Radasi M.Z. Op. cit. P. 115.

¹⁷ Выражаю особую благодарность за помощь в анализе данных Twitter, без которой отбор источников для исследования мог бы не состояться, моему коллеге, участнику образовательной программы ПАНДАН Европейского университета Санкт-Петербурга Ивану Карнаухову.

¹⁸ Bosch T. Twitter and Participatory Citizenship: #FeesMustFall in South Africa // Digital Activism in the Social Media Era: Critical Reflections on Emerging Trends in Sub-Saharan Africa / ed. B. Mutsvairo. London, 2016. P. 160.

октября 2015 г. Twitter не получил столь широкого распространения, как Facebook¹⁹, именно эта социальная сеть сыграла значительную роль в зарождении #FMF. Наиболее интенсивный этап политической мобилизации представителей протестного движения в кампусах и на улицах пришелся на период с 14 по 29 октября 2015 г. За эти две недели было сгенерировано более 200 тыс. уникальных твитов под хэштегом #FMF и около 1,1 млн ретвитов. В указанный период в Facebook было опубликовано лишь около 6 тыс. сообщений с упоминанием одноименного лозунга²⁰.

Успех движения #FMF в интернет-пространстве был во многом обусловлен специфическими особенностями используемой протестующими с наибольшей регулярностью социальной сети Twitter, в частности наличием хэштегов. Наряду с возможностями для разнообразной деятельности в социальных сетях, они создают пространство взаимодействия, которое затем реализуется в той или иной форме «на улицах и площадях». Это пространство также используется для выражения политических требований на специфическом языке хэштегов, что способствует их обобщению и усилению. Посредством хэштегов можно организовать обсуждение актуальных тем или событий, а формируемый ими совокупный контент открыт для любого пользователя и доступен для поиска не только через Twitter, но и через поисковые системы Интернета. Когда хэштеги приобретают популярность, они создают вокруг себя цепочки обсуждений²¹. Другие возможности Twitter, такие как ретвитинг и ограничение максимального объема публикации до 140 символов (для сравнения, максимально допустимое количество символов в постах на Facebook в 40 раз больше²²), также являлись причиной того, что эта социальная сеть стала более популярной интернет-платформой в период студенческих протестов, нежели Facebook и WhatsApp. Можно согласиться с мнением авторов упомянутой монографии *Fees Must Fall. Student Revolt, decolonisation and governance in South Africa*, что «Twitter помог разжечь и поддержать студенческое восстание»²³.

Сообщения в Twitter предоставляют больше возможностей для изучения движения #FMF и с технической точки зрения. Данный интернет-сервис является специализированным ресурсом с защищенным доступом, для архивации данных которого требуются определенные инструменты. В условиях блокировки ряда социальных сетей на территории РФ в 2022 г. доступ к учетной записи разработчика — самому популярному и распространенному инструменту среди исследователей — оказался невозможен. В качестве альтернативы было решено использовать *snsraper* — инструмент командной строки с открытым кодом библиотеки языка программирования Python²⁴. По сравнению с Twitter, в других социальных сетях имеется меньшее количество опций для архивации данных из аккаунтов, что ограничивает возможности для их исследования.

Как отмечалось выше, наибольшее число твитов, сгенерированных #FMF, приходится на самый активный этап политической мобилизации представителей протестного движения в кампусах и на улицах — вторую половину октября 2015 г. Это делает возможным использовать тексты твитов за данный период времени в качестве источников исследования, позволяющих проанализировать основные требования студенческой кампании в моменты ее зарождения и пика. Материалы, актуальные с точки зрения реализации задач, поставленных в настоящей статье, были собраны в Twitter с помощью вышеупомянутого инструмента командной строки — *snsraper*²⁵. Библиотека предоставляет возможность загрузки твитов с их метаданными (датой размещения, количеством лайков, комментариями,

¹⁹ Facebook запрещен на территории РФ как интернет-платформа, принадлежащая компании Meta, деятельность которой признана российским законодательством экстремистской.

²⁰ Bosch T. Op. cit. P. 161.

²¹ Frassinelli P.P. Op. cit. P. 63–65.

²² Указанные количественные данные, касающиеся максимального объема публикаций в Twitter и Facebook, актуальны на 2015 г.

²³ Luescher T.M., Makhubu N., Oppelt T., Mokhema S., Radasi M.Z. Op. cit. P. 110–114.

²⁴ JustAnotherArchivist. *Snsraper* // GitHub. URL: <https://github.com/JustAnotherArchivist/snsraper> (дата обращения: 12.05.2023).

²⁵ Ibidem.

просмотрами и т.д.) без получения API-ключа. Поиск материалов осуществлялся по хэштегу #FeesMustFall. Всего удалось собрать более 210 тыс. публикаций в Twitter за период с 14 по 29 октября 2015 г. Они были переведены в табличный формат вместе с соответствующими метаданными: текст твита, дата публикации, id пользователя, имя пользователя, количество лайков и ретвитов²⁶. Дальнейший поиск материалов по ключевым словам (race/racism, apartheid, rainbow nation/myth, Mandela, Zuma, 1976, equal/inequality, 1994) позволил отобрать публикации, представляющие наибольший интерес в контексте изучаемой темы.

В настоящей статье также предпринимается попытка анализа материалов популярных среди южноафриканских читателей медиаизданий в период с 2015 по 2022 г., в которых использовалось словосочетание #FeesMustFall. К их числу относятся такие информационные сайты, как IOL²⁷, UCT News²⁸, Africa is a country²⁹, OkayAfrica³⁰. В считанные дни после начала протестов лозунг #FMF стал узнаваем далеко за пределами социальной сети Twitter, способствуя формированию новой идентичности целого поколения студенческих активистов. Использование хэштега #FeesMustFall, новостные медиаиздания не только фиксировали протестные акции, но и делились с читателями мнениями различных общественных и политических деятелей о происходящем. Это позволяет получить достаточно широкое представление о студенческой кампании 2015 г., ее требованиях и достигнутых результатах³¹.

Важно отметить, что при рассмотрении упоминаний апартеида представителями протестного движения в рамках настоящей работы разделение на твиты и материалы медиаизданий не является принципиальным. Основное внимание уделяется содержательной части анализируемых источников.

ЗАРОЖДЕНИЕ #FMF

#FMF — не первое и не единственное фоллистское³² движение протеста, потрясшее университетскую среду в ЮАР в 2015 г. Участники предшествовавших ему студенческих кампаний также обращались к прошлому своей страны. В центре внимания этих движений не случайно находились вопросы, связанные с реформами в сфере образования. После перехода ЮАР к демократической системе правления в 1994 г. на государственном уровне возобладало мнение о необходимости развития образовательной системы. Предполагалось, что это будет содействовать социальной мобильности и экономическому росту. В 1997 г. правительством была принята программа реформирования высшего образования — «Белая книга» (Education White

²⁶ Важно отметить, что отбор публикаций, актуальных для настоящего исследования, в Twitter происходил в марте 2023 г., спустя восемь лет после того, как кампания #FMF достигла своего пика. За прошедший период как минимум 70 тыс. сообщений этой социальной сети было утрачено, что связано с удалением твитов пользователями, ликвидацией или блокировкой аккаунтов, ограничением емкости индексации, делающим записи нераспознаваемыми. Кроме того, к материалам исследователей, занимавшихся сбором твитов за октябрь 2015 г., отсутствует открытый доступ. Фактически каждый ученый, анализирующий сообщения под хэштегом #FMF, имеет собственную базу данных.

²⁷ IOL (Independent Online) — новостной портал, на котором представлены онлайн-версии таких южноафриканских газет, как The Star, Pretoria News, The Daily Voice, Cape Times, Cape Argus, Weekend Argus, Mercury, Post и др. IOL // URL: <https://www.iol.co.za> (дата обращения: 23.06.2023).

²⁸ UCT News — информационный ресурс, на котором в режиме онлайн публикуются ежедневные новости Кейптаунского университета. UCT News // URL: <https://www.news.uct.ac.za> (дата обращения: 23.06.2023).

²⁹ Africa is a country — онлайн-площадка для публикации и обсуждения мнений представителей левых партий и движений ЮАР по тем или иным проблемам. Africa is a country // URL: <https://africasacountry.com/about> (дата обращения: 23.06.2023).

³⁰ OkayAfrica — цифровая медиаплатформа, посвященная африканской политике и культуре. OkayAfrica // URL: https://www.okayafrica.com/st/privacy_policy (дата обращения: 23.06.2023).

³¹ Luescher T.M., Makhubu N., Oppelt T., Mokheba S., Radasi M.Z. Op. cit. P. 110—114.

³² Под термином «фоллизм» в данном контексте подразумевается стремление к полному избавлению от той или иной нежелательной проблемы или угрозы. В настоящей работе фоллизм рассматривается как явление, характерное для южноафриканских студенческих протестов середины 2010-х годов.

Paper)³³. В ней, в частности, отмечалось, что высшее образование должно стать принципиальным фактором достижения социальной справедливости, в том числе и в сфере распределения материальных благ. В 1999 г. была разработана Национальная схема финансовой помощи студентам (NSFAS) из семей с низким уровнем достатка³⁴. На протяжении двух десятилетий предпринимаемые государством меры свидетельствовали о принципиальной важности образования для нового руководства ЮАР. Однако несмотря на это, с точки зрения участников фоллистских кампаний, к середине 2010-х годов европейское доминирование и связанное с ним неравенство сохранились в этой сфере жизни страны в большей степени, нежели в других. Протестные движения поставили под вопрос успешность проводимой правительством политики.

Переломный момент в охватившей широкие круги общественности дискуссии, связанной с вопросами трансформации и деколонизации образовательного процесса, а в более широком смысле — с политикой постапартхейдного государства, наступил 9 марта 2015 г. В этот день студент Кейптаунского университета Чумани Максвеле осквернил установленную на территории этого вуза в 1934 г. статую южноафриканского политика и предпринимателя Сесила Джона Родса (имя которого связано с колониальным прошлым страны), вылив на нее ведро экскрементов. Активисты кампании #RhodesMustFall (#RMF, «Родс должен пасть») утверждали, что демонтаж памятника станет не концом протестного движения, а скорее началом «деколонизации» университета. По их мнению, «присутствие статуи, напоминающей о южноафриканской истории лишения собственности и эксплуатации черных, является актом насилия в отношении черных студентов, рабочих и обслуживающего персонала»³⁵. Менее чем за неделю протестное движение вышло за пределы Кейптауна. Акция Максвеле получила широкий резонанс в интернет-пространстве. В частности, появились хэштеги, имитирующие #RMF, например: #SteynMustFall, #SwartMustFall³⁶, #OpenStellenbosch³⁷.

³³ Education White Paper 3: A programme for the transformation of higher education. Notice 1196 of 1197 // Department of education. Pretoria, 1997. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/18207gen11960.pdf (дата обращения: 12.05.2023).

³⁴ NSFAS. Our mission // NSFAS. URL: <https://nsfas.org.za/content/mission.html> (дата обращения: 12.05.2023).

³⁵ The Rhodes Must Fall Movement. UCT Rhodes Must Fall Mission Statement. 2015. P. 1 // URL: <https://www.lse.ac.uk/sociology/assets/documents/events/UCT-Rhodes-Must-Fall-Statement.pdf> (дата обращения: 12.05.2023).

³⁶ 25 марта 2015 г. Студенческий представительский совет Университета Фри-Стейт на своей официальной странице в Facebook опубликовал пост, в котором содержались призывы к сносу статуй последнего президента независимой Оранжевой Республики Мартинуса Стейна (1896–1902) и первого государственного президента ЮАР Чарльза Роббертса Сварта (1961–1967), располагавшихся на территории студенческого кампуса в Блумфонтейне. В Twitter эти призывы переросли в протестные кампании #SteynMustFall и #SwartMustFall. Их активисты, в частности, утверждали, что присутствие в студенческом кампусе статуй белых лидеров колониального периода и периода апарtheid противоречит стремлению южноафриканского государства и общества к развитию демократии и достижению социального равенства. Руководство университета приняло решение созвать чрезвычайное собрание для рассмотрения требований протестовавших уже 28 апреля 2015 г. На этом собрании обсуждались актуальные вопросы языковой политики ЮАР, а также проблемы, связанные с присутствием символов колониального и апарtheidного прошлого на территории кампусов (по мнению участников протестных кампаний, это создавало препятствия для социальной интеграции черных студентов и трансформации институциональной культуры). См. подробнее об этих кампаниях и их результатах: *Luescher T.M., Loader L., Mugume T. #FeesMustFall: An Internet-age student movement in South Africa and the case of the University of the Free State // Politikon. 2017. Vol. 44. № 2. P. 231–245.*

³⁷ Движение #OpenStellenbosch зародилось в Стелленбосском университете в середине апреля 2015 г. Главным требованием его участников являлось ограничение использования языка африкаанс в образовательном процессе. Во многом под влиянием #OpenStellenbosch голландским кинорежиссером Астрид Бусинк был создан документальный фильм *Luister*, вышедший на экраны ЮАР в августе 2015 г. Основной темой фильма стали акты расизма и дискриминации, с которыми сталкивались студенты во время обучения в Стелленбосском университете. Картина вызвала широкий общественный резонанс. Парламент ЮАР организовал встречу с руководством вуза для обсуждения вопросов трансформации учебного процесса. См. подробнее об этом движении: *Mpatlanyane V.L. New Student Activism after Apartheid: the case of Open Stellenbosch. Thesis. Stellenbosch, 2018.*

Массовая поддержка Максвелу студенческими активистами способствовала принятию Сенатом Кейптаунского университета решения о демонтаже статуи Сесиля Родса 9 апреля. Более важным последствием #RMF стало создание в ряде южноафриканских вузов комитетов по пересмотру языковой политики. Использование африкаанс в учебном процессе, а также сохранение значительного числа белых специалистов в университетских и академических кругах ЮАР подверглись резкой критике со стороны студенческих сообществ³⁸.

«В моей стране сегодня садится солнце, и вчерашняя доброта рассеивается... В Южной Африке молодой человек грозит пальцем перед лицом Зумы в парламенте и говорит ему, что он потерял контроль над своей страной...»³⁹, — так в мае 2015 г. охарактеризовала положение дел в ЮАР писательница Сисонке Мсиманг. Демонтаж статуи Сесиля Родса в Кейптаунском университете 9 апреля ознаменовал символическую победу сторонников деколонизации и вселил надежду на дальнейшие перемены. «Возможность» для продолжения реформ в сфере образования представилась уже осенью 2015 г., когда руководство Витватерсрандского университета объявило о повышении платы за обучение в следующем учебном году на 10,5%. Студенты, возмущенные увеличением стоимости образования и воодушевленные быстрыми успехами кампании #RMF, помимо обсуждений в социальных сетях, устроили сидячие забастовки и заблокировали входы в кампус, что фактически привело к приостановке деятельности вуза. Взятый ими на вооружение хэштег #FeesMustFall, производный от #RhodesMustFall, был призван подчеркнуть сходство этих двух протестных движений. По мнению лингвиста и социолога Пола Гартона, на пике студенческой кампании он стал связующим звеном для нецифрового дискурса и определяющим дискурсом социальных сетей⁴⁰.

К 2015 г. в ЮАР выросло целое поколение, представители которого не являлись свидетелями апартхеида. Как уже отмечалось, именно они составили основу протестного движения. В своих заявлениях и программных требованиях «рожденные свободными» обращались как к современной проблематике, так и к событиям второй половины XX в. В идеологии протестного движения сосуществовали прошлое и настоящее. Об этом свидетельствует частота употребления ключевых слов в твитах с хэштегом #FMF. Наряду с такими словами и словосочетаниями, как *student* (более 38 тыс.) и *ANC*⁴¹ (более 10 тыс.), лежавшими в основе лозунгов кампании, широкое распространение в твитах за период с 14 по 29 октября 2015 г. получили также понятия и имена собственные, имеющие отношение к эпохе расовой сегрегации: 1976 (более 1,2 тыс.), *apartheid* (ок. 1 тыс.), *Mandela* (ок. 1 тыс.), *Soweto* (более 100).

#FMF И ВОССТАНИЕ В СОУЭТО

Если представители протестного движения #RMF акцентировали внимание на необходимости борьбы с пережитками колониального прошлого страны, воплощением которого являлась, по их мнению, фигура Сесиля Родса, то в ходе студенческой кампании #FMF ключевой темой стала социально-экономическая несправедливость постапартхейдного южноафриканского общества, рассматривавшаяся как наследие эпохи расовой сегрегации. Как отмечалось в твите одного из сторонников движения, «люди, которые говорят, что раса не имеет никакого отношения к #FeesMustFall, не обращали внимания на историю, которая преследует настоящее»⁴².

Для фоллистов борьба с социальной несправедливостью в прошлом нашла символическое выражение в восстании в Соуэто 16 июня 1976 г. Это событие стало одним из ключевых

³⁸ Luescher T.M., Makhubu N., Oppelt T., Mokheba S., Radasi M.Z. Op. cit. P. 103–104.

³⁹ Msimang S. The old is dying and the young ones have just been born // Africa is a country. May 15, 2015. URL: <https://africasacountry.com/2015/05/the-old-is-dying-and-the-young-ones-have-just-been-born/> (дата обращения: 12.05.2023).

⁴⁰ Garton P.M. Op. cit. P. 410–411.

⁴¹ ANC (African National Congress) — «Африканский национальный конгресс» (АНК). Является правящей партией ЮАР с 1994 г.

⁴² @khayadlanga. Tweet // Twitter. October 15, 2015. 2:11 PM. URL: <https://twitter.com/khayadlanga/status/654615652330815488> (дата обращения: 14.05.2023).

моментов южноафриканского освободительного движения. В современной историографии восстание в Соуэто принято считать точкой отсчета в процессе ликвидации апартхейда. Оно началось с мирного шествия школьников, основным требованием которых являлась отмена государственного закона 1974 г. Согласно этому закону, с 1975 г. африкаанс вводился в качестве обязательного языка обучения в «черных» образовательных учреждениях страны. Начавшиеся вследствие попытки разгона демонстрации полицией волнения стали выражением несогласия большинства местного населения не столько с этими нововведениями, сколько с социальными порядками режима апартхейда, с сегрегацией и ущемлением в правах представителей тех этнических групп, которые не принадлежали к привилегированному белому меньшинству ЮАР. Хотя к концу 1976 г. сопротивление протестовавших было окончательно подавлено, восстание вызвало широкий резонанс по всей стране. В течение следующих полутора десятилетий некоторые крупнейшие тауншипы⁴³ страны, в том числе и Соуэто, фактически перестали контролироваться властями. В этот период правительство не раз объявляло чрезвычайное положение, а армия использовалась для подавления или предотвращения беспорядков, вызванных протестами. Вплоть до начала 1990-х годов черные южноафриканцы отмечали 16 июня как день памяти студентов, погибших в ходе борьбы за освобождение от режима апартхейда («день Соуэто»). Как уже упоминалось выше, центральную роль в этой борьбе играли представители молодежи⁴⁴.

Проводя аналогии между событиями 1976 г. и студенческой кампанией #FEMF, популярная в ЮАР журналистка и блогер Гертруд Макафола отмечает: «Это кардинально изменило правила игры в нашей стране. Нет никаких сомнений в том, что высшее образование в Южной Африке уже никогда не будет прежним. В последний раз студенты нашей страны были объединены подобным образом в общем деле в 1976 г., когда они протестовали против языка африкаанс как средства обучения. Однако на этот раз #FeesMustFall получил поддержку во многих слоях нашего общества, а также со стороны студентов со всего мира...»⁴⁵

Появившийся в период режима расовой сегрегации день памяти не утратил своего значения и после перехода ЮАР к демократической системе правления. Вступив в должность президента страны в 1994 г., лидер борьбы против апартхейда Нельсон Мандела⁴⁶ объявил 16 июня Днем молодежи. На праздновании 20-й годовщины событий в Соуэто в 1996 г. президент отметил, что все жители ЮАР в долгу перед молодыми людьми, которые погибли в ходе протестов. «Благодаря им стало возможным построить лучшую жизнь для всех южноафриканцев, и новое правительство в лице АНК уже предпринимает шаги по исправлению ошибок, унаследованных от режима апартхейда»⁴⁷. Как показали события середины 2010-х годов, спустя двадцать лет многие представители южноафриканской молодежи были убеждены в том, что обещания Н. Манделы так и не претворились в жизнь.

#FEMF И ФИЛОСОФИЯ «ЧЕРНОГО САМОСОЗНАНИЯ»

Участники студенческой кампании #FEMF, как и их предшественники из #RMF, стремились реанимировать идеи одного из лидеров борьбы против апартхейда, основателя движения «Черное самосознание»⁴⁸ Стива Бико, сыгравшего важную роль в организации

⁴³ В ЮАР «тауншипами» именуются крупные населенные пункты с преимущественно чернокожим населением.

⁴⁴ Brown J. The road to Soweto. Resistance and the Uprising of 16 June 1976. Johannesburg, 2016. P. 164–175.

⁴⁵ Makhafola G. Op. cit.

⁴⁶ Нельсон Мандела занимал пост президента ЮАР с 1994 по 1999 г.

⁴⁷ Address by President Nelson Mandela on the anniversary of the Soweto Uprising on 16 June 1976. 16 June 1994 // SAHO. URL: <https://www.sahistory.org.za/archive/address-president-nelson-mandela-anniversary-soweto-uprising-16-june-1976-16-june-1994> (дата обращения: 14.05.2023).

⁴⁸ «Черное самосознание» (Black Consciousness) — массовое движение борьбы с апартхейдом, возникшее в начале 1970-х годов, после запрета АНК и других антиправительственных организаций. Участники движения выражали протест против угнетения черного большинства ЮАР, при этом отвергая насильственные формы противостояния и возлагая основные надежды на духовное возрождение африканцев.

серии молодежных протестов 16 июня 1976 г. в Соуэто. Спустя четыре десятилетия эти идеи вновь нашли своих сторонников. Как отмечает один из участников #FMMF, «философия “Черного самосознания” жива, она процветает и находит отклик среди современной молодежи #FeesMustFall»⁴⁹. Известно высказывание Ч. Максвелле: «Где наши герои и предки?» Оно является отсылкой к критике С. Бико европоцентристского взгляда на историю Южной Африки, в рамках которого ее величайшие достижения в прошлом рассматривались исключительно как «заслуги белых героев». При подобном подходе практически игнорировался вклад в развитие страны «великих черных лидеров», которые часто изображались в южноафриканской историографии и образовательной литературе «тиранами»⁵⁰. По мнению С. Бико, европейцы «маргинализировали африканский голос» в школьных и университетских учебных программах, лишив тем самым представителей коренного населения ЮАР гордости за свое прошлое. Черным школьникам часто напоминалось, что в культурном наследии их предков «нет ничего благородного». Европоцентристский взгляд на историю страны способствовал распространению среди африканских учащихся такого явления, как самоненависть. Со временем она стала мощным психологическим оружием в руках колониальных администраторов и «отцов-основателей» апартхеида. С. Бико, как и участники протестов второй половины 1970-х годов, обращался к властям с требованиями кардинальной перестройки университетского образования и радикальных перемен в академической среде⁵¹.

Представители протестного движения середины 2010-х годов утверждали, что в образовательной системе страны продолжала доминировать старая европейская модель, поскольку постапартхейдное правительство не смогло претворить в жизнь программу реформ, подготовленную сразу после перехода к демократическому режиму правления, а южноафриканские университеты продемонстрировали нежелание менять учебные программы. С точки зрения активистов #FMMF, использование в академической сфере английского и африкаанс, не являющихся родными языками для большинства населения ЮАР, преобладание белых специалистов в преподавательском составе вузов, а также европоцентричные учебные программы являлись пережитками апартхеида⁵². По мнению южноафриканского историка Франца Нкокомане Нтлоедибе, протестующие студенты, как и их предшественники в 1970-е годы, преодолели страх, чтобы разрешить сложные социальные проблемы. Они бросили вызов культуре молчания угнетенных, освободившись политически. Согласно концепции С. Бико, это возможно лишь после психологического освобождения «от внутреннего принятия расового угнетения»⁵³.

Таким образом, идеи борьбы с расовым неравенством, пользовавшиеся популярностью среди чернокожего населения страны в эпоху апартхеида, получили второе рождение в современной ЮАР, в ином социально-политическом контексте. Это во многом свидетельствует о глубоком разочаровании представителей поколения «рожденных свободными» курсом АНК.

#FMMF И НАСИЛИЕ ЭПОХИ АПАРТХЕЙДА

Восстание в Соуэто произошло в условиях расистского полицейского государства. С целью подавления беспорядков власти приказали открыть огонь по демонстрации, в которой участвовали 10 тыс. африканских школьников. В результате стрельбы около 575 человек (примерно две трети из которых оказались школьниками) были убиты и более 2 тыс. ранены. За восстанием последовали многочисленные аресты протестовавших и судебные

⁴⁹ @BenjyNgobeza. Tweet // Twitter. October 20, 2015. 4:04 PM. URL: <https://twitter.com/BenjyNgobeza/status/656456076452352000> (дата обращения: 23.05.2023).

⁵⁰ Ntloedibe F.N. Op. cit. P. 64.

⁵¹ Biko S. I Write What I Like: Selected Writings / ed. A. Stubbs. London, 1978. P. 29–30.

⁵² Ntloedibe F.N. Op. cit. P. 69–72.

⁵³ Ibid. P. 72–74.

процессы⁵⁴. Хотя студенческая кампания 2015 г. проходила в иных условиях, когда демократические ценности официально провозглашались с правительственных трибун, она также была ознаменована волной насилия, прокатившейся по многим городам страны. Разгоны демонстраций полицией с помощью огнестрельного оружия, задержки десятков участников #FMF и аресты руководителей университетов стали реальностью протестного движения⁵⁵. Как отмечалось в одном из твитов, содержащем хэштег #FMF, в ноябре 2015 г., «черная полиция праздновала стрельбу в рабочих; апартхейд никогда не покидал нас, он лишь взял передышку»⁵⁶.

В речи на праздновании 40-летия восстания в Соуэто в День молодежи в 2016 г. Джейкоб Зума выразил обеспокоенность распространявшимся по всей стране насилием в ходе общественных протестов. Он, в частности, отметил, что во время студенческих волнений 16 июня 1976 г. не было сожжено ни одной школы, и в поведении участников тех событий не было такой ожесточенности, как в действиях активистов #FMF. Зума также подчеркнул, что с июня 1976 г. южноафриканцы прошли долгий путь как нация. С точки зрения президента, жертвы 1976 г. не стали напрасными: борьба с расистской идеологией увенчалась победой, и в 1994 г. было положено начало свободной и демократической ЮАР⁵⁷. Однако в то время как представители постапартхейдной политической элиты страны воспринимали насилие как недопустимое средство достижения политических целей, многие участники студенческой кампании середины 2010-х годов рассматривали его как важный инструмент в борьбе за выполнение требований протестного движения. Как отмечает южноафриканский социолог Джордж Мавунга, «активисты #FMF полагали, что насилие является единственным способом заставить правительство и университетские власти прислушаться к их требованиям»⁵⁸. При этом некоторые сторонники протестного движения обращали внимание на двойные стандарты в поведении представителей академической среды. Так, учащиеся Кейптаунского университета считали, что, осуждая физическое насилие, совершаемое студентами, руководители вуза, к сожалению, игнорировали насилие, которому подвергались черные студенты в ходе задержаний полицией⁵⁹. Важно отметить, что легитимизация насилия участниками движения #FMF сопровождалась отсылками к событиям эпохи апартхейда, прежде всего к восстанию в Соуэто.

#FMF И «РАДУЖНАЯ НАЦИЯ»

«6 фактов, доказывающих, что дух 1976 г. до сих пор жив в ЮАР» — именно с таким названием в день 40-летия восстания в Соуэто вышла статья на одной из популярных южноафриканских медиаплатформ. Анализируя протестные движения середины 2010-х годов, ее автор утверждал, что спустя десятилетия после событий 1976 г. молодежь ЮАР сохраняет высокий уровень политической активности⁶⁰. Впервые после смены политического режима «рожденные свободными» смогли не только вступить в «борьбу» с государством, но и добиться важных успехов. Многие представители молодого поколения южноафриканцев испытывали разочарование в том, что с 1994 г. правительство создавало обманчивую иллюзию

⁵⁴ Soweto uprising. Truth Commission special report // SABC. URL: https://sabctrc.saha.org.za/glossary/soweto_uprising.htm?tab=victims (дата обращения: 14.05.2023).

⁵⁵ Mavunga G. Op. cit. P. 88–91.

⁵⁶ @iTsietsi. Tweet // Twitter. November 29, 2015. 11:20 PM. URL: <https://twitter.com/iTsietsi/status/671061144078036993> (дата обращения: 14.05.2023).

⁵⁷ Address by President Jacob Zuma on the occasion of the 40th anniversary of the June 16, 1976 Student Uprising // South African Government. URL: <https://www.gov.za/speeches/president-jacob-zuma-youth-day-2016-16-jun-2016-0000> (дата обращения: 14.05.2023).

⁵⁸ Mavunga G. Op. cit. P. 90.

⁵⁹ Ibid. P. 90–91.

⁶⁰ Mosiuoa T. 6 moments that prove the spirit of '76 is still alive in South Africa // OkayAfrica. June 16, 2016. URL: <https://www.okayafrica.com/south-africa-spirit-of-1976-youth-day/> (дата обращения: 12.05.2023).

единства «радужной нации»⁶¹ и предоставления всей полноты прав небелому населению страны. Уже в первое десятилетие XXI в. в ЮАР было отмечено резкое снижение уровня одобрения «политики примирения», начатой сразу после перехода к демократической системе правления. Количество граждан страны, поддерживавших идею строительства единой «радужной нации», сократилось с 72,9% в 1997 г. до 55% в 2014 г.⁶² По мнению некоторых исследователей, разочарованность южноафриканцев действиями правительства являлась следствием незаинтересованности властей в выполнении рекомендаций Комиссии правды и примирения⁶³ по созданию условий для преодоления прошлого⁶⁴. В отличие от жителей ЮАР в возрасте 35–64 лет, представители молодого поколения страны были более скептически настроены к достижениям страны в процессе расового и национального единения⁶⁵.

Протестное движение #FMF представляло опасность для правительства, поскольку оно показало отсутствие исторической преемственности между политикой АНК в первые десятилетия XXI в. и той программой, которая претворялась в жизнь Н. Манделой⁶⁶. По мнению С. Буйсен, молодое поколение ЮАР «отвергло миф» о выполнении правящей партией обещаний, связанных с преодолением наследия апартхеида⁶⁷. Использование активистами #FMF понятия фоллизма было призвано подчеркнуть необходимость радикальных перемен в различных сферах жизни страны. С точки зрения участников студенческих протестов, все, что связано с расовым угнетением и господством белых над черными, должно быть уничтожено⁶⁸.

* * *

Десятидневное протестное движение, оказавшееся по времени в три раза менее продолжительным, чем кампания за снос статуи Сесиля Родса, позволило южноафриканским студентам добиться отмены повышения платы за обучение в 2016 г. По мнению заведующей кафедрой антропологии Витватерсрандского университета Келли Гиллеспей, быстрый успех #FMF был обусловлен массовой мобилизацией студентов, которая явилась неожиданностью для властей, а также широкой поддержкой общественного мнения. Правящей партии пришлось пойти на уступки не только по причине опасений, связанных с расширением протестного движения, но и вследствие возможной перспективы потери ключевой части электората — представителей молодого поколения южноафриканцев⁶⁹. Об этом,

⁶¹ Ветхозаветный символ мира — радуга — в 1994 г. стал также символом единства южноафриканского народа. В день Национального благодарственного молебна 8 мая, приуроченного к празднованию первых демократических выборов и «рождения новой нации», один из лидеров борьбы против апартхеида архиепископ Десмонд Туту заявил, что «южноафриканцы — это Божий “радужный” народ». После упоминания радуги Н. Манделой на президентской инаугурации 10 мая того же года жители ЮАР стали именоваться «людьми радуги» и за пределами страны.

⁶² Du Toit F. A broken promise? Evaluating South Africa's reconciliation process twenty years on // International Political Science Review. 2017. Vol. 38. № 2. P. 179.

⁶³ Комиссия правды и примирения (КПП) — государственная организация ЮАР, созданная в рамках «политики преодоления прошлого», проводившейся АНК. Ее деятельность была направлена на раскрытие преступлений против прав человека, совершенных по политическим мотивам, в период с 1960 по 1994 г. КПП рекомендовала правительству разработать стратегии по реинтеграции заключенных и возмещению морального и материального ущерба жертвам апартхеида, а также обращалась с призывом к гражданам ЮАР работать в направлении построения «нерасового общества». Комиссия действовала с 1995 по 1998 г.

⁶⁴ Du Toit F. Op. cit. P. 169.

⁶⁵ Hofmeyr J., Govender R. National Reconciliation, Race Relations, and Social Inclusion. South African Barometer Briefing Paper. Cape Town, 2015. P. 5–6.

⁶⁶ Cini L. The 2015 student mobilizations in South Africa. Contesting post-apartheid higher education // Partecipazione e conflitto. 2019. Vol. 12. № 1. P. 64.

⁶⁷ Booysen S. Op. cit. P. 33.

⁶⁸ Everatt D. Standing on the shoulders of giants? Successive generations of youth sacrifice in South Africa // Fees Must Fall: Student revolt, decolonisation and governance in South Africa. P. 129–132.

⁶⁹ Cini L. Op. cit. P. 63–65.

в частности, свидетельствуют посты сторонников #FMF второй половины октября 2015 г. Автор одного из них отмечает: «Наш президент Джейкоб Зума боится молодежи. Он точно знает, на что способно #FeesMustFall»⁷⁰.

Подводя итоги исследования, необходимо отметить, что массовая мобилизация студентов стала возможной во многом благодаря технологиям, которые являлись частью их повседневной жизни. Даже несмотря на меньшую популярность Twitter по сравнению с другими социальными сетями в ЮАР в 2015 г., механизмы и алгоритмы взаимодействия организаторов #FMF с пользователями этой интернет-платформы превратили ее в эффективный способ организации протестов. Кроме того, общий формат «офлайн- и онлайн-действий», обусловленный использованием однотипного хэштега как в Интернете, так и в публичном пространстве, позволил привлечь к движению даже тех представителей студенческой молодежи, которые не являлись участниками социальных сетей.

Отвечая на поставленный в настоящей статье вопрос о причинах и значении актуализации прошлого ЮАР в ходе студенческой кампании середины 2010-х годов, важно подчеркнуть идеологическую связь между #FMF и предшествовавшим ему движением #RMF. И в том и в другом случае обращение к историческим событиям являлось попыткой решения злободневных проблем современности. Подобный способ ответа на стоявшие перед обществом вызовы стал возможным вследствие того, что память о периоде апартхейда за последние десятилетия превратилась в краеугольный камень новой южноафриканской идентичности, процесс формирования которой начался после событий 1994 г. Политика правительства подвергалась резкой критике участниками #FMF не столько по причине недостаточного государственного финансирования университетов и ухудшения условий труда рабочих, сколько из-за неспособности АНК выполнить обещания, благодаря которым эта партия пришла к власти. Предоставление равных возможностей, особенно в сфере образования, ставшее ее ключевой задачей в борьбе с режимом апартхейда, оказалось с точки зрения студенческой молодежи середины 2010-х годов лишь пустой риторикой.

Анализ источников и литературы по теме позволяет утверждать, что обращения участников #FMF к прошлому не имели системный характер. Однако они затрагивали важнейшие для ЮАР события и идеи XX в. Восстание в Соуэто в 1976 г., противостояние государственному насилию в период апартхейда, движение «Черное самосознание» рассматривались активистами студенческой кампании середины 2010-х годов как коллективный опыт борьбы южноафриканской молодежи против расовой сегрегации, которая в конечном итоге привела к победе. Проводя параллели между прошлым и современными реалиями ЮАР, «рожденные свободными» заявляли о своей готовности стать движущей силой политических преобразований.

Вопросы о социальных и политических последствиях кампании #FMF и о конечных целях движения продолжают оставаться актуальными для исследователей. При этом представляется очевидным, что попытки актуализации студенческой молодежью страны событий исторического прошлого, связанных с режимом расовой сегрегации, свидетельствуют о неизжитом наследии апартхейда и о сохраняющемся влиянии в стране расистских идей. Примечательно, что даже спустя два десятилетия после перехода к демократической системе правления среди «рожденных свободными» нашли отклик наиболее радикальные формы борьбы за права, имевшие место во второй половине 1970-х годов. Бескомпромиссные заявления и действия активистов #FMF во многом обеспечили победу движения в 2016 г. В то же время многие актуальные проблемы страны (как в образовании, так и в других сферах), ставшие важными факторами протестной кампании, до сих пор не получили своего

⁷⁰ @sduduzo_g. Tweet // Twitter. October 24, 2015. 2:32 AM. URL: https://twitter.com/sduduzo_g/status/657701098556362752 (дата обращения: 23.05.2023).

окончательного решения. Однако очевидно, что в политической жизни ЮАР обозначился важный перелом. «Медовый месяц 1994 г. закончился #FeesMustFall»⁷¹.

Библиография / References

Грибанова В.В. Акции протеста молодежи ЮАР в контексте современного кризиса высшего образования страны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 2. С. 177–185.

Gribanova V.V. Aksiia protesta molodezhi JuAR v kontekste sovremennogo krizisa vysshego obrazovaniia strany [The Protest Actions of South African Youth in the Context of the Current Crisis of Higher Education] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 4. Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations]. 2018. T. 23. № 2. P. 177–185. (In Russ.)

Address by President Jacob Zuma on the occasion of the 40th anniversary of the June 16, 1976 Student Uprising // South African Government. URL: <https://www.gov.za/speeches/president-jacob-zuma-youth-day-2016-16-jun-2016-0000> (access date: 14.05.2023).

Address by President Nelson Mandela on the anniversary of the Soweto Uprising on 16 June 1976. 16 June 1994 // SAHO. URL: <https://www.sahistory.org.za/archive/address-president-nelson-mandela-anniversary-soweto-uprising-16-june-1976-16-june-1994> (access date: 14.05.2023).

Biko S. I Write What I Like: Selected Writings / ed. A. Stubbs. London, 1978.

Booyesen S. Two weeks in October: Changing governance in South Africa // Fees Must Fall: Student revolt, decolonisation and governance in South Africa. Johannesburg, 2016. P. 22–52.

Bosch T. Twitter and Participatory Citizenship: #FeesMustFall in South Africa // Digital Activism in the Social Media Era: Critical Reflections on Emerging Trends in Sub-Saharan Africa / ed. B. Mutsaers. London, 2016.

Brown J. The Road to Soweto. Resistance and the Uprising of 16 June 1976. Johannesburg, 2016.

Cini L. The 2015 student mobilizations in South Africa. Contesting post-apartheid higher education // Partecipazione e conflitto. 2019. Vol. 12. № 1. P. 43–70.

Du Toit F. A broken promise? Evaluating South Africa's reconciliation process twenty years on // International Political Science Review. 2017. Vol. 38. № 2. P. 169–184.

Education White Paper 3: A programme for the transformation of higher education. Notice 1196 of 1197 // Department of education. Pretoria, 1997. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/18207gen11960.pdf (access date: 12.05.2023).

Everatt D. Standing on the shoulders of giants? Successive generations of youth sacrifice in South Africa // Fees Must Fall: Student revolt, decolonisation and governance in South Africa / ed. S. Booyesen. Johannesburg, 2016. P. 126–147.

Frassinelli P.P. Hashtags: #RhodesMustFall, #FeesMustFall and the temporalities of a meme event // Perspectives on Political Communication in Africa / eds B. Mutsaers, B. Karam. Cham, 2018. P. 61–76.

Garton P.M. #Fallism and alter-globalisation: South African student movements as multi-institutional responses to globalization // Globalisation, Societies and Education. 2019. Vol. 17. № 4. P. 407–418.

Godsell G., Chikane R. The roots of the revolution // Fees Must Fall: Student revolt, decolonisation and governance in South Africa / ed. S. Booyesen. Johannesburg, 2016. P. 54–73.

Hofmeyr J., Govender R. National Reconciliation, Race Relations, and Social Inclusion. South African Barometer Briefing Paper. Cape Town, 2015.

Holmes C.E., Loehwing M. Icons of the Old Regime: Challenging South African public memory strategies in #RhodesMustFall // Journal of Southern African Studies. 2016. Vol. 42. № 6. P. 1–17.

JustAnotherArchivist. Snscape // GitHub. URL: <https://github.com/JustAnotherArchivist/snscape> (access date: 12.05.2023).

Langa M., Ndulu S., Edwin E., Vilakazi M. #Hashtag: An Analysis of the #FeesMustFall Movement at South African Universities / ed. M. Langa. Johannesburg, 2017.

Luescher T.M., Loader L., Mugume T. #FeesMustFall: An Internet-age student movement in South Africa and the case of the University of the Free State // Politikon. 2017. Vol. 44. № 2. P. 231–245.

Luescher T.M., Makhubu N., Oppelt T., Mokheba S., Radasi M.Z. Tweeting #FeesMustFall: The Online Life and Offline Protests of a Networked Student Movement // Student Movements in Late Neoliberalism: Dynamics of Contention and Their Consequences / eds L. Cini, D. Della Porta, C. Guzman-Concha. Cham, 2021. P. 103–131.

Luescher T.M., Wilson Fadiji A., Morwe K.G., Erasmus A., Letsoalo T.S., Mokheba S.B. #FeesMustFall and Its Aftermath: Violence, Wellbeing and the Student Movement in South Africa. Cape Town, 2022.

⁷¹ @NvulaneNhlapo. Tweet // Twitter. October 23, 2015. 3:27 PM. URL: <https://twitter.com/NvulaneNhlapo/status/657533685810528256> (access date: 23.05.2023).

Makhafola G. “FeesMustFall” newsmaker of the year // IOL. March 9, 2016. URL: <https://www.iol.co.za/capetimes/news/feesmustfall-newsmaker-of-the-year-1995717> (access date: 12.05.2023).

Mavunga G. #FeesMustFall protests in South Africa: A critical realist analysis of selected newspaper articles // Journal of Student Affairs in Africa. 2019. Vol. 7. № 1. P. 81–99.

Mlaba K. South Africa’s Student Protests: Everything to Know About a Movement That Goes Back Decades. April 8, 2021 // Global Citizen. URL: <https://www.globalcitizen.org/en/content/south-africa-student-protests-explained/> (access date: 25.05.2023).

Mosiwoa T. 6 moments that prove the spirit of ’76 is still alive in South Africa // OkayAfrica. June 16, 2016. URL: <https://www.okayafrica.com/south-africa-spirit-of-1976-youth-day/> (access date: 12.05.2023).

Mpatlanyane V.L. New Student Activism after Apartheid: the case of Open Stellenbosch. Thesis. Stellenbosch, 2018.

Msimang S. The old is dying and the young ones have just been born // Africa is a country. May 15, 2015. URL: <https://africasacountry.com/2015/05/the-old-is-dying-and-the-young-ones-have-just-been-born/> (access date: 12.05.2023).

NSFAS. Our mission // NSFAS. URL: <https://nsfas.org.za/content/mission.html> (access date: 12.05.2023).

Ntloedibe F.N. Where are our heroes and ancestors? The spectre of Steve Biko’s ideas in Rhodes must fall and the transformation of South African Universities // African Identities. 2019. Vol. 17. № 1. P. 64–79.

Soweto uprising. Truth Commission special report // SABC. URL: https://sabctr.saha.org.za/glossary/soweto_uprising.htm?tab=victims (access date: 14.05.2023).

Stuurman S. Student activism in a time of crisis in South Africa: The quest for “black power” // South African Journal of Education. 2018. Vol. 38. № 4. P. 1–8.

The Rhodes Must Fall Movement. UCT Rhodes Must Fall Mission Statement. 2015 // URL: <https://www.lse.ac.uk/sociology/assets/documents/events/UCT-Rhodes-Must-Fall-Statement.pdf> (access date: 12.05.2023).

University of Witwatersrand Student Protests 2015 Timeline // SAHO. URL: <https://www.sahistory.org.za/article/university-witwatersrand-student-protests-2015-timeline> (access date: 12.05.2023).

DOI: 10.31857/S0130386424010139

© 2024 г. И.А. ФАДЕЕВ, А.А. ПАЛАМАРЧУК

ЛИТУРГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ: УИЛЬЯМ ЛОД И ПРОБЛЕМА «ИНОСТРАННЫХ ЦЕРКВЕЙ» В АНГЛИИ

Фадеев Иван Андреевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: fadeyev.ivan@yahoo.co.uk

Scopus Author ID: 57195421011; ORCID: 0000-0003-2202-2246

Паламарчук Анастасия Андреевна — доктор исторических наук, профессор Российско-Армянского Университета (Ереван, Армения).

E-mail: sir.henry.finch@gmail.com

Scopus Author ID: 57194873181; ORCID: 0000-0002-0851-6875

Авторы благодарят старшего преподавателя кафедры истории средних веков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова И.А. Аникьева за рекомендации по редакции переводов латинских текстов и научного сотрудника кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова П.Ю. Князева за рекомендации по редакции перевода с нидерландского.

Аннотация. В данной публикации впервые представлен перевод на русский язык ряда документов, которые отражают картину религиозной политики архиепископа Кентерберийского Уильяма Лода, поддержанной Карлом I Стюартом в отношении иностранных реформатских церквей в провинции Кентербери. Прокомментированные документы включают как королевские распоряжения, данные в разных формах, нотариальные инструменты, петиции кальвинистских конгрегаций к королю и архиепископу, так и элементы переписки представителей указанных конгрегаций. Они демонстрируют роль литургии как инструмента конфессиональной идентификации и, соответственно, политико-религиозной лояльности в реформационной Англии XVII в. Авторы также отмечают корреляцию идей Лода с трансформацией корпоративных основ английского общества и формированием «индивидуалистского» типа взаимоотношений между Коронай и ее подданными, основанного на архаичном феодальном праве и прецедентах классического средневековья, суть которого состояла в личных узах верности между монархом (его «физическим телом» в терминологии XVII в.) и подданным, а не между подданным и «политическим телом монарха» (т.е. «страной»).

Ключевые слова: англиканство, Церковь Англии, Карл I Стюарт, Уильям Лод, архиепископ Кентерберийский, провинция Кентербери, кальвинизм, литургия, композитарная монархия.

I.A. Fadeyev, A.A. Palamarchuk

Liturgy as an Instrument of Confessional Identification: William Laud and the Challenge of “Foreign Churches” in England

Ivan Fadeyev, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: fadeyev.ivan@yahoo.co.uk

Scopus Author ID: 57195421011; ORCID: 0000-0003-2202-2246

Anastasia Palamarchuk, Russian-Armenian University (Yerevan, Armenia).

E-mail: sir.henry.finch@gmail.com

Scopus Author ID: 57194873181; ORCID: 0000-0002-0851-6875

The authors would like to thank Ilia Anikyeu, Senior Lecturer at the Department of History of the Middle Ages, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, for his recommendations on the revision of the translations of Latin texts and Pavel Knyazev, Researcher at the Department of New and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, for his recommendations on the revision of the translation from Dutch.

Abstract. This publication presents the first translation into Russian of a number of documents which portray the religious policy of William Laud, Archbishop of Canterbury, supported by Charles I Stuart, towards foreign Reformed churches in the Province of Canterbury. The documents include royal orders given in various forms, notarial instruments, petitions from Calvinist congregations to both the King and the Archbishop, and excerpts from correspondence between representatives of said congregations. They demonstrate the role of liturgy as an instrument of confessional identification and, consequently, of politico-religious loyalty in seventeenth-century Reformation England. The authors also note the correlation of Laud's ideas with the transformation of the corporate foundations of English society and the formation of an “individualist” type of relationship between the Crown and its subjects, based on archaic feudal law and the precedents of the classical Middle Ages, the essence of which consisted of personal ties of allegiance between the monarch (his “body natural”) and the subject, rather than between the subject and the “body politic” of the monarch (i.e., the “country”).

Keywords: Anglicanism, Church of England, Charles I Stuart, William Laud, Archbishop of Canterbury, Province of Canterbury, foreign churches, Calvinism, liturgy, loyalty, composite monarchy.

Раннестюартовский период как в религиозной, так и в политико-правовой полемике был временем, когда принципиальное значение приобретали дискуссии, связанные с определением (или переопределением) границ сообществ самого различного уровня (Церковь, знать, социопрофессиональные корпорации и т.д.), а также полемика о принципах принадлежности к той или иной институции. Накал этой полемики свидетельствовал о двух взаимосвязанных в масштабе государства процессах: о переходе верховной власти от сюзеренитета к суверенитету (и, соответственно, со становлением представлений о подданстве), а также о трансформации характерных для средневековья корпоративных принципов единства в отношении социопрофессиональных, социальных и конфессиональных объединений.

Представление Р. Хукера о том, что подданные английского короля, англичане, являются одновременно членами Английской церкви, стало одним из важнейших элементов самоидентификации этой церкви в XVII в.: английский верноподданный должен посещать литургию, совершаемую согласно утвержденной королевской властью Книге общей молитвы и на английском языке. Нежелание реформатов, сторонников радикальной реформации, принимать английскую литургию как квазипапистскую порождало конфликт между ними, с одной стороны, и королевской властью и иерархией Церкви Англии — с другой. С конца XVI — начала XVII в., вероучительный ригоризм пуритан и их убежденность в том, что верховным источником власти является Писание, привели к тому, что королевская и церковные власти стали усматривать в них политическую угрозу, равную угрозе со

стороны Рима: носившие сильный юридический характер представления «пуритан» об абсолютном авторитете Писания как в вопросах веры, так и церковного и государственно-го устройства и управления предполагали подчинение монарха коллективной воле Церкви в кальвинистском понимании этого слова и, следовательно, находились в конфликте с учением и представлениями о божественном праве королей и королевской супрематии, которые занимали одно из центральных мест в истории государственно-церковных отношений в Англии¹. Для «пуритан», настаивавших на пресвитерианской церковной политике и непререкаемости авторитета Писания, факт сохранения Церковью Англии епископального устройства и Книга общей молитвы и являлись знаками неискорененного «папизма», в результате чего последние будут подвергаться постоянным нападкам с их стороны². Для каролинских богословов, особенно архиепископа Уильяма Лода, который был назначен на кафедру Кентерберри в 1633 г., «пуритане», не менее чем «паписты», представлялись серьезным вызовом ортодоксии Церкви Англии и порядку внутри королевства, т.е. двум базовым концепциям — религиозному (ритуальному) единообразию (*uniformity*) и конформизму (*conformity*)³, основанием для которых являлись представления о богоустановленности церковного порядка и учение о королевской супрематии.

Данная ситуация определила церковную политику Лода (и короля) в отношении франкоязычных (валлонских) и голландских реформатских конгрегаций в Англии, которых в период правления Карла I насчитывалось около 10 в провинции Кентерберри: четыре французских конгрегации располагались в Лондоне, Кентерберри, Саутгемптоне и Норидже; шесть голландских — в Лондоне, Норидже, Ярмуте, Колчестере, Мейдстоне и Сэндвиче⁴. Основоположники франкоязычных и голландских реформатских конгрегаций были беженцами с континента. Эдуард VI даровал им ряд привилегий (независимость от местных епископов Церкви Англии и использование собственной литургии на их родных языках), которые впоследствии подтверждались Елизаветой I, Яковом I и самим Карлом I по его восшествии на престол 23 ноября 1626 г. (см. документы I и II)⁵.

Члены этих общин, проживавшие в Англии в течение многих лет и сделавшие себе состояние, были основным источником финансового дохода для своих общин. Многие из них желали покинуть свои родные общины, стать натурализованными подданными короля Англии и членами реформированной Английской церкви. Однако местные власти, церковные и светские, сопротивлялись этому, не желая перекладывать финансовое бремя поддержания иностранных общин на себя. В результате в 1621 г. Тайный Совет, руководствуясь экономическими мотивами, издал указ, согласно которому всем валлонам предписывалось посещать исключительно валлонские церкви. Аналогичный указ в отношении голландских кальвинистов появился в 1631 г.⁶

Нужно упомянуть, что позиция Лода относительно интеграции и конформизации членов иностранных церковных общин к моменту публикации приводимых ниже документов была обусловлена не только внутрицерковной рефлексией, но и правовой дискуссией о вопросах подданства, которую чуть ранее спровоцировала яковитская Уния корон 1603 г.

¹ *Фадеев И.А.* Церковь Англии: проблема конфессиональной самоидентификации в исторической перспективе. М., 2015. С. 83–84, 96; *Palamarchuk A.A., Fadeyev I.A.* Richard Hooker's Doctrine of Royal Supremacy in the Church of England // Вестник СПбГУ. История. 2018. 63 (1). С. 160. См. также: *Фадеев И.А.* Божественное право королей и интерпретация идеи порядка в английской политической теологии XVII века // Новая и новейшая история. 2020. № 6. С. 42–52. DOI: 10.31857/S013038640012690–7

² *Фадеев И.А.* Церковь Англии. С. 96; *Palamarchuk A.A., Fadeyev I.A.* Richard Hooker's Doctrine of Royal Supremacy in the Church of England. P. 160.

³ *Фадеев И.А.* Церковь Англии XVI–XVII вв.: литургия, идентификация, лояльность // Электронный научно-образовательный журнал «История» (в печати).

⁴ *Trevor-Roper H.* William Laud, 1573–1645. London, 1988. P. 197.

⁵ *Ibid.* P. 198.

⁶ *Ibidem.*

Знаменитое «дело Кальвина» (1608)⁷ продемонстрировало различия в оценках оснований реализации прав «иноземцев» (находившихся как в статусе *alien*, так и в статусе *denizen*) на территории Англии. Вынесенное в пользу «иноземца» Кальвина решение аргументировалось тем, что в основе отношений подданства лежит личная верность субъекта суверену, а следовательно, признание его в качестве высшей судебной и финальной апелляционной инстанции. Возникавшие в результате отношения между подданным и сувереном имели индивидуальный, а не корпоративный характер (напомним, что в кальвинистском богословии, напротив, идея коллективного завета общины с Богом оставалась определяющей). Можно заключить, что в светском правовом пространстве идеи Лода коррелировали с процессом постепенного размывания (или, по крайней мере, трансформацией) корпоративных основ английского общества: корпоративная идея предполагала сосуществование множественности групп, для которых монарх-сеньор является гарантом привилегий, статуса и других корпоративных отличий; индивидуализация отношений между подданным и сувереном парадоксальным образом предполагала и униформизацию.

Стремясь реализовать свою программу реформ Церкви Англии в соответствии с принципами королевской супрематии, религиозных ортодоксии и единообразия, 31 марта 1634 г. король поручил Лоду провести визитацию по всей провинции Кентербери (см. документ III)⁸. В ее рамках 7 апреля 1634 г. архиепископ, стремившийся консолидировать юрисдикцию Церкви Англии над всеми урожденными подданными английского короля, а также нейтрализовать деятельность пуритан в своей провинции, направил через своего генерального викария сэра Натаниэля Брента запрос, состоявший из трех вопросов⁹, в адрес валлонской общины в Кентербери и голландских общин в Мейдстоне и Сэндвиче (см. документы IV и V):

1. Какой литургии они придерживаются?
2. Как много среди них урожденных подданных короля Англии?
3. Готовы ли те из них, кто родился подданным короля Англии, согласовать (*conform*) свои верования и практику с верой и практикой Церкви Англии?

На первые два вопроса поступили следующие ответы¹⁰:

1. Своей собственной, на французском и голландском.
2. Около трети родились в Англии (и, следовательно, были натурализованными подданными английской Короны).

На третий вопрос ответа не последовало.

Уже в апреле всем натурализованным валлонам и голландцам, проживавшим в провинции Кентербери, было предписано посещать приходы Церкви Англии, в чьих границах они проживали. Всем остальным иностранцам, которые не являлись натурализованными подданными короля Англии, разрешалось продолжать использовать свои собственные литургии, однако им настоятельно рекомендовалось заменить их Книгой общей молитвы, переведенной на французский и нидерландский языки, чтобы они могли воспитывать своих детей, которые родились в Англии, в соответствии с учительством реформированной Английской церкви (см. документы VII, VIII, X)¹¹.

Очевидно, что ни валлонов, ни голландцев подобное решение не устраивало (см. документ IX), так как в своем отчете королю о состоянии его провинции (см. документ VI) архиепископ Лод писал: «И, не скрывая истины от Вашего Величества, я обнаружил в своей епархии... множество убежденных сепаратистов... некоторые из Мейдстона (где в последние

⁷ Паламарчук А.А. «Дело Кальвина» и проблемы англо-шотландской унии 1603 г. // Вестник СПбГУ. Серия 2: История. 2014. № 4. С. 76–82.

⁸ Grell O.P. Dutch Calvinists in Early Stuart London: The Dutch Church in Austin Friars. Leiden; New York; København; Köln, 1986. P. 226.

⁹ Trevor-Roper H. Op. cit. P. 198–199; Grell O.P. Op. cit. P. 226.

¹⁰ Trevor-Roper H. Op. cit. P. 198.

¹¹ Ibid. P. 199. В 1636 г. архиепископ Йоркский Ричард Нил стал инициатором аналогичной политики: Ibid. P. 202–203.

годы распространилось значительное несоответствие (inconformity)¹²... Я полагаю... что нидерландские церкви в Кентерберии и Сэндвиче — суть великие рассадники несоответствия в этих краях»¹³.

Он также высказывает мнение о натурализованных сторонниках «несоответствующих» Церкви Англии религиозных общин, которое отражает то видение единства английского государства и английской короны, которое обосновывал еще Р. Хукер: «Тем, кто являются урожденными подданными, принадлежащими как французской, так и итальянской и нидерландской общинам, не попускать впредь жить в подобном отделении (separation), в коем они ныне прибывают, от Церкви и Государства»¹⁴.

Как отмечает Х. Тревор-Ропер, подобная политика в отношении того, что впоследствии станет известно как нонконформизм, оказалась «логическим результатом политики эксклюзивистской национальной церкви»: те, кто являлись подданными короля Англии (среди которых были и иностранцы, родившиеся на ее территории), должны были принять «церковные последствия» (*ecclesiastical consequences*) своей политической принадлежности (см. документ XIII)¹⁵. Это все, в частности, предполагало, что дети иностранцев, родившиеся в английском королевстве, должны были воспитываться в вере, которую их родители не исповедовали. Подобная политика ассимиляции «несоответствующих» вела к тому, что количество англичан, которые не посещали приходы Церкви Англии, было небольшим. Данная ситуация сохранялась до начала XVIII в.

* * *

Все приводимые ниже документы впервые публикуются на русском языке.

Петиция представителей иностранных церквей в Англии (документ I) и письмо короля Карла, подтверждающее их привилегии (документ II), обнаружены в первой части третьего тома *Ecclesiae Londino-Batavae Archivum. Epistulae et Tractatus cum Reformationis tum Ecclesiae Londino-Batavae Historiam Illustrantes. Ex autographis mandate Ecclesiae Londino-Batava* / ed. J.H. Hessels. T. III. Pars I. Cantabrigiae, 1897.

Документы II–V, а также VII–IX, XI обнаружены во второй части третьего тома *Ecclesiae Londino-Batavae Archivum. Epistulae et Tractatus cum Reformationis tum Ecclesiae Londino-Batavae Historiam Illustrantes. Ex autographis mandate Ecclesiae Londino-Batava* / ed. J.H. Hessels. T. III. Pars II. Cantabrigiae, 1897.

Документы VI и XII изначально опубликованы в *The Works of the Most Reverend Father in God William Laud, D.D. Vol. V. Pt. II: Accounts of Province, &c.* Oxford, 1853. P. 323–336.

Письмо-ответ Лода на петицию иностранных церквей города Нориджа (документ IX), являющееся личной копией письма, которое он направил авторам петиции 29 августа 1635 г., было впервые целиком опубликовано в *The Further Correspondence of William Laud* / ed. K. Fincham. Woodbridge, 2018. P. 126–129. В нем сохранены редакторские правки, осуществленные самим архиепископом. В данном документе отсутствуют дата, адрес, адресаты и подпись. Это же письмо, однако, в том виде, в котором оно было получено иностранными церквями, опубликовано в *Ecclesiae Londino-Batavae Archivum. Epistulae et Tractatus cum Reformationis tum Ecclesiae Londino-Batavae Historiam Illustrantes. Ex autographis mandate Ecclesiae Londino-Batava* / ed. J.H. Hessels. T. III. Pars II. Cantabrigiae, 1897. P. 1712–1714. Оно подписано W. Cant. (Уильям Кентерберийский), датировано 19 августа по старому стилю, адресом указан Кройдон (по всей видимости, старый архиепископский дворец в городке Кройдон, который служил архиепископам Кентерберийским летней резиденцией в течение нескольких столетий до

¹² Имеется в виду несоответствие вероучению и практике Церкви Англии.

¹³ The Archbishop's account of his Province to the King for the year 1634 // *The Works of the Most Reverend Father in God, William Laud, D.D., Sometime Lord Archbishop of Canterbury. Vol. V. Pt. II.* Oxford, 1853. P. 323.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ *Trevor-Roper H. Op. cit.* P. 199.

конца XVIII в.). Небольшая выдержка из этого письма, мисрепрезентирующая его автора, была опубликована юристом, полемистом, политическим деятелем и оппонентом религиозной политики Лода Уильямом Принном (1600–1669) в его антилодовском изложении суда над архиепископом¹⁶.

Аргументы Лода в свою защиту против обвинений в измене (документ XIII является аргументом на 12 пункт обвинения) изначально опубликованы в *History of Troubles and Trials // The Works of the Most Reverend Father in God William Laud, D.D., Sometime Lord Archbishop of Canterbury. Vol. III: Devotions, Diary, and History. Oxford, 1853. P. 273–462.*

* * *

Документ I. Петиция королю Карлу I от иностранцев, проживающих в Англии, подвергающихся домогательствам со стороны доносчиков и т.д.¹⁷. Лондон, ноябрь 1626 г.

Копия петиции чужестранцев к К[оролю] Карлу, г[од] 1626. Королевскому превосходнейшему Величеству. Смирненное прошение служителей и старейшин иноземных церквей (Outlandish Churches)¹⁸ в пределах города Лондона. Покорнейше доводим до сведения вашего превосходнейшего Величества, [1] что в г[оду] 1616 Вашему покойному отцу, благословенной памяти королю Якову, было угодно направить письма под его личной печатью во все Суды (Courts of Justice) и другим его любящим подданным, чтобы разрешить и дозволить всем чужестранцам¹⁹ (ремесленникам), принадлежащим к зарубежным церквям, работать и трудиться в своих различных ремеслах для поддержки их жен и детей в Лондоне и других местах в пределах этого королевства без каких-либо тяжб или притеснений (suits and molestacions), как это более ясно следует из того же письма или мандата. [2] Что со времени кончины упомянутого отца вашего Величества, нашего королевского покровителя, многие из бедных прихожан упомянутых церквей подвергались и ежедневно подвергаются беспокойству и огорчениям из-за доносов (informacions) и других действий, противоречащих королевским грамотам и княжеской милости его Величества, дарованной и оказанной им, как указано выше, к их великому горю и ущербу. Посему ваши упомянутые бедные просители становятся смиренными ходатаями перед вашим превосходнейшим величеством, дабы вам было угодно продолжить и распространить подобную августейшую милость и благоволение на упомянутых чужестранцев, членов упомянутых церквей, даровав им такие же грамоты и привилегии, какие столь милостиво даровал им упомянутый августейший отец вашего Величества. И ваши просители со всеми упомянутыми бедными чужестранцами, их женами и детьми (как их обязывает долг) будут ежедневно молиться о долгом и счастливом правлении вашего Величества над этим и всеми другими вашими королевствами и т.д.

Документ II. Письмо короля Карла I высшим и прочим судьям и т.д. Англии, подтверждающее привилегии иностранцев, проживающих в королевстве. Вестминстер, понедельник, 13 (23 н.с.) ноября 1626 г.²⁰

¹⁶ *Prynne W.* *Canterburies doome, or the First Part of a Complete History of the Commitment, Charge, Tryall, Comdemnation, Execution of William Laud, the Late Arch-Bishop of Canterbury.* London, 1646. P. 406–407.

¹⁷ Язык документа: английский. Номер документа в источнике: 1859. Источник: *Ecclesiae Londino-Batavae Archivum. T. III. Pars I.P. 1325*

¹⁸ Outlandish происходит от древнеанглийского *útlandisc*, обозначавшее «чужак, иностранец».

¹⁹ Понятие *stranger* вошло в английский язык в XIV в. из старофранцузского, где *estrangier* — лицо, родившееся не в стране проживания и не являющееся подданным ее монарха. К XV в. стало обозначать также человека, который не принадлежит к той или иной группе (*nation, church, craft, family*), в том числе не являлся вольным жителем города. Данная характеристика отличалась от правового статуса, обозначаемого термином *alien*: им обладали ненатурализованные иностранцы, чье подданство принадлежало другой стране.

²⁰ Язык документа: английский. Номер документа в источнике: 1860. Источник: *Ecclesiae Londino-Batavae Archivum. T. III. Pars I.P. 1325–1326.*

Король Карл. Верные и возлюбленные, мы приветствуем вас. Поскольку наш покойный отец, славной памяти, во время своего первого счастливого посещения этого королевства (Realme and Crowne²¹) в своей монаршей заботе о благе своих любящих подданных здесь обратил особое внимание на чужестранцев из голландской и французской церквей (Strangers of the Dutch and French Churches) в этом королевстве и нашел их очень послушными и ни в коем случае не вредными (prejudicial)²², но разнообразными способами полезными для этого государства (State)²³; и поскольку также покойная королева Елизавета, славной памяти, для их пользы и для лучшего содержания разрешила им свободу не только совершать богослужение на их родном языке во славу Божью, но также работать и трудиться в своих различных ремеслах и призваниях для обеспечения их жизни и жизни их близких в городе Лондоне и в других местах в пределах этого королевства; получив известие от сэра Альберта Иоахими, рыцаря, посла Соединенных Провинций²⁴, что упомянутые чужестранцы ежедневно подвергаются притеснениям и лишаются возможности совершать упомянутые работы и труды со стороны различных доносчиков (informers), поскольку упомянутые чужестранцы не являются свободными жителями нашего города Лондона, не отслужили семи лет в подмастерьях²⁵ и не являются жителями (denizen)²⁶, вопреки намерениям королевы Елизаветы и нашего покойного дорогого отца; Мы, как можно судить по нескольким письмам, ранее направленным как в наш город Лондон, так и нашим высшим и прочим судьям наших Судов (Judges and Justices of our Courts of Justice) в этом отношении, и поскольку мы не намерены ([при условии, что] они продолжают повиноваться нам) умалять какую-либо милость или привилегию, ранее предоставленную им нашими предшественниками, но дабы они пользовались оными, поэтому Мы желаем и приказываем всем нашим высшим и прочим судьям любых наших судов письменного производства (Judges and Justices of any of our Courts of Record) как в пределах города Лондона, так и в других местах, а также всем прочим нашим подданным, которых это может касаться; разрешить и позволить упомянутым чужестранцам, членам чужеземных церквей

²¹ В английской политико-правовой традиции понятие Realm указывало на территорию королевства, а Crown — на королевство как корпорацию.

²² Прилагательное, образованное от prejudice, — «препятствование делу; наносящий ущерб правам, интересам и т.д. другого», которое воспринято из латинского языка, где prejudicialis — «наносащий ущерб».

²³ Oxford English Dictionary дает более 40 значений этого слова, многие из которых фиксируются, начиная с XIII в. В текстах XVI в. оно часто используется синонимично понятию commonwealth, являющемуся калькой с латинского res publica. Таким образом, state может обозначать как «состояние Церкви, страны, королевства и тому подобное касательно его благосостояния и устройства» (по аналогии с латинским status rei publicae или status ecclesiae), так и «какую-то конкретную форму устройства или правления». The state — это установленная законом форма правления и конституции/устройства, а также «политическое тело, организованное для верховной гражданской власти и управления; политическая организация, являющаяся основанием для гражданского управления (либо в общем и абстрактном смысле, либо в конкретной стране)». Употребляемое в значении commonwealth, данное понятие обозначает светскую власть и политику, являясь противоположностью церковной власти и политике. См.: *Фадеев И.А.* Проблема религиозной идентификации Церкви Англии: британская Конституция и государственная Церковь // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 3 (89) URL: <https://history.jes.su/s207987840009205-4-1/> (дата обращения: 20.01.2024). DOI: 10.18254/S207987840009205-4

²⁴ *Иоахими, Альберт* (1560–1654) — посланник Республики Соединенных провинций при Сент-джеймском дворе с 1625 по 1650 г.

²⁵ Данный срок был установлен «Актом, содержащим различные постановления для ремесленников, рабочих, слуг и подмастерьев» (An Act containing divers Orders for Artificers, Labourers, Servants of Husbandry, and Apprentices; 5 Eliz. 1.c.4) 1562 г., известный также как «Статут о ремесленниках» или «Акт о ремесленниках и подмастерьях».

²⁶ Denizen — натурализованный иностранец, получивший некоторые права и привилегии урожденного подданного (но не имеющий права занимать государственные должности).

и их детям спокойно пользоваться всеобъемлюще всеми (all and singular)²⁷ привилегиями и иммунитетами (privileges and immunities)²⁸, которые были предоставлены им ранее, без каких-либо дальнейших исков, затруднений, арестов или разбирательств (путем доноса или иным способом) для употребления их профессий и призваний, учитывая справедливое использование и достойный отдых, который наши подданные и их дети получают и находят за морями, несмотря на любое прежнее постановление об обратном, пока наше желание обратного не будет далее обозначено. И наша воля, и благоволение состоят в том, чтобы это наше благоволение было сообщено во все наши суды письменного производства или другие места, где это будет необходимо, чтобы наши судьи и должностные лица могли принять это к сведению. И эти наши письма будут вашей достаточной гарантией и оправданием в этом отношении. Дано под нашей личной печатью, в нашем Вестминстерском дворце, тринадцатого дня ноября второго года нашего царствования.

Документ III. Король Карл I архиепископу Лоду, епископу Боулу Рочестерскому²⁹, сэру Натаниэлю Бренту³⁰, генеральному викарию и т.д. Комиссия по посещению церквей, больниц, домов для бедных и школ на территории епархии и провинции Кентерберии. Вестминстер, понедельник, 31 марта (10 апреля, н.с.) 1634 г.³¹

Карл, милостью Божией Англии, Шотландии, Франции и Ирландии король... Возлюбленному и верному нашему советнику господину Томасу Ковентри, Хранителю Большой печати Англии — привет! Мы повелеваем вам, чтобы вы составили наше патентное письмо, скрепленное упомянутой Большой печатью, в следующей форме: «Король и так далее... Высокопреосвященнейшему во Христе отцу Уильяму, Божьим провидением архиепископу Кентерберийскому, всей Англии примасу и митрополиту; Иоанну... епископу Рочестерскому; Натаниэлю Бренту, рыцарю, доктору права, генеральному викарию в духовных делах упомянутого архиепископа; Томасу Ривасу, также доктору права, нашему адвокату; Исааку Баргрейву, профессору священной теологии, декану кафедральной митрополичей церкви Христа Спасителя в Кентерберии; Иоанну Уорнеру и Томасу Джексону, также, соответственно, профессорам священной теологии; Ричарду Кларку профессору священной теологии; Артуру Дюку и Роберту Айлитту, соответственно, докторам права — привет! Вы, упомянутый архиепископ, из пастырской заботы о пастве Господней, порученной Вам, испытывая затруднение в том, чтобы своевременно посещать и управлять в силу вашего митрополичьего права вашим диоцезальным градом и вашей кафедральной церковью, прочими диоцезами и церквями, кафедральными, коллегиальными и приходскими, а также госпиталями, публичными или свободными школами и прочими церковными учреждениями, расположенными в вашей

²⁷ В общем праве: оборот, включающий в себя совокупность или целое, а также каждый из отдельных элементов или компонентов.

²⁸ Словосочетание *privileges and immunities* в общем праве используется для обозначения специально или уникально предоставленных прав.

²⁹ *Боул, Джон* (ум. 1637) — английский церковный деятель, епископ Рочестерский. Был капелланом Роберта Сесила, 1-го графа Солсбери (1563—1612) и сопровождал его во время последней болезни в 1612 г. В июле 1620 г. он стал настоятелем Солсберийского собора, 3 февраля 1621 г. проповедовал перед королем и парламентом, а 14 декабря 1629 г. был избран епископом Рочестера. Умер 9 октября 1637 г. Погребен в лондонском соборе св. Павла.

³⁰ *Сэр Брент, Натаниэль* (1573—1652) — смотритель Мертон-колледжа (Оксфорд). Женился на дочери Роберта Эббота (1560—1618), епископа Солсберийского и старшего брата Джорджа Эббота (1562—1633), занимавшего кафедру Кентерберии с 4 марта 1611 г. по 4 августа 1633 г. В первые годы первосвятительства Уильяма Лода (1634—1637) Брент совершил поездку по Англии к югу от реки Трент, помогая архиепископу в его митрополичьих визитациях в Южной провинции, борясь с церковными злоупотреблениями. В 1638 г. Брент оказывается в положении непримиримого оппонента Лода, когда последний прибыл в Оксфорд с визитацией Мертон-колледжа и потребовал провести ряд реформ. Во время суда над Лодом, его, в частности, обвинили в превышении полномочий во время визитации 1638 г. Брент выступил в качестве свидетеля обвинения.

³¹ Язык документа: латынь. Номер документа в источнике: 2285. Источник: *Ecclesiae Londino-Batavae Archivum*. T. III. Pars II. P. 1643—1644.

Кентерберийской провинции как полностью, так и отчасти, а также духовенством и народом, проживающим в этих диоцезах и провинции, предложили поручить эту обязанность, совместно и по отдельности, епископу, Натаниэлю, Томасу, Исааку, Иоанну, Томасу, Ричарду, Артуру и Роберту (среди прочих); также в вашем диоцезе и вашей Кентерберийской провинции нашими предшественниками были основаны, воздвигнуты, установлены и поныне существуют различные кафедральные церкви вместе с епископами, деканами, капитулами, прочими священно- и церковнослужителями в них, а также деканы и капитулы из пребендариев и из прочих священно- и церковнослужителей в различных церквях не ранее двадцать шестого года правления покойного государя Генриха Восьмого, короля Англии, и после того года и еще прежде [существовали] некоторые госпитали, дома призрения бедных и некоторые публичные и свободные школы; и справедливо чтобы те, кто принял единство веры, направлялись к внешнему поклонению Богу и совершенству нравов единой дисциплиной³² (*et equum est qui vnitatem religionis amplexi sunt eadem Disciplina ad Cultum Diuinum exterum et morum probitatem dirigantur*); поэтому мы, признавая, что наша королевская власть дана нам Богом наилучшим и величайшим для сохранения христианской и истинно католической веры, защитниками коей мы являемся, и добрых нравов, желая, чтобы тернии зла были устранены и чтобы искреннее благочестие и каноническая форма правильной жизни процветали и умножались в упомянутых церквях и учреждениях, а равно и в прочих церквях и всех учреждениях вашей провинции для визитаций, как полных, так и частичных, в упомянутые кафедральные и коллегиальные церкви, упомянутые госпитали, дома, школы и прочие церковные учреждения в упомянутых диоцезах и провинции, основанные нами или нашими предками и находящиеся под нашим покровительством как непосредственно изъятые и подчиненные нам (*exempta et immediate nobis subiecta*)³³, так и не изъятые, а для визитации к епископам, деканам, капитулам, пребендариям, церковно- и священнослужителям и прочим, пребывающим или служащим в них (с изъятием только коллегиальной церкви св. Петра в Вестминстере и ее декана, капитула и служителей), а также в отношении статуса церквей, госпиталей, домов и школ, и прочая, и прочая. Дано и скреплено личной нашей печатью в нашем Вестминстерском дворце в последний день марта, в десятый год нашего правления, 1634 г.

Документ IV. Служители и старейшины валлонской церкви Кентербери служителям и старейшинам французской церкви, Лондон. Кентербери, вторник, 15/25 апреля 1634 г.³⁴

Господа и почтеннейшие братья! Получив соответствующее предупреждение, мы вместе со служителями Сэндвича и Мейдстона и некоторыми старейшинами отправились к уполномоченным Его Светлости Архиепископа, а именно к сэру Натаниэлю Brentу,

³² Здесь и далее употребляется в значении, которое фиксируется с 1570-х годов, а именно «система, с помощью которой регулируется практика церкви, законы, которые обязывают членов церкви в их поведении», в первую очередь — литургическом поведении.

³³ Речь, по всей видимости, идет как об особых юрисдикциях, известных как *royal peculiars* («королевская собственность»; от лат. *peculium* — «собственность, имущество»), так и об институтах, получивших от монарха иммунитет (*immunity* — «свобода от чего-то», с XIV в. «освобождение от службы или долга»). К таковым относились и иностранные церкви: так, голландская община Лондона получила 24 июля 1550 г. от Эдуарда VI патентные письма, согласно которым суперинтендант и служители этой общины становились *unum corpus corporatum et politicum... ex fundatione regis Edwardi Sexti*, а также получали право осуществлять свое служение среди единоверцев, согласно своим обычаям, церемониям и дисциплине, без помех, несмотря на то что они не соответствуют обычаям, церемониям, обрядам и дисциплине Церкви Англии (см: *The king's letters patents to John a Lasco // Burnet G. The History of the Reformation of the Church of England. Vol. V. A Collection of records, letters, and original papers, with other instruments. Oxford, 1865. P. 307–308*).

³⁴ Язык документа: французский. Номер документа в источнике: 2287. Источник: *Ecclesiae Londino-Batavae Archivum. T. III. Pars II. P. 1645–1646*.

монс[еньору] декану (le Doyen)³⁵, доктору Джексону, доктору Уорнеру и доктору Кларку. Сэр Натанаэль Брент сообщил нам, что у него был приказ от архиепископа (имевшего от Его Величества патентное разрешение на визитацию церквей, называемых Exempts) предложить нам следующие три артикула. Вопросы, предложенные *валлонской общине в Кентерберии и голландской общине в Сэндвиче и Мейдстоне, на которые они должны дать письменные ответы по отдельности или совместно в ближайшую субботу во второй половине дня: 1. Какую литургию они употребляют и нет ли у них в обиходе английской литургии на нидерландском или французском языке. 2^{ax}. Сколько поколений, в большинстве своем, являются урожденными подданными (borne subjects). 3^{ax}. Будут ли те, кто являются урожденными подданными, соответствовать (conform) [дисциплине] Церкви Англии*³⁶. Они говорят нам, что Его Светлость Архиепископ предложил нам эти артикулы не со злым умыслом и что он не совершил бы ничего необдуманного. Сэр Натаниэль заявил нам, что даст нам время подумать об этом до следующей субботы, не хочет нас заставить врасплох и надеется, что мы дадим Владыке сдержанный ответ. Мы сказали им, что времени слишком мало, чтобы ответить на столь важные артикулы, и получили от сэра Натаниэля три недели, но вскользь сообщили, что это экстраординарный акт, который не практиковался ни одним из предыдущих архиепископов по отношению к нашим церквям; что мы считаем себя освобожденными от данной визитации в силу привилегии Короля; что можно видеть, что наша Литургия напечатана в конце Псалтири, что их английская Литургия переведена на французский язык (но не на фламандский), однако не употребляется у нас; что мы не очень хорошо понимаем третий вопрос, что они имеют в виду под этим соответствием Англиканской церкви; а именно: желают ли те, кто родился в Англии, соответствовать (путем выхода из наших Церквей) англичанам и быть принадлежащими к английской Церкви; или же довольствоваться английской Литургией, переведенной на французский язык и фламандский, в наших иностранных Церквях, где, однако, есть большое количество иностранцев, которые не родились в Англии; и тому подобные проблемы, что мы ставим перед ними; мы считаем, что они не могут дать четкого решения этих вопросов, не зная простого значения этих слов. Как бы то ни было, легко понять, что они нужны в наших церквях и что это путь к внедрению, если будет возможно, английской литургии со всем, что ей сопутствует, в наших церквях; или к их рассеиванию путем вывода родившихся в этой стране чужаков в их английские Церкви и приходы. На этой неделе фламандские церкви Сэндвича и Мейдстона обратятся с письмом к фламандской церкви в Лондоне, чтобы попросить у них совета и руководства, как мы просим у вас; ибо это также является вашей заботой, поскольку вам будет угодно знать, что архиепископ намерен совершить общую визитацию всех провинций, находящихся под его юрисдикцией (с помощью своих уполномоченных, и это в течение трех лет), в которые включены все наши иностранные церкви, и до конца года посетит Лондонскую епархию и, следовательно, ваши две церкви. Да помилует Господь Свои зарубежные церкви и позаботится о том, чтобы они были защищены и пребывали в мире и спокойствии, которые они имеют по Его милости и по благосклонности нашего Короля, давая хороший и счастливый исход этому делу, имеющему большое значение для Его славы и для назидания и утешения наших церквей.

...Кентерберии, 15/25 апреля 1634 г... Ваши самые смиренные и любящие и преданные братья господам пасторам и старейшинам Валлонской церкви Кентерберии и от имени всех Жан Бультель. Жан де Бевер. Ж. Лернуль.

Пасторам и старейшинам франкоязычной церкви в Лондоне.

³⁵ Декан (dean) — настоятель соборной церкви (собора), возглавляющий капитул (chapter), или совет каноников, оной. Согласно канонам Церкви Англии, принятым в правление Елизаветы I в 1571 г. и Якова I в 1603 г., он должен (1) соблюдать статуты и обычаи соборной церкви, чьим настоятелем он является, статуты Королевства, которые касаются церковного порядка, а также постановления диоцезального епископа, принятые во время епископской визитации; (2) проживать при соборной церкви в течение определенного срока; (3) регулярно проповедовать как в соборной церкви, так и в иных приходских церквях диоцеза.

³⁶ Курсивом выделен текст на английском языке.

Документ V. Консistorия голландской церкви, Сэндвич, консистории голландской общины, Лондон. Сэндвич, четверг, 17 (27 н.с.) апреля, 1634 г.³⁷

Почтенные... Братья... 7 апреля мне было доставлено письмо от сэра Натаниэля Брента, уполномоченного архиепископа в Кентерберии, в котором он любезно просил меня, чтобы я лично с некоторыми пресвитерами явился к нему в консисторию соборной церкви 14 числа сего [месяца] после полудня, так как он имеет определенное поручение от архиепископа Кентерберийского пригласить нас, а также по одному [представителю] от церквей Кентерберии и Мейдстона. Когда пришло время, мы (я и два пресвитера со мной) оказались там и обсудили этот вопрос с братьями из Кентерберии, опасаясь, что это может пойти во вред нашей дисциплине. После этого мы были вызваны в дом декана, где он находился, и в его присутствии и еще двух или трех человек он предъявил нам свое поручение, которое заключалось в том, что он задал нам несколько вопросов, на которые Его Светлость просил нас ответить письменно в течение трех недель: *1. Какую Литургию мы используем, и нет ли у нас в употреблении английской Литургии на нидерландском или французском языке? 2. В каком поколении по большей части мы являемся урожденными подданными (borne subjects)? 3. Будут ли те, кто являются урожденными подданными, соответствовать [дисциплине] Церкви Англии?*³⁸ Те, кто там присутствовал, сказали несколько слов нам в похвалу и увещевали нас умерить ревность, не иметь подозрений о том, не будет ли что-нибудь сделано нам во вред, и сэр Натаниэль также заверил нас в том, что епископ³⁹ не предпримет чего-либо необдуманного, без предварительного рассмотрения и совета. Но мы опасаемся, что намерение епископа состоит в том, чтобы отделить тех из нас, кто родился здесь⁴⁰, от тех, кто не родился здесь, что является гибелью нашей Церкви, или сделать что-либо еще во вред нам. Поэтому мы не хотели упустить возможность сообщить об этом вашей чести (vEE)⁴¹, равно как и тем, кого это касается, и кто тоже должен ожидать того, что постигнет нас. Мы посылаем Вам также наши ответы на вопросы, которые мы представляем на утверждение, на случай если в них что-либо изложено слишком коротко или слишком длинно, или присутствует нечто такое, что могло бы привести к предубеждению других. В первом вопросе присутствует слово «литургия» (Liturgie). Братья из Кентерберии считают, что речь идет о церковном порядке (kerckenordeninge)⁴², но, возможно, епископ все же полагает, что речь идет лишь о форме наших публичных молитв. Таким образом, последний вопрос также страдает двойственностью, но мы сочли правильным не исследовать все так подробно, а просто ответить на вопросы так, как они были заданы, следуя нашему пониманию. Братья из Кентерберии считают, что хорошо бы снова собраться вместе, чтобы единый ответ был подписан всеми нами, однако мы думаем, что даже если это будет так, то каждая церковь (eicke kercke) должна ответить собственным письмом (een bysonder geschrift antwoort), ибо причин для разделения не больше, чем если бы из многих братьев в консистории каждый подавал свой голос и в частном порядке мог бы высказать некоторые истины, которые не могут быть признаны таковыми всеми. Английская книга общей молитвы (The English booke of common prayer), как я понимаю, переведена на французский, но, насколько мне

³⁷ Язык документа: нидерландский. Номер документа в источнике: 2288. Источник: Ecclesiae Londino-Batavae Archivum. Т. III, Pars II. Р. 1646–1648.

³⁸ Текст на английском.

³⁹ Вероятно, имеется в виду архиепископ Лод.

⁴⁰ То есть на территории Англии.

⁴¹ Uwe Edelheden, аналогично английскому Your Honour. См.: Daan J. The Pronouns of Address in Dutch as a Mirror of Relationships Between People // Canadian Journal of Netherlandic Studies. 1990. Vol. XI. P. 32.

⁴² Церковный порядок или церковный ордонанс — документ, описывающий церковное устройство, включая литургическое чинопоследование.

известно, не на нидерландский⁴³. Мы будем ожидать от братьев скорейшего ответа, в соответствии с которым планируем действовать.

17 апреля 1634 г.

Ваши преданные друзья и братья по вере,

Церковный совет Сэндвича, и от имени всех Каспар ван Нирн.

Церковному совету нидерландской общины Лондона.

Документ VI. Отчет архиепископа королю о его провинции за 1634 год [2 января]⁴⁴

Да будет угодно Вашему Превосходнейшему Величеству,

Повинуясь повелению вашего священного величества, я в настоящее время должен дать Вам отчет о том, как Ваши благоразумные и благочестивые указания для блага и благополучия Церкви Христовой в этом вашем королевстве были соблюдены и исполнены несколькими епископами в пределах моей провинции Кентерберри, который я со всем смирением и послушанием представляю следующим образом:

И прежде всего я представляю вашему величеству, что в этом году я, частично с помощью моего генерального викария, а частично с помощью декана Арки (the dean of the arches)⁴⁵, посетил семь епархий, начав (как меня обязывают церковные законы) с моей собственной митрополичьей церкви Кентерберри и этой епархии, дабы сначала посмотреть, что делается дома, прежде чем с любопытством заглядывать в юрисдикции других епископов.

И не скрывая истины от вашего величества, я обнаружил в своей епархии (особенно в районе Эшфорда) множество убежденных сепаратистов, в отношении которых я приму наилучшие и самые незамедлительные меры (the best and most present order), какие только смогу; некоторые из них и некоторые из Мейдстона (где в последние годы распространилось много несоответствия [much inconformity]), уже вызваны в Высокую комиссию, где, если их вина будет доказана, как о них говорят, я не премину свершить над ними правосудие.

Я полагаю со всей покорностью (under favour), что нидерландские церкви в Кентерберри и Сэндвиче — суть великие рассадники несоответствия (great nurseries of inconformity) в этих краях⁴⁶. Вашему величеству будет угодно вспомнить, что я жаловался вам и моим лордам за столом совета и смиренно просил, чтобы тем, кто является урожденным подданным, принадлежащим как французской, так и итальянской⁴⁷, и нидерландской общинам,

⁴³ На момент написания письма *duytsch*, которое в современном нидерландском означает «немецкий», так же означало собственно нидерландский язык, для которого бытовали наименования *duytsch*, *Neder-duytsch*.

⁴⁴ Язык документа: английский. Источник: The Works of the Most Reverend Father in God William Laud, D.D. Vol. V. Pr. II: Accounts of Province, &c. Oxford, 1853. P. 323–331.

⁴⁵ Титул судьи, председательствующего в Суде арки (the Arches Court), — церковном суде, юрисдикция которого распространяется на всю провинцию Кентерберри. Считается, что свое название данный суд получил от арочных окон норманского sklepa церкви Сент-Мэри-ле-Бой (Sancta Maria de Arcubus) в Лондоне, где он до сих пор располагается.

⁴⁶ Здесь королем была оставлена резолюция: «C.R. Put mee in mynd of this at some convenient tyme, when I am at the Councell, and I shall redress it» («поставьте меня в известность об этом в удобное время, когда я буду в Совете, и я исправлю это»).

⁴⁷ Первая итальянская реформатская община начала складываться в Лондоне в районе 1550 г. (архиепископ Кранмер, согласно Дж. Бёрну, даже способствовал получению членами общины статуса *dezines*: Burn J. The History of the French, Walloon, Dutch, and Other Foreign Protestant Refugees Settled in England. London, 1846. P. 226), однако она была распущена в правление Марии I Тюдор, но была восстановлена при следующем царствовании. Сокращающееся количество прихожан поставило общину на грань исчезновения в 1580-е годы. В конечном счете оставшиеся члены стали посещать валлонские и фламандские общины. Возрождение итальянской конгрегации в правление Якова I Стюарта было связано с именем Асканио Боляно (род. ок. 1570) — бывшего францисканца-капуцина. К сожалению, документы, связанные с историей общины в 1622–1646 гг., практически не сохранились, представляется достаточно сложным восстановить подробности ее устройства и истории в данный период. (См.: Villani S. The Italian Protestant Church of London in the Seventeenth Century // Exiles, Emigrés and Intermediaries Anglo-Italian Cultural Transactions / ed. B. Schaff. Amsterdam; New York, 2010. P. 217–236).

не попускать впредь жить в подобном отделении (separation), в коем они ныне прибывают, от Церкви и Государства. И согласно тому, что, по моему мнению, лучше всего согласуется с намерениями вашего величества, я приказал моему генеральному викарию, когда он недавно был в Кентерберии, начать справедливо призывать их к соответствию с английской церковью (the English Church). Настоящим я смиренно умоляю ваше величество обратить внимание на это дело, не только здесь, но в большей степени в Лондоне, для лучшего обустройства как Церкви, так и государства в этом отношении. Что касается указаний вашего величества, то я, со своей стороны, пунктуально их соблюдал...

Документ VII. Нотариальный инструмент о наказах епископа Нориджа иностранным церквям в Норидже. Норидж, понедельник, 6 (16 н.с.) апреля 1635 г.⁴⁸

В шестой день месяца апреля, в лето Господне 1635 г., во дворце достопочтеннейшего во Христе отца и господина владыки Ричарда, божественным соизволением епископа Нориджского, в присутствии достопочтенного мужа Натаниэля Брента, рыцаря, генерального викария в духовных делах Высокопреосвященнейшего во Христе отца и господина владыки Уильяма, Божьим провидением архиепископа Кентерберийского, примаса и митрополита всей Англии и в присутствии меня, Томаса Мартина, публичного нотариуса, особым образом приглашенного для записи акта, и так далее.

В этот день и в этом месте в городе Норидж появились Петр де Лон и Иоанн Эллисон, служители Слова Божиего конгрегации галло-бельгийской и бельгийской в городе Норидж, Франциск Дакет и Иоанн Крузо, старейшины упомянутой бельгийской конгрегации, а также Гудвин Бургар и Ной Худелой, старейшины упомянутой галло-бельгийской конгрегации, их господин [генеральный викарий], по особому поручению Высокопреосвященнейшего отца, обязал и увещевал, чтобы они сами, все и каждый представитель упомянутых конгрегаций, находящиеся в городе Норидж, впредь и на будущее соблюдали все нижесказанное, а именно: *Что все уроженцы [Англии] (Natiues) голландских и валлонских конгрегаций в диоцезе и городе Норидже должны посещать свои отдельные церкви в тех приходах, где они проживают, дабы слушать богослужение и проповеди и исполнять все прочие церковные обязанности в соответствии с дисциплиной Церкви Англии. И чтобы те, кто является иноземцами (Alien borne), могли придерживаться дисциплины своих собственных общин, как они делали до сих пор, а также все другие чужестранцы, которые прибудут к ним*⁴⁹, начиная с ближайшего 10 июля под угрозой законного преследования, а также увещевал их, чтобы они известили упомянутого Преосвященнейшего отца о том, что они сделали в отношении всего вышесказанного в его дворце в месте Ламбет в указанное время. Томас Мартин, публичный нотариус.

Документ VIII. Нотариальный инструмент (акт), уведомляющий зарубежные церкви в диоцезе архиепископа Лода о том, что его указы должны быть исполнены. Кентерберии, понедельник, 13 апреля (23 н.с.) 1635 г.⁵⁰

Тринадцатого дня апреля 1635 года в присутствии досточтимых мужей господина Исаака Баргрейва, профессора священной теологии, декана кафедральной и митрополичьей церкви Христа Спасителя в Кентерберии, и Томаса Джексона, профессора священной теологии — комиссаров (вместе с прочими) Высокопреосвященнейшего во Христе отца и господина Уильяма, Божьим провидением архиепископа Кентерберийского и проч., назначенных при его митрополичьей визитации и заседающих в качестве судебного трибунала в консистории при упомянутой церкви; а также в присутствии досточтимых мужей, Уильяма Кингсли, профессора священной теологии и архидиакона кентерберийской

⁴⁸ Язык документа: латынь. Номер документа в источнике: 2357. Источник: Ecclesiae Londino-Batavae Archivum. Т. III. Pars II. P. 1696—1697.

⁴⁹ Текст на английском.

⁵⁰ Язык документа: латынь. Номер документа в источнике: 2361. Источник: Ecclesiae Londino-Batavae Archivum. Т. III. Pars II. P. 1698—1699.

церкви, и Джона Джефри, также профессора священной теологии, которые заседали вместе с вышеназванными и помогали им; также и в присутствии меня, Уильяма Сомнера, государственного нотариия и проч.

В этот день и в этом месте вышеназванные досточтимые мужи комиссары... передали мне, вышеназванному государственному нотарию, некоторые указы досточтимого Архиепископа Кентерберийского, относящиеся к галльским и бельгийским церквям (по-английски: *французским или валлонским общинам*) в присутствии магистров Жана Бульеля и Филиппа Дельме, а также магистра Каспара ван Нирна, пресвитеров или служителей галльской или валлонской церкви в городе Кентербери, а также бельгийской церкви в Сэндвиче; а также в присутствии Жана де Бевер и Квентина Далмера, старейшин (как они называются) валлонской церкви в Кентербери, и в присутствии Петра Мазе и Исаака Рикесейса, старейшин (как они называются) упомянутой бельгийской церкви в Сэндвиче. В присутствии их всех я, вышеназванный публичный нотариус, по поручению упомянутых комиссаров публично зачитал упомянутые указы, содержание которых таково: *Два наказа Уильяма Лода, архиепископа Кентерберийского, относительно голландской и валлонской общин в его епархии, год 1634. 1. Все уроженцы голландской и валлонской общин (the Natives of the Dutch and Walloon Congregations) в епархии Его Светлости должны исправно посещать свои приходские церкви в тех приходах, где они проживают, слушать божественную службу и проповеди, а также исполнять все обязанности прихожан, требуемые в связи с этим. 2. Чтобы служители и все другие члены голландской или валлонской общин, не являющиеся коренными жителями и урожденными подданными короля (Natives and borne subiects), или любые другие чужестранцы (Strangers), которые прибудут к ним, пока они остаются чужестранцами, могли держаться употребления своей собственной дисциплины, как они делали это раньше. Тем не менее представляется целесообразным перевести английскую литургию на французский и нидерландский языки, чтобы их дети лучше приспособлялись к английскому устройению (the English government)*⁵¹.

Упомянутые господа комиссары решительно и торжественно увещевали упомянутых служителей, пресвитеров и старейшин вышеназванных церквей, чтобы те сообразовали себя и свои общины (насколько это в их силах) с вышеназванными наказами. Дабы эти указы не были преданы забвению и не подверглись искажению, комиссары постановили передать присутствующим копии этих наказов и передали в тот же день. Также они постановили, что следует довести до сведения всех служителей упомянутых приходских церквей в городах Кентербери и Сэндвиче о принятии всех [голландских и валлонских] уроженцев (Nativorum) в их церквах в качестве прихожан. При сем присутствовали, кроме меня, вышеназванного государственного нотариуса, досточтимый муж рыцарь Эдуард Мастер, благородный Уильям Хэмон, Уильям Сомнер-младший и многие другие, и проч.

Сей документ соответствует актам курии, чему свидетель я — Уильям Сомнер, вышеназванный государственный нотариус.

Документ IX. Прощение двух общин иностранцев в Норидже архиепископу Лоду. Норидж, пятница, 26 июня (6 июля, н.с.) 1635 г.⁵²

Преосвященнейшему отцу в Боге Уильяму лорду-архиепископу Кентерберийскому, его милости, примасу и митрополиту всей Англии. Смирненное прощение двух конгрегаций иностранцев в городе Норидже.

Смирненно сообщает, что, поскольку генеральный викарий Вашей Милости недавно от имени Вашей Милости предписал им, чтобы все уроженцы обеих указанных конгрегаций обратились в свои отдельные приходские церкви для выполнения всех церковных обрядов в соответствии с дисциплиной церкви Англии и до 10 июля следующего года засвидетельствовали Вашей Милости, что они выполнили в них. Поэтому да будет угодно

⁵¹ Текст на английском.

⁵² Язык документа: английский. Номер документа: 2373. Источник: Ecclesiae Londino-Batavae Archivum. T. III. Pars II. P. 1708—1709.

Вашей Светлости обратить внимание на то, что после многочисленных встреч в Норидже по поводу упомянутого наказа они сочли целесообразным в самом смиренном виде на-править представление Вашей Светлости. 1. Что если все уроженцы окажутся отторгнуты от них, то оставшиеся иноземцы (Aliens), будучи низкого происхождения и не четвертой частью ныне существующих общин, не смогут содержать своих служителей и бедняков и, следовательно, с необходимостью должны быть распущены и обращены в ничто, что, как они уверены, противоречит благочестивым намерениям и замыслу Вашей Светлости. 2. Многие из указанных уроженцев не могут хорошо понимать английский язык, чтобы извлечь пользу из молитв и проповедей, которые они будут слушать⁵³. 3. Что многие из тех, кто хорошо понимает английский язык, часто посещают свои приходские церкви и гото-вы посещать их еще чаще, во исполнение вышеупомянутого наказа. 4. Что и иностранцы, и уроженцы, соответственно, проявляют покорность английской дисциплине; они не при-нимают в свои общины ни одного англичанина, склонного к разжиганию розни. 5. Что это предписание повлечет за собой излишнее бремя множества бедных, от которого они до сих пор были освобождены. 6. Что указанные конгрегации, помимо чрезвычайных рас-ходов на содержание собственных служителей и бедняков (около 500 фунтов в год), тем не менее выплачивают все пошлины служителям и беднякам английских приходов, где они проживают, равно как и любые другие английские прихожане и, следовательно, не следует ожидать никакой пользы от их прихода в указанные приходы. 7. Что многие из упомянутых уроженцев, не прослужившие в своих ремеслах семи лет в качестве подмастерьев, согласно статуту и, несмотря на это, терпимые, по указу лордов достопочтеннейшего Тайного Совета Его Величества, предоставленному только тем, кто является членами упомянутых конгрегаций, немедленно после своего ухода из их среды потеряют преимущество их тер-пимости и, таким образом, станут подвергаться опасности со стороны доносчиков. 8. Что согласно двум отдельным распоряжениям лордов Его Величества достопочтеннейшего Тайного Совета, лорд епископ Нориджа на данный момент имеет право приказывать тем, кто будет нарушать порядок, кому они добровольно подчиняются. 9. Наконец, со времени упомянутого предписания некоторые из их собственных людей начинают уже давать себе вольности и категорически отказываться от своих взносов на необходимые нужды, как, например, присылать своих представителей на аудиенцию к Вашей Светлости.

Поэтому ваши упомянутые просители смиренно умоляют Вашу Светлость принять эти ходатайства к вашему благочестивому и милосердному рассмотрению и предоставить им возможность пользоваться терпимостью Его Величества и его благородных предшествен-ников. И они будут молиться о долгой жизни и благополучии Вашей Светлости.

Документ X. Голландской и валлонской общинам в Норидже, 19 (29 н.с.) августа 1635 г.⁵⁴
Salutem in Christo.

После моих сердечных похвал и т.д.

В конце минувшего июня я получил от вас прошение⁵⁵ от имени нескольких ваших общин в Норидже относительно наказов, данных моим генеральным викарием во вре-мя моей визитации⁵⁶, чтобы уроженцы [Англии] (natives) придерживались английской

⁵³ С этой же проблемой столкнулся и Ричард Нил, архиепископ Йоркский, который, следуя политике Лода, добился некоторого успеха: «Они приходили в английскую церковь и сидели на службах с большим достоинством, хотя большинство из них не знали ни слова по-английски». Однако она, по словам Х. Тревор-Ропера, его не волновала, «ибо в глазах Нила было очевидно, что лучше сидеть спокойно, пока истина непонятна, чем не слышать ее вовсе, или, что еще хуже, слышать ересь и понимать ее» (Trevor-Roper H. Op. cit. P. 203).

⁵⁴ Язык документа: английский.

⁵⁵ См. документ IX. Прошение двух общин иностранцев в Норидже архиепископу Лоду.

⁵⁶ См. документ VII. Нотариальный инструмент о наказах епископа Нориджа.

литургии и посещали свои приходы соответственно⁵⁷. В этом вашем ходатайстве было (there wear)⁵⁸ несколько разделов (branches), и в них содержались различные свидетельства (divers allegations)⁵⁹, почему может быть сочтено весьма неблагоприятным предписать уроженцам посещать английские церкви и соблюдать их дисциплину, о чем, согласно моему обещанию вам, я сообщил Его Величеству и лордам в Совете, и они повелели мне дать вам этот ответ на каждый из нескольких пунктов (particular), содержащихся в вашем прошении.

Прежде же всего (and first in general)⁶⁰ Его Величество соизволили, чтобы мои наказы оставались в силе и чтобы им повиновались все уроженцы после первого поколения; о них же я говорил вам, когда вы были у меня, что я уговорил Его Величество и лордов (I have prevailed with his Majestie and the Lords)⁶¹, чтобы уроженцы из первого поколения оставались в ваших общинах, чтобы иноземцы (aliens) могли (may)⁶² лучше заботиться об образовании своих детей и чтобы ваши несколько общин не уменьшились чрезмерно тотчас же (at once)⁶³.

И это дает частичный ответ на первый раздел вашего прошения. Ибо, если бы у меня или у Государства (or the State)⁶⁴ было намерение полностью распустить ваши общины, я бы никогда не желал для вас этой милости и Государство ее не оказало бы. Так что настоящим вы можете быть уверены, что не имею по отношению к вам никаких иных намерений, кроме добрых, какие опасения вы ни испытывали бы в настоящее время. При этом вы добавляете, что если уроженцы будут удалены, то иноземцы (aliens), будучи немногочисленными и самыми бедными, не смогут содержать своих служителей и бедняков. На это (о чем вы имеете основание беспокоиться) вы получите впоследствии очень полный и удовлетворительный ответ на 6-й пункт вашего прошения.

Второе вызывает крайнее неприятие: уроженцы страны получают такое воспитание и образование, что не могут хорошо понимать английский язык. И это побуждает вас к тому, чтобы держать их в отделении от Церкви и Государства. Однако, поскольку они немного понимают английский язык, их посещение английских приходов скоро улучшит эту ситуацию и научит вас и их обучать ваших (your)⁶⁵ детей, когда они еще малы, английскому языку.

На третий [раздел] я должен сообщить вам: недостаточно того, что некоторые из них часто посещают свои приходские церкви, или того, что они готовы посещать их, тем более (and the more)⁶⁶ в связи с моим наказом. Однако моему наказу должно подчиняться совершенно путем их подчинения английским приходам и дисциплине Церкви, [законом] установленной (Church established). А если они иногда будут посещать ваши общины по каким-то особым случаям, то это легче перенести; но они должны приходить в английские приходы в силу долга, а в ваши общины — по диспенсации⁶⁷, а не наоборот, на что намекает ваше прошение.

На четвертый пункт я должен и отвечаю с благодарностью. Ибо вы поступили весьма осмотрительно, не потворствуя ни единому разжигающему рознь англичанину (any Factious English) и не укрывая такового в своих общинах; хотя, должен вам также сказать (I must

⁵⁷ Наказы были изданы Натаниэлем Брентом, генеральным викарием Лода, и Ричардом Корбеттом, епископом Нориджа, 6 апреля 1635 г.; *Корбетт, Ричард* (1582–1635) — епископ Нориджа с 7 мая 1632 г. по 28 июля 1635 г., известный юморист и поэт. До этого, в 1628–1632 гг., занимал кафедру Оксфорда.

⁵⁸ «Был» (was) вычеркнуто.

⁵⁹ «Приводились некоторые причины» (brought with some reasons) вычеркнуто Лодом.

⁶⁰ «По поводу первой части» (To the first part) вычеркнуто Лодом.

⁶¹ В своей краткой версии Принн опустил утверждение Лода, согласно которой последний добился этой уступки предположительно потому, что это показывало архиепископа в выгодном свете (см.: *Prynne W. Op. cit. P. 406*).

⁶² «Могли бы» (might) вычеркнуто Лодом.

⁶³ «Тотчас же» (at once) добавлено Лодом.

⁶⁴ «Других» (others) вычеркнуто Лодом.

⁶⁵ «Их» (theire) вычеркнуто Лодом.

⁶⁶ «И тем более» (and the more) вставлено Лодом.

⁶⁷ То есть по особому разрешению, которое смягчает закон в отдельно взятом случае.

tell you withall)⁶⁸, вы поступили в этом отношении столь же благоразумно для себя, сколь и осмотрительно по отношению к нам. Ибо, если бы вы стали поощрять таких людей, Государство, несомненно, распустило бы ваши общины задолго до этого.

В отношении пятого пункта я не могу сказать ни больше, ни меньше как то, что их посещение английских приходов не привлечет к ним лишних бедных, равно и как не лишит ваши общины возможности содержать своих (their)⁶⁹ бедняков, как будет видно из моего ответа на следующий вопрос.

На шестой (который действительно является наиболее значимым из ваших артикулов) я отвечу так. В моем наказе, требующем от уроженцев надлежащего послушания Английской Церкви, рассматривается не то, какую выгоду могут получить приходы от их присоединения, а то, что им подобает делать с точки зрения долга и послушания. И хотя вы пишете, что упомянутая конгрегация, помимо чрезвычайных расходов на содержание собственных служителей и бедных (около 500 фунтов в год), тем не менее выплачивает все пошлыны служителям и бедным английских приходов, где они проживают, так же как и все английские прихожане. Вы должны знать, что поскольку уроженцы теперь платят вам и бедным ваших общин, а вместе с тем и служителям английских приходов и их бедным, то я не знаю никаких причин, почему не может действовать мой наказ, который требует от них соответствия всем этим обязанностям перед английскими приходами, но запрещает им не делать взносов служителям и бедным ваших общин. И поэтому (and soe)⁷⁰ совершенно очевидно, что, пока уроженцы поступают таким образом, с них не взимается ни пенни больше, чем они уже добровольно берут на себя. Ибо все это одно, платить пошлыны своим общинам за служителей и бедных, а также аналогичные пошлыны английским приходам: и платить те же пошлыны английским приходам и аналогичные пошлыны служителям и бедным ваших общин. И если кто-либо по причине этих моих наказов откажется делать то, что он добровольно делал прежде, это будет свидетельствовать о том, что он любит свою собственную волю, а не послушание; и в таком случае он не должен стремиться отменить [решение] власти (overrule authority). А посему, если кто-либо из уроженцев под предлогом соответствия и послушания моему наказу не будет поступать так, как он поступал прежде, то вы получите государственный акт (an act of State), соответствующий (concurrent) моей власти, дабы приказать им это сделать. И я надеюсь, что и Государство, и Церковь будут иметь достаточно власти, чтобы приказать людям продолжать творить то благо (to continue doing of that good)⁷¹, которое они уже делают.

Подобный указ Государства вам будет возобновлен, чтобы предотвратить опасность, которой вы опасаетесь в 7-м пункте, а именно, что многие из упомянутых уроженцев, не прослужив в своих ремеслах семь лет в качестве подмастерьев, согласно статуту и будучи, несмотря на это, терпимыми, по указу лордов достопочтеннейшего Тайного Совета Его Величества, предоставленному только тем, кто является членами упомянутых конгрегаций, немедленно по их уходу из них потеряют преимущество их терпимости и, таким образом, будут подвергаться опасности от донощиков. И здесь будет заявлено, что эта их свобода останется в силе, несмотря на то что они присоединятся к английским приходам.

На 8-й пункт ответ прост. Ибо, согласно моим предписаниям, на уроженцев не будет возложено ничего иного, кроме подчинения их власти епископа Нориджского, которому, по вашему собственному признанию, и иноземцы (Aliens), и уроженцы подчиняются в соответствии с актами Совета.

Что касается последнего вашего пункта, согласно коему некоторые из уроженцев начинают уже приписывать себе свободу (liberty) и категорически отказываться от своих взносов на необходимые нужды, и в особенности на то, чтобы посылать ко мне⁷² представителей

⁶⁸ Withall добавлено Лодом.

⁶⁹ «Ваших» (your) вычеркнуто Лодом.

⁷⁰ «Все же» (yet) вычеркнуто Лодом.

⁷¹ Слово «добро» (good) вставлено Лодом.

⁷² Здесь Лод вычеркнул сначала «их» (their), а затем «ваших» (your).

по этому случаю: они легко узнают из моего ответа на шестой [пункт], что такой вольности им не будет дано, и если кто откажется сделать взнос в счет вашего приезда по поводу этой службы, если вы сообщите мне их имена, вы увидите, я дам незамедлительное распоряжение для исправления этого.

Таким образом, я дал вам честный ответ на все ваши вопросы, но должен ожидать и ожидаю от вас полного послушания и соответствия (conformity) моим наказам, и, если вы будете их выполнять, Государство получит возможность убедиться, насколько вы готовы проявлять послушание, которому вы учите. И со своей стороны я не сомневаюсь, что вы сами или, по крайней мере, ваши потомки будут иметь основания благодарить и Государство, и Церковь за эту заботу о вас. Но если вы откажетесь, поскольку у вас нет на то причин (и я надеюсь, что не откажетесь), я должен буду прибегнуть к действиям против уроженцев, согласно законам и церковным канонам. Итак, надеясь на лучшее и на ваше послушание, я оставляю вас милости Божией и прочая.

Ваш любящий друг⁷³

Документ XI. Прокламация консисторий голландской и французской церквей в Англии их соответствующим общинам, касательно наказов архиепископа Лода⁷⁴. Лондон, воскресенье, 6 (16 н.с.) сентября 1635 г.⁷⁵

Возлюбленные братья, вы осведомлены, что в апреле мы получили из рук генерального викария, моего господина, [архиепископа] Кентерберийского определенный наказ⁷⁶, согласно которому все уроженцы (Natives) обеих наших общин чужестранцев (Congregations of Strangers) в пределах этого города должны были посещать свои приходские церкви, где они проживают, слушать богослужение и проповеди, а также придерживаться дисциплины Церкви Англии (conform to the Discipline of the Church of England). После этого представители обеих общин с вашего одобрения были отправлены к Его Светлости, чтобы изложить ваши доводы и ходатайствовать о сохранении нашего прежнего положения; что и было сделано в июне⁷⁷, и получив от Его Светлости самое благосклонное слушание, мы были отправлены домой, чтобы ожидать письменного ответа Его Светлости, когда он более тщательно обдумает это дело и узнает добрую волю и благоволение Его Величества и Государственного Совета (Councell of State).

Итак, в прошлый четверг, в седмицу (sevensnight), мы получили письмо Его Светлости⁷⁸, утвержденное Его Величеством и Государственным Советом, суть которого такова. 1. Что ни Его Величество, ни Государственный Совет не намерены распускать наши общины. 2. И с этой целью Его Светлость [архиепископ] Кентерберийский добился для нас такой милости, что первое поколение от иноземцев (from the Alliens) будет оставаться среди членов наших конгрегаций, как и прежде. 3. Но уроженцам [Natiues] после первого поколения повелевается подчиняться упомянутому наказу и придерживаться английской

⁷³ Поскольку документ является копией его собственного письма, в нем отсутствуют подпись, дата, а также указание места и адреса.

⁷⁴ В своем письме Лоду от 7 сентября 1635 г. голландские и французские служители сообщают, что ответ Лода был обобщен и распространен среди членов возглавляемых ими общин, которые выразили ему свою благодарность. Лод упоминает данный факт во время суда над ним в 1644 г.: «Итак, то, что я предписывал французской и голландской церквям, до слога совпадало с сим во всех частях моей провинции, где эти церкви пребывали, как в Саутхемптоне и Норидже. И у меня есть письмо, полное благодарности от служителей и пресвитеров французской и валлонской церквей в Норидже. Все это свидетельствует отнюдь не о стремлении отменить какие-либо справедливые привилегии и свободы, которые эти церкви имели в Англии или должны были иметь в любом хорошо управляемом королевстве» (The Works of the Most Reverend Father in God, William Laud... Vol. III. P. 424).

⁷⁵ Язык документа: английский. Номер документа в источнике: 2380. Источник: Ecclesiae Londino-Batavae Archivum. Т. III. Pars II. P. 1715–1716.

⁷⁶ См. документ VIII. Нотариальный инструмент.

⁷⁷ См. документ IX. Прошение двух общин иностранцев в Норидже архиепископу Лоду.

⁷⁸ См. документ X. Голландской и валлонской общинам в Норидже.

дисциплины и литургии в своих приходских церквях. 4. Не препятствуется им тем не менее, но позволяется иногда посещать наши собрания, только по снисхождению и разрешению. 5. Однако при этом они должны знать, что для лучшего существования наших общин предписано, чтобы упомянутые уроженцы после первого поколения обязаны вносить средства на содержание служителей и бедняков, как они это делали и должны были делать, если бы остались среди нас. 6. А чтобы они могли это делать, Его Светлость обещает получить указ Совета оградить их от домогательств доносчиков в осуществлении их исконных ремесел, когда они об этом попросят.

Посему ныне, по совету и с согласия управляющих (Gouverneurs) обеих наших общин, мы публикуем и доводим до вашего сведения вышеупомянутые вещи, увещевая уроженцев (Natives) после первого поколения посещать свои собственные приходские церкви и безропотно подчиняться предписаниям Церкви Англии под страхом цензуры со стороны упомянутой английской дисциплины, как указано в письме Его Светлости. И это мы должны были объявить вам для исполнения наших обязанностей перед Его Величеством, Его Светлостью [архиепископом] Кентерберийским и остальными лордами достопочтеннейшего Тайного Совета Его Величества.

Опубликовано 6 сентября 1635 г.

Документ XII. Отчет архиепископа королю о его провинции за 1635 год. [2 января — 1 декабря, н.с.]⁷⁹

Да будет угодно вашему превосходнейшему величеству,

Согласно вашему королевскому повелению, я настоящим второго января 1635 года, *Computatio Anglicana*⁸⁰, представляю свой отчет как по епархии, так и по провинции относительно всех тех церковных дел, которые содержатся в всемилостивейших указаниях вашего величества, изданных по вашей величайшей монаршей и религиозной заботе о сохранении единства в ортодоксальной доктрине и соответствия управлению (*government*), в пределах сей вашей Церкви Англии.

Во-первых, что касается моей собственной епархии, я смиренно сообщаю вашему величеству, что в Мейдстоне и Эшфорде, а также в некоторых других местах, еще очень много людей, отвергающих управление Церкви Англии (*refractory persons to the government of the Church of England*)...

Я, согласно повелению вашего величества, потребовал повиновения моим наказам, отпавленным во французскую и голландскую церкви в Кентербери, Мейдстоне и Сэндвиче. И хотя они продемонстрировали некоторое соответствие (*made some show of conformity*), однако я не вижу, чтобы они оказали такое послушание, какое требуется и было предписано с согласия и одобрения вашего величества. Поэтому я опасаюсь, что буду вынужден ускорить разбирательство с ними...

Документ XIII. Артикулы Палаты общин, в Парламенте собравшихся, в поддержание их обвинения против Уильяма Лода, архиепископа Кентерберийского, коим он обвиняется в измене⁸¹.

[Артикул] 12. Он предательски пытался посеять рознь и разлад между Церковью Англии и иными реформированными церквями; и с этой целью ограничил и отменил привилегии

⁷⁹ Язык документа: английский. Источник: The Works of the Most Reverend Father in God William Laud, D.D. Vol. V. Pt. II: Accounts of Province, &c. Oxford, 1853. P. 331–336.

⁸⁰ Лат. «по английскому счету» (также — *mos Anglicanus*, «английский обычай»). Способ исчисления лет, где новый юридический год начинается 25 марта. С 1155 г. до календарной реформы 1750 г. в Англии юридический новый год начинался с *Lady Day* (традиционное название праздника Благовещения), т.е. 25 марта (см. прим. 45 в: Паламарчук А.А., Фадеев И.А. Институт десятины в раннестюартовской Церкви Англии как инструмент конфессиональной (само-)идентификации // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 12 (122). Ч. II. URL: <https://history.jes.su/s207987840022818-8-1/> (дата обращения: 18.01.2024). DOI: 10.18254/S207987840022818-8

⁸¹ Язык документа: английский. Источник: The Works of the Most Reverend Father in God William Laud, D.D. Vol. III: Accounts of Province, &c. Oxford, 1853. P. 421–336.

и иммунитеты, кои были Его Величеством и его царственными предками дарованы французским и голландским церквям в сем королевстве, а также иными многочисленными способами выражал зло и нелюбовью к этим церквям, дабы паписты могли иметь большее преимущество для поражения и изничтожения обоих.

Я никогда не стремился внести рознь между Церковью Англии и другими реформированными Церквями, а если бы я это сделал, то это был бы очень нехристианский и недостойный поступок, но все же, как я полагаю, не измена. Что касается привилегий и иммунитетов, предоставленных Его Величеством и его царственными предками французской и голландской церквям в этом королевстве, то я не стремился ограничить или отменить ни одну из них, которая сохраняла бы соответствие с веротерпимостью, впервые здесь выраженной; и тем более я не старался каким-либо разделением между ними и нами благоприятствовать папистам, чтобы низвергнуть их обоих. Однако я обнаружил, что они не использовали свои привилегии с той благодарностью и справедливостью по отношению к Его Величеству, государству и Церкви Англии, как им следовало бы делать.

И тогда я ознакомил Его Величество и лордов в полном и открытом собрании с тем, что я задумал относительно этого дела, а именно:

1. То, что они жили так, как жили, и так строго придерживались своей собственной дисциплины, повлияло на тех людей в Англии, которые были зависимы от них, и сделало их более неблагосклонными к нынешнему управлению Церкви Англии, чем они могли бы быть в противном случае.

2. Таким образом, они жили в Англии подобно Божьему Израилю в Египте, к великому стыду Церкви Англии, куда они поначалу бежали, чтобы укрыться от преследований. И в то время, когда они находились в опасности, Церковь Англии была в их представлении не только истинной, но и славной Церковью. Однако благодаря этой благосклонности, которую снискала эта Церковь, она росла и проникала к нам, пока не стала церковью внутри Церкви и своего рода государством внутри государства (a Church within a Church, and a kind of State within a State). И это я всегда считал опасным, каким бы малым ни было его начало, и это по двум основным причинам. Во-первых, потому что я вижу мудрость Божию против этого; ибо Он ясно говорит Своему первородному народу: «Один закон» (и особенно в отношении Божественного культа) «да будет и для природного жителя [home-born], и для пришельца [stranger], поселившегося между вами» (Исх. Xii[.49]). А с другой стороны, потому что я нахожу, что мудрость сего Государства против этого; ибо этот парламент в своей ремонстрации приводит тот же самый довод против папистов, однако она должна действовать против всех сект, которые стремятся укрепиться и расшириться. Вот эти слова: «Другое государство, образованное внутри этого Государства [Another State moulded within this State], независимое в управлении, противоположное в интересах и привязанностях, тайно развращающее невежественных или небрежных исповедников нашей религии, тесно объединяющееся и сплачивающееся против тех, кто надежен, в этом положении ожидая удобного случая»⁸² и т.д. И эти слова в равной степени относятся как к одной партии, так и к другой; и я всегда настаивал на этом аргументе в равной степени против обеих, что я могу доказать хорошим свидетельством, если потребуется. И я молю Бога, чтобы эта партия, которой слишком мало боялись и которая слишком много кормилась среди нас, не нашла теперь возможности, которой ждала.

3. То что они живут здесь, пользуются полной свободой, но в большинстве своем презирают даже изучение языка или общение с кем бы то ни было, кроме как для выгоды в торговле. И не возьмут ни одного англичанина к себе в подмастерья, и не научат их ни одному из своих ремесел, что я считал тогда и считаю до сих пор в высшей степени неразумным.

4. Что касается религии, то если после стольких поколений их детей, рожденных в этой стране и являющихся ее природными подданными, эти их дети отказываются молиться

⁸² The Grand Remonstrance // The Constitutional Documents of the Puritan Revolution, 1625–1660 / ed. S.R. Gardiner. Oxford, 1906. P. 219.

и общаться с Церковью Англии, в лоно которой их родители вначале обратились за спасением; я думал тогда и думаю до сих пор, что ни одно государство не могло бы безопасно или по мудрости терпеть такое. И это, что касается их детей, было единственным, чего я желал, как явствует из акта⁸³, который мой генеральный викарий составил относительно церквей в Кентербери, Сэндвиче и Мейдстоне в моей епархии и публикации⁸⁴ этого акта в их общинах их собственными служителями в следующей форме⁸⁵:

«Мне приказано уведомить вас, что ни Его Величество, ни Государственный Совет не намерены распускать наши общины. И с этой целью Его Величество соизволил разрешить уроженцам первой степени оставаться членами наших общин, как и прежде. Но уроженцам этой Церкви после первого поколения предписывается повиноваться предписанию моего господина архиепископа, которое заключается в том, чтобы они подчинялись английской дисциплине и литургии каждый в своем приходе, не препятствуя им, однако, иногда посещать наши собрания».

«И мой господин, архиепископ Кентерберийский, хочет, несмотря на это, чтобы упомянутые уроженцы продолжали участвовать в содержании служителей и бедных этой церкви для лучшего ее существования, и обещает получить указ от Совета, если потребуется, и они потребуют его, чтобы поддерживать их в их ремеслах против тех, кто будет беспокоить их доносами».

Итак, то, что я предписывал французской и голландской церквям, до слога совпадало с этим во всех частях моей провинции, где эти церкви проживали, как в Саутгемптоне и Норидже. И у меня есть исполненное благодарности письмо от служителей и пресвитеров французской и валлонской церквей в Норидже. Все это далеко от стремления ограничить какие-либо справедливые привилегии и иммунитеты, которые эти Церкви имели в Англии или должны были иметь в любом хорошо управляемом королевстве.

Библиография / References

Паламарчук А.А. «Дело Кальвина» и проблемы англо-шотландской унии 1603 г. // Вестник СПбГУ. История. 2014. № 4. С. 76–82.

Паламарчук А.А., Фадеев И.А. Институт десятины в раннестюартовской Церкви Англии как инструмент конфессиональной (само-)идентификации // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 12 (122). Ч. II. URL: <https://history.jes.su/s207987840022818-8-1/> (дата обращения: 18.01.2024). DOI: 10.18254/S207987840022818-8

Фадеев И.А. Божественное право королей и интерпретация идеи порядка в английской политической теологии XVII века // Новая и новейшая история. 2020. № 6. С. 42–52. DOI: 10.31857/S013038640012690-7

Фадеев И.А. Проблема религиозной идентификации Церкви Англии: британская Конституция и государственная Церковь // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 3 (89). URL: <https://history.jes.su/s207987840009205-4-1/> (дата обращения: 18.01.2024). DOI: 10.18254/S207987840009205-4

Фадеев И.А. Церковь Англии: проблема конфессиональной самоидентификации в исторической перспективе. М., 2015.

Fadeyev I.A. Bozhestvennoe pravo korolei i interpretatsiia idei poriadka v angliiskoi politicheskoi teologii XVII veka [The “Divine Right of Kings” and the Interpretation of the Concept of Order in Seventeenth-Century English Political Theology] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2020. № 6. P. 42–52. DOI: 10.31857/S013038640012690-7 (In Russ.)

Fadeyev I.A. Problema religioznoi identifikatsii Tserkvi Anglii: britanskaia Konstitutsiia i gosudarstvennaia Tserkov' [The Problem of Religious Identification in the Church of England: The British Constitution and the Established Church] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2020. T. 11. Vyp. 3 (89). URL: <https://history.jes.su/s207987840009205-4-1/> (access date: 18.01.2024). DOI: 10.18254/S207987840009205-4 (In Russ.)

Fadeyev I.A. Tserkov' Anglii: problema konfessional'noi samoidentifikatsii v istoricheskoi perspektive. Moskva, 2015. (In Russ.)

⁸³ 26 сентября 1635.

⁸⁴ 11 октября 1635.

⁸⁵ См. документ X.

Palamarchuk A.A. “Delo Kal’vina” i problemy anglo-shotlandskoi unii 1603 g. [“Calvin’s Case” and the Anglo-Scottish Union of 1603] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Istoriya*. 2014. № 4. S. 76–82. (In Russ.)

Palamarchuk A.A., Fadeyev I.A. Institut desiatiyny v ranne Stuartovskoi Tserkvi Anglii kak instrument konfessional’noi (samo-)identifikatsii [The Institution of Tithing in the Early Stuart Church of England as an Instrument of Confessional (Self-)Identification] // *Elektronnyj nauchno-obrazovatel’nyj zhurnal “Istoriya”* [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2022. T. 13. Vyp. 12 (122). Ch. II. URL: <https://history.jes.su/s207987840022818-8-1/> (access date: 18.01.2024). DOI: 10.18254/S207987840022818-8 (In Russ.)

Burn J. The History of the French, Walloon, Dutch, and Other Foreign Protestant Refugees Settled in England. London, 1846.

Burnet G. The History of the Reformation of the Church of England. Vol. V. A Collection of records, letters, and original papers, with other instruments. Oxford, 1865.

Constitutional Documents of the Puritan Revolution, 1625–1660 / ed. S.R. Gardiner. Oxford, 1906.

Daan J. The Pronouns of Address in Dutch as a Mirror of Relationships Between People // *Canadian Journal of Netherlandic Studies*. 1990. Vol. XI. Iss. i. P. 31–35.

Grell O.P. Dutch Calvinists in Early Stuart London: The Dutch Church in Austin Friars. Leiden; New York; København; Köln, 1986.

Palamarchuk A.A., Fadeyev I.A. Richard Hooker’s Doctrine of Royal Supremacy in the Church of England // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Istoriya* [Vestnik of Saint Petersburg University. History]. 2018. 63(1). S. 158–173.

Prynne W. Canterburies doome, or the First Part of a Complete History of the Commitment, Charge, Tryall, Comdemnation, Execution of William Laud, the Late Arch-Bishop of Canterbury. London, 1646.

Trevor-Roper H. William Laud, 1573–1645. London, 1988.

Villani S. The Italian Protestant Church of London in the Seventeenth Century // *Exiles, Emigrés and Intermediaries Anglo-Italian Cultural Transactions* / ed. B. Schaff. Amsterdam; New York, 2010. P. 217–236.

Works of the Most Reverend Father in God, William Laud, D.D., Sometime Lord Archbishop of Canterbury. Vol. I–VII. Oxford, 1847–1860.

DOI: 10.31857/S0130386424010141

© 2024 г. М.М. СОКОЛОВ

РОССИЙСКИЕ ИСТОРИКИ: СТРУКТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

Соколов Михаил Михайлович — профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: msokolov@eu.spb.ru

Scopus Author ID: 55378346000; ORCID: 0000-0002-4102-7117

Исследование поддержано грантом Российского научного фонда № 21-18-00519.

Автор благодарен за помощь в работе над исследованием А.В. Гельвиху, Д.Р. Геращенко, С. Дурневу, В.А. Глухову, К.С. Губе, М.М. Кром, И.М. Савельевой, М.А. Сафоновой, Ю.А. Сафроновой и А.А. Селину.

Аннотация. В статье представлены результаты исследования структуры профессионального сообщества российских историков, проведенного совместно Научной электронной библиотекой eLibrary и Центром институционального анализа науки и образования Европейского университета в Санкт-Петербурге. В ходе его осуществления были собраны уникальные данные о социальном и интеллектуальном ландшафте российской истории, политологии, социологии, экономики и юриспруденции, заслуживающие введения в научный оборот. Данные были собраны в ходе опроса публикующихся ученых (N-4009, где N — количество случаев), исследование проведено в ноябре 2022 г. В этой статье социальная структура российской исторической дисциплины фигурирует в нескольких смыслах. С одной стороны, ее целью является простейшее статистическое описание российского исторического цеха — социодемографическая структура, распределение по тематическим областям и тому подобное. С другой стороны, исследуются корреляции между всеми этими основаниями: как разные характеристики индивидов соотносятся друг с другом. Историки разделены специализацией на странах и периодах (прежде всего — делением на российских и всеобщих историков), а также модернистскими vs постмодернистскими взглядами на природу исторического знания. Среди историков в академических центрах (столичных городах, ведущих университетах) шире представлены постмодернистские взгляды; обратное верно в отношении академической периферии. Поддержка модернизма также сокращается среди младших поколений.

Ключевые слова: социология науки, социология исторического знания, социология исторической профессии, академические сообщества.

М.М. Sokolov

Historians in Russia: The Structure of a Professional Community

Mikhail Sokolov, European university at Saint-Petersburg (Saint-Petersburg, Russia).

E-mail: msokolov@eu.spb.ru

Scopus Author ID: 55378346000; ORCID: 0000-0002-4102-7117

Research supported by grant from Russian Science Foundation № 21-18-00519.

The author is grateful for the help of A.V. Gelvikh, D.R. Gerashchenko, S. Durnev, V.A. Glukhov, K.S. Guba, M.M. Krom, I.M. Savelyeva, M.A. Safonova, Yu.A. Safronova and A.A. Selin in the work on the study.

Abstract. The author presents the results of a study of the structure of the professional community of Russian historians conducted jointly by the Scientific Electronic Library eLibrary and the Center for Institutional Analysis of Science and Education of the European University in St. Petersburg. In the

course of its implementation, unique data on the social and intellectual landscape of Russian history, political science, sociology, economics and jurisprudence were collected, worthy of introduction into the academic circuit. Data were collected through a survey of researchers who publish the results of their studies (N-4009, where N is the number of cases), the survey was conducted in November 2022. In this article, the social structure of the Russian historical discipline appears in several senses. On the one hand, its aim is the simplest statistical description of the Russian historical community, namely sociodemographic structure, distribution by thematic areas, etc. On the other hand, the author explores correlations between all these elements, namely how different characteristics of individuals relate to each other. Historians are divided by specialisation in countries and periods (primarily by the division into those researching Russian and World History), as well as by modernist vs postmodernist views on the nature of historical knowledge. Postmodernist views are more widely represented among historians in academic centres (capital cities, leading universities); the opposite is true for the academic periphery. Support for modernism is also declining among younger generations.

Keywords: sociology of science, sociology of historical knowledge, sociology of historical profession, academic communities.

Основной задачей исследовательского проекта, проведенного совместно Научной электронной библиотекой eLibrary и Центром институционального анализа науки и образования Европейского университета в Санкт-Петербурге, в рамках которого были собраны приведенные ниже данные, была оценка валидности библиометрических показателей для социогуманитарных наук. В ходе его осуществления были собраны уникальные данные о социальном и интеллектуальном ландшафте российской истории, политологии, социологии, экономики и юриспруденции, заслуживающие введения в научный оборот. Данная статья является последней из серии статей, подводящих итог этой работе¹. Результаты измерения собственно академических репутаций приводятся в отчете по проекту «Российские историки: портрет академической профессии»², который частично пересекается с данным текстом. В отдельных случаях мы будем отсылать читателей к нему. В статье же основное внимание уделяется структуре исторического сообщества.

Термин «социальная структура» является одним из самых популярных в социологии. Несмотря на это (или вследствие этого) он также является одним из наиболее многозначных. Простейшее понимание социальной структуры предполагает статистическое распределение какой-то совокупности индивидов по предзаданным категориям («половозрастная структура»). Социологи, однако, претендуют не только на сбор социальной статистики, но и на то, чтобы научными методами обнаружить под поверхностью социального мира порядок, скрытый от глаз обывателей. Разные школы, исходившие из своих пониманий того, каков этот порядок, переопределяли, соответственно, социальную структуру по-своему. Для К. Леви-Стросса и структуралистов структура была совокупностью инвариант, невидимых осей, задающих множество наблюдаемых вариаций; для Х. Уайта и его многочисленных учеников структура — это граф, отражающий социальные связи между индивидами; для П.М. Блау структура — это формальные свойства численных характеристик коллективов; и так далее. Если можно найти какой-то общий знаменатель для всех этих пониманий структуры, то это их графичность — социальная структура есть нечто, что может быть отображено визуально в той или иной форме (для всех тех, кто учился в советской и постсоветской школе, вероятно, первая ассоциация с «социальной структурой» — это

¹ Сафонова М.А., Соколов М.М. Структура поля российской социологии — 2020 // Социологические исследования. 2021. № 11. С. 91–105; Соколов М.М., Чечик Е.А. Академические репутации российских экономистов и их наукометрические оценки // Вопросы экономики. 2022. № 11. С. 117–135; Боцаров Т.Ю., Ходжаева Е.А. Социальный портрет, репутации и международная активность российских ученых-юристов // Закон. 2023. № 1. С. 84–94; Агафонов Ю.Г., Соколов М.М. Российская политология в 2021 году. Социальный и интеллектуальный ландшафт // Полис. 2023. № 2. С. 54–71.

² Отчет выложен на сайте Центра институционального анализа науки и образования: URL: <http://ciase.ru/2023/04/04/history/>

изображение феодального общества в учебнике истории шестого класса с королем наверху и крепостными крестьянами внизу).

В этой статье социальная структура российской исторической дисциплины фигурирует в нескольких смыслах. С одной стороны, ее целью является простейшее статистическое описание российского исторического цеха — социодемографическая структура, распределение по тематическим областям и тому подобное. С другой стороны, исследуются корреляции между всеми этими основаниями: как разные характеристики индивидов соотносятся друг с другом. В продолжение этого мы попробуем выделить нечто вроде невидимых осей, структурирующих пространство интеллектуальных позиций в исторической науке.

Процедуры и методы. Основным методом получения данных, представленных в этом отчете, был онлайн-опрос сплошной выборки публикующихся российских ученых-историков. Письма со ссылками на страницу с анкетой от имени компании eLibrary были разосланы зарегистрированным на сайте Российского индекса научного цитирования пользователям³, которые соответствовали трем критериям: (1) при регистрации они указали Россию в качестве страны проживания; (2) тематикой большинства их публикаций были исторические науки; (3) они опубликовали не менее трех статей в течение последних пяти лет и, таким образом, могли считаться активно публикующимися исследователями. Всего письма были разосланы по адресам 14 190 ученых. Примерно через неделю после отправки первого письма отправлялось второе с напоминанием (второе письмо отправлялось по двум адресам: основному и запасному). Обе волны опроса прошли в ноябре 2022 г. В результате мы получили 4512 уникальных анкет, которые были заполнены дальше первого вопроса; количество отвечавших на отдельные вопросы, однако, колебалось в значительных пределах, отражая, видимо, интерес к соответствующей теме, сензитивность вопроса и удачность его формулировки (дизайн анкеты позволял пропустить любой вопрос, кроме первого).

Была ли совокупность опрошенных репрезентативной для российской исторической профессии в целом? Поскольку никакого независимого источника данных о тех, кто не отвечал на наши вопросы, не существует, мы можем сравнить тех, кто согласился отвечать, с генеральной совокупностью лишь по трем параметрам: полу, региону и месту работы. Пол устанавливался по отчеству авторов в выборке, составленной на основании данных РИНЦ, и мы могли сравнить это распределение с распределением среди ответивших. Мужчины чуть охотнее отвечали на наши вопросы, чем женщины, однако различие, хотя и статистически значимо ($p < 0,001$), минимально (32,9% против 30,5%). Мы разделили респондентов по регионам проживания на пять категорий — (1) москвичи (23,5% в нашей выборке); (2) петербуржцы (11,6%); (3) жители иных исторических мегаполисов, к которым мы приписали города, где проживает свыше 200 авторов — Новосибирск, Казань, Екатеринбург, Уфа, Омск, Самара (13,2%); (4) крупные центры (свыше 100 авторов) — 24,9%; (5) периферия (менее 100 авторов) — 26,8%. Кроме того, мы разделили опрошенных на три категории по основному месту работы: (1) институты РАН (19,4%); (2) ведущие университеты, куда попали МГУ, СПбГУ и университеты, вошедшие в первую волну Программы повышения глобальной конкурентоспособности российских университетов «5/100»⁴ (12,2%); (3) прочие организации (68,4%). Представители всех этих категорий обнаруживаются среди опрошенных строго пропорционально их доле в генеральной совокупности. Нет оснований, соответственно, предполагать, что имели место какие-то смещения.

Результаты. «Исторические науки» в России являются зонтичной категорией, покрывающей как минимум три независимые дисциплины — собственно историков, этнографов (некоторые из которых предпочитают определять себя как этнологов, культурных антропологов или культурологов) и археологов. Чтобы сортировать респондентов по этим трем категориям, первым им задавался вопрос о той дисциплине, на которой они

³ Мы могли разослать письма с приглашением к участию в опросе только зарегистрированным пользователям; однако, в настоящее время к такому относится порядка 90% исследователей, соответствующих остальным трем критериям.

⁴ Почти половина всех отнесенных к «сотрудникам ведущих университетов» работали в МГУ (3,1% от выборочной совокупности) и СПбГУ (2,9%).

специализируются. Как распределились ответы на вопрос: «Выберите из списка ниже все области знания, на которых вы специализируетесь (можно указать несколько ответов)», видно из таблицы 1 (количество случаев (N)-4512).

Таблица 1

Области специализации респондентов (N-4512)
(Specializations of survey subjects, N-4512)

	Частота	%
История России (Russian History)	3196	70,8
Всеобщая история (World History)	1486	32,9
Этнография, культурная антропология (Ethnography, Cultural Anthropology)	674	14,9
Археология (Archaeology)	915	20,3
Теория, методология и история исторической науки (History and Methodology of Historical Science)	960	21,3

В ответе на первый вопрос можно было указать любое число категорий, из-за чего сумма превышает 100%.

В таблице 2 приводятся пересечения между выделенными таким образом специальностями: в столбцах даны доли также занимающихся данной областью среди тех, кто занимается областью в строке; так, из 3169 человек, специализирующихся на истории России, 739 (23,1%) указали, что они также занимаются всеобщей историей.

Таблица 2

Пересечения между основными дисциплинарными специализациями (N-4512)
(Intersections Between Main Disciplinary Specializations, N-4512)

	История России (Russian History)	Всеобщая история (World History)	Археология (Archaeology)	Этнография (Ethnography)	Теория и история (Theory and Methodology)
История России (Russian History)	3196	739	210	552	749
	100,0%	23,1%	6,6%	17,3%	23,4%
Всеобщая история (World History)	739	1486	177	276	359
	49,7%	100,0%	11,9%	18,6%	24,2%
Археология (Archaeology)	210	177	674	164	93
	31,2%	26,3%	100,0%	24,3%	13,8%
Этнография (Ethnography)	552	276	164	915	220
	60,3%	30,2%	17,9%	100,0%	24,0%
Теория и методология (Theory and Methodology)	749	359	93	220	960
	78,0%	37,4%	9,7%	22,9%	100,0%

Далее вид анкеты различался в зависимости от того, какой из вариантов ответа был выбран при ответе на первый вопрос о дисциплинарной принадлежности. Наше исследование было ориентировано преимущественно на историков. Тем, кто указал, что они занимаются только археологией и/или этнографией задавались лишь вопросы о тех, кто внес наибольший вклад в их область специализации, и базовые демографические. Остальные вопросы задавались лишь тем, кто указал хотя бы одну из исторических специальностей (4009 человек).

Прежде всего тех, кто указал, что специализируется на российской истории, просили определить эпоху, которой они занимаются, используя традиционное школьное деление (табл. 3).

Таблица 3

**Периоды российской истории, изучаемые респондентами (N-3177)
(Periods of Russian history survey subjects specialize on, N-3177)**

	Частота Frequency	%
Древняя Русь, эпоха феодализма, Московское царство (Pre-Petrine Russia)	679	21,4
Российская империя (Russian Empire)	1924	60,6
Советская история (Soviet History)	1777	55,9
Новейшая российская история (History of Post-Soviet Russia)	675	21,2

Видно, что интерес к эпохам распределен достаточно неравномерно — российская империя и СССР наиболее популярны, допетровская Русь и современность — значительно менее. Аналогичное распределение для тех, кто указал, что занимается всеобщей историей, выглядит иначе: новая история существенно уступает новейшей и в целом чем более отдаленной является эпоха, тем меньше специализирующихся на ней (табл. 4).

Таблица 4

**Периоды всеобщей истории, изучаемые респондентами (N-1479)
(Periods of world history survey subjects specialize on, N-1479)**

	Частота Frequency	%
История дописьменных обществ (Preliterate Societies)	114	7,7
История Древнего мира (история Древнего Востока, история Античности, история Америки и Африки в древности) (History of the Ancient World)	340	23,0
История Средних веков и Раннего Нового времени (включая историю средневекового Востока) (Middle Ages and Early Modern Time)	500	33,8
Новая история (XVII–XIX вв.) (Modern History)	658	44,5
Новейшая история (XX–XXI вв.) (Contemporary History)	792	53,5

В дополнение к вопросу об эпохе, мы задали всеобщим историкам вопрос о регионе, в истории которого они специализируются (табл. 5).

Подавляющее большинство всеобщих историков специализируется на истории Европы. Можно задать вопросом, соответствует ли это положение вещей определению России как «великой историографической державы», которое академический фольклор приписывает П.Ю. Уварову. С одной стороны, российские историки чаще всего изучают историю собственной страны, а за ее пределами в фокусе их интересов находится традиционный Запад плюс регионы, связанные с Россией сильнейшими политическими и экономическими связями. С другой стороны, некоторое количество работающих в России историков занимается практически любыми регионами — положение вещей, которым далеко не каждая страна может похвастаться.

Таблица 5

Регионы, на которых специализируются всеобщие историки (N-1048)
(Regions studied by world historians, N-1048)

	Частота Frequency	%
Европа (Europe)	729	69,56%
Глобальная, транснациональная история (Global, transnational history)	273	26,05%
США и Канада (USA and Canada)	188	17,94%
Дальний Восток (Eastern Asia)	156	14,89%
Северная Африка и Ближний Восток (Middle East and North-ern Africa)	129	12,31%
Центральная Азия (Central Asia)	124	11,83%
Юго-Восточная Азия (South-Eastern Asia)	60	5,73%
Южная Азия (Southern Asia)	48	4,58%
Латинская Америка (Latin America)	47	4,48%
Африка южнее Сахары (Sub-Saharan Africa)	31	2,96%
Австралия и Океания (Australia and Oeania)	12	1,15%

Существует статистическая связь между регионом и шириной периода специализации: чем менее популярным — среди российских историков — является данный регион, тем шире в среднем хронологические рамки экспертизы тех, кто им занимается. Так, из наших 5 эпох, специалисты по Европе указывали в среднем 1,7, а специалисты по Австралии и Океании — 2,7 периодов.

В конце этого блока мы спросили историков о предметных областях, на которых они специализируются. В таблице 6 приводится список полученных ответов в порядке убывания количеств. Первые две строчки занимают социальная и локальная/региональная история, которые набрали равное число «голосов», за ними — политическая и культурная история, составляющие «большую четверку». Следующие два столбца отражают предпочтения тех, кто выбрал российскую и всеобщую историю в качестве специализации (напомним, что эти категории не были взаимоисключающими). Существует значительная — можем заключить мы — разница в тематике, при которой всеобщие историки чаще специализируются на политической, дипломатической, военной и культурной истории, а русисты — на истории локальной, социальной и экономической.

Мы использовали иерархический кластерный анализ с тем, чтобы изучить, занятия какими темами тяготеют друг к другу (подробные результаты анализа приводятся в отчете по проекту). Темы объединяются в несколько блоков: (1) политическая, дипломатическая и военная истории; (2а) история повседневности, которая пересекается с социальной историей; (2б) связанные с ними культурная история и проблемы исторической памяти; (2в) количественные экономическая и демографическая истории, к которым тяготеет также (2г) локальная и региональная история; стоящие особняком (3) история права; (4) церковная история; (5) вспомогательные исторические дисциплины; (6) история науки и техники.

На следующем этапе мы попробовали найти взаимосвязи между темами и изучаемыми периодами. В следующих таблицах приводятся данные для русистов (табл. 7) и всеобщих историков (табл. 8). По строкам даны доли занимающихся данной предметной областью среди тех, кто занимается эпохой в столбце. Так, среди специалистов по допетровской Руси 46% интересуются политической историей и т.д. Среди русистов мы находим лишь незначительные вариации: политическая история и проблемы исторической памяти чаще всего

Таблица 6

Тематические области специализации российских историков (N-3921)
(Subject areas of historians of Russia, N-3921)

	Вся вы- борка (All sample)	Среди выбрав- ших историю России (Among special- ists on Russia)	Среди вы- бравших всеобщую историю (Among special- ists in world history)
Политическая история (Political History)	46,8%	51,4%	34,7%
Дипломатическая история, история международных отно- шений (Diplomatic History)	46,8%	48,9%	40,5%
Военная история (Military History)	44,3%	41,4%	58,0%
Социальная история (Social History)	43,8%	41,7%	48,8%
Экономическая история (Economic History)	28,9%	30,7%	24,5%
Культурная история (Cultural History)	26,7%	26,6%	28,4%
История науки и техники (History of Science and Technology)	25,5%	26,0%	31,8%
Локальная и региональная история (Local History)	23,0%	24,5%	20,7%
Проблемы исторической памяти (Historical Memory)	21,8%	17,5%	42,6%
История религии, церковная история (Church History)	19,9%	18,5%	23,8%
История повседневности (History of Everyday Life)	13,2%	14,2%	13,2%
Историческая демография (Historical Demography)	13,2%	13,7%	13,6%
История права (History of Law)	8,4%	8,8%	9,8%
Вспомогательные исторические дисциплины (Auxiliary Historical Disciplines)	7,9%	8,9%	5,9%

интересны тем, кто занимается новейшей историей. Напротив, культурная и церковная история, а также вспомогательные исторические дисциплины вызывают больше интереса среди тех, кто занимается Древней Русью.

Контрасты среди специалистов по всеобщей истории более выражены (табл. 8). Здесь мы видим, что интерес к политической и дипломатической истории преобладает среди занимающихся новейшей историей, в то время как интерес к социальной, экономической, культурной и демографической истории среди них, наоборот, ниже. Объединяя эти выводы с тем, о чем говорилось выше, мы можем заключить, что, если немногочисленные специалисты по «глобальному югу» часто являются страноведами широкого профиля, то специалисты по новейшей истории «глобального севера» плавно перетекают в политологов-международников.

Демографическая структура. Мужчины составляют большинство среди российских историков: 58,7% определили свой пол как мужской, 40,4% — как женский (0,9% предпочли не сообщать его). Самой частотной возрастной категорией является интервал 40–49 лет.

Таблица 7

Связь специализации на периодах и предметных областях среди историков-русистов (N-3419)
(Correlation of specialization on periods and subject areas among historians of Russia, N-3419)

	Допе- тровская Русь (Pre- Petrine Russia)	Российская империя (Russian Empire)	Совет- ский пери- од (Soviet Union)	Новейшая история (History of Post-Soviet Russia)
Политическая история (Political History)	46,0%	41,2%	43,4%	52,5%
Дипломатическая история, история между- народных отношений (Diplomatic History)	22,5%	18,8%	17,1%	23,2%
Военная история (Military History)	29,1%	25,3%	30,8%	31,1%
Социальная история (Social History)	48,4%	50,0%	50,2%	48,7%
Экономическая история (Economic History)	24,9%	24,4%	24,9%	25,0%
Культурная история (Cultural History)	56,8%	44,2%	38,9%	44,2%
История науки и техники (History of Sci- ence and Technology)	15,4%	15,6%	17,3%	17,1%
Локальная и региональная история (Local History)	49,0%	53,5%	52,0%	52,1%
Проблемы исторической памяти (Historical Memory)	28,4%	26,0%	31,9%	40,8%
История религии, церковная история (Church History)	12,9%	7,5%	5,3%	6,7%
История повседневности (History of Everyday Life)	11,8%	11,8%	12,4%	11,6%
Историческая демография (Historical Demography)	5,0%	3,4%	3,6%	4,6%
История права (History of Law)	4,4%	3,6%	3,0%	3,3%
Вспомогательные исторические дисципли- ны (Auxiliary Historical Disciplines)	12,1%	5,0%	4,0%	4,6%

Анализ половозрастной структуры показывает, что значительная феминизация, коснувшаяся социальных наук в последние десятилетия, практически не затронула историков. Скорее заметен недостаток женщин в младшей возрастной категории: в нашей выборке публикующихся историков возраст до 30 лет указало 9,8% мужчин и 6,8% женщин.

Демографические характеристики связаны с областями специализации: среди занимающихся всеобщей историей мужчин чуть больше, чем среди историков в целом (62,9%). С точки зрения возраста, всеобщих историков чуть больше среди самой младшей возрастной группы (45,3% среди респондентов-историков младше 30 лет сообщили, что занимаются всеобщей историей — при 32,9% в целом по выборке) и самой старшей (43,8% среди историков в возрасте 70 и старше). Мужчины чаще женщин занимаются более ранними эпохами (25,4% мужчин против 17,1% женщин сообщили, что занимаются допетровской Русью). Советской и постсоветской историей чаще других занимается самая старшая когорта историков (сообщили, что они занимаются новейшей историей России, 32,2% историков старше 70 лет, при 21,8% в среднем по выборке). Самая младшая когорта реже других занимается допетровской эпохой (13,7% среди русистов младше 30 лет против 22,1% в среднем). В тематическом отношении, мы не видим сильных поколенческих сдвигов (можно отметить лишь относительное отсутствие интереса к культурной истории у самой младшей когорты и к истории повседневной — у самой старшей). Гендерные различия более выражены: в самых «мужских» специализациях число мужчин многократно превосходит

Таблица 8

**Связь специализации на периодах и предметных областях среди всеобщих историков (N-1479)
(Correlation of specialization on periods and subject areas among world historians, N-1479)**

	Допись- менные общества (Pre-literate Societies)	Древ- ний мир (Ancient world)	Средне- вековые (Middle Ages)	Новое вре- мя (Modern History)	Новей- шее время (Contemporary History)
Политическая история (Political History)	43,4%	50,6%	55,4%	58,5%	64,6%
История международных отношений (Diplomatic History)	22,1%	27,2%	35,8%	48,9%	53,0%
Военная история (Military History)	40,7%	37,0%	32,5%	32,2%	34,6%
Социальная история (Social History)	49,6%	42,0%	46,1%	45,3%	39,0%
Экономическая история (Economic History)	29,2%	24,9%	23,2%	22,3%	21,7%
Культурная история (Cultural History)	74,3%	63,6%	63,4%	52,7%	37,5%
История науки и техни- ки (History of Science and Technology)	29,2%	19,5%	15,8%	17,1%	12,7%
Локальная и региональная история (Local History)	52,2%	39,6%	39,2%	39,8%	35,5%
Проблемы исторической памяти (Historical Memory)	27,4%	24,9%	28,9%	32,8%	32,0%
История религии, цер- ковная история (Church History)	10,6%	13,3%	13,9%	9,3%	6,6%
История повседневности (History of Everyday Life)	8,0%	8,9%	11,1%	11,0%	8,9%
Историческая демография (Historical Demography)	9,7%	4,1%	3,4%	2,9%	2,5%
История права (History of Law)	6,2%	6,2%	5,7%	3,7%	2,9%
Вспомогательные исто- рические дисципли- ны (Auxiliary Historical Disciplines)	13,3%	9,8%	9,1%	6,1%	3,4%

число женщин — так, в военной истории оно составляет 3,23:1, в истории права — 2,42:1, в политической истории — 2,12:1, но в более «женской» культурной истории соотношение становится 1,09:1, а в истории повседневности число женщин превосходит число мужчин в соотношении 1:1,33.

Географически занятия всеобщей историей сконцентрированы в академических центрах — в Москве, Петербурге, институтах РАН и ведущих вузах, — а российская история, безусловно, преобладает на периферии. Так, число занимающихся историей России растет по мере того, как мы продвигаемся от Москвы к небольшим центрам с населением не более, чем в сотню авторов (с 70,5 до 85,5%), а занимающихся всеобщей историей, наоборот, сокращается (с 50,7 до 30,2%). Среди русистов историки, занимающиеся допетровской

эпохой, в большей степени представлены в центрах и в наименьшей степени — на периферии. В Петербурге самая высокая доля занимающихся историей имперского периода (71,5% среди русистов) и самая низкая — советской (44,8%) и постсоветской (14,1%). Разумеется, можно предполагать, что интересы связаны с близостью к источникам. Это предположение получает подтверждение, если мы смотрим на темы, которыми занимаются историки. В Москве мы встречаем наибольшую концентрацию специалистов по политической истории (53,2% против 40% в остальной выборке) и дипломатической истории (30,4% против 20,1% в остальной выборке). По мере того, как мы удаляемся от центров, растет интерес к локальной и региональной истории (с 29,9% в Москве до 58,8% в малых историографических центрах), несколько выше также интерес к экономической истории и повседневности (но ниже к культурной истории).

Ученые степени и занятость. Мы спросили наших респондентов о главном признаке академического ранга — ученых степенях, которыми они обладают: 26,8% опрошенных указали, что у них есть степень доктора наук, у 56,2% — степень кандидата наук в отсутствие докторской, у 26,6% нет степени и у 2,1% оказалась степень PhD, иногда в комбинации со степенью кандидата или доктора, иногда — в их отсутствие.

Доля обладателей степеней предсказуемо изменяется с возрастом: если в группе до 30 лет доля ученых без степени составляет 84,3%, то уже в следующей группе 30–39 их остается только 24,3%, а среди историков старше 60 ученых без степени насчитывается только 4,4%. Аналогичная картина с докторскими: будучи исключительно редкими среди ученых до 30 (в нашей выборке встретился только один доктор, не разменявший четвертый десяток) и даже среди ученых в возрасте 30–39 (3,4%), они становятся все более распространенными далее, пока в категории старше 70 мы не встречаем 63,9% докторов наук. Интересно, что если кандидатские защищаются относительно рано, и те, кто не сделал этого до 40, видимо, покидают академическую профессию, получение докторской степени не привязано к какому-то жизненному этапу — количество докторов равномерно прибывает в каждой следующей возрастной категории. Гендерная принадлежность сказывается на шансах защитить докторскую (степень доктора имеется у 29,1% мужчин и 22,8% женщин в нашей выборке), однако на уровне защиты кандидатских значимых различий не прослеживается (фактически мужчин без степени оказалось в нашей выборке даже чуть больше — 19,1% против 15,7% среди женщин — за счет меньшего числа женщин в младшей когорте). «Стеклянный потолок» может существовать на верхних ступенях академической лестницы, но не на нижних, однако и на верхних он выражен не слишком сильно. Географически и институционально концентрация докторов несколько больше в столичных городах и значительно выше в институтах РАН (35,8% работающих в них указали на наличие докторской степени).

Академические ранги слабо связаны с областями специализации или интересами. Доктора наук несколько чаще декларируют интерес к проблемам теории и методологии исторической науки (31,1% при 26,6% в среднем по выборке), проблемам социальной и экономической истории и несколько меньший к истории локальной, однако различия со средними везде остаются в пределах 5%. Нет свидетельств того, что в истории есть высоко-статусные или низкостатусные специализации, в которых выше или ниже концентрация академических тяжеловесов.

Большинство публикующихся историков — университетские преподаватели, 63,8% ответили, что преподают в этом учебном году. Максимальное число не преподающих встречается среди историков младше 30 (63,7%, причем большинство из тех, кто все же преподает (53,6%), преподает менее 300 часов в данном академическом году) или старше 70 (47,3%). Среди 40–59-летних преподает 71,5%, причем около половины преподающих учит свыше 700 часов. По мере удаления от центров уровень вовлеченности в преподавание также растет: не преподает 45,3% историков в Москве (где в наибольшей степени сконцентрированы институты РАН) против 28,1% в периферийных центрах. Среди занятых преподаванием доля преподающих свыше 700 часов растет с 28% в Москве до 48% в малых центрах.

В дополнение к этому, мы попробовали оценить степень интернационализации российской исторической науки, задав вопрос, в каких пропорциях нашим респондентам приходится читать на русском и иностранных языках. И здесь между основными историческими специальностями обнаружился значительный контраст: 33,8% русистов не читают профессиональную литературу на иностранных языках вовсе, а те, кто все же читают на них, в основном делают это в небольших объемах (тем не менее нам встретилось незначительное число — 10 человек — которые, если верить их словам, занимаясь российской историей, вовсе не читают русскоязычных коллег). Среди всеобщих историков число не читающих ни на одном языке, кроме русского, было более скромным — 12%, — а медианной категорией является средняя, означающая чтение примерно поровну на русском и иностранных языках (ее на шкале из семи пунктов выбрало 24,7% респондентов). Половозрастные и ранговые категории, напротив, не продемонстрировали существенной связи с владением иностранными языками: лишь возраст оказался связан с объемами чтения на разных языках статистически значимо, но незначительно (корреляция Кендалла 0,059). Доля не читающих на иностранных языках растет с 16% в Москве до 38,9% в малых центрах и с 11,8% среди преподавателей ведущих вузов до 33,8% среди представителей иных институций (14,1% среди сотрудников РАН).

Интеллектуальные позиции. Далее мы включили в анкету блок вопросов, которые должны были характеризовать позиции историков по различным контroversам, разделяющим исторический цех. Составление полного списка подобных контrovers представляет собой очевидную проблему и для историка, и тем более для заинтересованного дилетанта. Понимая всю ограниченность этого источника, мы опирались на вышедшие в последние годы книги, которые должны дать представление новичку об основных лагерях, существующих в историческом поле⁵.

Блок вопросов был разбит на две части, первая из которых затрагивала отношение к исторической науке в целом, а вторая — к вопросам, дебатировавшимся в российской ситуации (введение единого учебника истории, замена «Википедии» авторитетным источником, писать в который смогут только профессиональные историки и т.д.). Мы добавили к первой части вопросы, касавшиеся отношения к импорту теоретических схем из социальных наук (которым занимались многие направления модернистской историографии), а ко второй — вопросы об отношении к наукометрии. Наконец, мы добавили несколько вопросов, которые использовались в более раннем исследовании социологов, экономистов и политологов, чтобы проследить ориентацию на глобальную или национальную науку (о более высоком теоретическом и методологическом уровне статей в ведущих англоязычных журналах, важности развития национальной традиции в истории и т.д.).

Список вопросов и распределение ответов на них приводится в таблице 9. Заполнявшие анкету справедливо отмечали, что некоторые из вопросов состояли из двух частей, с одной из которых респонденты могли соглашаться, а с другой — нет. Так, левый историк вроде Э. Хобсбаума мог бы согласиться с первой частью высказывания: «любая история отражает интересы какой-то страны и, проводя исследования, историки должны думать прежде всего об интересах своей страны и своего государства» — имея в виду, что история, особенно политическая, часто служит подпоркой для национальной идентичности, но отказаться делать из этого выводы, содержащиеся во второй.

Задавая подобные двусоставные вопросы, мы, однако, исходили из определенных предположений о том, как устроено пространство интеллектуальных позиций в исторической науке. Мы считали, что оно организовано двумя измерениями: во-первых, модернистскими или постмодернистскими взглядами на науку и, во-вторых, локалистской или

⁵ Савельева И.М., Поletaев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997; Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000; Jordanova L. History in Practice. London; New York, 2000; Iggers G.G. Historiography in the twentieth century: From scientific objectivity to the postmodern challenge. Middleton, 2005; The Oxford history of historical writing / eds A. Schneider, D. Woolf. Oxford, 2015; Куpиp-ла И.И. История, или Прошлое в настоящем. СПб., 2017.

глобалистской ориентацией. Двусоставные вопросы должны были отражать восприятие историками определенных версий постмодернизма, в данном случае правого, который в российском контексте воплощает В.Р. Мединский (читатели могут заметить, что это утверждение представляет собой парафраз его высказываний⁶). Действительно, если в западном контексте постмодернизм обычно ассоциируется с левыми политическими течениями, стремящимися представлять дискриминируемые социальные категории и требующими справедливости в их отношении, то в российском существует их правый аналог, который обязывает историков соотносить то, что они выдают за историческую правду, с задачами поддержания национальной идентичности.

Анализируя ответы, мы прежде всего можем констатировать, что по многим вопросам среди историков есть полный или почти полный консенсус. Подавляющее большинство (80,7%) полностью согласно с тем, что народ, не изучающий своей истории, теряет национальную идентичность (этот вопрос намеренно оставлял неясным, считали ли они, что это возлагает на историков обязанность поддерживать таковую). При этом большинство (56%) также категорически не согласно с тем, что историки не должны разоблачать исторические мифы, если вера в эти мифы имеет политически желательные последствия, а доля согласных с тем, что, проводя исследования, историки должны служить интересами своей страны и государства, меньше доли несогласных. Отводя себе важнейшую роль в воспроизводстве национальной идентичности, историки тем не менее не согласны взять на себя ответственность за ее поддержание и не предполагают, что это обязывает их принять какую-либо версию правого постмодернизма.

В целом и ответы на все остальные вопросы, целью которых было оценить степень предрасположенности к релятивизму или антисциентизму, изображают большинство российских историков решительными модернистами, и даже несколько экстремистское утверждение, что конечной целью исторического познания является открытие законов социального развития, набирает почти половину сторонников (48%). Будучи модернистами, они одновременно определяют себя как локалистов: большинство также уверено, что уровень ведущих русскоязычных журналов не уступает уровню англоязычных, а российские историки обязаны заботиться о развитии национальной историографической традиции.

Таблица 9

Согласие с утверждениями о профессии историка (% по строкам)
(Agreement with statements about the historical profession (% by rows))

	Целиком не согласен Completely disagree				Целиком согласен Completely agree	
История — это политика, обращенная в прошлое (History is politics projected into the past)	19,2	13,0	29,5	22,2	16,1	
Исторические исследования должны ориентироваться на универсальные идеалы научности, общие для естественных и гуманитарных наук (Historical research should be guided by universal ideals of scientific rigor common to both natural and humanities sciences)	8,1	11,6	22,2	26,3	31,8	

⁶ Мединский В.Р. Владимир Мединский впервые отвечает своим критикам // Российская газета. 4.VII.2017.

Роль воображения в работе историка не меньше, чем роль хорошей памяти (The role of imagination in a historian's work is no less important than the role of good memory)	10,8	15,1	23,9	26,9	23,3
Избыточный энтузиазм по поводу социологических и экономических теоретических схем как минимум не менее опасен для историка, чем их полное незнание (Excessive enthusiasm about sociological and economic theories is no less dangerous for a historian than complete ignorance of them)	3,8	7,4	24,6	26,9	37,2
Историки могут лишь описать исторические события или восстановить их последовательность, найти их причины — по большей части за пределами их возможностей ⁷ (Historians can only describe historical events or reconstruct their sequence; finding their causes is mostly beyond their capabilities)	44,0	23,9	14,2	11,7	6,3
У истории не может быть никаких законов, поскольку она во многом управляется решениями отдельных личностей и просто случаем (History cannot have any laws, as it is largely governed by decisions of individual personalities and mere chance)	42,4	23,8	20,3	8,7	4,8
Народ, не изучающий своей истории, — это народ, который утрачивает свою идентичность (A nation that does not study its history is a nation that loses its identity) ⁸	1,5	2,4	5,0	10,5	80,7
В конечном счете целью исторической науки должно быть открытие законов социального развития (Ultimately, the goal of historical science should be to discover the laws of social development)	9,9	12,7	29,6	27,9	19,9
Мы всегда приступаем к изучению прошлого с позиций сегодняшнего дня; каждая эпоха поэтому должна переписывать историю заново (We always approach the study of the past from the perspective of the present day; therefore, every new generation must rewrite history in its own way) ⁹	42,4	17,9	20,2	13,4	6,2

⁷ Источником вдохновения для этого высказывания были недавние работы М.М. Крома, с идеями которого, как следует из результатов опроса, большинство историков не согласно (*Кром М.М. Междисциплинарность и кризис каузальности в современной исторической науке // Стены и мосты: история возникновения и развития идеи междисциплинарности. Материалы III Международной научной конференции / под ред. Г.Г. Ершова. М., 2015. С. 41—53*).

⁸ Формулировка была позаимствована из книги А. Про, который приводит ее со ссылкой на Ф. Миттерана как на источник. *Про А. Указ. соч. С. 15*.

⁹ Вторая часть утверждения представляет собой цитату из Р. Коллингвуда: *Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 236*.

Задача историков — описывать «как оно было», не проводя разделения на своих и чужих и не вставая на чью-либо сторону (The task of historians is to describe “how it was”, without dividing into ‘us’ and ‘them’ and without taking sides)	6,9	9,3	13,3	22,1	48,4
Историкам лучше поддерживать «санитарный коридор» и не стремиться изучать события недавнего прошлого, страсти по поводу которых еще не улеглись (Historians would do well to maintain a “sanitary corridor” and not rush to study events of the recent past, the passions about which have not yet settled)	20,7	11,7	16,5	24,8	26,3
Главная ценность изучения истории состоит в тех моральных и практических уроках, которые из нее можно извлечь (The main value of studying history lies in the moral and practical lessons that can be drawn from it)	6,5	9,0	21,3	28,3	34,9
Объективное историческое знание, не зависящее от интересов и пристрастий историка, — ложный идеал, к которому не следует стремиться (Objective historical knowledge, independent of the interests and biases of the historian, is a false ideal that should not be pursued)	46,3	22,4	15,2	10,0	6,1
Историки не обязаны разоблачать исторические мифы, если вера в эти мифы побуждает людей реализовать разделяемые историками идеалы (Historians are not obliged to debunk historical myths if belief in these myths motivates people to realize ideals shared by historians)	56,6	19,9	15,8	5,9	1,8
Российским историкам следует стремиться к сохранению и развитию национальной традиции в исторической науке (Russian historians should strive to preserve and develop the national tradition in historical science)	9,8	9,5	20,0	22,0	38,7
В такой дисциплине, как история, формальные наукометрические показатели не могут отразить действительные заслуги индивида (In a discipline like history, formal scientometric indicators cannot reflect the actual merits of an individual)	5,2	7,8	24,1	22,7	40,3
Было бы правильно, если бы преподавание истории в российских школах велось по единому учебнику (It would be appropriate if history teaching in Russian schools were conducted using a single textbook)	23,6	9,6	13,9	16,2	36,7

В области наук о человеке и обществе приоритет при оценке научных исследований должен быть отдан публикациям на русском языке (In the field of human and social sciences, priority in evaluating scientific research achievements should be given to publications in the Russian language) ¹⁰	18,3	11,3	21	18,3	31,2
Я поддержал(а) бы введение экзамена по истории как обязательного для всех выпускников школ (I would support the introduction of a history exam as mandatory for all school graduates)	21,9	17,9	22,0	20,4	17,7
Средний теоретический и методологический уровень статей в ведущих англоязычных журналах значительно выше, чем в ведущих российских, и молодых ученых следует учить ориентироваться на него (The average theoretical and methodological level of articles in leading English-language journals is significantly higher than in leading Russian ones, and young scientists should be taught to orient towards it)	39,2	20,1	22,2	11,8	6,7
Было бы хорошо, если бы «Википедию» в качестве источника исторических знаний для массы интернет-пользователей можно было бы заменить каким-то другим ресурсом, в создании которого участвовали бы только профессиональные историки (It would be good if Wikipedia, as a source of historical knowledge for the mass of Internet users, could be replaced by some other resource, created only by professional historians)	22,1	11,4	15,4	15,9	35,3
Любая история отражает интересы какой-то страны и, проводя исследования, историки должны думать прежде всего об интересах своей страны и своего государства (Any history reflects the interests of some country, and in conducting research, historians should think primarily about the interests of their own country and state)	28,2	14,3	22,0	17,0	18,6

Анализ корреляционных связей между переменными приводит нас к выводу, что наши исходные догадки о структуре поля интеллектуальных позиций были во многом неверны. В отчете приводятся матрица корреляций между переменными и ее визуализация. Мы ожидали увидеть две группы переменных: одну — связанную с локалистскими и глобалистскими, другую — с модернистскими или постмодернистскими ориентациями. Только небольшое число двусоставных вопросов — например об обязанности историков учитывать интересы своей страны и своего государства — могли быть связаны с обеими группами. Вместо этого мы обнаружили одну группу переменных, характеризующих, с одной стороны, веру в ценность или даже превосходство национальной историографической традиции,

¹⁰ Источником этого утверждения было Постановление Бюро отделения общественных наук РАН от 19.02.2020 № 6 «Принципы установления нормативов публикационной результативности для научных организаций общественно-гуманитарного профиля».

с другой — модернистскую веру в превосходство научного знания, с третьей — поддержку монополии корпорации на историческую истину и ее центральную роль в образовательном процессе (единый учебник, обязательный экзамен, находящаяся в руках историков альтернатива «Википедии»). Респонденты верят — или не верят — во все эти вещи сразу. Их позицию по этим вопросам можно определить по позиции на единой шкале, которую мы назвали шкалой национал-модернизма. То, как может выглядеть эта шкала, иллюстрирует таблица 10. «Веса» отдельных вопросов в ней получены с помощью метода основных компонент (первая компонента объяснила 37% вариации). Недостатком шкалы может считаться то, что большинство вошедших в нее утверждений характеризуют один полюс (кроме о среднем уровне ведущих англоязычных журналов, который вошел в шкалу с отрицательным знаком). Позицию же второго полюса мы можем представить себе лишь «от противоположного»: располагающиеся на нем люди последовательно отвергают национал-модернистское кредо, но остается неясным, есть ли у них какая-то общая эпистемическая «программа».

Как национал-модернизм связан с другими измерениями структуры исторического сообщества? Прежде всего разные позиции на нашей шкале займут разные исторические специализации. Российская история является существенно более национал-модернистской, чем не-российская. Для тех, кто указал российскую историю как одну из областей своих интересов, оценка по шкале составляет 0,09, для тех, кто не указал (и, соответственно, интересуется только зарубежной историей и/или методологией), она составляет минус 0,36¹¹. Внутри российской истории, история допетровской Руси является несколько менее национал-модернистской (0,02), а советская история и постсоветская — наоборот, более (0,15 и 0,21, соответственно). Для всеобщей истории действует правило «чем новее изучаемый период, тем выраженнее национал-модернистские взгляды». Наименее национал-модернистской специализацией является история Древнего мира (минус 0,26). Из предметных областей военная история является самой выраженной национал-модернистской (0,15), а история повседневности — наоборот (минус 0,17), хотя различие и невелико. В плане демографии различие между мужчинами и женщинами почти неощутимо, зато возраст имеет очень сильный монотонно возрастающий эффект: для поколения младше 30, среднее по шкале составляет минус 0,37, а для поколения старше 60 — плюс 0,23. Похожий эффект имеет размер населенного пункта: Москва является наименее национал-модернистской (минус 0,27), а периферийные центры — наиболее (0,21). Ведущие вузы существенно отличаются от прочих организаций (минус 0,32 против 0,10). Мы не видим значимых связей между национал-модернизмом и отношением к большинству теоретических течений, за двумя значимыми исключениями — микроистории (средний балл тех, кто не считает, что микроистория внесла положительный вклад в развитие исторической науки 0,29) и гендерной истории (аналогичный показатель 0,30). Наконец, национал-модернизм связан с местом в профессиональном разделении труда: среди тех, кто преподает не более 100–200 часов, средний балл составляет минус 0,18; среди тех, кто преподает 800–900 часов, он поднимается до плюс 0,13. Вряд ли будет удивительным то, что национал-модернизм тесно связан

¹¹ Шкала имела среднее значение 0 и стандартное отклонение в 1. Обычно для того, чтобы охарактеризовать размер эффекта, используется следующее правило: различие менее чем в 0,2 стандартных отклонения, характеризуется как слабый эффект, от 0,2 до 0,5 — как эффект умеренной силы, свыше 0,5 — как значительный, более 1 — как сильный. В данном случае размер эффекта составляет 0,09 – (–0,36) = 0,45.

Таблица 10

Шкала национал-модернизма (N-3191, в колонке справа — факторные нагрузки)
(National-Modernism Scale (N-3191, factor loadings in the right column))

Российским историкам следует стремиться к сохранению и развитию национальной традиции в исторической науке (Russian historians should strive to preserve and develop the national tradition in historical science)	0,771
Было бы правильно, если бы преподавание истории в российских школах велось по единому учебнику (It would be appropriate if history teaching in Russian schools were conducted using a single textbook)	0,727
Любая история отражает интересы какой-то страны и, проводя исследования, историки должны думать прежде всего об интересах своей страны (Any history reflects the interests of some country, and in conducting research, historians should think primarily about the interests of their own country and state)	0,722
В области наук о человеке и обществе приоритет должен быть отдан публикациям на русском языке (In the field of human and social sciences, priority in evaluating scientific research outputs should be given to publications in the Russian language)	0,635
Было бы хорошо, если бы «Википедию» в качестве источника исторических знаний для массы интернет-пользователей можно было бы заменить каким-то другим ресурсом, в создании которого участвовали бы только профессиональные историки (It would be good if Wikipedia, as a source of historical knowledge for the mass of Internet users, could be replaced by some other resource, created only by professional historians)	0,630
Народ, не изучающий своей истории, — это народ, который утрачивает свою идентичность (A nation that does not study its history is a nation that loses its identity)	0,580
Главная ценность изучения истории состоит в тех моральных и практических уроках, которые из нее можно извлечь (The main value of studying history lies in the moral and practical lessons that can be drawn from it)	0,555
История — это политика, обращенная в прошлое (History is politics projected into the past)	0,401
В конечном счете целью исторической науки должно быть открытие законов социального развития (Ultimately, the goal of historical science should be to discover the laws of social development)	0,393
Средний теоретический и методологический уровень статей в ведущих англоязычных журналах значительно выше, чем в ведущих российских (The average theoretical and methodological level of articles in leading English-language journals is significantly higher than in leading Russian ones, and young scientists should be taught to orient towards it)	0,522

с объемами чтения на иностранных языках: для тех, кто вообще не читает на английском, балл равен плюс 0,46, для тех, кто читает более половины — минус 0,44¹².

Какие общие выводы о структуре исторического сообщества мы можем сделать на основании этих наблюдений? Во-первых, оно разделено по признаку специализации на российской или всеобщей истории (и в меньшей степени по периодам), причем специализации

¹² Читатели могут предположить, что эти эффекты частично накладываются друг на друга: скажем, среди тех, кто преподаёт немного, преобладают молодые люди. Автор использовал общую линейную модель, чтобы обнаружить, какие эффекты сохраняются при контроле по другим переменным и обнаружить, что возраст, география и тип института, специализация на российской или всеобщей истории и знание иностранных языков сохраняют самостоятельную значимость даже при их объединении в одном регрессионном уравнении. Возраст и владение иностранными языками имеют наибольшую предсказательную силу. Модель объясняет 14,2% вариации.

имеют несколько различающийся демографический, географический, тематический и, отчасти, эпистемический профиль. В сравнении с другими социальными науками, эта система делений во многих отношениях удивительно стабильна: мы не видим следов того, что со сменой поколений в нем произойдут принципиальные изменения в том, что касается популярности тех или иных регионов или эпох.

Во-вторых, существует значимый раскол между центром и периферией. Центр, по сравнению с периферией, демонстрирует значимо меньшую вовлеченность в преподавание и более высокие уровни чтения на иностранных языках; в центре больше изучают более раннюю и политическую историю, а на периферии — повседневность, социальную и локальную историю, что отражает, вероятно, специфику доступных там архивных материалов.

В-третьих, основным интеллектуальным измерением, структурирующим поле исторической науки, является отношение к комплексу взглядов, которые названы здесь национал-модернистскими. Национал-модернизм подразумевает веру в то, что (а) история является наукой; (б) профессиональное сообщество историков обладает монополией на историческую истину, и эту монополию должно защищать государство; (в) российская историческая традиция не уступает иноязычным или превосходит их; (г) исторические исследования затрагивают область государственных интересов. При этом, однако, и национал-модернисты, и их оппоненты единодушно настаивают на сохранении статуса истории как беспристрастного изучения того, «как оно было».

В-четвертых, этот раскол частично коррелирует с двумя другими — между поколениями и между центрами и перифериями. Взгляды старшего поколения оказываются несколько более национал-модернистскими, чем взгляды младших. Менее национал-модернистскими являются взгляды историков в столичных городах и ведущих университетах (институты РАН, в которых сконцентрированы старшие по возрасту историки, занимают более сдержанную позицию).

Библиография

Агафонов Ю.Г., Соколов М.М. Российская политология в 2021 году. Социальный и интеллектуальный ландшафт // Полис. 2023. № 2. С. 54–71.

Бочаров Т.Ю., Ходжаева Е.А. Социальный портрет, репутации и международная активность российских ученых-юристов // Закон. 2023. № 1. С. 84–94.

Кром М.М. Междисциплинарность и кризис каузальности в современной исторической науке // Стены и мосты: история возникновения и развития идеи междисциплинарности. Материалы III Международной научной конференции / под ред. Г.Г. Ершова. М., 2015. С. 41–53.

Курилла И.И. История, или Прошлое в настоящем. СПб., 2017.

Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000.

Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997.

Сафонова М.А., Соколов М.М. Структура поля российской социологии — 2020 // Социологические исследования. 2021. № 11. С. 91–105.

Соколов М.М., Чечик Е.А. Академические репутации российских экономистов и их наукометрические оценки // Вопросы экономики. 2022. № 11. С. 117–135.

Iggers G.G. Historiography in the twentieth century: From scientific objectivity to the postmodern challenge. Middleton, 2005.

Jordanova L. History in Practice. London; New York, 2000.

The Oxford history of historical writing / eds A. Schneider, D. Woolf. Oxford, 2015.

References

Agafonov Yu.G., Sokolov M.M. Rossiyskaya politologiya v 2021 godu. Sotsial'nyy i intellektual'nyy landshaft [Russian political science in 2021. Social and intellectual landscape] // Polis [Policy]. 2023. № 2. S. 54–71. (In Russ.)

Bocharov T. Yu., Khodzhaeva E.A. Sotsial'nyy portret, reputatsii i mezhdunarodnaya aktivnost' rossiyskikh uchenykh-yuristov [Social portrait, reputation, and international activity of Russian legal scholars] // Zakon [Law]. 2023. № 1. S. 84–94. (In Russ.)

Krom M.M. Mezhdistsiplinarnost' i krizis kauzal'nosti v sovremennoj istoricheskoy nauke [Interdisciplinarity and the crisis of causality in modern historical science] // Steny i mosty: istoriya vznikoventiya i razvitiya idei mezhdistsiplinarnosti. Materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii

[Walls and bridges: the history of the emergence and development of the idea of interdisciplinarity. Materials of the III International scientific conference] / pod red. G.G. Ershova. Moskva, 2015. S. 41–53. (In Russ.)

Kurilla I.I. Istoriya, ili Proshloe v nastoyaschem [History, or the Past in the present]. Sankt-Peterburg, 2017. (In Russ.)

Pro A. Dvenadtsat' urokov po istorii [Twelve lessons in history]. Moskva, 2000. (In Russ.)

Safonova M.A., Sokolov M.M. Struktura polya rossiyskoy sotsiologii — 2020 [The structure of the field of Russian sociology — 2020] // Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological research]. 2021. № 11. S. 91–105. (In Russ.)

Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Istoriya i vremya. V poiskakh utrachennogo [History and time. In search of the lost]. Moskva, 1997. (In Russ.)

Sokolov M.M., Chechik E.A. Akademicheskiye reputatsii rossiyskikh ekonomistov i ikh naukometricheskiye otsenki [Academic reputations of Russian economists and their scientometric assessments] // Voprosy ekonomiki [Economic issues]. 2022. № 11. S. 117–135. (In Russ.)

Iggers G.G. Historiography in the twentieth century: From scientific objectivity to the postmodern challenge. Middleton, 2005.

Jordanova L. History in Practice. London; New York, 2000.

The Oxford history of historical writing / eds A. Schneider, D. Woolf. Oxford, 2015.

DOI: 10.31857/S0130386424010152

© 2024 г. А.А. Орлов

СТАНОВЛЕНИЕ КОНСЕРВАТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ В АНГЛИИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД «ГАННОВЕРИАНСКОГО ВЕКА»

Рец. на книгу: М.А. Ковалёв. У ИСТОКОВ КОНСЕРВАТИЗМА В АНГЛИИ. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ РАННИХ ТОРИ (1714–1760 гг.). СПб.: Алетейя, 2024. 360 с.

Орлов Александр Анатольевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия).

E-mail: arkigolkin@yandex.ru

Researcher ID: AAY-9535-2020

A.A. Orlov

THE FORMATION OF CONSERVATIVE IDEOLOGY IN ENGLAND IN THE EARLY PERIOD OF THE “HANNOVERIAN AGE”

Rec. ad op.: M.A. Kovalev. AT THE ORIGINS OF CONSERVATISM IN ENGLAND. SOCIAL AND POLITICAL VIEWS OF THE EARLY TORIES (1714–1760). Saint-Petersburg: Aletheya, 2024. 360 p.

Alexander Orlov, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

E-mail: arkigolkin@yandex.ru

Researcher ID: AAY-9535-2020

Когда-то мне в руки попал отдельный номер газеты «Британский союзник» за 1947 г. Газета на русском языке издавалась в 1942–1950 гг. министерством информации Великобритании для советских читателей, дабы познакомить граждан СССР с особенностями жизни англичан для того, чтобы скрепить антигитлеровскую коалицию не только политически, но и средствами народной дипломатии. На предпоследней странице был фоторепортаж (без подписи) о празднике, организованном местным обществом народного танца в старинной деревне Такстэд (в 65 км северо-восточнее Лондона), в Эссексе. Четыре фотографии представляли марширующих и танцующих людей в белых брюках и рубашках спортивного стиля с перекрещенными на груди ремнями. Одну из колонн вел человек в странном коротком килте поверх черных штанов. На фотографии в центре газетной полосы была изображена девушка, играющая на скрипке, одетая в модную блузку и юбку с широким ремнем. Сопровождающий фотографии текст гласил: «Танцы, возникшие несколько столетий назад, были вновь возрождены в 1910 г. Деревня эта со своим

старым зданием Общинного совета, сохранившимся со времен англосаксов, с полудеревянными домами и булыжными мостовыми на боковых улицах образует идеальный фон для этих колоритных танцев. Мужчины, женщины и дети по мере возможности стараются одеваться в костюмы, которые их предки носили много лет назад»¹.

Меня поразило несоответствие текста и фотографий. Ничем старинным от них, как говорится, и не пахло. Почему же неназванный автор старался уверить советских читателей в том, что в этой деревне так долго и так бережно (со времен англосаксов) сохраняется традиция народного танца? Перечитав пояснительный текст еще раз, обратил внимание на то, что Общинный совет деревни возродил эту традицию в 1910 г. перед началом Первой мировой войны. Всем в Англии тогда уже было ясно, что она не за горами и к ней надо готовиться. Готовиться не только в военно-техническом, но и в моральном отношении, т.е. крепить единство нации на основе

¹ Народные танцы // Британский союзник. 30.III.1947. С. 11.

прошлого героического опыта. Как и в любой другой ситуации, при серьезном кризисе английская политическая элита обращается к идеологии консерватизма, вводя в действие весь арсенал средств, способных сплотить разные слои населения и нацелить их на решение важнейших государственных и общественных задач. «Культура модерна есть культура прогрессирующей самосторизации», — отметил немецкий философ Г. Люббе².

Англия накопила огромный опыт реагирования на кризисы на основе понимания того психологического механизма в сознании человека, когда люди одновременно жаждут нового и боятся перемен. Стране удается двигаться вперед, сохраняя (или каждый раз реконструируя, даже без какого-либо реального исторического соответствия) национальные традиции. Следовательно, этот опыт важен для изучения как раз в кризисные периоды мирового развития³.

Один из возможных ответов на вопрос, как формировалась идеология консерватизма в Англии в начальный период «ганноверского века» (1714–1760), дает только что изданная в серии *Rex Britannica* монография владимирского историка М.А. Ковалёва. Автор задался целью проследить процесс эволюции идейных установок английских политиков, философов, представителей культуры века Просвещения, превращения их в подлинную политическую философию к концу XVIII в. На мой взгляд, для этого был избран именно тот период истории Великобритании, который позволяет судить о причинах и особенностях складывания консервативной идеологии. Первая половина XVIII в. — это время, с одной стороны, активной рефлексии английских мыслителей по поводу событий революции 1640–1660 гг., эпохи реставрации Стюартов, «Славной революции» 1688–1689 гг., прихода к власти Вильгельма III Оранского и создания основ парламентской монархии, а с другой стороны, время начала промышленной революции, приведшей к коренному реформированию всех сфер жизни государства и общества.

Как в этих условиях можно было сохранить социальный мир, хотя бы и шаткий, между различными группами населения? Англия, пережившая кровавую революцию середины XVII в. и последующие взрывы нестабильности, в эпоху Просвещения дает пример способности переводить политические, экономические, религиозные, культурные и любые другие разногласия из плоскости острого конфликта в идейную полемику, в ходе которой, естественно, возникает интерес к разным ментальным концепциям, в том числе к консерватизму. Консервативное мышление, как бы оно ни было обосновано и какие бы его родовые черты не были названы главными, дает понимание необходимости сохранения национального лица во

время кризиса или быстрого движения вперед. Из сферы науки и культуры консерватизм неизбежно переходит в политику, становясь орудием правящей торийской элиты в борьбе с ее противниками. Можно сказать, что даже идейные оппоненты консерваторов — виги (впоследствии либералы), получив власть и заявив о необходимости реформ, стремятся убедить всех, что после этого потребность в последующих изменениях отпадет сама собой. По словам Г. Бокля, английские государственные люди верят в то, что каждая реформа — последняя, и с каждой переменной англичане «возвращаются к духу древней Британской Конституции»⁴. Этот опыт имел огромное значение для всей европейской цивилизации. М.А. Ковалёв отмечает: «Европейские политики эпохи Венской системы использовали не только уже оформившуюся концепцию консерватизма, но и идеи британских мыслителей XVIII в. (особенно Д. Юма), вошедшие в нее в качестве составных элементов» (с. 6).

Автор монографии проанализировал сочинения видных политиков (Ф.Д. Стенхоупа графа Честерфилда, Г. Сент-Джона виконта Болингброка, барона Дж. Литтлтона), философов (Д. Юма, А. Смита, Э. Бёрка), знаменитых писателей и поэтов (Дж. Свифта и его соратников по Клубу Мартина Скриблеруса, в том числе А. Поупа и Г. Филдинга, а также С. Джонсона и Р. Гловера). Его исследование базируется также на привлечении большого количества произведений научной литературы, принадлежащей перу англоязычных и отечественных исследователей (см. историографический обзор на с. 29–56). Причем это не только цитирование, но и самая активная полемика с предшествующими авторами. Заявить собственную позицию М.А. Ковалёву помогает внимательное отношение к методологии и методам исследования. Он избирает феноменологический подход, позволяющий анализировать идеи того или иного мыслителя как феномен сознания, обладающего собственной иерархией значений и системой причинно-следственных связей. При осмысливании взглядов торийских интеллектуалов на партии, партийную борьбу и оппозицию в парламенте использованы теории идеологии А. Грамши и Л. Альюссера, отводивших ключевую роль в политической консолидации интеллектуальному классу и рассматривавших культуру как самостоятельную платформу политической борьбы. Методы контент-анализа и художественного анализа позволили выявить оценочные позиции авторов и обнаружить концептуально значимую информацию общественно-политического характера, содержащуюся в их художественных произведениях (с. 7).

Автор начинает исследование (первая глава) с анализа исторических предпосылок и философских основ раннего консерватизма в Англии. Кратко рассмотрев историю возникновения и развития партии тори в период поздних Стюартов (1660–1714), он делает вывод: уход торийской партии с политической

² Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем / сокр. пер. с нем. А. Григорьева, В. Куренного; под научн. ред. В. Куренного. 2-е изд. М., 2019. С. 57.

³ См., например: Карпов Б.С. Эволюция мировоззрения английских мыслителей в контексте социально-экономического развития Англии в XVI–XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2022.

⁴ Бокль Г./Т./ История цивилизации в Англии. Т. I. СПб., 1895. С. 248. Прим. 1.

арены в 1714 г. и установление режима вигской олигархии стимулировали интеллектуальную деятельность побежденных. Всплеск общественно-политических исканий был обусловлен не только текущими задачами политической борьбы, но и внутренними тенденциями самого просветительского движения, которое к середине XVIII в. вступило в зрелую фазу (с. 112). Что касается мировоззренческих и гносеологических предпосылок политического консерватизма этого столетия, то здесь автор обращает внимание на спад интереса к рационализму, наследию научной революции XVII в., который во всех сферах познания уступает место «скептическому повороту». Неограниченный разум становится опасен своим критическим потенциалом для слоев, пожинаящих плоды передела собственности и власти. Естественно, что главным мировоззренческим принципом тори эпохи первых Ганноверов «стал... скептицизм, основанный на усилении эмпирического начала в познании» (с. 113). Добавим, что в XIX в. подобные резкие «эволюции» английских философов иногда вызывали у их континентальных коллег ощущение принципиальной непригодности хитроумных остроумцев.

Затем (во второй главе) М.А. Ковалёв переходит к анализу политических концепций ганноверских тори, обратив внимание на их представления об идеальной форме правления, роли государства и партий в общественно-политической жизни и их взгляды на политическую борьбу. Его выводы, сделанные в результате подробного (иногда даже слишком подробного) анализа источников, следующие. Торийские идеологи в рамках своей концептуальной политической модели разграничивали идеальную абстракцию и теоретическую конкретику, относящуюся к функционированию реальных органов власти Великобритании. Вместе с тем всех этих мыслителей объединяет неприятие крайностей республиканства и абсолютизма, что следует считать реализацией скептического принципа «золотой середины». В отношении к конкретным государственным органам власти торийские авторы демонстрируют логику органицизма, которая назначала каждому звену политической системы (король, лорды, общины) уникальное место и функцию в рамках единого политического тела. В вопросе о партиях у представителей консервативной мысли существовали значительные разногласия. М.А. Ковалёв обращает внимание на позицию Болингброка, который, с его точки зрения, сместил акцент с теории на этику, что «обусловило двойственность и несостоятельность его позиции». Но его ошибки были исправлены Юомом, выработавшим четкую классификацию политических взглядов (с. 160), предложен и собственный термин — «этический торизм» (с. 142). Программные требования консерваторов автор монографии разделяет на радикальные (Болингброк, Пууп) и реформистские (Юм, Бёрк). В идеях консерваторов первой половины XVIII в. он видит эволюцию от яростной агитации Августинской эпохи с ее противопоставлением тори и вигов к органичному концептуальному синтезу в интересах «новой аристократии» (с. 161).

Третья глава посвящена анализу социальной проблематики, затронутой консерваторами (социально-

экономические взгляды, религиозное самоопределение, различные интерпретации национальной истории). Здесь, по моему представлению, ярче всего проявляется, если можно так сказать, «лекарственный эффект» консервативной идеологии, призванной примирить значимые для государства слои общества (политическую нацию) с существующим положением дел. Порядочный англичанин — это, по их мнению, человек, который, сохраняя собственное мнение, на публике остается верноподданным короны, сторонником «высокой церкви», воинствующим антипуританином и антикатоликом, верным продолжателем унаследованных от предков традиций (их не столько осмысливают, сколько продвигают как «своего рода идеологический товар»), защитником интересов «среднего класса» — гаранта внутренней стабильности и критика «коммерческих войн» на континенте (с. 211–212).

Завершающая (четвертая) глава исследования анализирует опыты социальной полемики в художественных произведениях ранних консерваторов. Автор приходит к выводу, что поэзия и проза скриблерианцев (Дж. Свифта, А. Поупа, Дж. Гей, Дж. Арбетнота) имеет выраженную социально-критическую направленность, хотя и с сильной склонностью к морализаторской сатире. На мой взгляд, с этим выводом диссонирует следующее утверждение: «обостренная социальная критика Свифта имеет тенденцию трансформироваться в литературу абсурда, теряя общественно-политическое звучание» (с. 239). А в заключении употреблено даже выражение «демонизм позднего Свифта» (с. 318). Мораль, превратившись из философской категории в повседневное дело каждого человека, становится главной темой реалистических романов Г. Филдинга и приключенческой прозы Т. Смоллетта (с. 312). Пространство индивидуального поиска близких к «скептическому вигизму» Дж. Литтлтона и поэта Р. Пlovera, а также крайнего тори раннего С. Джонсона наполнено стремлением «выявить здоровое зерно в общепринятых убеждениях, отбросив все вредоносное и неоправданное» (с. 313).

Главный завершающий вывод автора таков: «Взгляд на общество как на целое, состоящее из относительно автономных и взаимодействующих частей, стал неким общим местом в изысканиях ранних консерваторов, несмотря на различие их взглядов, порой отсутствие прямых связей между авторами. Независимо от того, господствуют ли в социальной системе провинциальные сквайры, коммерсанты или лендлорды-капиталисты, существующая форма правления (конституционная монархия) должна быть сохранена» (с. 319). Со второй половины XVIII в. это топас английской консервативной мысли.

Оценивая монографию М.А. Ковалёва как актуальную и ценную научную работу, обратим внимание на проблемы, которые, на мой взгляд, только намечены, но не получили развития. (Возможно, это будет сделано в дальнейшем.) Буквально несколькими предложениями в монографии обозначена важнейшая для сегодняшнего этапа мирового развития проблема невозможности создать подлинно демократическую

республику на пространстве большого государства, тем более в империи (с. 119–120, 132, 134, 192). А ведь этой проблемой впоследствии будут заниматься Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Фихте и другие, причем все они будут делать это с опорой на английский философский опыт. Хотя, например, Бёрк категорически отрицал влияние выдающихся французских умов на английское общество. Правда, это было уже в эпоху Французской революции⁵.

По тексту монографии рассыпаны отдельные замечания об отношении английских мыслителей к правовой основе общества (с. 130, 296, 300). Проблема происхождения права и его соотношения с понятием «справедливость» является одной из родовых проблем всей европейской цивилизации. В отечественной историографии есть работы о правовом реформировании в Англии в предреволюционный и революционный периоды⁶. Было бы важно сопоставить это с правовой проблематикой английской консервативной мысли первой половины XVIII в.

Внешнеполитической концепции ранних консерваторов уделено чуть больше двух страниц (с. 192–195). Данная тема, конечно, не была главной для автора рецензируемой монографии, кроме того, по ней есть значимая работа А.Б. Соколова, выдержавшая уже два издания⁷, но все же, как нам представляется, в дискуссиях о необходимости или вреде приобретения колоний основополагающие тезисы консервативной и либеральной мысли сталкиваются особенно остро⁸. Такой опытный полемист, как, например, Свифт, умел при необходимости, рассуждая о внешних войнах Англии, сделать, в конце концов, вывод в духе консервативной идеологии⁹. Все же, справедливости ради, отметим, что к этой дискуссии М.А. Ковалёв приближается, рассуждая о теориях «баланса сил» и европейского концерта ведущих держав (см., например, с. 202–203).

Консервативная идеология в разных ее проявлениях всегда будет востребована, поскольку мир постоянно изменяется, а человеческая психика в своих глубинных основах неизменна. Следовательно, будет востребован и исторический опыт английского консерватизма. Естественно, с пониманием того, что он уникален и неповторим.

⁵ Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию / сокр. пер. с англ. Е.И. Гельфанд. М., 1993. С. 85.

⁶ Кондратьев С.В. Идея права в предреволюционной Англии. Тюмень, 1996; Томсинов В.А. Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 — август 1642 года. М., 2010.

⁷ Соколов А.Б. «Правь, Британия, морями?» Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. 2-е изд. СПб., 2015.

⁸ См., например: Бентам И. План всеобщего и вечного мира. 1786–1789 гг. // Трактаты о вечном мире / сост. И.С. Андреева, А.В. Гулыга. СПб., 2003. С. 173–204.

⁹ Левилов М.Ю. Путешествие в некоторые отдаленные страны, мысли и чувства Джонатана Свифта, сначала исследователя, а потом воина в нескольких сражениях. М., 2008. С. 258.

Библиография

Бентам И. План всеобщего и вечного мира. 1786–1789 // Трактаты о вечном мире / сост. И.С. Андреева, А.В. Гулыга. СПб., 2003. С. 173–204.

Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию / сокр. пер. с англ. Е.И. Гельфанд. М., 1993.

Бокль Г./Т./ История цивилизации в Англии. Т. I. СПб., 1895.

Карпов Б.С. Эволюция мировоззрения английских мыслителей в контексте социально-экономического развития Англии в XVI–XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2022.

Кондратьев С.В. Идея права в предреволюционной Англии. Тюмень, 1996.

Левилов М.Ю. Путешествие в некоторые отдаленные страны, мысли и чувства Джонатана Свифта, сначала исследователя, а потом воина в нескольких сражениях. М., 2008.

Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. / сокр. пер. с нем. А. Григорьева, В. Куренного; под научн. ред. В. Куренного. 2-е изд. М., 2019.

Соколов А.Б. «Правь, Британия, морями?» Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. 2-е изд. СПб., 2015.

Томсинов В.А. Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 — август 1642 года. М., 2010.

References

Bentam I. Plan vseobshchego i vechnoogo mira [The plan of universal and eternal peace]. 1786–1789 // *Traktaty o vechnom mire* [Treatises on eternal peace] / sost. I.S. Andreyeva, A.V. Gulyga. Sankt-Peterburg, 2003. S. 173–204. (In Russ.)

Berk E. Razmyshleniya o revolyutsii vo Frantsii i zasedaniyakh nekotorykh obshchestv v Londone, odnosyashchikhsya k etomu sobytiyu [Reflections on the revolution in France and meetings of some societies in London related to this event] / sokr. per. s angl. Ye.I. Gel'fand. Moskva, 1993. (In Russ.)

Bokl' G./T./ *Istoriya tsivilizatsii v Anglii* [The history of civilization in England]. T.I. Sankt-Peterburg, 1895. (In Russ.)

Karpov B.S. Evolyutsiya mirovozzreniya angliiskikh mysliteley v kontekste sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Anglii v XVI–XVIII vv.: dis. ... kand. ist. nauk [The evolution of the worldview of English thinkers in the context of the social and economic development of England in the 16th–18th centuries: dis. ... candidate of historical sciences]. Moskva, 2022. (In Russ.)

Kondrat'ev S.V. *Ideya prava v predrevolyutsionnoy Anglii* [The idea of law in pre-revolutionary England]. Tyumen', 1996. (In Russ.)

Levidov M. Yu. *Puteshestviye v nekotoryye otdalonnnyye strany mysli i chuvstva Dzhonatanana Svifta, snachala issledovatelya, a potom voina v neskol'kikh srazheniyakh* [Journey to some remote countries, thoughts and feelings of Jonathan Swift, first a researcher, and then a warrior in several battles]. Moskva, 2008. (In Russ.)

Lyubbe G. *V nogu so vremenem. Sokrachshchonnnoye prebyvaniye v nastoyashchem* [Keeping up with the times. A shortened stay in the present] / sokr. per. s nem. A. Grigor'yeva, V. Kurennoogo; pod nauchn. red. V. Kurennoogo. 2-ye izd. Moskva, 2019. (In Russ.)

Sokolov A.B. «Prav', Britaniya, moryami?» Politicheskiye diskussii v Anglii po voprosam vneshney i kolonial'noy politiki v XVIII veke [“Rule the seas, Britain?” Political discussions in England on foreign and colonial policy in the 18th century]. 2-ye izd. Sankt-Peterburg, 2015. (In Russ.)

Tomsinov V.A. *Yuridicheskiye aspekty angliyskoy revolyutsii 1640–1660 godov. Period konstitutsionnoy bor'by: noyabr' 1640 — avgust 1642 goda* [Legal aspects of the English revolution of 1640–1660. Period of constitutional struggle: November 1640 — August 1642]. Moskva, 2010. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S0130386424010164

© 2024 г. А.А. Богдашкин, В.В. Теплухин

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ ФАШИЗМА И МИЛИТАРИЗМА В ВОРОНЕЖЕ

Богдашкин Александр Андреевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (Воронеж, Россия).

E-mail: bogdashkin83@mail.ru

Researcher ID: AAY-8860-2020

Теплухин Вячеслав Владимирович — кандидат исторических наук, начальник научно-исследовательского отдела Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (Воронеж, Россия).

E-mail: v.v.teplukhin@mail.ru

Researcher ID: AAU-6979-2021

A.A. Bogdashkin, V.V. Teplukhin

CONFERENCE ON FASCISM AND MILITARISM IN VORONEZH

Alexander Bogdashkin, Military Training and Research Center of the Air Forces “Zhukovsky — Gagarin Air Force Academy” (Voronezh, Russia).

E-mail: bogdashkin83@mail.ru

Researcher ID: AAY-8860-2020

Vyacheslav Teplukhin, Military Training and Research Center of the Air Forces “Zhukovsky — Gagarin Air Force Academy” (Voronezh, Russia).

E-mail: v.v.teplukhin@mail.ru

Researcher ID: AAU-6979-2021

В условиях проведения Российской Федерацией специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины изучение проблем, связанных с историей фашизма и милитаризма, приобретает важное значение. Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (ВУНЦ ВВС «ВВА») уделяет большое внимание изучению этой темы. В стенах академии в 2019 и 2022 гг. уже проводились Всероссийские научно-теоретические конференции по проблемам фашизма, неонацизма и антифашизма, участники которых подчеркивали необходимость дальнейшего изучения этих феноменов¹. 11–12 мая 2023 г. по решению командования академии была проведена

очередная Всероссийская научно-теоретическая конференция «Фашизм и милитаризм в истории XX в.». Как подчеркнул открывший конференцию заместитель начальника ВУНЦ ВВС ВВА по военно-политической работе полковник А.В. Ерёмин, основное внимание представительного научного форума сосредоточено на проблемах истории фашистских движений и режимов в XX в. и их связи с милитаризмом и войнами. Анализ этих проблем, по его убеждению, является крайне актуальным, поскольку «политика киевского режима после осуществления в 2014 г. государственного переворота приобрела откровенно неонацистский характер, причем неонацистского толка», а «современная обстановка в мире свидетельствует, что влияние неонацизма далеко не ограничивается Украиной. Эти идеи вновь, как это было в 20–30-е годы прошлого века, стали овладевать умами многих европейцев».

В работе конференции приняли участие научные сотрудники и профессорско-преподавательский состав ВУНЦ ВВС ВВА, Института всеобщей истории (ИВИ) РАН, Института славяноведения

¹ Результаты работы конференции отражены в сборниках статей: Фашизм, неонацизм и их преступная практика. Сборник статей памяти Елены Дмитриевны Строгановой / отв. ред. А.А. Богдашкин. М., 2021; Фашизм и антифашизм: проблемы теории и практики. Сборник статей памяти Александра Абрамовича Галкина / отв. ред. А.А. Богдашкин. СПб., 2023.

(Исл) РАН, Института Латинской Америки РАН, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ), Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ (МГИМО), Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ), Воронежского государственного института искусств (ВГИИ).

В ходе работы пленарного заседания, которое вели к.и.н. А.А. Богдашкин (ВУНЦ ВВС ВВА) и д.и.н., проф. А.С. Намазова (ИВИ РАН) были заслушаны доклады: А.А. Богдашкина «Участие крупного капитала в экспансионистских и милитаристских устремлениях итальянского и германского фашизма в оценках зарубежных исследователей»; А.С. Намазовой «Распространение фашизма и милитаризма во франкоязычных странах Европы между двумя мировыми войнами»; д.и.н., проф. О.Е. Петруниной (МГУ) «Фашизм и проблемы типологии диктаторских режимов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (на примере диктатуры Метаксаса в Греции)»; к.и.н. Н.С. Иванова (ИВИ РАН) «Фашизм и колониализм в XX в.»; д.и.н., проф. Л.С. Окуновой (МГИМО) «Борьба против фашизма и войны в Латинской Америке и Европе в межвоенный период: сходство и различие»; к.и.н. Е.А. Шендрикова (ВУНЦ ВВС ВВА) «Преступления фашистских войск на территории Воронежской области (июнь 1942 — январь 1943 г.).»

В атмосфере научных дискуссий проходила работа круглого стола «Проявления фашизма за пределами Европы» (модераторы Л.С. Окунова и Н.С. Иванов). В центре обсуждения участников были доклады заместителя директора Института стран Азии и Африки к.и.н. А.Г. Фесюна (МГУ) «Японская пропаганда в преддверии и во время Второй мировой войны»; д.и.н., проф. А.Ю. Плотинова (МГЛУ) «Европейский фашизм и японский милитаризм: общее и различие двух сторон одной медали»; к.и.н. Е.С. Полунина (ВУНЦ ВВС ВВА) «Войны и национализм в истории немецкой иммигрантской общины в США».

Не менее интересной была работа секций, на которых обсуждались проблемы, связанные с проявлениями фашизма и милитаризма в европейских странах, оккупационной политикой фашистских режимов в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн. На секции «Общие проблемы фашизма и оккупационная политика фашистских режимов» (модератор — к.и.н. А.М. Ипатов, ВУНЦ ВВС ВВА) были заслушаны доклады: А.М. Ипатова «Оценка фашизма и милитаризма в творчестве писателя-реэмигранта Ю.Г. Слепухина»; П.Д. Корсакова (Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт») «Геноцид советского народа в планах нацистской Германии»; к.филос.н. В.И. Дегтярёва «Разоблачение милитаристской политики фашистских движений и режимов на страницах журнала “Мировое хозяйство

и мировая политика” (1920—1930-е годы)»; к.и.н. Е.А. Ледовских (оба — ВУНЦ ВВС ВВА) «Политика фашистских властей по отношению к православной церкви на оккупированных территориях Советского Союза (1941—1943) в оценках отечественных историков»; проф. А.И. Сотникова (ВГИИ) «Фашизм, милитаризм и музыкальное искусство».

Под руководством д.и.н. М.Ц. Арзаканян (ИВИ РАН) и Е.А. Шендрикова проходила работа секции «Фашизм и милитаризм в странах Западной и Северной Европы». На ней доклады представили: д.и.н., проф. А.М. Филитов «Проблемы наказания военных преступников в послевоенной Германии»; К.И. Софронов «К вопросу о ремилитаризации Веймарской республики»; к.и.н. В.В. Ищенко (все — ИВИ РАН) «Олимпиада под знаком свастики»; М.Ц. Арзаканян «Военизированная структура французских кагуляров»; к.филос.н., доц. Г.Н. Самуилов (МГЛУ) «Из истории идеологической войны во Франции: обвинение в фашизме как форма уничтожения оппонента»; Л.А. Садова «Радикализация норвежского национализма. “Отечественная Лига” и итальянский фашизм»; к.и.н. А.А. Комаров (оба — ИВИ РАН) «Квислинг, партия “Национальное единение” и ее военизированное крыло».

Интересным получилось заседание секции «Фашизм и милитаризм в странах Восточной Европы», которую вели д.и.н., проф. Е.П. Серапионов (Исл РАН) и к.и.н. В.В. Теплухин (ВУНЦ ВВС ВВА). На нем обсуждались доклады: Т.С. Мельниченко (ИВИ РАН) «Особенности развития украинского национализма в середине XIX — начале XX в.»; В.В. Теплухина «Военизированные формирования украинского фашизма. Что такое Украинская повстанческая армия (УПА)»; Е.П. Серапионовой «Фашистские организации в “Первой” (домонхенской) Чехословацкой республике (1918—1938)»; к.и.н. Е.Л. Назаровой «Латвийское общество в условиях усиления нацизма (1920-е — начало 1930-х годов)»; к.и.н. Ю.Л. Михайловой (оба — ИВИ РАН) «От “бутафории” к государственному перевороту (1927—1934): путь в Вальмиере и приход к власти К. Улманиса в зеркале советской дипломатии»; к.и.н. А.С. Стыкалина (Исл РАН) «Крайне правые партии на политической арене хортистской Венгрии (конец 30-х — начало 40-х годов)»; д.и.н., проф. В.В. Василика (СПбГУ) «Идеологические основы хорватского геноцида над сербами в 1941—1944 гг.»; к.и.н. Н.В. Бондарева (Исл РАН) «Модернизм, милитаризм, антисоветизм — историческая память о Второй мировой войне в Югославии в 50—60-е годы XX в.».

Таким образом, в рамках конференции был рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с фашизмом и милитаризмом как общемировыми явлениями и угрозами. По мнению участников, конференция прошла на высоком научном уровне. Она вызвала интерес не только у научных сотрудников и профессорско-преподавательского состава, но и у принимавших в ней участие слушателей акаде-

мии, которые задавали многочисленные вопросы и высказывали свои суждения по поднимаемым в докладах проблемам.

Библиография

Фашизм, неофашизм и их преступная практика. Сборник статей памяти Елены Дмитриевны Строгановой / отв. ред. А.А. Богдашкин. М., 2021.

Фашизм и антифашизм: проблемы теории и практики. Сборник статей памяти Александра Абрамовича Галкина / отв. ред. А.А. Богдашкин. СПб., 2023.

References

Fashizm, neofashizm i ih prestupnaya praktika. Sbornik statej pamyati Eleny Dmitrievny Stroganovoj [Fascism, neo-fascism and their criminal practices. Collection of articles in memory of Elena Dmitrievna Stroganova] / отв. red. A.A. Bogdashkin. Moskva, 2021. (In Russ.)

Fashizm i antifashizm: problemy teorii i praktiki. Sbornik statej pamyati Aleksandra Abramovicha Galkina [Fascism and antifascism: problems of theory and practice. Collection of articles in memory of Alexander Abramovich Galkin] / отв. red. A.A. Bogdashkin. Sankt-Peterburg, 2023. (In Russ.)

Памяти Андрея Ивановича Попова (1953–2022)

4 ноября 2022 г. завершилась жизнь доктора исторических наук Андрея Ивановича Попова, одного из крупнейших специалистов по Отечественной войне 1812 г. и Великой армии Наполеона.

А.И. Попов родился 10 сентября 1953 г. в Куйбышеве (Самаре). После службы в армии он поступил в Куйбышевский государственный университет на факультет гуманитарных дисциплин на специальность «история». Несмотря на то что с детства его увлекала наполеоновская тематика, в студенческие годы А.И. Попов специализировался на древней истории, занимаясь военной организацией Карфагена.

После окончания университета А.И. Попов отправился по распределению в Тобольск, где преподавал историю древнего мира в педагогическом институте.

В 1981 г. А.И. Попов поступил в аспирантуру при кафедре истории древней Греции и Рима Ленинградского государственного университета (ЛГУ). Его научным руководителем стал известный специалист по греческой истории Э.Д. Фролов. В 1984 г. А.И. Попов защитил в ЛГУ кандидатскую диссертацию, посвященную истории Сиракуз в период тирании Агафокла (317–289 гг. до н.э.). Во второй половине 1980-х годов, продолжая заниматься античностью, А.И. Попов постепенно переключился на войну 1812 г. и армию Наполеона.

В 1987 г. А.И. Попов вернулся из Тобольска в Куйбышев, где начал работать на историческом факультете педагогического института (затем университета). Несмотря на смену сферы научных изысканий, основной курс, который он читал студентам вплоть до последних лет жизни, был посвящен истории древности (Восток и античность; позднее только античность). Война 1812 г. нашла отражение в специальных курсах А.И. Попова.

В области истории войны 1812 г. его главные интересы были связаны с Великой армией Наполеона во время вторжения в Российскую империю: организацией, командованием, союзными контингентами, снабжением, контролем над оккупированными территориями и сопротивлением на этих землях, а также сражениями — великими и малыми.

А.И. Попов является автором нескольких десятков книг (соавторами ряда из них были А.А. Васильев и В.Н. Земцов), сотен статей и рецензий (для которых характерны критичность и полемичность). Немалое число работ А.И. Попова было опубликовано на французском языке. Также им были написаны сотни статей для энциклопедических изданий, посвященных войне 1812 г. и Заграничным походам (Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004; Заграничные походы российской армии: 1813–1815 годы. Энциклопедия. Т. 1–2. М., 2011; Отечественная война 1812 г. и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Энциклопедия. Т. 1–3. М., 2012).

В 2002 г. увидела свет самая важная работа А.И. Попова — так считал он сам — монография «Великая армия в России: погоня за миражом» (Самара, 2002; 2-е перераб. изд. Ч. 1–2. Самара, 2021–2022; Приложения. Самара, 2022). Год спустя в Самарском государственном университете им была защищена докторская диссертация «Великая армия в России», основой которой стала данная книга.

А.И. Попов внес важный вклад в деконструкцию многих мифов, характерных как для отечественной дореволюционной историографии (отчасти восходящих еще к пропаганде 1812 г.), так и в значительно большей степени для работ советского времени (о планах Наполеона в отношении Российской империи, действиях партизанских отрядов, характере народной войны и т.д.). Важным аспектом его работы было широкое привлечение мемуаров участников кампаний Наполеона, особенно малоизвестных для специалистов или лишь недавно опубликованных.

С середины 1990-х А.И. Попов был членом Международного наполеоновского общества. Помимо «кабинетной» работы, он активно участвовал и в военных реконструкциях: от Бородино и Малоярославца до Корсики и Лейпцига. До своих последних дней А.И. Попов не оставлял научную работу.

Благодаря взаимодействию родственников, коллег, учеников и друзей труды Андрея Ивановича Попова продолжают публиковаться и после его ухода из жизни.

ДЛЯ АВТОРОВ

Любая подаваемая для рецензирования и возможной публикации статья должна являться оригинальным исследованием автора, которое не было опубликовано ранее, полностью или частично, ни в печатном, ни в электронном виде и которое не находится на рассмотрении в другом журнале.

1. Авторы подают рукопись, оформленную по установленным правилам, в электронном виде через сайт журнала: <https://nni.jes.su> (требуется регистрация на сайте).
2. Все рукописи проходят процесс двойного слепого рецензирования.
3. Решение о принятии статьи к публикации принимается в течение трех месяцев с момента поступления рукописи в редакцию. Автор будет извещен о результатах рецензирования. Рецензии (в анонимном виде) могут быть направлены автору по запросу.
4. При положительном заключении рецензентов статья передается редактору для подготовки к печати. При принятии решения о доработке статьи замечания и комментарии рецензентов передаются автору. Автору дается 1 месяц на устранение замечаний. Если в течение этого срока автор не уведомил редакцию о планируемых действиях, статья снимается с очереди публикации.
5. Объем текста рукописи статьи не должен превышать 1,2 п.л. (до 50 тыс. знаков), включая аннотацию, ключевые слова, сноски и библиографию/references. Объем рецензии не должен превышать 0,4 п.л. (16 тыс. знаков). Текст рукописи должен быть сохранен в форматах doc, docx, rtf.
6. Рукописи, отредактированные автором, должны быть напечатаны шрифтом Times New Roman (размер шрифта — 14) через полтора интервала.
7. Нумерация страниц должна быть сквозной, номер страницы проставляется вверху, посередине страницы.
8. Аннотация (200—230 слов) и ключевые слова (до 5—9) должны быть представлены на английском и русском языках.
9. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и основные выводы автора.
10. Ключевые слова необходимы для индексирования статьи в библиографических базах данных и на сайтах библиотек, поэтому они должны соответствовать общепринятым историческим терминам и понятиям, рубрикам предметных каталогов ведущих российских и иностранных библиотек.
11. Журнал «Новая и новейшая история» осуществляет процесс двойного слепого рецензирования. Поэтому вся информация об авторе (ФИО автора, ученая степень и звание, место работы, электронный адрес автора, а также идентификационный номер автора (ID) в базах Web of Science и/или Scopus на русском и английском языках) должна располагаться на отдельном листе и высылаться отдельным файлом.
12. Текст статьи должен начинаться с ее названия, текст присылается в редакцию отдельным файлом. В названии файла, содержащего текст рукописи, не следует указывать имя и фамилию автора. Названия статей должны быть приведены на русском и английском языках.
13. Сноски, по возможности, не должны превышать 10—15% текста и быть постраничными.
14. Мы просим авторов не использовать графики, таблицы, карты, иллюстрации и т.п. без крайней необходимости.
15. Библиография и References помещаются в конце статьи и оформляются по общепринятым правилам.

Подробная информация по требованиям к авторам и примеры оформления статей размещены в разделе «авторам» на сайте журнала: <https://nni.jes.su>

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- 3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

РЕДАКТОРЫ ОТДЕЛОВ:

Г.Г. Акимова, А.В. Короленков, Д.А. Саноян

Зав. редакцией *В.В. Лоскутова*

Подписано к печати 26.04.2024 г. Дата выхода в свет 08.04.2024 г. Формат 70x100 1/16.
Усл.печ.л. 14,0. Уч.-изд.л.23,7. Тираж 261 экз. Заказ 1013. Цена свободная.

18+

Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

Исполнитель ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.
Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.